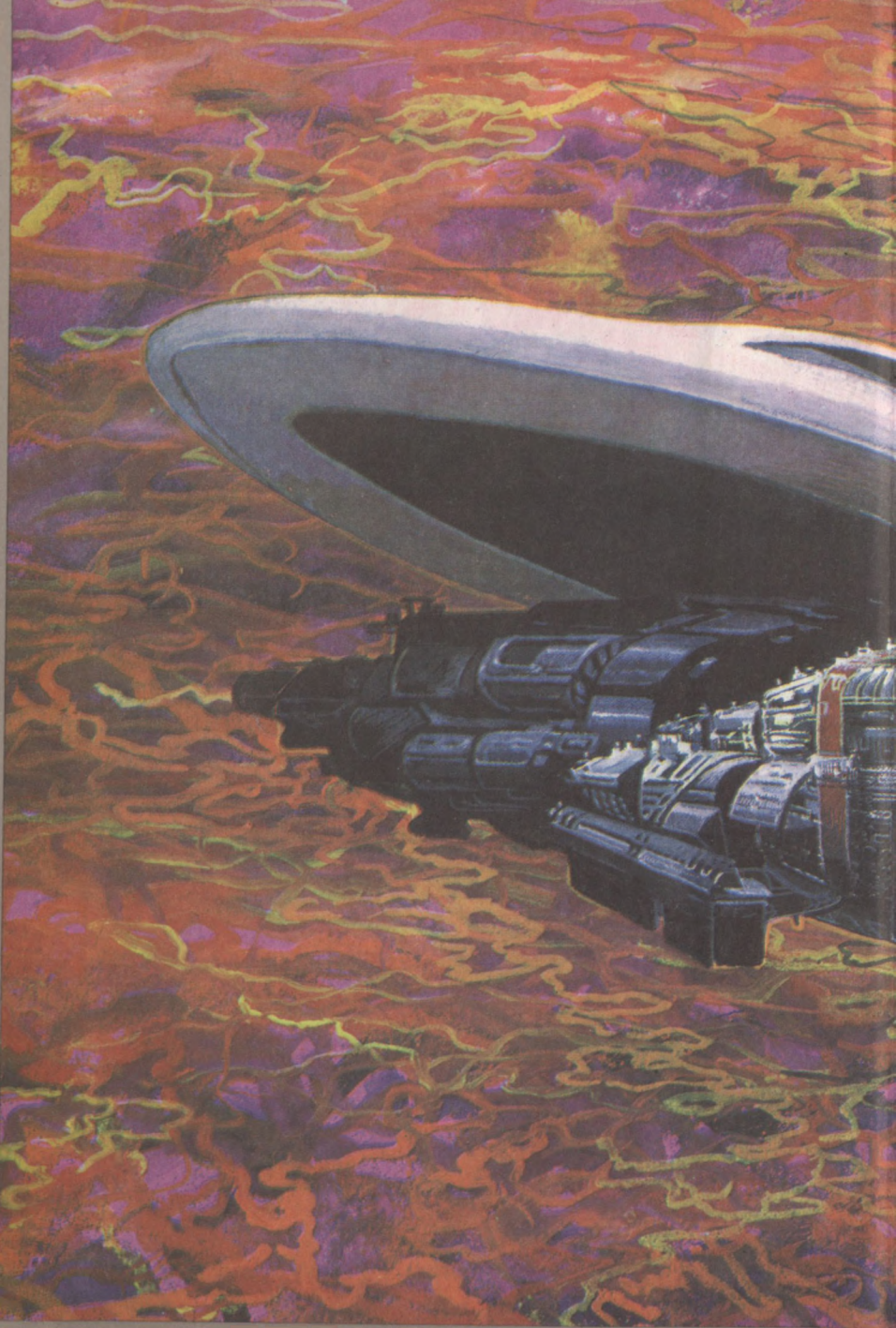

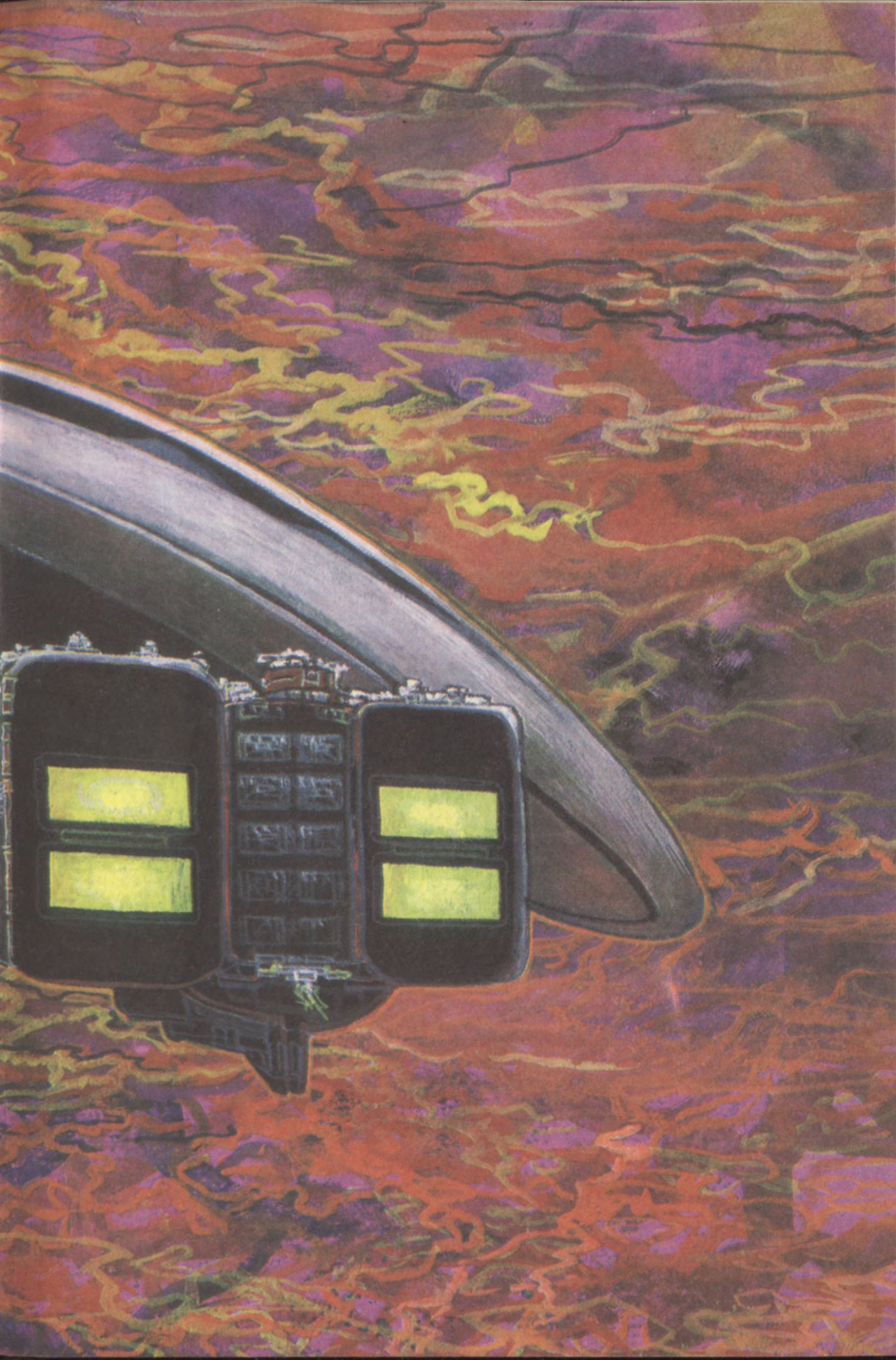
МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Б

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume six

**PODKAYNE
OF MARS**

SPACE CADET

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга шестая

МАРСИАНКА ПОДКЕЙН

**КОСМИЧЕСКИЙ
ПАТРУЛЬ**

Издательская фирма «Полярис»

1993

Podkayne of Mars: Her Life and Times
Copyright © 1963 by Robert A. Heinlein

Space Cadet,
Copyright © 1948 by Robert A. Heinlein

«Марсианка Подкейн»
© 1992 С. Барсов, М. Муравьев, *перевод
на русский язык*

«Космический патруль»
© 1992 И. Почиталин, *перевод на русский язык*

© 1993 А. Кириллов, *иллюстрации.*

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии.

Перепечатка отдельных романов и всего издания
целом — запрещена без разрешения издателя и пере-
водчика. Всякое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с письменного ра-
шения издателя.

ISBN 5-88132-027-1

**МАРСИАНКА
ПОДКЕЙН**

Глава 1

Всю жизнь я мечтала слетать на Землю. Не жить там, конечно, а просто посмотреть. Всем известно: Земля — чудесное место для всяких-разных экскурсий, но чтобы жить там... Для этого она не годится.

Лично я не верю, будто человечество произошло с Земли. Это подтверждается лишь фунтом-другим старых костей плюс рассуждениями антропологов, которые между собою-то не могут толком договориться, а еще силятся скормить эту чепуху всем прочим.

Сами посудите: сила тяжести на Терре явно велика для человека и оттого многие страдают грыжами, плоскостопием и сердечной недостаточностью. Люди там вынуждены укрываться от солнца, чтобы не упасть в обморок или не сыграть в ящик, — а ведомо ли вам хоть одно живое существо, которое бы защищалось от собственной среды обитания? А уж земная экология...

Ерунда все это. Мы, люди, просто не могли зародиться на Земле, да и на Марсе, признаться, тоже, хотя нынешний Марс ближе к идеалу, чем прочие планеты Системы. Может быть, нашей прародиной была погибшая планета? Но моя родина — Марс; я всегда буду помнить его, куда бы меня ни забросило. А я собираюсь далеко, очень далеко.

Но сперва я хочу слетать на Землю — вроде как для разминки перед стартом — и заодно посмотреть,

как, во имя всех святых, восемь миллиардов людей могут жить буквально друг на друге (хотя на Терре заселена едва половина суши). И еще я хочу увидеть океан... с безопасного расстояния. Это что-то фантастическое. Меня в дрожь бросает, как представляю столько воды безо всякой посуды. А если войти в океан, вода покроет тебя с головой. Невероятно!

Скоро я увижу его!

Наверное, пора уже представить нас, семейство Фрайзов, я имею в виду. Меня зовут Подкейн Фрайз, для друзей — просто Подди. Если хотите, можем подружиться. Пол — женский, возраст — юный; сейчас мне чуть больше восьми лет. Как говорит дядя Том, на яичницу я уже не годна, а до замужества еще не доросла. Все верно, ведь марсианская гражданка может подписать неограниченный брачный контракт без согласия опекуна не раньше девятой годовщины. Мой рост без каблуков — 157 сантиметров, вес — 49 килограммов. «Пять футов, два дюйма и голубые глаза», как зовет меня Па. Он историк и романтик, а вот я совсем не романтичная; когда мне исполнится девять лет, я не буду спешить с браком, даже ограниченным. У меня другие планы.

Я вовсе не против замужества. Думаю, мне не придется долго искать мужчину по вкусу. В этих записках можно быть откровенной — зачем скромничать, если никто их не прочтет, пока я не стану старой и знаменитой, а до тех пор я десять раз успею переписать все набело. Но я все-таки подстраховываюсь: пишу по-английски древнемарсианскими письменами. Па мог бы разгадать этот шифр, но он никогда не тронет моих бумаг без разрешения. Он умница и не опекает меня по мелочам. А вот мой братец Кларк вполне может сунуть сюда нос. К счастью, он считает английский мертвым языком и, уж конечно, не станет забивать мозги древнемарсианским письмом.

Может, вам попалась такая книга: «Одиннадцать лет. Адаптационный кризис мужчины перед половым созреванием». Я приперла ее в надежде, что она поможет совладать с братцем. Кларку всего шесть, но в книге имеются в виду земные годы: написал-то ее землянин. Если взять шесть с коэффициентом 1,8808,

то как раз и выйдет одиннадцать земных лет-недомеров.

Толку от книги было мало. Автор рассуждал о «смягчении перехода в социальную группу», а Кларк, похоже, пока не собирается присоединяться не только к группам, но и ко всему роду человеческому. Он, скорее, выдумает способ разнести Вселенную вдребезги, чтобы полюбоваться взрывом. Поскольку отвечать за него приходится мне, а его «ай-кью»* — 160 (против моих 146-ти), можете себе представить, как мне недостаёт солидности и возраста. Пока что я вывела для себя правило: «Всегда будь начеку и не верь ни единому слову». И обращаюсь с Кларком соответственно.

Но вернемся ко мне. В моих жилах смешалось бог знает сколько кровей, но по внешности я ближе к скандинавскому типу с пикантной капелькой полинезийского и азиатского. У меня довольно длинные ноги, окружность талии — 48 сантиметров, а груди — 90, причем, будьте уверены, это не сплошная грудная клетка (мы, потомки первых колонистов, склонны к гипертрофии легких), осталось место и для расцветающих вторичных половых признаков. Добавлю, что я натуральная блондинка с вьющимися волосами, и я — симпатичная. Не красавица — Пракситель не взглянул бы на меня второй раз — но ведь рафинированная красота отпугивает людей и порождает самомнение, а вот симпатичная внешность — качество ценное, если с умом ею пользоваться.

Еще года два назад я горевала, что не родилась мужчиной (несмотря на мои амбиции), но потом сообразила, что все это глупости и жалеть об этом, все равно что мечтать об ангельских крылышках. Как говорит мама, работать надо с тем, что есть под руками... И я нашла, что мои подручные материалы вполне меня устраивают. Я почувствовала, что мне *нравится* быть женщиной: гормональный баланс у меня — о'кей, я вполне приспособлена к среде, а она — ко мне. Я довольно умна, но не кичусь этим, у меня большой рот и курносый нос. Когда мне нужно выглядеть сконфуженной, я его морщу, и мужчины бывают рады выру-

* Кoeffициент интеллектуальности.

чить меня, особенно те, кто вдвое старше. Образно говоря, баллистическую траекторию лучше всего рассчитывать не на пальцах.

Такова я, Подди Фрайз, свободная гражданка Марса, женщина; в будущем — пилот, а потом — командир исследователей глубокого космоса. Ищите мое имя на первых полосах.

Мама смотрится вдвое лучше, чем я. Сколько бы я ни росла, ее мне не догнать. Больше всего она похожа на валькирию, готовую умчаться в небо на боевой колеснице. Ее диплом инженера крупномасштабного строительства действителен по всей Системе, а за участие в перестройке Фобоса и Деймоса маму наградили медалью Гувера и Офицерским Крестом Христианского Ордена. Но она вовсе не сухой технарь, из тех что зажаты рамками узкой специализации. Мама хорошо держится в обществе и легко варьирует поведение в пределах от чарующей дружелюбности до ледящей неприступности, смотря по обстоятельствам. У нее куча почетных дипломов, и время от времени она публикует маленькие шедевры, вроде «Критерии строительства связанных многослойных структур под давлением с учетом радиационного воздействия».

Работа часто отрывает маму от дома, и мне волей-неволей приходится опекать братца. Я утешаюсь тем, что для меня — это хорошая практика: как же я буду заправлять космическим кораблем, если не смогу приручить шестилетнего дикаря. Мама говорит, что, если начальник бьет подчиненных по головам гаечным ключом, он, чаще всего, неправ. Так что я стараюсь не применять силу к нашему юному нигилисту, тем более что с Кларком это небезопасно. Весит он не меньше меня и не брезгует грязными приемами.

Мы с Кларком появились на свет именно из-за маминой работы на Деймосе. Она твердо решила закончить строительство в срок, а папа, выпускник Арес-Университета и гуттенхаймовский стипендиат, с еще большим упорством дрался за каждый камешек древних марсианских строений, и ему было наплевать на строительство и его сроки. Папа с мамой так враждовали, что вскоре уже не могли жить друг без друга. В конце концов они поженились, а потом пошли дети.

Па с мамой ориентированы в разные стороны: его интересует прошлое, а ее — будущее: она ведь сама его строит. У Па есть звание профессора земной истории, но его настоящая любовь — история Марса, особенно то, что было 50 миллионов лет назад. Но не подумайте, Па не какой-нибудь засушенный «проф», занятый только высокими материями. Ему еще не было моих лет, а он уже сражался за Революцию и потерял руку во время ночного штурма здания Компании. Но и с одной рукой он стреляет без промаха.

И, наконец, последний член нашего семейства — дядя Том, брат моего деда по отцовской линии. Сам себя он называет нахлебником. Действительно, за работой его увидишь не часто, но ведь он состарился еще до моего рождения. Как и папа, он — ветеран Революции, в прошлом — Командир Марсианского Легиона и Старший Сенатор Республики. Сейчас он отошел и от политики, и от Легиона, и от работы в выборных органах. Вместо этого он ошивается в Клубе Стервятников, где играет в пинокль с такими же осколками славного прошлого. Пожалуй, из нашей семьи он мне ближе всех: он не такой целеустремленный, как мои родители, и не так занят; у него всегда есть время поболтать со мной. Ко всему прочему, в нем сидит маленький чертенок, то и дело совлекающий его с пути истинного. Дядя Том говорит, что мой чертенок побольше и сильнее, поэтому он и относится сочувственно к моим проблемам. Сама я предпочитаю замять этот вопрос.

Вот такая у меня семья, и все мы собираемся слетать на Землю. Ой, я забыла еще троих детей. Но они, пожалуй, не считаются, то-то я о них и не вспомнила. Когда папа с мамой поженились, Бюро ДЭГ (Демография, Экология, Генетика) дало им разрешение на пятерых детей. Им разрешили бы и семерых. Вы, наверное, уже поняли, что в марсианском обществе они котируются довольно высоко.

Но мама твердо заявила, что пятеро детей — максимум, на больше у нее времени не хватит, и родила всех нас в самые сжатые сроки. При этом она работала в Бюро Планетной Инженерии, чтобы не умереть со скуки. А потом заморозила одного за другим всех своих детишек. Всех, кроме меня; я-то была первой.

Кларк два года провел при глубоком минусе, а то был бы моим ровесником. Конечно, время гibernации не считается: официально Кларк родился в тот день, когда его разморозили. Помню, я страшно ревновала. Мама тогда вернулась с разведки Юноны и сразу же занялась Кларком, а мне это казалось ужасной несправедливостью.

Дядя Том помог мне смириться с этим, он-то никогда не забывал приласкать меня. Теперь я, конечно, больше не ревную к Кларку — просто здорово устала от него.

Так что под зданием ясель в Марсополисе дожидаясь своего часа Гамма, Дельта и Эпсилон. Вернувшись с Земли, мы разморозим кого-то из них и дадим настоящее имя. Мама хочет разом ревитализовать Гамму и Эпсилон (они девочки), а мальчика Дельту запустить не раньше, чем девочки научатся помогать по дому. Папа же говорит, что это несправедливо: Дельта имеет все права быть старше Эпсилон по естественному праву первородства. А мама отвечает, что это — благоговение перед прецедентом, и недурно бы папе оставить эти пережитки прошлого в кампусе и не тащить домой.

Папа упрекает маму в абсолютной бесчувственности, а мама соглашается и говорит, что чувства только мешают разумному решению проблемы. «Ладно, будем разумными, — говорит тогда Па. — Старшие сестры или подавят личность ребенка, или вконец его избавляют».

Мама называет папину гипотезу ненаучной и нелогичной. Па говорит, что она собирается увильнуть от своих обязанностей, подменив воспитание серийным производством, и мама радостно соглашается с этим, а потом спрашивает: «Отчего бы не применять в семейной жизни апробированные технологические принципы?»

Па оставляет вопрос висеть в воздухе и со вкусом описывает, какое любопытное зрелище явят собой две одинаковые девчущки... Назвать их надо будет Маргарэт и Марго, а в домашнем обиходе звать Пэг и Мэг.

Однажды Кларк шепнул мне: «А зачем их размораживать? Не лучше ли забраться туда ночью и открыть вентили, будто случилась авария?»

Я велела ему прополоскать рот синильной кислотой и посоветовала не говорить ничего такого при папе. Представляю, какую трепку задал бы ему папочка. Хотя он и историк, но в педагогике следует самоновейшим принципам: всякий раз, когда нужно, чтобы урок не забылся, он закрепляет информацию в коре больших полушарий при помощи болевых ощущений. «По-жалеешь розгу — испортишь ребенка», — говорит он.

Я с величайшей готовностью усваиваю новые навыки. Очень рано я научилась предвидеть неприятные случайности и избегать приложения к себе папочкиной педагогики вкупе с его *рукой*. Другое дело — Кларк: если его треснуть дубинкой, он и внимания на вас не обратит.

В общем, дело идет к тому, что скоро у нас будут сестрички-двойняшки. Но меня это не колышет — для девушки моих лет вполне достаточно одного Кларка. Когда они вырастут настолько, чтобы досаждать мне, я уже буду довольно далеко.

Интерлюдия.

Привет, Под!

Ты, значит, возомнила, что я не смогу прочесть твои каракули, разительно похожие на червоточину. Много ты обо мне знаешь! Так вот, Подди (о, простите, я хотел сказать — Капитан Подкейн Фрайз, Славный Разведчик Дальнего Космоса, повелительница мужчин)... так вот, дорогая капитан Подди, надо думать, ты никогда этого не прочитаешь — тебе и в голову не придет, что я разгадал твой «шифр» и пишу комментарий на широких полях твоего мемуара.

К твоему сведению, дорогая сестрица, я читаю на староанглийском не хуже, чем на орто. Не так уж это трудно. Я его выгучил, когда обнаружил, что миллионы интересных книг никогда с него не переводились. Свои таланты я предпочел держать в рукаве: так оно спокойнее, а то кто-нибудь непременно запретит тебе заниматься любимым делом. Родная сестра, например.

Подумать только, простую подстановку ты величаешь шифром! Если бы ты, Подди, взаправду умела писать на древнемарсианском, я бы вовек не прочел

твои писульки. Но ты не умеешь! Бог мой, ведь даже Па не может свободно на нем писать, а уж он-то знает древнемарсианский лучше всех в Системе.

А вот мой шифр тебе нипочем не разгадать — у меня его попросту нет.

Попробуй-ка взглянуть на эту страничку в ультрафиолете, под кварцевой лампой, например.

Глава 2

ДЬЯВОЛ!!!

**Грязь в ушах и заусенцы! Плевать хочу! ТЬФУ!
МЫ НИКУДА НЕ ЛЕТИМ.**

Сперва я подумала, что это новая грязная выходка моего хитроумного братца, но вскоре поняла, что он здесь не при чем. (Спасибо хоть на этом.) Тут мало одних черных замыслов, тут нужна машина времени. Конечно, Кларк и ее бы тишком построил, если бы смог... Хотя, с тех пор как он перенастроил робота-служу, я уже ни в чем не уверена. Тот подавал Кларку невообразимые блюда и записывал их на мой кодовый номер. При этом было установлено, что гарантийную пломбу на контрольном блоке никто не трогал.

Никто и никогда не узнает, как Кларк умудрился все это провернуть. Компания готова была все простить и даже бесплатно исправить робота, если он согласится — если соизволит! — рассказать, каким образом он совратил с пути истинного стопроцентно надежную машину. Но Кларк был глух к посулам — он соорудил тупую мину и упорно молчал. Начали было подозревать меня, хотя любой, кто знает нас с братом (Па и мама, например), присягнет, что я просто не способна заказывать мороженое с засахаренными леденцами под соусом «голландез» или... нет, лучше не вспоминать, а то

стошнит. А вот Кларк метелит все, что неспособно схарчить его самого, это все знают.

К счастью, записи в памяти робота доказывали мое алиби: во время этих тошнотворных застолий я гостила у друзей в Большом Сырте, за тысячу километров от дома. Ну да что там вспоминать. Ни одной девушке не пожелаю такого подарка — Сумасшедшего Гения, вселившегося в младшего братца. Лучше пусть он будет глуповатым и послушным созданием, пусть тихо сидит перед экраном видео и глаза с открытым ртом на ковбойскую классику, не рассуждая, откуда берутся эти чудесные картинки.

Ну вот, опять меня увело от главного.

У нас не будет двойняшек.

У нас уже есть тройня.

Всем спорам пришел конец. Гамма, Дельта и Эпсилон превратились в Грейс, Дункана и Элспет во крещении и, что хуже всего, во плоти. Если, конечно, Па опять не передумает, а то у них уже было по три имени. Да что там имена!.. Главное, что они здесь, и для них к дому пришлось приварить детскую. Три беспомощных человечка — кожа у них розовая, как у канального червя, — и все почти одинаковые. Ручки-ножки дергаются, глазки не фокусируются, и сколько их не мой, от них всегда тошнотворно пахнет кислым молоком. С одного конца от них исходят скрипучие звуки — так они индуцируют друг друга, а о том, что говорится на другом конце, лучше не вспоминать за столом. (Есть у них чудесная способность — писаться одновременно.)

Но все-таки в них что-то есть. Наверное, я привязалась бы к ним, если бы по их милости не пошли прахом все мои мечты. Ручаюсь, Дункан уже узнает меня.

Мне еще предстоит привыкать к ним, а вот мамино отношение вернее всего определить как торжество атавистических инстинктов. Литературу по специальности она совсем забросила, глаза у нее сияют, как у мадонны, она даже стала как-то шире и ниже ростом. И все это за какую-то неделю.

А это, значит, во-первых: ни с малышами, ни без оных ни на какую Землю она не полетит.

Во-вторых: Па без нее тоже не полетит; на эту тему они с Кларком крупно поговорили.

В-третьих: без них и мы, то есть Кларк и я, никуда не полетим. Я-то вполне могла бы путешествовать самостоятельно. (Па согласен считать меня взрослой, учитывая взрослость суждений.) Но все это только в теории — ведь я еще не готова взвалить на себя полную ответственность за братца. Если уж нам случится быть за миллионы километров от родителей, я бы хотела иметь под рукой что-нибудь не менее авторитетное, «моргенштерн»*, например. К тому же Па справедлив до абсурда: путешествие обещалось нам обоим, и он слышать не хочет о том, что полетит кто-то один из нас.

Конечно, справедливость — лучшая из родительских добродетелей, но в этом случае я бы, так уж и быть, смирилась с тем, что меня балуют и портят.

В общем, совершенно ясно одно — в этой невероятной дикой истории не замешаны ни Кларк, ни машина времени. Все это ударило по нему не слабее, чем по мне.

Как же это случилось? Подсаживайтесь поближе, расскажу. Еще месяц назад, когда мы обсуждали, как полетим на Землю, все уже свершилось и только ждало часа заорать нам в уши. Дело обстоит так: тысячи младенцев дожидаются в яслях Марсополиса, когда родители удосужатся заняться милыми крошками. Ждут они в абсолютной безопасности, при температуре чуть выше абсолютного нуля.

Говорят (и я этому верю), что яслям нипочем даже прямое попадание ядерной бомбы. Лет через тысячу спасатели разберут развалины и найдут резервуары и действующую аппаратуру, которая морозила младенцев все это время с точностью до сотых долей градуса.

Поэтому мы, люди Марса (не марсиане, заметьте себе; те — негуманоиды и почти все вымерли), рано вступаем в брак, заводим положенное число детей и избавляемся от них до лучших дней, когда будут время и средства для воспитания. Вот так мы обходим противоречие, которое портило жизнь людям Терры еще во времена промышленной революции — между возра-

* Палица с острыми шипами.

стом, оптимальным для биологического воспроизводства, и теми летам, когда социальное положение родителей позволяет дать потомству наилучшие обеспечение и воспитание.

Именно так поступила лет десять назад чета Брайзов. Когда они поженились, ей только-только исполнилось девять лет, а ему — чуть больше десяти. Он учился на пилота, она слушала какой-то курс в Арес-Университете.

Они подали прошение на троих детей, получили разрешение, сделали их и отложили до лучших дней. А сами продолжали учиться. Очень разумно.

Шли годы. Он летал пилотом, потом капитаном, а она сперва вела документацию на его корабле, а потом дослужилась до суперкарга; короче говоря, идиллия. Для тех кто комплектует экипажи, супружеские пары — идеальный вариант.

Так вот, капитан Брайз и его миссис, отслужив свои 10,5 (20 земных) лет, вышли в отставку с пенсией в половину жалования и сразу же по радио распорядились раскупорить всех троих малышей.

Радиограмму в яслях получили, отстучали подтверждение и приступили к делу. Через пять недель счастливая чета получила своих крошек и вступила во вторую фазу безоблачной семейной жизни.

Это они так думали...

Но в ясли они сдали двоих мальчиков и девочку.

А получили двух девочек и мальчика — наших.

Невероятно, но факт.

Подмену они обнаружили только через неделю. В таком возрасте разница между совершенно новеньким младенцем-мальчиком и совершенно новенькой девочкой пренебрежительно мала, но все же есть. Как и следовало ожидать, открытие сопровождалось истерикой, суетой и активным вмешательством соседей. Здесь нет ничего удивительного — ведь обычно детей купают по очереди. Но вот однажды миссис Брайз надумала искупать их вместе... и обнаружила... и упала в обморок. Младенца она уронила в воду, тут бы ему и конец, если бы на ее вопль не прибежал мистер Брайз, а следом — соседи.

Вот так у нас и появились тройняшки одного месяца от роду.

Юрист, представлявший ясли, так ничего толком и не объяснил. Их система опознавания считается надежной на все сто процентов: компьютеры, регистраторы, серийные номера, отпечатки ножек. Лично мне кажется, что в этой системе все же есть слабое звено. К примеру, один клерк получает радиограмму за подписью «Брайз», другой скармливает машине карту с надписью «Фрайз», ну а машина честно доводит дело до конца.

Но представитель явился не для объяснений. Он изо всех сил старался замять историю, решить все миром, без суда. В обмен на обязательство помалкивать маме и папе предлагался чек.

Родители приняли его (сумма равнялась трехгодовому маминому окладу) и адвокату явно полегчало.

Но никто не предложил компенсацию мне — за тяжелый урон, нанесенный моим надеждам, моим планам и всей моей жизни.

Кларк предложил вполне резонный, как ему думалось, выход — поменяться с Брайзами. Пусть, мол, они забирают тепленьких, а мы оставим за собой холоденьких и слетаем-таки на Землю.

Мой братец, похоже, так и не понял, как близко от него пролетел Азраил. Наш Па — очень добрый человек... но в тот день на него свалилось слишком много всего.

На меня тоже. По всем законам, божеским и человеческим, я должна уже быть на полпути к Земле. Это было бы мое первое путешествие за орбиту Фобоса. Но Фобос не в счет — это была обычная школьная экскурсия, своего рода медовый месяц для всего нашего класса.

Попробуйте-ка, догадайтесь, чем я занята?

Вам, наверное, невдомек, сколько раз на дню приходится менять пеленки под нашей тройней.

Глава 3

Без паники! Двигателям — стоп! Стереть все записи! Рапорты опротестовать...

МЫ ВСЕ-ТАКИ ЛЕТИМ НА ЗЕМЛЮ!!!

Правда, не все. Остаются Па и мама, ну и тройня, конечно, тоже... Нет, лучше расскажу все по порядку.

Вчера меня ДОСТАЛО. Я как заведенная меняла малышам пеленки — как только я разбиралась с последним, первый снова был мокрый. Выть хотелось, стоило представить, что *должно было быть* в это самое время. Я вхожу в салон-ресторан «Космопроходца» об руку с кем-нибудь из офицеров... или даже с капитаном (пошли мне судьба такую СЛУЧАЙНУЮ ВСТРЕЧУ, я бы уже сумела пустить в ход свою коронную мину озадаченного котенка).

И на этом самом месте суровая реальность снова ткнула меня носом в пеленки. Это меня и доконало. «Авгиевы конюшни», — подумала я и заплакала.

Вошла мама, и я попросилась отдохнуть хоть пару часиков.

— Конечно, отдохни, — ответила она, даже не взглянув на меня.

Она тетешкалась с одним из младенцев и даже не заметила, что я плачу. Потом взялась перепеленывать младенца, причем того самого, которого я только что запеленала.

Перед этим она битый час втолковывала кому-то, что никуда не летит, но участвовать в новом проекте не сможет, потому что малышей нельзя оставлять даже на минуту. Словом, ее одолевал материнский зуд.

Да, мама сильно изменилась. Похоже, она накоротко замкнула цепи коры больших полушарий и отдала себя во власть дремучих инстинктов. Когда-то у нас была кошка, звали ее Мисс Польша, а потом, естественно, Мадам Польша. Так вот, мама возится с малышкой, точно как Мадам Польша со своим первым пометом. Та, помнится, очень нас любила и доверяла во всем, что не касалось котят. Стоило кому-нибудь тронуть котенка, и она начинала беспокоиться. А уж если котенком хотели полюбоваться и доставали из ящика, тут же следом за ним выскакивала и мамаша, хватала его за холку и уволокивала назад. Ясно было, что только она одна знает, как следует обращаться с маленькими. При этом она яростно виляла хвостом, красноречиво показывая, что она думает о безответственных людях.

Мама сейчас как раз такая. Мою помощь она принимает лишь по необходимости — с тройней слишком много забот. Сама она всерьез думает, будто без ее присмотра я толком не смогу взять младенца на руки.

Я обиделась и ушла из детской. Какой-то инстинкт повлек меня к дяде Тому.

Как повелось, в это время он был в Клубе Лосей. Мне пришлось порядком поскучать, пока он раздвигался со своими партнерами по картам. Минут через десять он наконец вышел, пересчитывая толстую пачку купюр.

— Прости, что заставил ждать, — сказал он. — Я как раз учил наших сограждан чувствовать карту, ну и пришлось задержаться, собрать плату за урок. Ну а как твои дела?

Я хотела было рассказать все по порядку, но прямо-таки захлебнулась. Дядя вывел меня в парк, усадил и угостил пакетиком воздушного шоколада. Тут я выложила ему все, и мне сразу полегчало.

Он потрепал меня по плечу.

— Не вешай нос. И запомни: никогда не бывает так плохо, чтобы не могло стать еще хуже.

Он достал из кармана фон и позвонил куда-то. Чуть погодя он сказал:

— Говорит сенатор Фрайз. Мне нужен директор. Не паникуйте, мисс, вызов неофициальный. — Через минуту он добавил: — Хайми? Это Том Фрайз. Как себя чувствует Джудит? Хорошо, хорошо... Хайми, сейчас я подъеду и запихаю тебя в один из наших баков с гелием... Минут через пятнадцать или около того. Так что у тебя еще есть время смыться из города. У меня все, — он сунул фон в карман. — Пойдем-ка, поужинаем. Никогда не вешайся натошак, моя милая, это вредно для желудка.

Дядюшка Том привел меня в Клуб Пионеров. Я не бывала там давным-давно, и с тех пор клуб, кажется, стал еще респектабельнее. У них там живые официанты... такие старые, что вполне могли быть Пионерами, а то и встречать здесь первый корабль с Земли. Все сустились вокруг моего дядюшки, а он называл их просто по именам, и они звали его просто «Том», но звучало это как «Ваше Величество». Сам хозяин подошел к нашему столику и принес десерт, а еще шесть официантов стояли наготове и подавали дяде все что нужно, ну прямо как знаменитому хирургу во время ответственной операции.

Вскоре дядюшка Том рыгнул, деликатно прикрывшись салфеткой, всех поблагодарил, и мы вышли. Жалко, что дядя не предупредил меня заранее, тогда я надела бы свое бесподобное вечернее платье. Правда, мама строго запретила надевать его, пока мне не стукнет девять лет, но ведь не каждый день удается попасть в Клуб Пионеров.

Потом мы поехали куда-то на экспресс-полосе. Дядюшка Том сидел всю дорогу, пришлось и мне сесть. Вообще-то, я предпочитаю идти, а то и бежать по полосе — так раньше попадешь на место, но дядя сказал, что ему и без того с избытком хватает беготни.

Оказалось, что мы едем в ясли Марсополиса, и от этого я совсем разволновалась. Перед дверью с табличкой «КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА. ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ» дядюшка Том сказал:

— Поброди где-нибудь неподалеку. Ты мне еще понадобишься, — и ушел.

В приемной было полно народу, журналы на столиках были для домохозяек и молодых мамаш, так что я поболталась-пошаталась и пошла по коридору, который, оказывается, вел в детскую.

Табличка на двери предупреждала, что посетители допускаются с 16.00 до 18.30, а сама дверь была заперта. Я пошла дальше и увидела еще одну дверь, как мне показалось — весьма интересную. Правда на ней было написано: «ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН», но не пояснялось — кому. К тому же она не была заперта. Одним словом, в нее-то я и вошла.

Столько младенцев не увидишь и за целую жизнь!

Ряды, ряды и ряды прозрачных кубов с младенцами. Толком я могла рассмотреть только ближний ряд: все детишки были, наверное, одного возраста и куда больше походили на людей, чем наша троица. Они были маленькие, все в морщинках, словно печеные яблоки, и миленькие, как щенята. Многие спали, другие сучили ножками, ворковали, хватались за игрушки. Не будь между нами пластика, я бы нахватала полные руки детишек.

Еще в комнате было много девушек, то есть молодых женщин. Все они занимались с младенцами и меня не замечали. Но вдруг поблизости заплакал малыш, над его кубом зажегся свет, и одна из девушек поспешила на зов. Она открыла куб, достала младенца, пошлепала его по попке и он затих.

— Мокрый? — спросила я.

Только тут она меня заметила.

— Нет, за этим следят машины. Просто ему одиноко. — Ее голос отчетливо доносился сквозь пластик, хотя я не видела ни микрофонов, ни динамиков. Она побаюкала младенца. — Ты у нас новенькая? Заблудилась?

— Нет, — быстро ответила я, — у меня другая работа. Просто я...

— Тогда тебе сюда нельзя, особенно сейчас. Может быть... — она довольно скептически оглядела меня, — ты ищешь класс молодых матерей?

— Нет-нет! Еще нет, — и поспешила добавить: — Я — гостя директора.

Я почти не врала. Я была гостьей гостя директора, а это почти одно и то же.

Девушка, похоже, успокоилась и спросила:

— Так что же тебе надо? Могу я помочь тебе?

— Просто расскажите мне кое-что. Я пишу что-то вроде реферата. Что у вас в этой комнате?

— Здесь шестимесячные дети, через день-другой их отправят по домам.

Няня положила младенца в куб, приладила ему молочную соску, выключила какой-то прибор снаружи, закрыла крышку, подошла к соседнему кубу и взяла другого.

— Лично я считаю, — добавила она, — что шесть месяцев — самое время. В год они уже умные и обязательно заметят перемену. А эти — нет. Им все равно, кто их нянчит... но они уже большенькие и матерям будет чуть легче. Мы знаем, как ухаживать за детьми, мы к этому привыкли. Иной раз приходится возиться с ними всю ночь напролет, но мы часто сменяемся и не устаем. Поэтому мы не раздражаемся и, уж конечно, никогда не орем на них. Конечно, малыш не понимает, когда на него кричат, ведь он еще не может разговаривать. Но он чувствует! И можно так скособочить его психику, что много лет спустя он отыграется-таки на ком-нибудь. Ну-ну, лапушка, — (это уже не ко мне), — теперь тебе лучше? Хочешь поспать, а? Полежи спокойно, а Марша тебя побаюкает, вот ты и заснешь.

Она внимательно посмотрела ребенку в личико, потом положила в колыбель и закрыла крышку. Над одним из кубов вспыхнул свет, и Марша метнулась туда.

— У детей нет чувства времени, — добавила она, доставая из колыбели вопящую квинтэссенцию ярости. — Если уж ему что-то понадобилось — подавай прямо сейчас. Он и знать не знает...

Тут к ней подошла женщина постарше.

— С кем это ты болтаешь? Ты же знаешь правила.

— Да, но... она гостья директора.

Сестра строго осмотрела меня с ног до головы.

— Директор сам послал вас сюда?

Мне срочно нужно было выбрать один из трех ни к чему не обязывающих ответов, но тут сама судьба распорядилась за меня. Мягкий голос, исходивший, казалось, отовсюду, произнес:

— Мисс Подкейн Фрайз просят пройти в кабинет директора. Мисс Подкейн Фрайз, пройдите, пожалуйста, в кабинет директора.

Я задрала нос повыше и сказала с достоинством:

— Это меня. Будьте добры, сестра, позвоните директору, скажите, что мисс Фрайз сейчас будет у него.

И вышла с невозможной поспешностью.

Директорский кабинет был вчетверо больше и раз в шестнадцать представительнее, чем у нас в школе. Сам директор был невысок ростом, с коричневой кожей, на нем был серый костюм, а на лице — весьма обеспокоенное выражение. Кроме него и, конечно, дяди Тома в кабинете был адвокат (тот самый, что уговаривал папу и маму) и... мой братец Кларк. Хоть убейте, не пойму, откуда он взялся... У Кларка какой-то сверхъестественный нюх на места, где что-то затевается.

Кларк глянул на меня безо всякого выражения, я холодно кивнула ему. Директор и его орел-адвокат поднялись мне навстречу. Дядя Том, оставаясь в кресле, промолвил:

— Доктор Хаймен Шенстайн, мистер Пун Квай Яу — моя племянница Подкейн Фрайз. Садись, голубка, никто здесь тебя не укусит. Директор хочет предложить тебе кое-что.

Законник встрепенулся:

— Я не думаю...

— Верно, — согласился дядя Том, — вы не думаете. Иначе вам пришлось бы в голову, что не бывает событий без последствий.

— Но... Доктор Шенстайн, мы же получили от профессора Фрайза обязательство не разглашать инцидент и выплатили определенную сумму сверх обычной неустойки. Это шантаж. Я...

И тут дядя Том встал, ухмыляясь, словно маска смерти. Казалось, он вырос раза в два.

— Что это за слово вы сказали?

— Я? — испугался адвокат. — Наверное, я оговорился. Я просто хотел...

— Я все отлично слышал, — пророкотал дядя Том, — и у меня есть три свидетеля. На этой пока еще свободной планете за такие словечки приходится отвечать перед судом. Видит бог, старый толстый Том Фрайз еще сдерет с вас последнюю рубашку в счет компенсации за моральный ущерб. Пошли отсюда, ребята.

Директор поспешил вмешаться:

— Том... сядь, пожалуйста. Мистер Пун, будьте добры, не говорите ни слова, пока я не попрошу у вас совета. Том, ты ведь отлично понимаешь, что не сможешь ни вчинить иск, ни потребовать компенсации за то, что адвокат, то есть мистер Пун, в частной беседе сказал своему клиенту, то есть мне.

— Я смогу сделать и то и другое, и все вместе. Вопрос в том, на чьей стороне будет суд, а это выяснить несложно, стоит только возбудить дело.

— И вытащить инцидент на всеобщее обозрение? Нет, Том, это невозможно. Мой адвокат выпалил это от избытка усердия. Правда ведь, мистер Пун?

— Мне очень жаль, сэр. Беру свои слова обратно.

— Что скажете на это, сенатор?

Дядя Том учтиво поклонился мистеру Пуну. Тот ответил еще более учтивым поклоном.

— Идет, сэр. Я не принял оскорбление на свой счет, следовательно, его не было. — Тут дядя Том ухмыльнулся, выпятил живот и сказал ровным голосом: — Ладно, Хайми, вернемся к вашему злодеянию. Твой ход.

Доктор Шенштайн начал осторожно:

— Юная леди, мне только что сказали, будто при-
скорбный инцидент, который мы обсуждаем, стал причиной горького разочарования для вас и вашего брата.

— Ясное дело, — ответила я не совсем учтиво.

— Так вот... Ваш дядя говорил о последствиях. Эти самые последствия могут просто утопить нашу фирму — ей перестанут доверять. У нас особый бизнес, мисс Фрайз. На первый взгляд мы обычные инженеры, ну и, конечно, няньки, воспитатели.

Но самое главное заключается в том, что мы имеем дело с древнейшими человеческими чувствами. И если хоть кто-нибудь усомнится в нашей добросовестности и компетентности, то... — тут он беспомощно развел руками, — мы и года не продержимся. Теперь-то мы

знаем, отчего все так вышло. Даже при прежней методике это не могло бы повториться, а теперь мы добавили еще кое-какие процедуры. И все-таки, — он глянул на меня совсем уж беспомощно, — если хоть обмолвитесь о нашей ошибке, нас можно хоронить и не выпивать...

Мне стало его жалко, и я уже готова была выпалить, что не проболтаюсь даже во сне, даже под страхом смерти, но тут Кларк шепнул мне:

— Осторожнее, Под! Заряжено.

Так что я ничего не сказала и продолжала смотреть на директора холодным взглядом сфинкса. Я знала — на чутье Кларка можно положиться.

Доктор Шенстайн жестом велел мистеру Пуну помалкивать.

— Итак, дорогая моя леди, я не требую от вас молчания. Как говорит ваш дядя сенатор, вы приехали сюда не для шантажа, а торговаться мне нечем. Но фирма «Ясли Марсополиса, Инлимитед» никогда не увиливает от своих обязательств, даже если они нигде не записаны. Я пригласил вас, чтобы вместе подумать, как мы можем исправить положение. Я говорю о ваших планах, которые мы нарушили, хотя и непреднамеренно. Ваш дядя сказал, что собирался в путешествие с вами и с вашей семьей... но теперь вынужден лететь один. Он летит ближайшим рейсом Линии Треугольника. Скорее всего, это будет «Трезубец», он стартует через десять дней. Что если мы попытаемся хоть отчасти исправить наш промах и купим вам и вашему брату билет в первый класс Линии Треугольника, в оба конца, естественно?

Что если?! У «Космопроходца» только и плюсов, что он летает в космосе и ходит к Земле. Старый неповоротливый грузовик. А корабли Треугольника — настоящие дворцы, это все знают! Я только и смогла, что кивнуть.

— Вот и хорошо. Надеюсь, путешествие будет приятным. Но... юная леди... пообещайте, просто по доброте души, что не будете рекламировать наши ошибки.

— А разве это не входит в условия сделки?

— Никакой сделки не будет. Ваш дядя доказал, что мы должны вам это путешествие при любых условиях.

— А-а... знаете, доктор, со всеми этими сборами, беготней я так умаюсь, что мне некогда будет вспоминать о каких-то ошибках! А вы лично, похоже, совсем в этом не виноваты.

— Спасибо, — он повернулся к Кларку. — Ну а ты, сынок?

Кларк, мягко говоря, не любит, когда его называют сынком, но сейчас он просто не обратил на это внимания и холодно выдал свой ответ, точнее, вопрос:

— А как насчет дорожных расходов?

Доктор Шенстайн вздрогнул, а дядя Том расхохотался.

— Ай да парень! Я же говорил, что он прожорлив, как песчаный ящер. Мальчик далеко пойдет, если сго раньше не отравят.

— Ну так что вы можете предложить?

— Вот что, Кларк. Посмотри мне в глаза. Или мы сейчас договоримся, или я запихну тебя в контейнер и отправлю в утилизатор. Тогда вообще некому будет болтать, ведь твоя сестра улетит. Предлагаю вам по тысяче, нет, по пятнадцать сотен на дорожные расходы, а ты за это навсегда опечатаешь свою вякалку... или я кликну четверых громил с черными сердцами. Мы вырежем твой язык и скормим кошкам. Ну как, заметано?

— Мне еще полагаются комиссионные — десять процентов с этих пятнадцати сотен. У сестры не хватает мозгов потребовать свое.

— Это я должен бы содрать с вас комиссионные за все. Договорились мы или нет?

— Договорились, — согласился Кларк.

Дядюшка Том поднялся.

— Вот и все, док. Он парень надежный, можешь ему верить. Так что расслабься. И вы, Квай Яу, переведите дух. Чек можете прислать завтра утром на мой адрес. Пошли, ребята.

— Спасибо, Том. Хотя, боюсь, это слово совсем не к месту. Чек будет у тебя дома раньше, чем ты сам. И... еще один вопрос...

— Слушаю, док.

— Том, я еще не родился, а ты уже жил здесь, так что я мало знаю о твоём прошлом — обычные сплетни да статья в «Кто есть кто на Марсе»... За что тебя сюда

привезли, Том? Ведь не своей же волей ты сюда попал, правда?

Казалось, мистера Пуна вот-вот хватит удар. Меня тоже. Но дядя Том не обиделся. Он от всей души рассмеялся и сказал:

— Меня обвинили в том, что я замораживаю детишек в корыстных целях. Облыжно, конечно. Я бы никогда не докатился до такого. Идемте, дети мои. Выберемся из этого гнезда вурдалаков, пока они не уволокли нас в свои подземелья.

Вечером, в постели, я сквозь дрему все вспоминала наш набег. Папа и мама ничуть не возражали — дядя Том все уладил по телефону еще до того, как мы вернулись домой. Тут кто-то из малышей заплакал, я поднялась и босиком пошлепала в детскую. Это был Дункан, мой милый братик, еще сухой, но ужасно одинокий. Я взяла его на руки, потетешкала немного, он поворковал, а потом описался, и пришлось менять ему пеленки.

Хоть он и смотрит пока в разные стороны, мне он кажется очень хорошеньким, даже лучше, чем детишки в яслях, пусть они и старше на пять месяцев. Он уже крепко спал, когда я клала его в постельку. Пошла спать и я.

И вдруг остановилась как вкопанная. Линия Треугольника потому так и называется, что обслуживает все три планеты — Марс, Венеру и Землю. И маршрут корабля зависит от взаимного расположения планет в тот или иной момент.

Но как они расположены сейчас?

Я пошла в гостиную, отыскала еженедельник «Боевой Клич», скормила его проигрывателю... и отыскала страницы с расписанием прибытий и стартов.

Точно! Я попаду не только на Землю, но и на Венеру!

Венера! Знай об этом мама... нет, пока ей не стоит ничего говорить. А дядя Том наверняка окажется сговорчивее... там.

Наверное, я буду сильно скучать по Дункану — он такой миленький, прямо как пупсик.

Глава 4

Несколько дней я не могла урвать ни минуты, чтобы черкнуть хоть слово. Хорошо, что прививки для Терры, фотографии, паспорта и все такое прочее не пришлось делать заново, а то бы я так никуда и не улетела. Все шло наперекосяк. Правда, мама очнулась от своего атавистического изумления и здорово мне помогла. Секунды две-три она сносила вопли малышей и только потом бросалась к ним, а меня оставляла всю в булавках.

Не знаю, как собирался Кларк и собирался ли он вообще. Он все так же слонялся по дому, молчал, а если и отвечал, то только невнятным ворчанием. И у дяди Тома, похоже, не было никаких забот. За все эти сумасшедшие дни я видела его всего два раза (я поклянчила у него багажный лимит и мой лучший из всех дядей согласился). Оба раза пришлось выскребать его из карточной комнаты в Клубе Лосей. Я спросила, как он умудряется готовиться к полету, да еще и в карты играть.

— Все очень просто, — ответил он. — Я купил новую зубную щетку. Разве нужно что-нибудь еще?

Я сказала ему, что он совершенный дикарь, а он усмехнулся и взъерошил мне волосы. Спрашивается: пресыщусь ли и я когда-нибудь космическими полетами? Наверное, да, если мне суждено стать астронав-

том. Правда, Па говорит, что половина смака состоит именно в сборах... так что пресыщаться, пожалуй, не стоит.

Как бы то ни было, мама все-таки умудрилась вовремя привезти меня в челночный космопорт Марсополиса, со всем багажом и тысячей бумажек — билеты, медицинские справки, паспорт, универсальный комплект для идентификации, гарантийный сертификат родителей, три вида валюты, аккредитивы, свидетельство о рождении, полицейский сертификат, справка Службы Безопасности и непомню-что-еще-с-печатами. Все было как полагается; я жонглировала свертком, который не влез в чемоданы, одна шляпка была у меня на голове, а другая — в руке. (Хоть убейте, не знаю, куда потом подевалась эта вторая шляпка. Наверное, так и осталась на Марсе, но я обошлась и одной.)

Прощались мы нежно и со слезами (когда Па обнял меня, мне даже расхотелось улетать). А тут еще в порт приехали человек тридцать моих одноклассников (честное слово, не ожидала), да еще с плакатом: БОН ВО-ЯЖ, * ПОДКЕЙН!

Все мы перецеловались и если бы кто-нибудь из нас был нездоров, началась бы серьезная эпидемия. Меня поцеловали даже те мальчики, которые раньше даже не пытались. Я вовсе не какая-нибудь недотрога, если братья за дело спокойно и без грубостей. По-моему, инстинкты надо развивать так же, как и разум.

Только на борту челнока я обнаружила, что мне сломали корсет — папин подарок. Наверное, именно тогда я потеряла вторую шляпку — точно теперь не узнаешь. Я бы растеряла весь багаж, но дядя Том был настороже. Кроме всех прочих, нас провожали фотографии и корреспонденты — конечно, не меня, а дядю. Все кончилось разом — челнок ждать не может, он должен стартовать в определенную секунду, чтобы попасть в Деймос, хотя тот и движется гораздо медленнее Фобоса. Репортер из «Боевого Клича» до последнего силился выпытать у дяди Тома его мнение о предстоящей конференции Трех Планет, но дядя лишь указал на свое горло и прошипел:

* Счастливого пути (франц.).

— Ларингит.

Мы вошли в челнок и люк за нами закрылся. Наверное, это был самый мимолетный ларингит в анналах медицины: по дороге в порт дядя Том говорил совершенно нормально, в челноке — тоже.

Все челночные полеты похожи друг на друга; на Фобос ли, на Деймос ли — без разницы. Но нельзя привыкнуть ни к первому взыву двигателей, ни к перегрузке, когда дышать-то трудно, не то что шевелиться. И в невесомости всегда странно и жутковато. Хвала Господу, желудок и вестибулярный аппарат у меня в норме, но все равно — подташнивает.

На Деймосе — та же невесомость: у спутников почти нет собственного притяжения. Поэтому прежде чем отстегнуть ремни, надо надеть подошвы с присосками. Деймос отличается-таки от Фобоса, но природа-матушка тут не при чем. Фобос — часть Марсианской Республики и лететь туда можно безо всяких формальностей. Нужны только деньги, свободный день и привычка к пикникам в космосе.

А Деймос — вольный порт, он навечно арендован Администрацией Договора Трех Планет. Преступник, объявленный к розыску в Марсополисе, может здесь пересест с корабля на корабль прямо на глазах у полицейских, а те не посмеют и пальцем его тронуть. В таком случае нужно возбудить дело в Верховном Межпланетном Суде, что на Луне, выиграть процесс и при этом доказать, что этот тип виновен не только по нашим, но и по интерпланетным законам... а уж потом просить прокторов Администрации арестовать его, если он все еще околачивается на Деймосе, что, сами понимаете, маловероятно.

Все это я знаю из школьного учебника «Основы марсианской политики». В главе «Экстерриториальность» все это убралось на полстраницы. Теперь мне дали время припомнить школьный курс: как только мы вышли из челнока, нас тут же заперли в комнате под лицемерным названием «Зал для гостей». Мы ждали «процедур». Через стеклянную стену комнаты я видела холл космовокзала — люди куда-то спешили, делали что-то непонятное, но интересное. Нам же приходилось сидеть в компании чемоданов и синеть со скуки.

С каждой минутой я все больше наливалась злобой, что на меня совсем не похоже — от природы я приветлива и любезна. Подумать только, неужели моя мама построила все это для того, чтобы меня держали в стеклянной коробке, как белую мышь в виварии.

(Честно говоря, мама только достраивала Деймос, начали-то марсиане, когда у них под рукой оказался блуждающий астероид. Бог весть сколько миллионов лет назад космос им надоел, и все свое время они с тех пор тратят на разбор того-и-этого-не-разбери-поймешь. Так что Деймос был здорово запущен, когда за дело взялась мама. Ей пришлось полностью его перестраивать, от скорлупы до косточки.)

Как бы то ни было, все, что я видела сквозь стеклянную стенку, было плодом маминых талантов, изобретательского и инженерного. Я начала закипать. Кларк уединился в углу с каким-то типом, они тихо беседовали. Несмотря на свои антисоциальные наклонности, Кларк везде и всюду находит знакомцев, хоть бы и во втором колене. Временами он напоминает мне функционера какого-то подпольного братства — у него довольно сомнительные знакомые, и он никогда не приводит их домой.

Злиться на пару с Кларком — одно удовольствие: он всегда готов помочь ненавидеть что-нибудь ненавистное и при этом найдет резоны, из которых станет ясно, что положение еще гаже, чем тебе думалось вначале. Но он был занят, так что оставался только дядя Том. Ему-то я и стала жаловаться, как, мол, возмутительно, что свободных граждан Марса на марсианской же луне держат взаперти, словно зверей, и все из-за Администрации Договора Трех Планет и ее дурацких правил.

— Политики! — процедила я. — Честное слово, я все устроила бы гораздо лучше.

— Конечно, — серьезно согласился дядя. — Но ты еще не все понимаешь.

— Еще как понимаю!

— Нет, голубка моя. По-твоему, было бы логичнее позволить пассажирам шататься по магазинам. И это верно: зачем держать тебя здесь, когда ты могла бы осчастливить дюжину спекулянтов своими деньгами.

То, что для тебя — мелочь, для них — мечта всей жизни. И вот ты произносишь: «политики», словно это какая-то брань, и думаешь, будто все объяснила. — Он перевел дух. — А вот это НЕ верно. Политика — вовсе не зло, это самое чудесное из людских изобретений. Хорошая политика — и все прекрасно... плохая — тоже хорошо.

— Как это? — вымолвила я.

— А ты подумай сама. Политика — это способ вести дела... без драки. Мы торгуемся из-за каждой мелочи, в чем-то уступаем друг другу, причем каждый думает, что обжулили именно его, спорим до хрипоты и наконец кое-как договариваемся, не разбивая при этом голов. Вот что такое политика. Есть и другой способ — разбить-таки эти головы... Так и бывает, когда одна или обе стороны больше не желают торговаться. Поэтому-то я и говорю, что хороша даже плохая политика... ведь единственная альтернатива — насилие и страдания.

— Э-э... странные слова для ветерана Революции. Сдается мне, дядя Том, что среди кровожадных злодеев, что подняли пальбу, был и ты. Так говорит Па.

Он ухмыльнулся.

— Я большей частью увертывался. Если политика не срабатывает, надо драться. Наверное, надо пострелять в человека, чтобы он понял, насколько лучше путаться в политических дразгах, чем подставлять лоб под пули. — Он нахмурился и вдруг сделался совсем старым. — Самая трудная из жизненных проблем: когда говорить, а когда — драться. — Тут он улыбнулся и снова помолодел. — Это не люди изобрели войну, она появилась задолго до нас. Но мы изобрели политику. Вникни, малыш: ведь *Homo sapiens* — самое безжалостное, самое злобное, самое хищное и, уж конечно, самое смертоносное животное в этой планетной системе. Но именно человек придумал политику! Он придумал, как сосуществовать с себе подобными, и в результате мы не убиваем друг друга, во всяком случае, как правило. И чтобы я больше не слышал, как ты ругаешься словом «политика».

— Прости, дядя Том, — покорно сказала я.

— Так я тебе и поверил. Но если эта мысль повалится в твоей голове лет двадцать-тридцать, ты, может быть... Ага! Вот твой мучитель, девочка — тот самый бюрократ, поставленный сюда грязными политиками специально для того, чтобы несправедливо держать тебя в заточении подлом. Так вцепись же ему в очи, покажи, что ты думаешь об его idiotских инструкциях.

Я ответила гордым молчанием. Никогда не угадаешь, шутит дядя Том или нет; он любит поводить меня за нос, да еще и оторвать не прочь. Сейчас он имел в виду проктора Администрации Трех Планет — тот стоял на пороге нашего загона и напоминал служителя зоопарка, когда тот смотрит, чисты ли клетки.

— Паспорта! — каркнул он. — Сперва дипломатические. — Он оглядел нас поприспальнее и засек дядю: — Пожалуйста, Сенатор.

Дядя Том покачал головой:

— Спасибо, но сейчас я просто турист.

— Как вам будет угодно, сэр. Прошу построиться в порядке, обратном алфавитному.

Это отбросило нас в самый хвост очереди, и пошла изнуряющая волокита на полных два часа: паспорта, медицинские свидетельства, проверка багажа. Марсианская Республика не взывает таможенной пошлины, но зато есть куча вещей, которые нельзя вывозить без специального разрешения. В первую очередь, это марсианские древности. Па часто прохаживался по адресу первых исследователей, которые изрядно выпотрошили Марс, отчего бесценные марсианские артефакты хранятся теперь в Британском музее и в Кремле. Кое-что, например, наркотики, нельзя вывозить ни при каких обстоятельствах. Пистолеты и другое оружие можно вывозить, но на корабле они обязательно сдаются казначею.

Именно во время проверки Кларк решил блеснуть своим аномальным юмором. Вдоль очереди пустили длиннющий список запрещенных к вывозу предметов — захватывающий перечень, я и не знала, что нелегального, аморального и смертоносного может быть так много.

— Хотите-заявить-о-чем-нибудь? — одним духом выпалил инспектор, когда семейство Фрайз добралось

до барьера. Сам он был с Марса и, подняв глаза, сразу узнал дядю Тома. — О-о! День добрый, Сенатор! Польщен и счастлив нашей встречей. Думаю, ваш багаж не нужно проверять. Эти молодые люди с вами?

— Пошманили бы вы все-таки мое хозяйство, — посоветовал дядя Том. — А то я волоку оружие для интерпланетных подразделений нашего Легиона. А детки — мои племяши. Вот за них я ручаться не стану; оба они — подрывные элементы. Особенно девчонка; пока мы ожидали, она призывала к ниспровержению основ государства.

Инспектор улыбнулся.

— Пожалуй, не будет беды, если вы провезете пару ружей, Сенатор: вы-то знаете, с какого конца за них берутся. Ну а вы, ребята? Хотите о чем-нибудь заявить?

— Мне не о чем заявлять, — ответила я с ледяным достоинством.

И тут встрял Кларк.

— Я хочу заявить, — пискнул он срывающимся голосом. — У меня два кило «пыльцы блаженства»! А кому какое дело? Я заплатил за нее наличными и не позволю толпе бюрократов заиграть мою собственность.

Тон его был довольно вызывающим, а морда прямо-таки кирпичика просила.

Все мигом переменялось. Инспектор собирался формы ради заглянуть в один из моих чемоданов, и тут мой дурак-братец нарочно начал бузу. Стоило прозвучать словам «пыльца блаженства», как вокруг нас выросли еще четыре инспектора. Судя по акценту, двое из них были с Венеры, остальные — с Земли.

Конечно, для нас, марсиан, эта пыльца не представляет ничего особенного. Настоящие марсиане пользуются ее, как люди — табак, но без каких-либо вредных последствий. Что они с нее имеют — мне неизвестно. Кое-кто из «песчаных крыс» перенял эту привычку у марсиан. Однажды, на уроке биологии, мы попробовали ее под надзором учителя — и никто не поймал ни малейшего кайфа. Мне, помнится, на весь день заложило нос. Ровным счетом ноль в квадрате.

Другое дело — аборигены Венеры. Ради «пыльцы блаженства» они готовы на все, причем она превращает их в кровожадных маньяков. Пыльца очень дорого стоит на тамошнем черном рынке... а ее хранение автоматически карается пожизненным заключением на спутниках Сатурна.

Чиновники жужжали вокруг Кларка, словно шмели.

Никакой пыльцы они, конечно, не нашли. И тут подал голос дядя Том:

— Позвольте внести предложение, инспектор.

— Что? Конечно, Сенатор.

— Мой племянничек, к сожалению, заварил густую кашу. Отведите его в сторону — я бы и сам не прочь заковать его в кандалы — а честные люди пусть себе идут дальше.

Инспектор мигнул.

— Отличная идея.

— Тогда проверьте нас с племянницей, чтобы не задерживать остальных.

— Это совсем не обязательно. — Инспектор шлепнул штампы на дядины чемоданы и закрыл мой. — Не стоит ворошить вещички юной леди. А этого молодого да раннего мы обыщем до костей, да и кости, пожалуй, просветим.

— Бог в помощь.

Потом мы с дядей прошли еще с пяток барьеров — валютный контроль, учет перемещений, бронирование мест и прочая дурь — и наконец очутились у центрифуги, где взвешивали багаж и самих пассажиров. Так я и не пошастала по магазинам.

Когда я сошла с этой карусели, выяснилось, что я на три килограмма превышаю свой лимит. Дикость совершенная — ведь за завтраком я съела меньше обычного, а воды совсем не пила: невесомость я переношу хорошо, но вода может запросто ударить в нос и тогда... пошла-поехала весьма неприятная реакция.

Я совсем уж было собралась объявить, что весовщик слишком сильно крутанул центрифугу, но тут же сообразила, что не могу поручиться за точность весов у нас дома, и промолчала.

Дядя Том молча вытащил бумажник и спросил:

— Сколько?

— Ммм... — задумался весовщик. — Давайте сперва крутанем вас, Сенатор.

Дядя Том не дотягивал до своего лимита почти два килограмма. Весовщик пожал плечами и сказал:

— Не берите в голову, Сенатор. Тут несколько пассажиров в минусе, так что я могу не замечать излишка. В случае чего, к вам обратится казначей корабля. Но я уверен, что все обойдется.

— Спасибо. Напомните, как вас зовут?

— Майло. Майлс М. Майло — Ложа Стервятников, номер семьдесят четыре. Может, вы видели нашу показательную учебную команду два года назад на съезде Легиона — я был левым центральным.

— Конечно, видел!

Тут они обменялись особым легионерским рукопожатием, о котором чужие не знают (это они так думают).

— Ну спасибо, Майлс. До встречи.

— Не за что... Том. Оставь багаж в покое, — мистер Майло нажал кнопку и позвал. — Эй, на «Трезубце»! Кого-нибудь за багажом Сенатора, живо!

Когда мы остановились у переходного модуля, чтобы поменять наши присоски на маленькие магнитные подковки, мне пришлось в голову, что нам не пришлось бы ждать нигде и ничего, пожелаей дядя Том воспользоваться своими привилегиями.

В любом случае, путешествовать в компании важной персоны приятно, даже если это всего лишь дядя Том, у которого ты частенько прыгала на животе, пока не подросла. На наших билетах было написано просто «первый класс», но поместили нас в апартаментах с табличкой «Каюта Арматора». На самом деле это была вовсе не каюта, а номер с тремя спальнями и гостиной. Невероятно!

Но тогда мне было недосуг озираться по сторонам. Сначала пристегнули наш багаж, потом — нас самих к стационарным креслам в стенке гостиной. Этой стенке, судя по крошечной силе тяжести, явно полагалось быть полом, но сейчас она стояла почти вертикально. Когда уже взвыли предстартовые сирены, кто-то втащил Кларка и пристегнул его к третьему креслу. Вид у него был взъерошенный, но нахальный.

— Салют, контрабандист, — добродушно встретил его дядя Том. — Ну как, нашли что-нибудь?

— Было бы чего искать.

— Я так и думал. Надеюсь, за тебя крепко подержались.

— Не-а.

Я не очень-то поверила Кларку: мне приходилось слышать, что, если прокторы настроены не вполне дружелюбно, они могут сделать полный личный досмотр весьма неприятным, хоть и удержаться в рамках закона.

Убеждена, что Кларку пошло бы на пользу, если бы за него «крепко подержались», но ему, похоже, обыск не доставил ни малейшего неудобства.

— Кларк, — сказала я, — ты вел себя как законченный идиот. И к тому же все это была ложь, глупая и бессмысленная.

— Увянь, — сердито ответил он. — Если я везу что-нибудь незаконное, пусть поищут, им за это платят жалованье. «Хотите заявить о чем-нибудь?» — передразнил он инспектора. — Дурь какая. Кто же станет «заявлять», что волочет контрабанду.

— Все равно, — не отставала я, — если бы Па услышал тебя...

— Подкейн.

— Да, дядя Том?

— Оставь его. Скоро старт. Это очень интересно.

— Но ведь... да, дядя.

Немного упало давление, потом дернуло так, что только ремни удержали нас в креслах. Потом раздался чудовищный рев — это мы отрывались от Деймоса. Вскоре настала полная невесомость, а за ней — мягкая, но неодолимая тяга в одном направлении.

Комната начала поворачиваться... медленно, почти незаметно. Слегка закружилась голова.

Мало-помалу (всего минут двадцать) наш вес увеличивался, пока не достиг нормального... и пол встал наконец почти горизонтально. Но не совсем...

Вот что произошло. Первый рывок — это ракетные буксиры зацепили «Трезубец» и вышвырнули его на свободную орбиту. Это не слишком трудно: притяжение чуточных-крошечных спутников типа Деймоса мож-

но не брать в расчет, нужно только стронуть с места весьма солидную массу корабля.

А мягкую тягу — одна десятая стандартного земного — создавал маршевый двигатель самого корабля. «Трезубец» — корабль с постоянным ускорением, он не мелочится с расчетами экономичных траекторий с неделями и месяцами свободного полета. Он движется быстро и быстро набирает ускорение.

Но пассажирам для полного комфорта мало одной десятой «g», они привыкли к большему. Как только корабль лег на курс, Капитан включил вращение и наращивал его до тех пор, пока центробежная сила вкуче с ускорением не достигли в векторном сложении силы притяжения на поверхности Марса (или 37 % земной нормали) для уровня кают первого класса.

Однако полы не встанут строго горизонтально, пока вращение плюс ускорение не достигнут одного стандартного «g» или земной нормали.

Может, я объясняю не совсем понятно. Во всяком случае, в школе я так толком и не разобралась в этом. Позже, когда я увидела машины, вращающие корабль, и приборы, вычисляющие величину центробежной силы, я все поняла. Вспомните, ведь «Трезубец» и его братья — «Треугольник», «Трилистник», «Триада» и «Тройка» — представляют собой огромные цилиндры. Направление ускорения совпадает с осью цилиндра, это очевидно. Центробежная сила стремится от оси — куда же еще? Эти силы складываются для создания в пассажирской зоне «искусственного тяготения», но, поскольку одна из них (ускорение) постоянна, а другая (вращение) может меняться, то есть лишь одна величина центробежной силы, которая, слагаясь с ускорением, заставит полы лечь строго горизонтально.

Для «Трезубца» нужно 5,42 оборотов в минуту, чтобы обеспечить ровные полы и земную силу тяжести. Я точно это знаю: мне сказал сам Капитан... а я потом проверила его арифметику и ошибок не нашла. Пол нашей каюты — в тридцати с небольшим метрах от оси корабля, так что все в порядке.

Как только пол оказался у нас под ногами и прозвучал сигнал отбоя, я отстегнулась и выскочила из каюты.

Мне не терпелось осмотреть корабль, я даже чемоданы не стала разбирать.

Тот, кто изобретет путный дезодорант для космических кораблей, станет миллионером. Шибает прямо с порога.

Надо отдать справедливость, с этим борются, еще как борются. На каждом цикле воздух прогоняют через фильтры, его моют, ароматизируют, добавляют кислород, чистый, как помыслы младенца. Кислород получают тут же, это побочный продукт оранжерей. Такому воздуху можно смело присуждать большую медаль Общества Искоренения Дурных Намерений.

И экипаж все время что-то чистит, полирует, моет, стерилизует — словом, *стараются* все!

И все же, даже от новенького роскошного суперлайнера, вроде нашего «Трезубца», так и разит людским потом и первородным грехом с явственными обертонами гниющей органики, случайных травм и прочего, о чем лучше не вспоминать. Однажды Па взяла меня на вскрытие древней марсианской могилы — тогда-то я и поняла, зачем ксеноархеологам кислородные маски. Но от корабля прет еще хуже, чем от могилы.

От жалоб толку мало. Вас выслушают с профессиональным участием, пошлют с вами кого-нибудь из команды и опрыскают вашу каюту каким-то составом, причем я подозреваю, что состав этот просто притупляет на время ваше обоняние. Команда даже сочувствовать-то вам толком не может: они, бедняжки, давно приняухались. Они проводят на кораблях долгие годы и просто не замечают эту несравненную вонь. Кроме того, они *знают*, что воздух кристально чист — это показывают все корабельные приборы. Так что космонавт-профессионал просто не поймет, о каком-таком запахе вы говорите.

И к жалобам пассажиров они тоже привыкли — симулируют сочувствие и делают вид, что исправляют дело.

Я жаловаться не стала. Если надеешься повергнуть к своим стопам весь экипаж, не стоит начинать с брюзжания. Но все прочие новички жаловались, и я их вполне понимала. Честно говоря, у меня забрезжило сомнение, стоит ли мне становиться космонавтом.

А дня через два мне уже казалось, что корабль основательно подвычистили, и я думать забыла о запахе. Я поняла, почему космонавты не чувствуют вони, о которой говорят пассажиры: их нервные узлы просто отсекают знакомые запахи, вроде как компьютеры у астрономов игнорируют объекты, чьи орбиты заложены в их память.

Конечно, запах не исчез. Наверное, он въедается прямо в металл и останется там, даже если металл переплавить. Слава богу, что нервная система у людей бесконечно адаптивна.

Это, похоже, не относится к моей нервной системе во время блиц-разведки «Трезубца»; добро еще, что за завтраком я ничего не пила и почти ничего не ела. Мой желудок порывался к действию, но я строго внушила ему, что сейчас не до него — мне очень хотелось осмотреть корабль и не было времени потакать слабостям, «кои суть бремя всякой плоти».

«Трезубец», в общем и целом, недурен — в точности как на рекламных проспектах... если не считать этого ужасного запаха. Бальный зал роскошный и такой большой, что можно проследить дугу окружности (ведь наш корабль, если помните, цилиндр). И пол у него никогда не встает дыбом. Еще есть салон отдыха с видом открытого космоса, который можно заменить голубым небом с пушистыми облаками. Там уже всю дребезжали какие-то старые переноски.

Обеденный салон показался мне маловат, я живо вспомнила о первых-вторых сменах и рванулась потропить дядю Тома, а то все хорошие места разберут до нас.

В каюте его не было. Я по-быстрому заглянула во все двери и в МОЕЙ комнате обнаружила Кларка — он закрывал мой чемодан!

— Что ты тут забыл? — возмутилась я.

Он обернулся и живо надел личину тупицы.

— Я посмотрел, нет ли у тебя таблеток от тошноты, — соврал он деревянным голосом.

— И для этого перерыл все мои вещи! — я потрогала его щеки — жара не было. — Нет у меня никаких таблеток. Но я знаю, где каюта врача. Если тебе

плохо — давай, отведу; он тебя в досталь ими нако-
мит.

Он отстранился.

— Не стоит... похоже, все уже прошло.

— А теперь слушай меня, Кларк Фрайз. Если ты...

Но он и не думал слушать: скользнул мимо меня в свою комнату и щелкнул замком.

Я закрыла чемодан — и тут меня осенило. Именно этот чемодан собирался досматривать инспектор, когда Кларк отмочил насчет «пыльцы блаженства».

А мой братец ничего не делает без причины. И С
никогда.

Причины эти могут быть совершенно непостижимы-
ми, но стоит копнуть поглубже, и вы убедитесь, что
дури там — ни на грош. Мой братец логичен, как
компьютер... и такой же бесчувственный.

Теперь мне стало ясно, зачем ему понадобился скан-
дал на таможне.

И почему я оказалась на три кило тяжелее.

Но я не знала, ЧТО он протащил в моем багаже.

И ЗАЧЕМ?

ИНТЕРЛЮДИЯ

Рад видеть, Подди, что ты снова взялась за дневник.
Дело, конечно, не в твоих забавных девчачьих сужде-
ниях; просто ты иногда (хоть и не часто) снабжаешь
меня полезной информацией.

Если я взамен могу чем-нибудь помочь — только
позови. Может, надо поднатаскать тебя по части грам-
матики? Твои излюбленные неполные предложения
изобличают неполное мышление. Тебе не кажется?

Разберем, чисто теоретически, проблему робота, ко-
торого невозможно вскрыть. Пломбу ломать нельзя,
тут думай не думай, а кроме головной боли ничего не
надумаешь. Но анализ подсказывает, что всякий куби-
ческий или квазикубический объект имеет шесть гра-
ней. А пломба стоит лишь на одной.

Разовьем этот вывод. Квазикуб нельзя передви-
нуть — порвутся провода, но пол под ним можно опу-
стить чуть не на полметра, хотя на это и уйдет целый
день.

Если бы эта проблема не была чисто теоретической, я бы посоветовал вооружиться зеркалом, фонарем на длинной ручке, инструментами, приспособленными для работы под углом, и, конечно, великим терпением.

Именно его тебе вечно не хватает, Подди, — ТЕРПЕНИЯ.

Надеюсь, оно поможет тебе решить чисто теоретический вопрос насчет «пыльцы блаженства». И сделай милость, не стесняйся обращаться ко мне со своими маленькими проблемами.

Глава 5

Первые три дня каюта Кларка была заперта — я точно знаю, потому что торкалась в дверь всякий раз, когда он выходил из номера.

На четвертый день он оставил ее незапертой, причем можно было сказать наверняка, что самого его в ближайший час не будет: он записался на экскурсию по тем отсекам, куда пассажиров обычно не пускают. Меня такие экскурсии мало трогали — к этому времени я успела укомплектовать из членов экипажа личную эскортную службу «Подди-спэшэл». С дядей Томом хлопот не было — он стакнулся с любителями пинокля и все время торчал в курительном салоне.

Замки на дверях кают — не проблема для девушки, у которой есть пилка для ногтей, кусочек того, кусочек сего и свободный доступ в контору казначея, словом, для меня.

И тут обнаружилось, что возиться с замком не надо — язычок не защелкнулся. Я прикинула, что выиграю на этом минут двадцать, и выдала положенный в таких случаях вздох облегчения.

Я не собираюсь подробно описывать обыск. Надеюсь, что даже Бюро Расследований не провернуло бы его быстрее и аккуратнее, если бы располагало только голыми руками. Предмет моих поисков наверняка числился в списке вещей, запрещенных к вывозу. На

Деймосе нам всем выдали по копии; я свою сохранила и выучила чуть не наизусть. Весить он должен три кило с небольшим. Кларку пришлось прятать его в багаже — значит, он большой и жесткий, иначе бы братец спрятал его на себе и хладнокровно положился бы на свою молодость, невинный вид плюс покровительство дяди Тома. И, уж конечно, он не стал бы ничего совать в мой багаж — не было гарантии, что можно будет вызволить предмет без моего ведома.

Мог он рассчитывать, что я брошусь осматривать корабль, прежде чем распакую вещи? В принципе — да, хотя я сделала это под влиянием минуты. Приходится признать, что Кларк возмутительно точно и часто предугадывает мои действия. Как противника его нельзя недооценивать. Конечно, он рисковал, но немного.

Ладно. Большое, довольно массивное и запрещенное невесть что. И все, что отвечает первым двум требованиям, может быть лишь футляром.

Итак, я взялась за дело...

Минут через десять я установила, что ОНО может быть только в одном из трех чемоданов — их я нарочно оставила напоследок. В каюте полным-полно всяких лючков, ниш, подставок и прочего, но я знала, что *чисто* открыть их без специальных инструментов нельзя, я уже пробовала (в своей каюте). Я только осмотрела все это и поздравила Кларка с тем, что у него хватило ума не связываться с такими, с позволения сказать, тайниками.

Затем я проверила все явное по принципу «Похищенного письма»* — одежду и прочее. Книга вполне могла оказаться лишь похожей на книгу, а пиджак — на пиджак.

В итоге — минус ноль, и я взялась за чемоданы, запоминая, как сложены вещи и в каком порядке.

Первый был пуст. Может, за подкладкой и было что-нибудь, но явно не то, что я искала, да и весил он не больше обычного.

Второй — то же самое, да и третий... но в нем я нашла конверт и сунулась в него, хотя он и не походил на искомое.

* Имеется в виду знаменитый рассказ А. Конан Дойла.

И тут меня взорвало.
На нем значилось:
«Мисс Подкейн Фрайз,
пассажиру К. К. "Трезубец".
Вручить на борту корабля».

Ах, мелкая сволочь!!! Перехватывать мою почту! Я еле открыла конверт, — так меня трясло от ярости — увидела, что его уже вскрывали, и совсем взбесилась. Слава богу, письмо было на месте. Я судорожно развернула его и прочла.

Всего пять слов:

«Привет, Подди. Опять ты шпионишь».

Естественно, написано это было почерком Кларка.

Долго-долго я стояла столбом, красная как свекла и до меня доходило, что я — СНОВА — блистательно одурачена.

Три человека на всем белом свете способны заставить меня почувствовать себя дура-дурой, и двое из них — Кларк.

Позади меня кто-то кашлянул. Я резко обернулась. В дверном проеме (а ведь я защелкнула замок) стоял мой братец. Он улыбнулся и сказал:

— Привет, сестренка. Ищешь что-то? Тебе помочь? Я не стала оправдываться и просто спросила:

— Кларк Фрайз, что ты протасил на корабль в моем багаже?

Он мигом надел личину клинического идиота, которая может довести самого уравновешенного педагога до визита к психиатру.

— О чем ты, Подди?

— Ты знаешь, о чем! О контрабанде!

— А! — он просиял лицом. — Ты о тех двух кило «пыльцы блаженства»? Господи, Подди, мне бы твои заботы! Не было никакой пыльцы, я просто подшутил над этим индюком-таможенником. Я думал, до тебя дошло.

— Я говорю не о «двух кило пыльцы»! Я говорю о трех кило невесть чего, что ты спрятал в моем багаже.

Он скроил озабоченную рожу.

— Слушай, Подди, может, ты заболела?

— Удушу, ПЕРХОТЬ!!! Не ломай дурака, Кларк Фрайз! Ты все отлично понимаешь! Когда меня крутили

на центрифуге, я и мой багаж потянули на три кило сверх положенного. Ну?!

Он задумчиво осмотрел меня.

— Мне не хотелось огорчать тебя, Подди, но ты, похоже, чуть пополнела. Наверное, здешняя еда слишком калорийна, а у тебя не хватает воли ограничить себя. Подумай над этим, Подди. Плохо, когда девушка не следит за фигурой.

Жаль, что в руке у меня был конверт, а не топор. Я услышала утробное рычание, поняла, что рычу это я, и тут же перестала.

— Где письмо из этого конверта?

— Да оно же у тебя в руке, — истово удивился Кларк.

— И это все? Больше там ничего не было?

— Ничего. Только пара слов от брата к своей сестричке. Я что-то не то написал? Мне казалось, они как раз подходят к такому случаю... Я же знал, что письмо вскоре попадет к тебе. — Он гадко улыбнулся. — В следующий раз, когда тебе захочется покопаться в моих вещах, скажи мне. Я помогу. Видишь ли, там могли быть сюрпризы, которые делают бо-бо. Для разных недоумков, что суются в воду, не зная броду. Я бы не хотел, чтобы на них напоролась моя сестричка.

Говорить было больше не о чем. Я рванула мимо него в свою каюту, заперла дверь и разревелась...

Потом взяла себя в руки, привела в порядок лицо — я при этом обхожусь без полного комплекта чертежей — и решила впредь не говорить об этом с Кларком.

Но с кем же тогда? С Капитаном? Его я уже изучила: капитанское воображение не простирается дальше следующей точки траектории. Как сказать ему, что мой братец везет контрабандой невесть что, и хорошо бы обыскать весь корабль, ибо в каюте этой штуки нет? Не будь душой в кубе, Подди! Во-первых, Капитан лишь посмеется над тобой, а во-вторых, маме и Па не понравится, если Кларка заловят.

Поговорить с дядей Томом? Он тоже не поверит, а если и поверит — сам пойдет к Капитану... с тем же результатом.

Я решила не тревожить дядю Тома до поры до времени. Лучше я буду держать глаза настежь, ухо остро и сама найду ответ.

Конечно, забота о грешной кларковой душе не мала все мое время; ведь я первый раз летела на настоящем космическом корабле — то есть была на полпути к своей мечте — и мне было чем заняться и чему поучиться.

Кстати, об авторах рекламных проспектов — они стараются быть точными, но не всегда им это удается.

Вот, к примеру, фраза из роскошного буклета Линии Треугольника: «...полные романтики дни в Марсополисе, городе, древнее чем время. Экзотические ночи под стремительно летящими марсианскими лунами...»

А теперь переведем это на людской язык. Я люблю Марсополис, это мой родной город, но романтики в нем не больше, чем в бутерброде без джема. Его построили люди сравнительно недавно, построили для житья и работы, а не для романтики. Что касается развалин за городом, то, во-первых, марсиане называли свой город отнюдь не Марсополисом, а во-вторых, яйцеголовые, включая Па, закрыли от туристов все самое интересное, дабы они не царапали свои инициалы на том, что было древним городом еще в те времена, когда каменный топор считался чудо-оружием. Кроме того, эти руины не кажутся людям ни прекрасными, ни впечатляющими, ни красочными. Чтобы оценить их, нужно прочесть по-настоящему хорошую книгу с иллюстрациями, диаграммами и без зауми, например — «Путь, непохожий на наш», которую написал Па.

Теперь об экзотических ночах. На всякого, кто без крайней необходимости окажется за городом после захода солнца, следует надеть смирительную рубашку. Там **ХОЛОДНО**. Сама я всего лишь дважды видела Фобос и Деймос ночью и оба раза не по своей вине. Мне было не до «стремительно летящих лун», я боролась за жизнь.

Не стоит верить рекламе, когда речь идет о кораблях. Конечно, «Трезубец» — настоящий дворец, хоть присягнуть. Чудо из чудес, что такой огромный, такой

роскошный и такой невероятно комфортабельный механизм способен летать (извините за выражение) в космосе.

Но заглянем в буклет...

Вы знаете, что я имею в виду: полноцветные трехмерные фотографии приятных молодых людей обоего пола, которые весело болтают, играют в холле, танцуют в бальном зале... а еще — интерьеры «типичных кают».

Это не надувательство. Просто каюта снята хитрым объективом с хитрой точки, вот она и кажется вдвое больше. А в ролях приятных веселых молодых людей, похоже, снимаются профессионалы.

Таких молодых и красивых пассажиров на нашем «Трезубце» можно перечесть по большим пальцам одной руки. Наш типичный пассажир — прабабушка, гражданка Терры, состоятельная вдова, в космосе — первый раз и, возможно, в последний, ибо она не уверена, что он ей нравится.

Правда-правда, все наши пассажиры, похоже, сбежали из гериатрической клиники. Я вовсе не издеваюсь над старостью и хорошо понимаю, что и мне не миновать ее, если доживу (900 миллионов вдохов-выдохов без поправки на тяжелую физическую работу). Старость может быть прекрасной, тому примером дядя Том. Почтенный возраст — не заслуга, это со всяким может случиться, вроде как с лестницы упасть.

Но мне начинает надоедать, что молодость здесь считают уголовно наказуемым деянием.

Наш типичный пассажир-мужчина — в том же духе, но в меньшем числе. От своей супруги он отличается тем, что не смотрит на меня сверху вниз и порой пытается «по-отечески» шлепнуть меня. Я не верю в это «по-отечески», терпеть этого не могу, избегаю, насколько это в человеческих силах — но обо мне все равно идут толки.

Наверное, я бы не так удивилась тому, что «Трезубец» — суперлюкс для престарелых, если бы лучше знала жизнь и экономику.

«Трезубец» — дорогой корабль. ОЧЕНЬ дорогой. Нас с Кларком здесь вообще бы не было, не выкрутил дядя Том руки доктору Шенштайну. Сам он, конечно, может себе позволить все на высшем уровне, ведь он

входит в вышеназванную категорию, правда, только по возрасту, а не по темпераменту. Па с мамой собирались лететь на «Космопроходце», дешевом грузовике, из тех что летают по экономичным траекториям. Па и мама не бедняки, но и богачами им, похоже, не бывать: ведь им предстоит вырастить пятерых детей.

Кто может позволить себе летать на роскошных лайнерах? Правильный ответ: старые богатые вдовы, состоятельные супруги-пенсионеры, большие шишки, чье время так дорого, что им приходится летать самыми скоростными кораблями, ну и прочие, входящие в категорию редких исключений.

Мы с Кларком — именно такие исключения. Еще одно — мисс, скажем, Герди Фитцснаггли. Если я назову ее настоящее имя, и если мои записи попадутся кому-нибудь на глаза, он легко ее вспомнит. По моему мнению, таких как Герди — еще поискать, и плевать мне, что там шипят корабельные сплетницы. Похоже, во все время полета от Земли до Марса молодые офицеры были ее личной собственностью. Я отхватила у нее порядочный кусок, но она не ревнует, обращается со мною тепло, как женщина с женщиной; о ЖИЗНИ и МУЖЧИНАХ я узнала от нее гораздо больше, чем от мамы.

(Похоже, мама гораздо наивнее Герди в этих вопросах. Наверное, это удел всех женщин-инженеров, которые стараются обыграть мужчин в мужских играх. Мне следует заняться этим всерьез... ведь такое может статься и с женщиной-астронавтом, а мой Генеральный План не предусматривает статуса скисшей старой девы.)

Герди примерно вдвое старше меня, иначе говоря, почти девочка в сравнении с прочей компанией. Соседство моей не совсем еще оформившейся фигуры подчеркивает ее прелести, достойные Елены Прекрасной. Одно могу сказать наверняка: с моим прибытием на корабль давление на Герди ослабло — сплетницы получили две мишени вместо одной.

А сплетничают они профессионально. Одна, например, сказала о Герди: «Она поменяла больше колен, чем салфетка».

Если это и так, ей, надеюсь, понравилось.

Теперь о наших веселых танцевальных вечерах. Свершаются они по вторникам и субботам, исключая время стоянок в портах. Музыка начинается в 20.30 и к этому времени Женская Ассоциация Охраны Моральных Устоев уже занимает места согласно штатному расписанию. Присутствует, дабы блости меня, дядя Том, — он очень представительен во фраке. Присутствую я, на мне вечернее платье, далеко не такое девчачье, как во времена приобретения, по причине хирургического вмешательства, произведенного при закрытых дверях. Мама бы его не узнала. Присутствует даже Кларк, ибо больше нигде ничего интересного не происходит. Чтобы попасть на бал, ему тоже приходится напяливать фрак, и он так хорошо сидит на нем, что я горжусь братом.

У чаши с пуншем мнутя младшие офицеры в парадных френчах.

Капитан безошибочно выбирает одну из вдовиц и ведет ее танцевать. Двое мужей приглашают своих благоверных. Дядя Том предлагает мне руку и выводит на танец. Двое-трое младших офицеров следуют примеру Капитана. Кларк, пользуясь моментом, атакует чашу с пуншем.

Но НИКТО не приглашает Герди.

Это неспроста. Капитан Сказал Свое Слово (абсолютно точные сведения от моих агентов) и ни один офицер не смеет приглашать мисс Фитцснаггли, пока не протанцует, по крайней мере, дважды с другими партнершами. Кроме меня, надо добавить, ибо и на меня простерта эта опала.

Попробуйте, скажите после этого, что Капитан — не Последний Абсолютный Монарх!

На площадке топчутся шесть или семь пар. Это максимум. Девять десятых кресел занято, а по площадке можно кататься на велосипеде, не мешая при этом танцам. У зрительниц такой вид, будто они вяжут близ черных колесниц. Не хватает лишь гильотины посреди зала *.

* Намек на так называемых «вязальщиц Робеспьера» — женщин, которые, присутствуя на публичных казнях, громко приветствовали приговоры Конвента. При этом в руках у них были спицы и вязание.

Музыка прерывается. Дядя Том ведет меня к месту и приглашает Герди — Капитан не выражает неудовольствия, ведь дядя Том Платит Наличными. Я все еще табу, поэтому я иду к пуншевой чаше, отбираю у Кларка бокал, приканчиваю его сама и говорю:

— Пошли, Кларк. Так и быть, поучись у меня.

— Э-э, да это же вальс! — (или «флай хок», или «гиассэ», или «файв стэп» — то есть нечто совершенно неприемлемое).

— Пошли... а то я скажу миссис Грю, что ты давно хочешь ее пригласить, только стесняешься.

— Только попробуй — я ее уроню! Нарочно споткнусь и опрокину!

Все же Кларк понемногу сдается и я развиваю успех:

— Лучше выводи меня и потопчись чуток на моих ногах, или я сделаю так, чтобы Герди вообще с тобой не танцевала.

Это решает дело. Кларк в муках переживает свою первую щенячью любовь, и Герди ведет себя по-джентльменски, обращается с ним на равных и с теплой учтивостью принимает знаки внимания.

Итак, Кларк танцует-таки со мною. Танцует он вполне прилично, и вести его почти не приходится. Он любит танцевать, но не хочет, чтобы кто-нибудь (особенно я) подумал, будто ему нравится танцевать с сестрой. Я невысокого роста, и потому мы неплохо выглядим со стороны. А Герди отлично смотрится с дядей Томом. Это, конечно, заслуга Герди, ведь у дяди Тома нулевое чувство ритма, хотя и масса энтузиазма. Но Герди может танцевать с кем угодно. Если бы партнер сломал ногу, она бы сломала свою в том же месте. Но толпа помаленьку редет: мужья, отработав первый танец, слишком устали для второго, а заменить их некому.

Да, здорово мы веселимся на нашем роскошном «Трезубце»!

Честно говоря, мы *по-настоящему* веселимся. После второго танца мы с Герди вольны выбирать кавалеров из младших офицеров. Все они танцуют хорошо или, во всяком случае, здорово поднатаскались. Около 22.00 Капитан удаляется спать, а вскоре и бдительные вдови-

ны исчезают по одной. Ближе к полуночи остаемся мы с Герди, полдюжины младших офицеров и казначей — он по долгу службы перетанцевал со всеми дамами и наслаждается честно заработанным отдыхом. Кстати, для своих лет он неплохо танцует.

С нами обычно остается и миссис Грю — она отнюдь не солидарна с вязальщицами и хорошо относится к Герди. Это толстая пожилая дама, под завязку набитая грехами и острыми шутками. Она не ждет, что кто-то пригласит ее, просто ей нравится смотреть на молодежь. И офицеры любят с ней поболтать. Она веселая.

Где-то к часу ночи дядя Том присылает Кларка сказать мне, чтобы я шла спать, если не хочу ночевать в коридоре. Конечно, он шутит, но я ухожу — у меня гудят ноги.

Старый добрый «Трезубец»!

Глава 6

Капитан понемногу убыстряет вращение корабля, имитируя силу тяжести на Венере. Это 84 % земной нормали, то есть вдвое больше той, к которой я привыкла. Так что большую часть времени, свободного от изучения астронавтики и пилотирования, я провожу в спортивном зале, тренируюсь для Венеры. Не хочу вдруг оказаться слабой и неловкой.

Если я смогу приспособиться к 0,84 «g», переход к земной нормали покажется мне тортом с шоколадной глазурью.

Обычно зал в полном моем распоряжении. Большинство пассажиров — с Земли или с Венеры, им нет нужды адаптироваться. Из дюжины с лишком марсиан, похоже, я одна всерьез принимаю грядущие тяготы. А пригоршню инопланетян мы даже не видим — они сидят в своих специально оборудованных каютах. Тренируются офицеры (многие из них настоящие фанатики спорта), но в те часы, когда пассажиры отдыхают.

Так вот, в тот день (тринадцатого Цереры по-нашему, но на «Трезубце» пользуются земным исчислением, так что пусть будет девятого марта, хотя земное время и отнимает по полчаса сна от каждой ночи) я ворвалась в зал такая злая, что готова была плевать ядом. Следовало переработать злость в мускулы, а то мне грозило содержание в кандалах за нанесение увечий.

И увидела там Кларка. Он был в шортах и со здоровенной штангой.

— Что ТЫ здесь делаешь? — выпалила я сгоряча.

— Тупею по твоему примеру, — буркнул он.

Правильно, сама напросилась: никто и ничто не запрещает Кларку тренироваться в зале. Я заткнулась, отшвырнула накидку и начала разминаться.

— Сколько весит? — спросила я про штангу.

— Шестьдесят кило.

Я взглянула на шкалу пружинного динамометра со стандартной земной шкалой — 52 %. Прикинула в уме: $52/37$ от шестидесяти плюс 900 на 37, да еще $1/9$ до 1000 на 40, минус 25 — одним словом, то же, что поднять 85 килограммов на Марсе.

— Чего же ты потеешь?

— Вовсе я не потею, — он положил штангу. — Посмотрим, как ты справишься.

— Давай!

Он отошел, я присела, взялась за гриф... и передумала.

Поверьте мне на слово, дома я все время работала с 90 кило, да и здесь нагружала штангу до привычного (сравнительно) веса плюс еще понемногу каждый день. Моя цель (похоже, безнадежная) — поднимать со временем тот же вес и на Венере.

Так что я вполне осилила бы 60 кило при 0,52 % земной нормали.

Но горе той девушке, которая покажет себя сильнее мужчины... даже если это всего лишь брат. Особенно если у этого брата злокозненный характер, а вы вдруг придумали, как использовать это в своих целях. Помните, я уже говорила, что если вы кого ненавидите, то Кларк — превосходный компаньон.

Так что я отдувалась и хрюкала, стараясь сыграть получше, потом вывела гриф на грудь, начала выжимать...

— Помоги, — заверещала я.

Кларк одной рукой подтолкнул в середине грифа, и мы выжали штангу до конца.

— Держи за меня, — выдавила я сквозь зубы.

Он опустил штангу на пол.

— Слушай, Кларк, ты стал ужасно сильным, — вздохнула я.

— Стараюсь.

Сработало: Кларк растаял до такой степени, какую позволяла его природа. Я предложила заняться акробатикой, если он не прочь работать вниз. Я, видите ли, не уверена, удержу ли его при 0,52 «g».

Он был не против — это давало лишний повод быть мужественным и мускулистым. А уж он-то точно удержит меня, ведь я на 11 кг легче штанги. Когда он был поменьше и оставался на моем попечении, мы частенько этим занимались, но тогда я поднимала его — только при этом условии он помалкивал. Сейчас он с меня ростом и, бьюсь, сильнее. Мы все еще кувыркаемся немного, но внизу работаем по очереди — дома, конечно.

Но при полуторной тяжести я предпочла не рисковать. Когда он поднял меня на вытянутых руках, я перешла к следующей фазе своего плана.

— Слушай, Кларк, как ты относишься к миссис Роуиер?

Он фыркнул и издал непристойный звук.

— А в чем дело?

— Да так. Ммм... не знаю, стоит ли говорить.

— Ты что, хочешь, чтобы я оставил тебя стоять в воздухе?

— Только посмей!

— Тогда договаривай, раз начала.

— Ладно. Только подожди, я встану на ноги.

Он подождал, и я спрыгнула на пол. При повышенном тяготении главное не сколько ты вешишь, а *быстро* ли ты падаешь. А у Кларка, если вывести его из себя, не заржавеет оставить меня в воздухе вниз головой.

— Ну так что насчет миссис Роуиер? — спросил он.

— Так, ничего особенного. Просто она считает всех марсиан швалью.

— Вот как? Ну, значит, это взаимно.

— Точно так. По ее мнению, это позор для Линии — позволять нам путешествовать первым классом... и Капитан, мол, не должен был сажать нас в одной столовой с порядочными людьми.

— Давай-ка поподробнее.

— Да тут, пожалуй, нечего рассказывать. Мы же отбросы общества. Ссылные. Сам знаешь.

— Забавно, — процедил Кларк. — Очень забавно.

— И ее подруга, миссис Гарсиа, с нею согласна. Но, наверное, не стоит об этом говорить. Ведь у каждого есть право на собственное мнение.

Кларк не ответил, а это очень плохой признак. Вскоре он ушел, так и не сказав ни слова. Я вдруг испугалась, что выпустила джинна из бутылки, окликнула его, но он не обернулся. Слух у него в полном порядке, но временами он нарочно глохнет.

Все равно было уже поздно. Я надела сбрую для грузов, добавила себе вес до венерианского и начала пробежку на тренажере. Вскоре я была вполне готова к душе и смене белья.

Откровенно говоря, мне было наплевать, что станется с этими гарпиями, и я надеялась, что Кларк проведет все на обычном высоком уровне, а сам останется чистеньким. И даже вне подозрений. Я не сказала Кларку и половины того, что услышала.

Честное слово, до полета на «Трезубце» я не догадывалась, что можно презирать людей за их происхождение или место жительства. Конечно, я встречала туристов с Земли, чьи манеры оставляли желать лучшего, но Па говорит, что все туристы кажутся нахальными, ведь они чужаки и не ведают местных обычаев. Я поверила, потому что Па никогда не ошибается. А профессор-землянин, которого он однажды приводил к нам обедать, был само очарование — значит, и у землян бывают хорошие манеры.

Я заметила, что пассажиры «Трезубца» чуждаются нас, но не придавала этому значения. В конце концов, даже на Марсе, где нравы просты и естественны, как и на всяком фронтире, незнакомые люди не бросаются друг другу на шею. Кроме того, большинство пассажиров летело с Земли; они уже сбились в кланы и клики, а мы были вроде новых ребят в чужой школе.

Как бы то ни было, я говорила «доброе утро» всем, кого встречала в коридорах, а если мне не отвечали — списывала это на глухоту. Для многих из пассажиров уже пришла пора быть тутоухими. Во всяком случае, пассажиры мало меня трогали, меня гораздо больше

привлекала дружба с офицерами корабля, особенно, с пилотами: они могли добавить к моим книжным познаниям бесценный опыт. Девушке очень трудно попасть на курсы пилотов, ей надо быть вчетверо лучше кандидата-мужчины, и здесь может помочь любая мелочь.

Мне сразу же подвернулся отличный случай: в столовой нас посадили за стол Капитана!

Это, конечно, из-за дяди Тома. Я не так спесива, чтобы не понять, что «мисс Подкейн Фрайз из Марсополиса» не много значит. (Ладно, подождите лет десять!) А вот дядя Том, хоть он и любит пинокль, все же Старший Полномочный Сенатор Республики. Наверняка, агент Линии Треугольника хорошо знал это и постарался, чтобы об этом узнал и экипаж «Трезубца».

Так или иначе, я не из тех, кто отвергает дары небес, каким бы путем они ни достались. С первых же минут я начала обрабатывать Капитана Дарлинга. Честное слово, у него такая фамилия — Бэррингтон Бэбкок Дарлинг. Интересно, не зовет ли его жена «Бэби Дарлинг»?*

Ясное дело, на борту у капитана нет имени: для команды он «Капитан», «Хозяин», «Шкипер», за глаза — «Старик». Но никогда его не называют по имени — он просто величественное и безличное олицетворение власти.

(Интересно, будут ли меня когда-нибудь называть за глаза Старухой? Как-то это не звучит.)

Но *со мной* Капитан Дарлинг не величествен и не безлик. Я вознамерилась внушить ему, что я ужасно славная соплячка, что совершенно благоговею перед ним и что я... не слишком умна. При первом знакомстве не стоит показывать мужчине, что у вас есть мозги — это сделает его неспокойным и подозрительным, вроде как Цезарь опасался «худого и голодного» вида Кассия**. Сперва надо перетянуть мужчину на свою сторону, а уж потом можно позволить ему — помалень-

* Дорогая крошка (англ.).

** «Хочу я видеть в свите только тучных,
А Кассий тощ, в глазах голодный блеск,
Он много думает — такой опасен».
В. Шекспир, «Юлий Цезарь».

ку — обнаружить у вас интеллект. Пусть думает, что ваш ум отпочковался от его собственного.

Так что я задалась целью внушить Капитану чувство стыда за то, что я не его дочь (у него, к счастью, одни сыновья). И не успела окончиться первая трапеза, как я открылась ему в своем страстном желании учиться на пилота... скрыв, конечно, высшие устремления.

И Кларк, и дядя Том сразу поняли мою игру. Но дядя Том ни за что бы меня не выдал, а Кларку было просто наплевать — он и с Армагедоном не станет связываться, если ему не отчислится 20 % прибыли.

Мне все равно, что подумали родственники о моей хитрости, главное — она сработала. Капитана Дарлинга, очевидно, позабавили мои грандиозные и «невозможные» стремления... и он предложил показать мне рубку управления.

Первый раунд по очкам выиграла Подди.

Теперь я — неофициальный талисман корабля с правом свободного посещения рубки управления и почти такими же привилегиями в инженерном отсеке. Ясное дело, Капитан не стал убивать время, обучая меня практической навигации. Он провел меня по рубке и на ясельном уровне объяснил, как что работает, а я слушала, старательно делая большие глаза. Я чувствую, что интересую его, но по-особому. Он не стремится усадить меня к себе на колени, не такой он человек, но должен же кто-то с видом изумленного котенка слушать его рассказы. Что я и делаю. При этом он литрами вливает в меня чай. Я и в самом деле хороший слушатель, ведь никогда не знаешь наперед, где обретишь что-нибудь полезное. Кроме того, в любой точке Вселенной женщина может прослыть «очаровательной», если слушает, пока говорит мужчина.

Но Капитан Дарлинг не единственный астрогатор на корабле.

Он пустил меня в рубку, а я сделала все остальное. Второй астрогатор, мистер Суваннавонг, просто диву дается, как быстро я усваиваю математику. Ему кажется, будто это он научил меня решать дифференциальные уравнения. Конечно, он, если говорить о чертовски сложных, которые используют для корректировки вектора корабля при постоянном ускорении. Но, если бы я

не прослушала дополнительный курс в прошлом семестре, я бы ни слова не поняла из его объяснений. Сейчас он учит меня составлять программу для баллистического компьютера.

Третий — младший астрогатор мистер Клэнси — еще доучивается, чтобы получить неограниченный сертификат, и у него есть все нужные мне справочники и учебные пленки. Он тоже всегда готов к услугам. Он ненамного старше меня и вполне мог бы заболеть хватательной болезнью... но только законченный болван полезет к женщине, когда она сама не дает ему повода. Мистер Клэнси далеко не глуп, а я поводов не даю.

Может быть, я поцелую его... минуты за две перед тем, как навсегда покину корабль. Не раньше.

Все они крайне предупредительны и считают мой серьезный подход к наукам очень милым. Хотя, правду сказать, практическая астрогация оказалась куда труднее, чем я ожидала.

Я догадывалась, что главным поводом к отчетливой неприязни было то, что нас посадили за стол Капитана, хотя брошюрка «Добро пожаловать на "Трезубец"!» (а она есть в каждой каюте) ясно говорит, что в каждом порту сотрапезники Капитана меняются — такова традиция — и что выбирают их из новых пассажиров.

Не думаю, что предупреждение делает эту рокировку приятнее, мне, например, совсем не понравится, когда на Венере меня выпихнут из-за капитанского стола.

Но это лишь одна из причин...

Только три пассажирки относились ко мне дружелюбно: миссис Грю, Герди и миссис Роуьер. Миссис Роуьер я встретила раньше всех и поначалу думала, что она мне понравится. Конечно, она скучновата, но к скуке у меня иммунитет. Я повстречалась с нею в холле в первый же день. Она поймала мой взгляд, улыбнулась, пригласила присесть рядом и засыпала вопросами о жизни на Марсе.

Я рассказала, хотя и не всю правду. Я сказала, будто Па — учитель, а мама воспитывает детей, и что мы с братом путешествуем при нашем дяде. Нехорошо хва-

стать своими предками, могут ведь и не поверить. Гораздо лучше, если люди сами узнают все хорошее о твоей семье. При этом можно надеяться, что ничего плохого до них не дойдет. (Я не хочу сказать, что за мамой и Па числится что-то плохое.)

Я сказала, что меня зовут Подди Фрайз.

— Подди? — переспросила она. — Мне кажется, в списке пассажиров я видела другое имя.

— Да, верно, мое полное имя — Подкейн, — объяснила я. — В честь марсианского святого.

Она о таком слыхом не слыхивала.

— Довольно странно давать девочке мужское имя, — вымолвила она.

Конечно, мое имя *действительно* необычно, даже среди людей Марса, но не по этой причине.

— Возможно, — согласилась я, — но марсиане сами выбирают себе пол.

— Ты шутишь! — выпучилась она.

Я начала было объяснять, как марсианин перед созреванием выбирает один из трех полов... и что это имеет значение лишь на кратком этапе его жизни.

Но вскоре я сдалась, увидев, что объясняю в глухую стенку. Миссис Роуер просто не могла вообразить другую жизнь, непохожую на ее собственную. Я быстро сменила тактику.

— Святой Подкейн жил *очень давно*. Никто в точности не знает, мужчина это или женщина. Это просто традиция.

Конечно, традиция эта вполне определена, и многие из живущих ныне *настоящих* марсиан ведут свой род от святого Подкейна. Па говорил, что мы точнее знаем то, что было на Марсе миллион лет назад, чем то, что было две тысячи лет назад на Земле. Во всяком случае, большинство марсиан включают «Подкейн» в длинный список своих имен — у них в ходу этакий генеалогический конспект. Считается, что он (или она, или оно) может в трудную минуту придти на помощь своему «крестнику».

Как я уже говорила, Па — романтик и ему показалось, что будет здорово снабдить девочку таким сильным покровителем. Я не романтична и не суеверна, но мне нравится носить имя, принадлежащее только мне и

никому другому. Лучше быть Подди Фрайз, чем одной из сонмища Элизабет, Дороти или еще каких-нибудь.

Но миссис Роулер все это явно ставило в тупик, так что мы вскоре сменили тему. С высот своего опыта «старого космического волка», основанного на единственном перелете с Земли на Марс, она поведала мне много всякого о кораблях и космических полетах. В большинстве своем ее суждения и рядом не лежали с истиной, но я слушала и не перебивала. Она представила меня кое-кому из пассажиров и выложила массу сплетен о них, об офицерах корабля etc. Между делом она ознакомила меня со своими хворями, болячками и симптомами, поведала какая важная шишка ее сын и какой важной шишкой был ее покойный муж, пообещала познакомить с Достойными Людьми, когда прибудем на Землю.

— Может быть, у вас на Марсе этому не придают особого значения, но в Нью-Йорке УЖАСНО ВАЖНО ПРАВИЛЬНО НАЧАТЬ.

Я определила ее для себя как глупую, но безвредную болтушку.

Однако очень скоро я обнаружила, что не могу от нее отделаться. Когда я шла через холл в рубку, она ловила меня, и я не могла удрать, не прибегая к прямой грубости или явной лжи.

Вскоре она начала использовать меня как девочку на побегушках. «Подкейн, дорогая, не могла бы ты сходить ко мне в каюту за лиловой шалью. Она, кажется, на кровати... или в шкафу. Что-то меня знобит» или «Подди, детка, я звонила-звонила, а стюардеса словно оглохла. Принеси мне книгу и вязанье, ладно. А заодно — чашечку чая из буфетной».

Ну ладно, я здоровая, а у нее, может, трещат колени. Но это продолжалось бесконечно... а чуть погодя, вдобавок к этому, я сделалась и сиделкой при ней. Сначала она попросила почитать ей на сон грядущий. «Такая ужасная мигрень, а твой голос, лапочка, так успокаивает».

Целый час я читала, еще час растирала ей виски и затылок. Конечно, человек время от времени должен для тренировки оказывать другим мелкие услуги. У

мамы, когда она перерабатывает, бывают жуткие головные боли, и массаж хорошо помогает.

В этот раз ей вздумалось заплатить мне. Я отказалась. Она настаивала.

— Ну-ну, детка, не спорь с тетей Флосси.

— Нет, миссис Роулер. Лучше передайте эти деньги в Фонд инвалидов космоса. А я не могу их взять.

Она сказала «фи» и «ерунда», при этом попыталась всунуть их мне в карман. Я выскользнула и пошла спать.

За завтраком я ее не видела — ей подают в каюту. Однако еще до полудня стюардесса сообщила, что миссис Роулер хочет меня видеть и ждет у себя. Это было совсем не ко времени: мистер Суваннавонг сказал, что если я зайду в рубку часам к десяти, то увижу весь процесс коррекции траектории и он объяснит мне все стадии. Если бы она убила более пяти минут моего времени, я бы опоздала.

Все же я заглянула к ней. Она была, как и всегда, приветлива.

— А вот и ты, дорогая! Я так долго тебя ждала. Эта дура стюардесса... Подди, милочка, вчера ты прямо чудо сотворила... а сегодня у меня буквально отнялась спина. Ты представить себе не можешь, как это ужасно! Вот если бы ты, по своей ангельской доброте, чуть-чуть помассировала меня... ну с полчасика, я бы воспрянула. По-моему, массажный крем вон там, на туалетном столике... Помоги мне, пожалуйста, снять халат.

— Миссис Роулер...

— Да, душечка? Крем вон в том толстом розовом тюбике. Нужно всего...

— Миссис Роулер, я не могу. Я опаздываю.

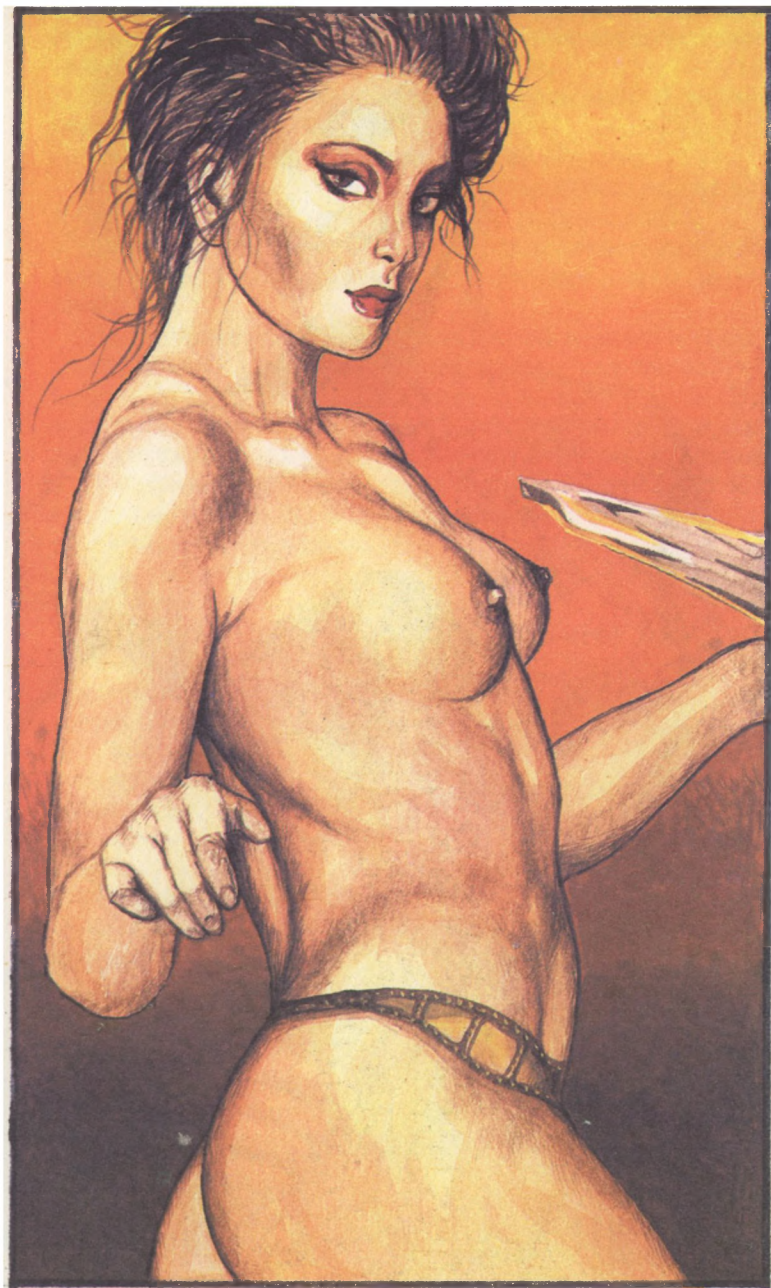
— Как так, дорогая? Ой, все это глупости, пусть подождут. На этом корабле ничего не делается вовремя. Тебе, наверное, лучше нагреть ладони перед...

— Миссис Роулер, я не буду этого делать. Если у вас болит позвоночник, я и дотрагиваться до него не должна, можно покалечить. Если хотите, я попрошу врача зайти к вам.

Она резко сменила тон.

— Ты хочешь сказать, что не желаешь этого делать?

— Можно сказать и так. Позвать вам врача?

— Ах ты гадкая... УБИРАЙСЯ ВОН!

Я убралась.

На следующее утро я встретила ее в коридоре. Она глянула сквозь меня, я тоже промолчала. Шла она ровно — видно, спине полегало. В тот день мы встречались еще дважды, и оба раза она меня в упор не видела.

Утром следующего дня я торчала в холле у визора — изучала учебную пленку мистера Клэнси о сближении и стыковке с помощью радара. Визор стоит в углу, за рядом искусственных пальм и меня, наверное, совершенно не было видно. А может, им было наплевать.

Я прервалась, чтобы отдохнули глаза и уши, и услышала голос миссис Гарсиа. Она разговаривала с миссис Роуиер.

— ...что мне там совсем не нравится, так это промышленности. Почему бы не оставить Марс естественным и прекрасным?

— Чего же от них ожидать? Это жуткие люди!

Официальный язык корабля — орто, но многие пассажиры беседуют по-английски и часто с таким видом, будто никто не способен их понять. Эти даже не понимали голоса. Я прислушалась.

М-с ГАРСИА: Именно это я говорила миссис Римски. Они же все преступники.

М-с РОУИЕР: Если не хуже. Вы заметили эту маленькую марсианку? Племянницу, как они говорят, этого огромного черного дикаря?

Я сосчитала от десяти до нуля на древнемарсианском и напредила себе, чем карается убийство. Я не против, когда меня называют марсианкой. Они же ни черта не знали о Марсе, и уж, во всяком случае, это не походило на оскорбление. Марсиане имели высокую культуру задолго до того, как люди поднялись с четверенек. Но «черный дикарь»! Дядя Том такой же смуглый, как я светлая. Маорийская кровь плюс марсианский загар сделали его кожу похожей на хорошо выделанное седло. Не знаю, как другим, а мне нравится. И уж конечно, дядя Том никакой не дикарь — он умный,

воспитанный, вежливый... и куда бы он ни поехал, все его любят.

М-с ГАРСИА: Да, видела. По-моему, ничего особенного. Конечно, она эффектна, но все это дешевка, хотя и привлекает некоторых мужчин.

М-с РОУЙЕР: Вы далеко не все знаете, дорогая. Я попыталась было ей помочь — мне ее жалко стало, и я всегда готова помочь тем, кто ниже меня по положению.

М-с ГАРСИА: Ну конечно, дорогая.

М-с РОУЙЕР: Я попробовала намекнуть ей, как надо держаться с достойными людьми. Я даже платила ей за разные мелкие услуги, чтобы она не чувствовала себя неловко. Но она оказалась неблагодарной тварью — вообразила, что может выжать из меня побольше. Она так грубо вела себя, что я даже испугалась за свою жизнь. Ну и мне, конечно, пришлось выставить ее.

М-с ГАРСИА: Вы мудро поступили, что отделались от нее. Природа — хорошая или дурная — всегда дает себя знать. А смешанная кровь — это ХУЖЕ ВСЕГО. Все они преступники... да еще это БЕССТЫДНОЕ СМЕШЕНИЕ РАС. В этой семейке все налицо. Мальчишка совсем не похож на сестру, а дядя... Вы ведь намекнули на это, дорогая? Вам не кажется, что она ему вовсе не племянница... а, скажем, гораздо ближе?

М-с РОУЙЕР: Это на них похоже!

М-с ГАРСИА: Ну же, Флосси, расскажите, что вам известно.

М-с РОУЙЕР: Да ничего я не говорю. Но у меня есть глаза — как и у вас.

М-с ГАРСИА: И это на виду у всех!

М-с РОУЙЕР: Вот чего я никак не пойму — почему Линия позволяет *этим* жить вместе с нами. Может, она и обязана возить их по какому-то глупому договору, но нельзя же заставлять нас общаться с ними... и даже *есть* в одной столовой!

М-с ГАРСИА: И я так же думаю. Как только вернусь домой, сразу же напишу самую решительную статью об этом. Всему есть предел. Знаете, мне сперва показалось, что капитан Дарлинг — джентльмен... Но когда я увидела этих созданий за его столом... я прямо глазам своим не поверила. Меня чуть не стошнило.

М-с РОУЙЕР: Да, конечно. Но ведь капитан и сам родом с Венеры.

М-с ГАРСИА: Но на Венеру никогда не высылали преступников. И этот мальчишка... он сидит на моем месте, на моем стуле!

(Я отметила для себя: попросить стюарда заменить Кларку стул. Еще заразится, чего доброго.)

На этом они покончили с нами, «марсианами», и принялись перемывать косточки Герди, жаловаться на пищу и обслуживание, за глаза лягать кое-кого из своей когорты. Но я уже не слушала, просто молча сидела и молилась, чтобы достало терпения посидеть молча еще чуток: если бы они меня заметили, я бы их проткнула их же спицами.

Наконец они ушли поднабраться сил для второго завтрака. Я вскочила, переоделась в спортивный костюм и понеслась в зал, чтобы как следует измотаться и никого не покалечить.

Там я встретила Кларка и сказала ему ровно столько, сколько было нужно. А может быть, слишком много.

Глава 7

Мистер Суваннавонг сказал, что в любой момент мы можем встретить радиационный шторм, и что сегодня у нас будет учебная тревога, для практики, так сказать. Станция солнечной погоды на Меркурии сообщила, что наступает сезон вспышек. Предупреждены все корабли и обитаемые спутники. Предполагают, что сезон вспышек продлится около...

ХОП! Учебная тревога застала меня на середине фразы. Потренировались, и Капитан застрашал всех до дрожи. Кое-кто хотел наплевать на тревогу — их приволокли члены команды, облаченные в тяжелые скафандры. Приволокли и Кларка. Его выгудили последним, и Капитан Дарлинг публично отчитал его (выговор был шедевром ораторского искусства), а под конец пообещал, что, если в следующий раз Кларк не окажется в убежище первым, он безвылазно проведет там весь остаток рейса.

Кларк выслушал все это с обычной своей деревянной физиономией, но его, похоже, проняло. Уверена, что и на прочих пассажиров речь произвела должное впечатление. От таких словес за двадцать шагов волосы дыбом встают. Похоже, что именно для прочих она и предназначалась.

Потом Капитан заговорил тоном терпеливого учителя и простыми словами объяснил, почему нужно бе-

жать в убежище *сразу же*, даже если принимаешь в это время ванну, и почему все будут в безопасности, если выполнят инструкцию.

Он сказал, что во время вспышек возникает излучение, очень похожее на рентген. («И кое-что еще», — подумалось мне.) Такое излучение всегда присутствует в космосе, но вспышки делают его в 1000, а то и в 10000 раз интенсивнее «нормального», а поскольку мы пересекли орбиту Земли, это, мягко выражаясь, не подарок: незащищенного человека убивает быстрее, чем пуля в затылок.

Потом он рассказал, почему мы обходимся без брони в 10000 раз толще нашей. Действует принцип каскада: внешний корпус поглощает более 90 % любого излучения; следом идет «кессон» (грузовые отсеки и баки с водой) — он задерживает еще немного. Потом идет внутренний корпус — цилиндр, в котором расположены каюты первого класса.

Во всех обычных случаях такой защиты хватает — уровень радиации в каютах ниже, чем у нас на Марсе, ниже, чем на Земле, особенно в горах. (Интересно будет посмотреть на земные горы.)

Но вот в один прекрасный день на вас обрушивается отнюдь не прекрасный солнечный шторм, и уровень радиации увеличивается в 10000 раз. Можно во сне получить смертельную дозу и проснуться лишь на том свете.

Волноваться, однако, не стоит. Убежище находится в самом центре корабля, под защитой еще четырех корпусов и каждый задерживает свыше 90 % того, что пропускает предыдущий. Примерно так:

10000

1000 (после первого корпуса)

100 (после второго корпуса)

10 (после третьего корпуса)

1 (после четвертого, внутри убежища)

На самом же деле защита гораздо лучше, и во время солнечного шторма в убежище безопаснее, чем в Марсополисе.

Единственное (зато большое) неудобство — убежище немногим больше рубки и пассажиры плюс команда теснятся в нем, как щенки в корзине. Мое место —

ячейка чуть подлиннее, чем я сама, шириной в полметра и еще полметра в высоту. С обеих сторон торчат локти соседей. Я не страдаю клаустрофобией, но даже в гробу, наверное, просторнее.

Паек — сплошные консервы, НЗ на всякий случай, а средства личной гигиены иначе как ужасными не назовешь. Молю бога, чтобы это был просто солнечный шквал, за которым обычно следует хорошая «погода». Если нам суждено сидеть в убежище до Венеры, чудесное путешествие обернется кошмаром.

Капитан закончил так:

— Может быть, мы получим предупреждение со станции «Гермес» минут за пять или десять. Но это вовсе не значит, что вы будете добираться до убежища пять минут. Как только прозвучит сигнал тревоги, НЕ-МЕДЛЕННО БЕГИТЕ В УБЕЖИЩЕ. Со всех ног. Если вы раздеты, позаботьтесь прихватить что-нибудь, а одеваться будете уже здесь. Если вы задержитесь хоть на секунду, вы можете погибнуть.

Члены команды после сигнала общут всю пассажирскую зону. У них приказ — силой тащить в убежище любого, кто шевелится недостаточно быстро. Они не будут церемониться, я разрешаю им бить, пинать и волоочь по полу.

И последнее. Кое-кто из вас пренебрегает личными счетчиками облучения. Закон позволяет мне наложить за это крупный штраф. Обычно я смотрю на это сквозь пальцы — здоровье ваше, не мое. Но сейчас счетчики обязательны. Всем вам раздадут новые счетчики, старые нужно сдать врачу. Он занесет данные в ваши карточки.

Потом он скомандовал отбой и мы, потные и взъерошенные (я, во всяком случае), пошли в пассажирскую зону. Едва я начала умываться, как СНОВА прозвучал сигнал тревоги, и я пронеслась через четыре палубы со скоростью перепуганной кошки.

На финиш я пришла лишь второй, хотя и с минимальным разрывом: на полпути меня обогнал Кларк.

Это была очередная тренировка. На этот раз все уложились в четыре минуты, и Капитан остался доволен.

До сих пор я спала голышом, но отныне буду надевать пижаму, а рядом класть халат. Конечно, Капитан Дарлинг — душа, но слов на ветер не бросает. Не стоит изображать леди Годиву*, тем более что на корабле нет ни одной лошади.

Нынче за обедом не было ни миссис Роуиер, ни миссис Гарсиа, хотя во время тревог они проявляли изумительную прыть. И в холле после обеда их не было; каюты их заперты, и я видела, как от миссис Гарсиа выходил врач.

Забавно. Не отравил же их Кларк, в самом деле. А может, и отравил. Самого его я спросить не решаюсь, боюсь ответа.

Узнавать что-либо у врача значило привлечь внимание к семье Фрайз. Хорошо бы уметь видеть сквозь стены, если такое, вообще, возможно.

Надеюсь, таланты Кларка не проявились здесь в полной мере. Конечно, я по-прежнему зла на этих двух... потому что во всех пакостях, которые они изрыгали, ровно столько правды, чтобы разозлить. У меня действительно смешанная кровь. Кое-кому это может не нравиться, но на Марсе это в порядке вещей. Среди моих предков есть ссыльные, я никогда этого не скрывала. Но ссыльный — не обязательно преступник. Было время, когда на Земле заправляли политические комиссары, а Марс служил исправительной колонией для инакомыслящих. Это все знают, и стыдиться тут нечего.

Людей ссылали на Марс по политическим мотивам. Что же в этом страшного?

Потом на Марс прибыли колонисты, их было раз в пятьдесят больше, чем ссыльных, и каждый из них отбирался тщательнее, чем невеста выбирает подвенечное платье. Только намного научнее. И наконец, после нашей Революции, мы отменили все препоны для въезда и рады приветствовать любого человека, нормально-го физически и умственно.

* Леди Годива, графиня Ковентри, проехала по улицам города обнаженной, чтобы избавить подданных от непосильных податей, наложенных ее супругом.

Я не стыжусь ни своих предков, ни своего народа, какого бы цвета ни была их кожа и как бы они ни попали на Марс. Я горжусь ими. И меня бесит, если кто-то над ними издевается. Кстати, ручаюсь головой, что эти две гримзы не получили бы вида на жительство даже при нынешней политике открытых дверей. Они слабоумные.

Я все же надеюсь, что Кларк не хватил через край. Я бы не хотела, чтобы он провел всю свою жизнь на Титане. Люблю я этого бандита.

Немного.

Глава 8

Не миновал нас этот шторм. Правда, шторм был дохленький: радиация всего в 1500 раз превысила нормальную для этих мест — мы сейчас в 0,8 астрономической единицы от Солнца, то есть примерно в 120 миллионах километров, если пользоваться более наглядными мерами. Мистер Суваннавонг сказал, что хватило бы перевести пассажиров первого класса на палубу второго. Конечно, это было бы удобнее, чем запихивать всех, кто есть на корабле, в этот мавзолей абсолютной безопасности. Каюты второго класса — тесные и мрачные, а что до третьего... лучше уж лететь вместе с грузом.

Но второй и третий покажутся раем после 18 часов в убежище. Лучше уж в улье жить.

Первый раз в жизни я позавидовала пассажирам-инопланетянам. Они не спешат в убежище, а остаются в своих каютах. Их вовсе не бросают на произвол судьбы, их каюты с индексом «Х» находятся почти в самом центре корабля. Кроме того, у них автономная защита. Нельзя же ожидать от марсианина, что он будет обходиться без привычных давления и влажности. Это все равно, что сунуть его головой в ванну и подержать там. Конечно, если бы у него была голова.

И все же лучше уж потерпеть 18 часов, чем всю дорогу сидеть взаперти в одной клетушке. Правда,

марсианин способен все это время (и даже дольше) рассматривать тонкую разницу между понятиями «ноль» и «ничто», а венерианец попросту эстивирует. Но все это не по мне. Приключения нужны мне больше, чем покой, а то у меня дым из ушей пойдет.

Капитан не знает заранее, долгим будет шторм или коротким. Он обязан предположить худшее и обеспечить безопасность пассажиров и команды. Потом выяснилось, что между сигналом тревоги и первым ударом шторма прошло одиннадцать минут. Но это было потом... а капитан, если он задним умом крепок, утробит и корабль, и экипаж, и пассажиров.

Я начала понимать, что быть капитаном — это не только принимать приветствия, носить четыре золотых шеврона и возглавлять экипаж в разных рискованных приключениях. Капитан Дарлинг моложе Па, но выглядит старше — из-за морщин.

ВОПРОС: Подди, ты уверена, что сможешь командовать исследовательским кораблем?

ОТВЕТ: А что такое было у Колумба, чего нет у меня? Не считая, конечно, королевы Изабеллы. Держись на курсе, девчонка!

Я часто бывала в рубке перед штормом. Станция «Гермес» не предупреждает о начале шторма, скорее наоборот. Она НЕ предупреждает, что шторм НЕ начался. Звучит, конечно, диковато, но дело тут вот в чем.

Наблюдатели «Гермеса» работают в абсолютной безопасности — в бункерах на теневой стороне Меркурия. Их приборы осторожно высовываются из-за горизонта в зону терминатора и выжимают из Солнца всю возможную информацию, включая непрерывные телефото на волнах разной длины.

Но Солнце совершает полный оборот за 25 дней, поэтому «Гермес» не может наблюдать его все время целиком. Еще хуже, что Меркурий и сам обращается вокруг Солнца в направлении его вращения, совершая один оборот за 88 дней, так что, когда Солнце снова поворачивается к Меркурию той же стороной, его там уже нет. Все это приводит к тому, что «Гермес» наблюдает одно из полушарий Солнца примерно раз в семь недель.

Само собой разумеется, что так нельзя предсказать шторм, который может сформироваться за день-другой, набрать силу за считанные минуты и за секунду прикончить все живое.

Правда, за солнечной погодой приглядывают и с Луны, и с искусственного спутника Венеры, и немножко с Деймоса, но информация с этих станций запаздывает на Меркурий из-за ограниченной скорости света. Около 15 минут опоздания для Луны и 1000 секунд для Деймоса... многовато, когда счет идет на секунды.

Но сезон сильных штормов в цикле Солнца недолог — примерно, один год из шести. (Я имею в виду настоящие, марсианские годы. Вообще-то, цикл составляет около одиннадцати земных лет, которыми почему-то упорно пользуются астрономы.)

Это облегчает положение: пять лет из шести корабли могут летать без особого риска.

А вот во время штормов осторожный шкипер (а только такие и доживают до пенсии) спланирует полет так, чтобы пересечь орбиту Земли в то время, когда Меркурий лежит между ним и Солнцем, чтобы «Гермес» всегда мог предупредить его. Именно так поступил Капитан Дарлинг: «Трезубец» задержался на Деймосе на три недели, чтобы подойти к Венере под контролем «Гермеса» — ведь сейчас середина сезона штормов.

Надо думать, эти задержки — нож острый для администрации Линии, во время штормов они терпят убытки. Но лучше уж потерять деньги, чем корабль с пассажирами.

Тупик? Не совсем. «Гермес» может заметить собирающийся шторм, распознать такую ситуацию на Солнце, которая почти наверняка означает будущую вспышку. Они посылают штормовое предупреждение, а на «Трезубце» и других кораблях проводят учебные тревоги. А потом наступает ожидание. Мы ждем день, два или целую неделю, а шторм тем временем или скисает, или развивается и начинает плевать всякой гадостью по всем осям координат.

И все это время радиостанция «Гермеса» непрерывно передает штормовое предупреждение и сводку состояния Солнца...

...и вдруг передача прерывается.

Возможно, упало напряжение в сети «Гермеса» и вскоре включится аварийный передатчик. Возможно, виновато обычное «затухание» радиоволн, а шторм еще не разразился, и вскоре «Гермес» пришлет ободряющую сводку.

Но возможно, что на Меркурий со скоростью света обрушился первый солнечный шквал, выжег датчики приборов и голос станции поглощен более мощным излучением.

Дежурный офицер в рубке ничего не знает наверняка, а рисковать не имеет права. Как только связь прерывается, он мгновенно включает большой секундомер. Когда тот отстучит положенное время (и если «Гермес» еще молчит) — раздается сигнал общей тревоги. Эта отсрочка зависит от положения корабля относительно Солнца и «Гермеса».

Вот тут-то капитан начинает грызть ногти и зарабатывает седину и высокое жалование... Ведь именно он должен решать, на сколько секунд отсрочить тревогу. Собственно, если учесть, что первый шквал движется со скоростью света, у него вообще нет времени, потому что частицы достигают корабля в то же мгновение, когда прерывается передача. А если корабль в неудобном положении, если забит радиоприем, он может просто не услышать «Гермеса». И не узнать последних новостей.

Но он хорошо знает, что, если всякий раз будет включать сирену и гнать всех в убежище, люди перестанут пугаться и в случае настоящей тревоги среагируют недостаточно быстро.

Еще он знает, что наружная обшивка останавливает любое излучение электромагнитного спектра. Только самое жесткое рентгеновское излучение (а больше ничего не распространяется со световой скоростью) способно проникнуть в пассажирскую зону, да и то немного. Но чуть погода приходит настоящая опасность — тяжелые, средние, легкие частицы — весь обычный мусор ядерного взрыва. Все это летит быстро, но не со скоростью света. До встречи с ними людей надо укрыть в убежище.

Капитан Дарлинг, исходя из положения корабля и сводки «Гермеса», назначил отсрочку в 25 секунд. Я спросила, почему он выбрал именно этот интервал, а он только осклабился без особого веселья и сказал: «Посоветовался с духом моей бабушки».

Пока я была в рубке, дежурный пять раз включал секундомер... и пять раз связь с «Гермесом» восстанавливалась.

На шестой раз секунды истекли одна за другой, связь не восстановилась, и, словно труба Страшного Суда, завыл сигнал тревоги.

Капитан с каменным лицом подошел к люку, ведущему в убежище. Я осталась на месте, надеясь, что мне позволят остаться в рубке. Собственно, рубка — тоже часть убежища, сообщается с ним и защищена не хуже.

Просто удивительно, сколько людей уверены, будто капитан управляет кораблем, глядя в иллюминатор, вроде как автомобилем. Все, конечно, по-другому. Рубка расположена в центре корабля, а управлять гораздо удобнее с помощью экранов и навигационных приборов. Единственный смотровой иллюминатор расположен на носовом конце главной оси «Трезубца». Он сделан для того, чтобы пассажиры могли полюбоваться звездами. Но мы все время движемся «носом к Солнцу», так что он всегда задраен.

Я знала, что рубка в безопасности, и чуть задержалась — авось меня как «любимицу капитана» оставят здесь, и не придется проводить часы или даже дни на тесной полке среди балаболок и истеричек.

Я могла бы и сама догадаться. Капитан чуть задержался, входя в люк и отрывисто произнес: «Пойдемте, мисс Фрайз».

Я пошла. Он всегда называл меня просто «Подди», но на этот раз в его голосе сквозил металл.

В убежище уже вваливались пассажиры третьего класса, идти им было ближе всех, а члены команды распределяли их по койкам. После первого предупреждения с «Гермеса» экипаж перешел на особый график: вместо одной вахты в сутки они дежурили четыре часа и четыре часа отдыхали. Часть команды всегда в скафандрах (надо думать, это ДЬЯВОЛЬСКИ неудобно). Они просто присутствуют в пассажирской зоне. Им

запрещено снимать скафандры, пока не придет смена, тоже в скафандрах. Это «охотники», они рискуют жизнью, проверяя пассажирскую зону, выковыривают копуш из кают и после всего этого пытаются вовремя добраться до убежища, не получив лучевого удара. Все они — добровольцы. «Охотники», занятые по сигналу тревоги, получают солидную премию, а те, кто к этому времени сменился, — премию поменьше.

Первым отрядом «охотников» командует старший помощник, вторым — казначей. Они не получают ни гроша, хотя по закону и традициям последними входят в убежище... это считается не только обязанностью, но и делом чести.

Остальные члены команды дежурят в убежище.

Разумеется, из-за того что часть команды оторвана от своих обычных обязанностей, обслуживание резко ухудшилось. Большинство постов по тревожному расписанию занимает именно обслуживающий персонал: инженеров, связистов и иже с ними нельзя отрывать от работы. Так что каюты весь день остаются неприбранными, если не прибирать самой, обед затягивается вдвое, а обслуживание в холле и вовсе отменено.

Казалось бы, пассажиры должны понимать неизбежность этих мелких неудобств и благодарить людей, которые обеспечивают их безопасность.

Как бы не так! Поверьте этому — и вы поверите чему угодно. Вы ничего не видели в жизни, если не видели пожилого богатого землянина, которому приходится обходиться без привычных удобств. Он думает, что купил все и вся, заплатив за билет. Я видела, как одного такого чуть удар не хватил, а ведь он в возрасте дяди Тома и должен бы соображать, что к чему. А он побагровел, полиловел, понес околесицу, и все потому, что официант не сразу принес ему новую колоду карт.

Официант в это время сидел в скафандре, а стюард пытался успеть в три места разом, да еще отвечал на вызовы из кают. Но нашему славному попутчику на все это было наплевать, он угрожал вчинить иск Линии и всем ее директорам.

Конечно, не все ведут себя так. Миссис Грю, не смотря на полноту, сама заправляет постель и никогда не теряет терпения. И некоторые из тех, кто раньше

требовал массу услуг, тоже стараются обойтись собственными силами.

А некоторые ведут себя, прямо как избалованные дети. Это и в детях-то неприятно, а уж в дедушках и бабушках — просто отвратительно.

Итак, я вошла вслед за Капитаном в убежище и сразу же убедилась, как четко работает тревожная команда «Трезубца». Меня схватили прямо в воздухе, как мяч, и передали из рук в руки. Конечно, при 0,1 «g» это нетрудно, но все равно дух захватывает. Меня запихнули на полку так же небрежно и безразлично, как хозяйка укладывает чистое белье. Кто-то крикнул: «Фрайз Подкейн!», а другой ответил: «Есть».

Места вокруг меня заполнялись удивительно быстро — команда работала с невозмутимым автоматизмом робота-сортировщика почтовых капсул. Где-то плакал ребенок, и сквозь плач я услышала, как Капитан спросил: «Это последняя?»

«Последняя, капитан, — ответил казначей. — Как со временем?»

«Две минуты тридцать семь секунд. Твои ребята могут подсчитывать фишки — тревога не учебная».

«Я так и подумал, Шкипер. Значит, я выиграл пари у старпома».

Тут казначей пронес кого-то мимо моей полки. Я попыталась приподняться, треснулась головой и глаза мои полезли на лоб.

Пассажирка, которую он нес, была в обмороке — голова ее моталась. Сначала я не узнала ее, потому что лицо у нее было ярко-ярко красное. Потом чуть не упала в обморок сама: это была миссис Роуер.

Эритема — первый симптом при любом сильном облучении. Даже когда перекалишься на солнце или под ультрафиолетовой лампой, первое, что бросается в глаза, — розовая или ярко-красная кожа.

Но как ее утраздило схватить ТАКУЮ дозу? Или это потому, что ее принесли последней?

В таком случае, обморок здесь ни при чем. Она была мертва.

А это значило, что те из пассажиров, кто последними добрался до убежища, получили две или три смертельные дозы. Они еще ничего не чувствуют и могут

прожить еще несколько дней. Но они так же мертвы, как если бы лежали в морге.

Сколько их! Догадаться я не могла. Возможно, точнее, *вероятно*, — все пассажиры первого класса, им дольше всех добираться, да и защита тоньше.

Дядя Том и Кларк...

Тут на меня накатил черная тоска и я пожалела, что была в это время в рубке. Если дядя Том и Кларк при смерти, мне и самой незачем жить.

Не помню, чтобы я хоть в малой степени жалела миссис Роулер. Конечно, ее полыхающее лицо меня потрясло. Но ведь, правду сказать, я считала ее саму паразитом, а ее суждения — достойными лишь презрения. Умри она от сердечной недостаточности, клянусь, я не потеряла бы аппетита. Никто ведь не точит слез над теми миллионами и миллиардами, что умерли в прошлом... или по тем, что еще живут, или по тем, кому предстоит родиться и в конце концов умереть. Включая и саму Подкейн Фрайз. Так не глупо ли реветь, оттого что оказалась рядом, когда та, кого ты не любишь — фактически, презираешь — отдает концы?

Некогда мне было ее жалеть — я горевала о братишке и дяде. Я казнила себя, что не жалела дядю Тома, по каждому поводу садилась ему на шею и заставляла все бросать, чтобы помочь мне. И за то, что так часто дралась с Кларком. Он, в конце концов, был ребенком, а я женщина, должна понимать.

Глаза мои наполнились слезами, и я чуть не пропустила первые слова Капитана.

— Спутники, — сказал он ровно и твердо, — моя команда и наши гости на борту «Трезубца»... это не тренировка, это — настоящий солнечный шторм.

Пожалуйста, не волнуйтесь. Все мы и каждый из нас — в абсолютной безопасности. Наш врач проверил личный счетчик у последнего, кто вошел в укрытие. Его показания не внушают опасений. Даже если сложить их с общей дозой облучения самого облученного человека на борту — это, кстати, один из членов команды — сумма окажется ниже опасной для здоровья и сохранности генов.

Повторяю. Никто не пострадал и теперь уже не пострадает, просто нам предстоят некоторые неудобст-

ва. Я хотел бы вам сказать, сколько времени придется сидеть в убежище, но сам не знаю. Может быть, несколько часов, может — несколько дней. Самый долгий шторм продолжался менее недели. Надеюсь, что старина Сол рассердился не всерьез. Но нам придется сидеть здесь, пока с «Гермеса» не дадут отбой. Когда шторм кончится, понадобится еще немного времени, чтобы проверить корабль и уровень радиации в ваших каютах. А пока будьте терпимее, повторяю, терпимее друг к другу.

Стоило Капитану заговорить, и мне стало легче. Его голос завораживал, он успокаивал нас, как материнская колыбельная — младенца. Я немножко отошла от пережитых страхов, но чуть позже принялась размышлять. Мог ведь Капитан Дарлинг сказать нам, что все в порядке, просто потому, что уже ничего не поделаешь?

Я перебрала в уме все, что знала о лучевом поражении, начиная с детсадовского курса личной гигиены и кончая одной из пленок мистера Клэнси, которую я просмотрела на этой неделе.

И решила, что Капитан сказал чистую правду.

Почему? Потому что, если бы даже сбылись мои опасения и нас ударило бы так сильно, словно рядом рванула ядерная бомба, все равно можно кое-что предпринять. Нас поделили бы на три группы. В первую вошли бы те, кто совсем не пострадал и наверняка не умрет (это все, кто был в рубке плюс все или почти все пассажиры третьего класса, если они не мешкали). Вторая группа — облученные так страшно, что умрут наверняка, несмотря ни на что (скажем, пассажиры первого класса). И, наконец, третья группа, не сказать насколько большая, — те, кто облучен опасно, но могут быть спасены, если действовать быстро и решительно.

В этом случае не было бы так тихо.

У нас забрали бы личные счетчики и заново пересортировали бы нас, выбирая тех, кто нуждается в немедленном лечении, кололи бы морфий обреченным и отделяли бы их от прочих, а тех, кто был в безопасности, собрали бы в кучу, чтобы не путались под ногами или приставили бы помогать врачу.

Вот как должно бы быть. Но ничего не происходило, абсолютно ничего — только слышалось бормотанье и

рев малышей. Даже на наши счетчики не смотрели. Похоже, врач и в самом деле проверял их только у аутсайдеров.

Следовательно, Капитан сообщил нам простую и ласкающую сердце истину.

Я так обрадовалась, что забыла удивиться помидорной внешности миссис Роулер. Улеглась поудобнее и начала обсасывать теплый и счастливый факт: мой милый дядя Том не собирается умирать, а братик проживет достаточно долго, чтобы причинить мне кучу мелких хлопот. Я даже задремала...

...и вдруг моя соседка справа завизжала: «Выпусти-те меня отсюда! *Выпустите меня отсюда!!!*»

И снова я увидела, что такое решительные действия в особом положении.

К нам вскарабкались двое из команды и сцапали ее. Тут же стюардесса запечатала ей рот клейкой лентой и сделала укол в руку. Мою соседку чуть придержали, пока она не перестала трепыхаться, а потом куда-то унесли.

Вскоре появилась другая стюардесса. Она собрала личные счетчики и раздала снотворное. Многие взяли, но я отказалась — я вообще не люблю таблеток и, уж конечно, не буду глотать препарат, который вырубит меня на самом интересном месте. Стюардесса настаивала, но я не сдавалась. Наконец она пожала плечами и отошла. Потом было еще три-четыре приступа острой клаустрофобии (или истерических припадков, я не знаю). Со всеми справились быстро и без шума. Убежище затихло, если не считать храпа, нескольких голосов и неумолчного рева младенцев.

В первом классе детей немного, а младенцев нет вовсе. Во втором — детей достаточно, а уж третий прямо кишит ими, словно каждая семья везет хоть одного сосунка. Оно и понятно: почти весь третий класс — это земляне, перебирающиеся на Венеру. Земля перенаселена, и человеку с большой семьей эмиграция вполне может показаться наилучшим выходом. Он подписывает трудовой контракт, а Венерианская Корпорация оплачивает перелет в счет будущего заработка.

Что ж, наверное, можно и так. Им нужно уехать, а Венере нужны люди. Но я очень рада, что Марсианская Республика не субсидирует въезд, иначе бы нас затопило. Конечно, мы принимаем иммигрантов, но они должны сами оплатить перелет и оставить в совете ДЭГ обратные билеты, причем деньги за них не выдаются раньше двух марсианских лет.

И правильно. По крайней мере треть иммигрантов не может адаптироваться. Появляется подавленность, ностальгия; ну и летят они назад. Не могу понять, чем может не понравиться Марс, но им виднее. По мне, так даже лучше, что они улетают.

Так я и лежала, думала о разном, немножко скучала, немножко волновалась и удивлялась, почему никто не займется бедными крошками.

Лампы были притушены. Кто-то подошел к моей полке.

— Ты здесь? — послышался тихий голос Герди.

— Похоже на то. Что случилось? — так же тихо ответила я.

— Детей пеленать умеешь?

— Конечно.

Мне подумалось, как там Дункан... я ведь не вспоминала о нем несколько дней. Может, он забыл меня? И не узнает Бабушку Подди.

— Тогда идем со мной, подруга. Есть работа.

Еще бы ее не было! Нижняя часть укрытия, что над инженерным отсеком, была поделена на четыре части, словно торт. Санузлы, два изолятора — мужской и женский (оба забиты до отказа), — а между изоляторами — жалкая пародия на детскую, метра по два в каждом направлении. Три ее стены были увешаны холщовыми люльками с младенцами, да еще часть перехлестывала в женский лазарет. И почти все они орали.

Посреди этого пандемониума две измотанные стюардессы пеленали малышей на узехоньком выдвижном столе. Герди похлопала по плечу одну из них.

— Порядок, девочки, подошло подкрепление. Идите перекусите, да и отдохните немного.

Та, что постарше, посопротивлялась для порядка, но видно было, как они рады подмоге. Мы с Герди встали по местам и взялись за дело. Не знаю, сколько мы

работали (просто не было времени глянуть на часы), но работы было явно больше, чем нас, и мы пытались нагонять. Все же это было лучше, чем лежать в ячейке и глазеть на потолок в паре сантиметров от носа. Хуже всего была теснота. Я все время прижимала локти, чтобы не пихнуть Герди, а сзади меня все время подталкивала люлька.

Но все равно я не жалею. Конструктору «Трезубца» пришлось попотеть, чтобы разместить максимум людей в минимуме объема единственным возможным образом, да еще достаточно хорошо экранировать этот объем. Понятно, что заботился он не о гигиене младенцев, а о том, чтобы сохранить им жизнь.

Но малышу-то этого не объяснишь. Удивительно, но Герди работала спокойно и уверенно, без единого лишнего движения. Никогда бы не подумала, что ей приходится возиться с пеленками. Но работала она споро и побыстрее меня.

— А где их мамы? — спросила я, подразумевая: «Почему эти лентяйки бросили своих детей?»

Герди меня поняла.

— Одни заняты своими малышами. Забот полон рот, успокоить и прочее. А другие вырубались и отсыпаются, — она кивнула на изолятор.

Это была святая правда, и я заткнулась. В таких конуренках просто невозможно толком обиходить ребенка, но, если бы все разом потащили детей сюда, возникла бы неопишущая пробка. Пожалуй, конвейерная система себя оправдывает.

— Пеленки кончаются, — сказала я.

— В шкафчике должна быть еще стопка. Ты знаешь, что приключилось с миссис Гарсиа?

— Что? — Я достала пеленки. — Ты, наверное, хочешь сказать — с миссис Роулер?

— Ей тоже досталось. Но миледи Гарсиа первой попалась мне на глаза. Ее как раз приводили в чувство, и я хорошо все разглядела. Так ты ее не видела?

— Нет.

— Вот подменяют нас — загляни в женский изолятор. Такого изумительного желтого цвета и в москательной лавке не увидишь, не то что на человеческом лице.

Я так и села.

— Господи! Я видела миссис Роулер — она ярко-красная. Герди, ради бога, что же с ними случилось?

— Что случилось — ясно, — подумав, ответила Герди, — а вот как — никто в ум не возьмет.

— Не понимаю.

— Цвет говорит сам за себя. Это водорастворимые пигменты, их применяют в фотографии. Ты что-нибудь смыслишь в фотографии?

— Почти ничего, — ответила я.

Все что я знала, рассказал мне Кларк, он довольно искусный фотограф. Конечно, это лучше держать при себе.

— Ну ты наверняка видела, как фотографируют другие. Вынимаешь пластинку — и фото готово, только изображения еще нет. Она все еще прозрачная. Потом кладешь ее на свет и картинка начинает проявляться... и когда цвета наберут яркость, досушиваешь ее в темноте. Главное — не переборщить с цветами. — Она хихикнула. — Похоже, эти дамы не сообразили вовремя закрыть лица и остановить процесс. Наверное, они попытались смыть краску и сделали еще хуже.

— Все равно, не понимаю, как это вышло, — озадаченно молвила я.

— Никто не понимает. Но у доктора есть версия: кто-то сыграл шутку с их полотенцами.

— Что?

— У кого-то на борту был запас несвязанных пигментов. Кто-то пропитал непроявленными, то есть бесцветными, пигментами их полотенца и хорошенько высушил в темноте. Потом этот кто-то тайком подменил полотенца. Это не трудно, если у человека крепкие нервы: последнее время обслуживание ухудшилось из-за шторма. Все полотенца на корабле одинаковые, поди тут, догадайся.

«Надеюсь, что не догадаются», — подумала я, а вслух сказала:

— Да, догадаться трудно.

— Конечно. Это могла быть стюардесса или кто угодно из пассажиров. Но откуда взялись пигменты? В корабельном магазине их нет, разве что в пленках. А

доктор готов прозакладывать голову, что только специалист-химик, да еще в хорошей лаборатории, способен выделить краску из пленки. Еще он говорит, что на Марсе эти пигменты не производятся, значит, этот «кто-то» — с Земли. — Герди взглянула на меня и улыбнулась. — Так что ты, Подди, вне подозрений. Не то, что я.

Если меня не подозревают, значит, и Кларк в безопасности.

— А с чего бы им подозревать тебя? Это же смешно!

— Конечно, смешно... будь у меня эти краски, я не знала бы, что с ними делать. Но я могла купить их еще на Земле, а причин любить этих дамочек у меня нет.

— Я от тебя слова о них не слышала.

— Да, зато они выдали несколько тысяч слов по моему адресу, а у людей есть уши. Так что меня крепко подозревают, Подди. Но ты не бойся за меня. Я этого не делала и никто не докажет, что я виновата. — Она хмыкнула. — Надеюсь, настоящего виновника не найдут.

Я промолчала. Знала я одного человечка, способного безо всякой лаборатории выделить пигмент из пленки. Я быстро припомнила, что видела во время обыска в каюте Кларка.

Там не было НИЧЕГО такого. Даже фотопленки не было.

Но это ровным счетом ничего не доказывает, когда дело касается Кларка. Надеюсь, он не оставил отпечатков пальцев.

Потом пришли две стюардессы, и мы накормили малышей. Мы с Герди кое-как помылись и перекусили на ходу. А после я прилегла на свою койку и мигом заснула.

Должно быть, я дрыхла часа три или четыре и проспала роды миссис Дирксон. Она эмигрирует с Терры на Венеру, и ребенок у нее должен был появиться после перелета, но волнение ускорило ход событий. Как бы то ни было, начались схватки, ее отнесли в изолятор, а доктор Торланд, едва взглянув, велел нести ее в рубку — больше расположиться было негде.

Так что ребенок так и родился в рубке — между сейфом для карт и компьютером. Доктор Торланд и Капитан Дарлинг были крестными отцами, а старшая стюардесса — крестной матерью. Малышку назвали Радиантой — имя приличное, но юмор довольно кислый.

Прямо в рубке для Радианты сотворили инкубатор, а миссис Дирксон отправили в изолятор и кольнули ей снотворное. К этому времени я и проснулась.

Я решила рискнуть, рассудив, что Капитан сейчас помягче, чем обычно, и сунулась в рубку.

— Можно мне взглянуть на ребеночка?

Капитан сперва рассердился, но потом усмехнулся и сказал:

— Ладно, Подди. Быстренько посмотри и выметайся.

Я так и сделала. Радианта весит около килограмма и, если откровенно, выглядит так, что невольно подумаешь, стоило ли с нею возиться. Но доктор Торланд считает, что дела ее идут неплохо, и со временем она станет красивой и здоровой девушкой, причем будет привлекательнее меня. Надо думать, он знает, что говорит, но для этого ей предстоит здорово потрудиться. Цветом она почти как миссис Роулер и состоит в основном из складочек.

Конечно, скоро она перерастет это состояние, но пока она точь-в-точь как картинка из премиленького пособия под названием «Чудо жизни» (предыдущие картинки из этой серии еще менее аппетитны). Хорошо, что мы не видим детей, пока они не оформятся для дебюта, иначе бы род человеческий пресекался.

Может, лучше было бы откладывать яйца. Наш процесс размножения далеко не совершенен, и женщины понимают это лучше прочих.

Я пошла вниз посмотреть, не пригожусь ли детишкам постарше. Выяснилось, что нет: их только что покормили, и теперь в изоляторе дежурили одна из стюардесс и молодая женщина, которую я раньше не встречала. Они клялись, что работают всего несколько минут. Но я все равно осталась с ними, лишь бы не лезть на свою полку. Потом попыталась помочь: про-

веряла младенцев, передавала мокренких, как только освобождался столик.

Это немного ускорило дело. Потом я достала из люльки маленького кривляку и начала укачивать.

— Я готова, давай его, — повернулась ко мне стюардесса.

— Он сухой, — ответила я. — А может, она. Просто ему одиноко и он хочет, чтобы его приласкали.

— Перебьется.

— Это еще неизвестно. — Самое гадкое в этих яслях — шум. Детишки будят друг друга и децибеллы растут в геометрической прогрессии. Конечно, все они были напуганы — я бы на их месте наверняка испугалась. — Ласка детям нужна больше, чем что-либо другое.

— Им всем давали по бутылочке.

— Бутылочка ведь нянчить не умеет.

Она не ответила, просто стала проверять других детей. Я знала, что права: ведь малыш слов не понимает, не знает, зачем он здесь и что случилось. Он кричит, и его нужно успокоить.

Герди появилась как раз во время.

— Могу ли я помочь?

— Конечно, можешь. Вот... держи этого.

Минут через пять я завербовала еще троих девушек примерно моего возраста и зацепила Кларка — вместо того чтобы спокойно лежать на койке, он таскался по проходам. Энтузиазма он не проявил, но и не удрал — лучше уж что-то делать, чем скучать.

Больше помощников искать не стоило — им будет негде стоять. А работали мы так: две няньки отступили на шаг в изоляторы, а управляющая всем процессом (это я) стояла на крошечном пятачке у трапа, готовая шарахнуться в любой момент и в любом направлении, выпуская людей в туалеты и выпуская, конечно. Герди, самая высокая из нас, стояла чуть сбоку и передавала самых плаксивых мне для вынесения вердикта: мокрых — пеленать, а сухих — укачивать.

В деле разом были, самое малое, семь малышей, а иногда и целый десяток, потому что при 0,1 «g» ноги совсем не устают, а ребенок почти ничего не весит.

Можно держать по малышу на каждой руке, что мы, кстати, и делали.

Через десять минут наших стараний крик и плач затихли до уровня отдельных всхлипов.

Я и не надеялась, что Кларк выстоит до конца, но он держался молодцом. Может, потому что Герди была в той же комнате? Никогда раньше я не видела у него такого лица — сурового и благородного одновременно. Он стойко нянчил малышей и вскоре даже начал приговаривать «баю-бай» и «спи, малышка, спи», словно всю свою жизнь только этим и занимался. И вот ведь чудо: детишкам он очень нравился, у него на руках они затихали быстрее, чем у любой из нас. Может, он их гипнотизировал?

Время от времени мы перегруппировывали силы: подходили свежие добровольцы, а те, кто устал — отдыхали. Меня тоже разок подменили. Я быстренько перекусила, часок полежала в своей ячейке и снова приняла вахту.

Я пеленала детишек, когда из динамика раздался голос Капитана:

«Прошу внимания. Через пять минут корабль перейдет в режим свободного полета и наступит невесомость. Искусственное тяготение будет восстановлено, как только мы закончим ремонтные работы на внешнем корпусе корабля. Все пассажиры должны пристегнуться. Экипажу занять места согласно вахтенному расписанию для режима свободного полета».

Я продолжала пеленать малыша — это дело нельзя бросать на полпути. Тем временем убаюканных младенцев разложили по люлькам, а команду баюкальщиков разогнали по ячейкам. Вращение корабля заметно замедлялось.

— Подди, беги вверх и пристегнись, — сказала мне стюардесса.

— Глупости, Биргит, — ответила я. — Здесь же дел неувпоровот.

— Подди, это же *приказ*. Ты ведь пассажирка.

— А кто будет возиться с малышкой? Одна ты? А куда девать четверых из женского изолятора?

Биргит хлопнула себя по лбу, подхватила и понеслась в изолятор. Других стюардесс поблизости не

было — все они проверяли ремни у пассажиров — и загонять меня в ячейку было некому. А когда Биргит вернулась, на нее навалилось столько хлопот, что она больше не напоминала мне о приказе. Она закрепляла люльки, а я застегивала полог каждой. Честное слово, это не легче, чем закрепить ремни на взрослом. Пологи держат детишек плотно, но мягко, только головки остаются свободными.

Я еще возилась, когда завывла сирена, и Капитан остановил двигатель.

Мамочка моя! Вот когда начался сущий шабаш! Сирена разбудила спавших малышей, перепугала остальных, и все они заорали во всю мочь, а один, над которым я еще не застегнула полог, невесть каким образом выскочил из люльки. Я ухватила его за ножку, но сама оторвалась от пола, и мы поплыли в воздухе, пока не ткнулись в стену. Правда, теперь она была не стеной, а просто препятствием. Невесомость все здорово путает, если вы к ней еще не привыкли.

Стюардесса ловко схватила нас обоих, водворила пискуна в люльку и застегнула полог, а меня подвесила на ремень. Тем временем выпростались еще двое.

На этот раз я управилась получше: цапнула одного и держала, пока Биргит разбиралась со вторым. Она-то чувствовала себя как рыба в воде, двигалась плавно, словно балетная примадонна, только вдвое медленнее. Я отметила для себя, что и мне нужно этому научиться.

Я сочла было, что кончились наши муки, но не тут-то было. Младенцы не любят невесомости. Мало того, что она их путает; главное — у них совершенно отказывают сфинктеры. Кое-что впитывают пеленки, но далеко не все. К тому же шестерых малышей недавно покормили.

Вот тут-то я и поняла, почему стюардессы обучаются на курсах нянь: в следующие минуты мы вдвоем спасли от удушья пятерых малышей. Биргит прочистила горлышко одному малышу, я, посмотрев, как она это делает, помогла второму, она привела в порядок третьего... И так далее.

А потом мы вооружились чистыми пеленками и кое-как почистили воздух. Вот что я вам скажу, милочка моя: если вы думаете, будто пережили самое худшее, когда маленький братик стравил на ваше новое вечернее платье, попробуйте того же самого в невесомости, где все *это* нигде не оседает, а вольно летает, словно дым на ветру. Словом, или вы достанете *это*, или оно достанет вас.

В шести экземплярах. В тесном закутке.

Когда мы вычистили (процентов на 95) наши авгиевы конюшни, нас от макушек до щиколоток покрывало кислое молоко. Тут Капитан велел всем приготовиться к ускорению и сразу же врубил тягу. К великому моему облегчению. Явилась миссис Пил, главная стюардесса, и ужаснулась, что я не в ячейке и не пристегнута. Я изящно и вежливо послала ее к черту (будь я другого возраста и пола, она бы у меня услышала!) и спросила, что сказал бы Капитан, если бы два младенца задохнулись насмерть только потому, что я соблюла инструкцию. Биргит подтвердила, что я спасла двоих малышей, а может, и больше, ей, сами понимаете, было не до счета.

Миссис Пил тут же сменила тон, извинилась передо мной, выразила мне благодарность, глубоко вздохнула, вытерла лоб, пошатнулась. Словом, видно было, что она прямо-таки с ног валится. Впрочем, это не помешало ей перед уходом проверить всех малышей. Вскоре явилась смена, а мы с Биргит залезли в женский туалет и попытались привести себя в порядок. Без особого успеха — переодеться-то нам было не во что.

Сигнал отбоя вызволил наши души из чистилища, а горячая ванна приобщила к сонму ангелов. Пока на внешнем корпусе проводили ремонт, на палубе «А» проверили уровень радиации и объявили, что она безопасна. Сам ремонт, как я тут же выяснила, был вполне рутинным. Дело в том, что некоторые наружные приборы — антенны и кое-что еще — не могут выстоять против солнечного шторма, они буквально сгорают, так что после каждого шторма их приходится заменять. Это обычное дело, вроде как простые люди заменяют перегоревшие лампочки, но те, кто этим заняты, полу-

чают такую же надбавку к жалованью, как и «охотники» — ведь старина Сол может чихнуть напоследок и испепелить их.

Я нежилась в ванне и вспоминала, как настрадалась за последние восемнадцать часов. Все было позади и потому выглядело не так уж плохо.

Лучше уж страдать, чем скучать.

Глава 9

Мне уже двадцать семь лет.

Венерианских, конечно, но насколько это лучше звучит. Все, изволите ли видеть, относительно.

Но даже за тысячу лет неувядаемой молодости я не согласилась бы жить на Венере. Я здесь видела не так уж много, но, честно говоря, больше и не хочется. Венусбург похож на рукотворный кошмар, а его окрестности еще хуже. Просто диву даюсь, почему эта мрачная, задушенная смогом планета носит имя богини любви и красоты. Здорово похоже, что ее слепили из мусора, который остался после сотворения Солнечной системы.

Мне обязательно нужно было увидеть полет фей, иначе бы я носа не высунула из Венусбурга. Единственная фея, которую я пока видела, стоит в холле местного хилтона. Чучело, сами понимаете.

Венера оказалась для меня Глубоким Разочарованием, и я теперь считаю дни до отлета на Землю. Молюсь, чтобы Земля не оказалась такой же. Наверное, мне там понравится: есть что-то волнующе *первобытное* в том, что там можно выйти под открытое небо даже без кислородной маски. Дядя Том говорит, что в Средиземноморье (это такой океан в La Belle France) земляне купаются вообще без одежды, не говоря уже об изолирующих костюмах.

Я бы так не смогла. Я вовсе не стесняюсь своего тела; мы, марсиане, любим хорошенько попотеть в сауне, но мысль искупаться в чем-то больше и глубже ванны ужасает меня до косоглазия. Слишком уж много воды. Я однажды видела, как из Большого Канала выудили утопленника. Говорят, перед кремацией он долго оттаивал.

А на Средиземноморье, по слухам, воздух прогревается до температуры человеческого тела, а вода лишь ненамного холоднее. Пусть так, но Подди Фрайз рисковать не будет.

Земля фантастична, невероятна, и мне не терпится посмотреть на нее поближе. Я вдруг обнаружила, что самые яркие мои впечатления о Терре имеют в своей основе сказку о стране Оз. Не самый надежный источник, правда? Дороти беседует с Волшебником — поучительно, но фактической информации мало. В детстве я, помнится, верила каждому слову о стране Оз, но сейчас-то я уже не маленькая и здорово сомневаюсь, что смерч — надежное транспортное средство, а также, что бывают Железные Дровосеки и дороги из желтого кирпича.

Другое дело — Тик-Токи. Их часто можно встретить в Марсополисе, их там используют на разных простых работах. Конечно, на пленках Тик-Ток совсем другой, но малым детям нужно не так уж много, чтобы поверить, будто сказка о стране Оз, как минимум, основана на реальных фактах, а то и правдива до последнего слова.

А вот Голодного Тигра я видела собственными глазами. Он жил в муниципальном зоопарке Марсополиса, калькуттский клуб «Кавани» подарил его своим «марсианским собратьям». Так вот, этот тигр всегда смотрел на меня так, словно оценивал мои гастрономические достоинства. Он околел, когда мне было пять лет, и я не знала, радоваться мне или горевать. Тигр, конечно, был очень красивым... но очень Голодным.

Впрочем, до Земли еще далеко. Приходится пока довольствоваться венерианскими достопримечательностями.

Настоятельно рекомендую всем путешествовать в компании дяди Тома. Нас не тиранили на таможне,

наоборот — порт предоставил нам льготный режим (к вящему возмущению миссис Роулер). Это значит, что никто не сует носа в ваш багаж и никого не интересуют ваши документы: паспорт, справка о здоровье, справка Службы Безопасности, свидетельство о платежеспособности, свидетельство о рождении и еще девятнадцать глупых бумажонок. Нас мигом перебросили со спутника в космопорт на личной яхте Председателя Правления. На планете нас встретил сам Председатель (!), усадил в свой «роллс» и с ветерком отвез нас в отель «Тангейзер».

Он даже предложил нам остановиться в его «коттедже» (так по-венериански называется дворец), но сделал это, похоже, лишь из вежливости. Как бы то ни было, дядя Том саркастически поднял левую бровь и сказал:

— Мистер Председатель, предположим, что вам удастся меня подкупить. Но зачем нужно, чтобы об этом знали другие?

Мистер Председатель вовсе не обиделся, он громко рассмеялся, и живот его заходил ходуном, как у Санта Клауса. (Кстати, он здорово похож на него: есть и борода, и пунцовые щеки, и смеется он часто. Вот только глаза у него при этом не смеются.)

— Сенатор, — сказал он, отсмеявшись, — как вы могли так плохо обо мне подумать? Я буду действовать тоньше, через молодую леди, например. Мисс Подкейн, вы любите бриллианты?

Я ответила в том смысле, что они мне ни к чему — все равно потеряю.

— А ты, сынок? — обратился он к Кларку.

— Предпочитаю наличные, — ответил мой братец.

Все это было, конечно, не всерьез: ведь когда дядя Том отверг гостеприимство Председателя, «роллс» куда не свернул — он с самого начала вез нас в «Тангейзер».

Похоже, что дядя Том — вовсе не турист... Конечно, я и раньше знала, что дядя играет не только в пинокль, но и в другие игры, где ставки гораздо выше. Но теперь я это *чувствую*. Честно признаюсь — все это выше моего понимания, да и информации у меня маловато. Я знаю, что вскоре откроется Конференция Трех Планет, но это всякому известно.

Вопрос: а не замешан ли в этом дядя Том? Надеюсь, что нет, иначе нам предстоит не одну неделю кантоваться на Луне. Трудно попусту торчать на мрачном шарике космического шлака, когда тебя ждут все чудеса Терры. Одну меня туда дядя, ясно, непустит. А с Кларком — тем более.

Кстати, о Кларке: надеюсь, он шутил, отвечая Председателю. Ведь не продаст же он, в самом деле, родного дядю за деньги. С другой стороны, к деньгам он относится очень серьезно. Тут надо крепко подумать...

Одно утешение — тот, кто сунет Кларку взятку, обнаружит, что мой братец вместе с деньгами отхватил и руку по локоть.

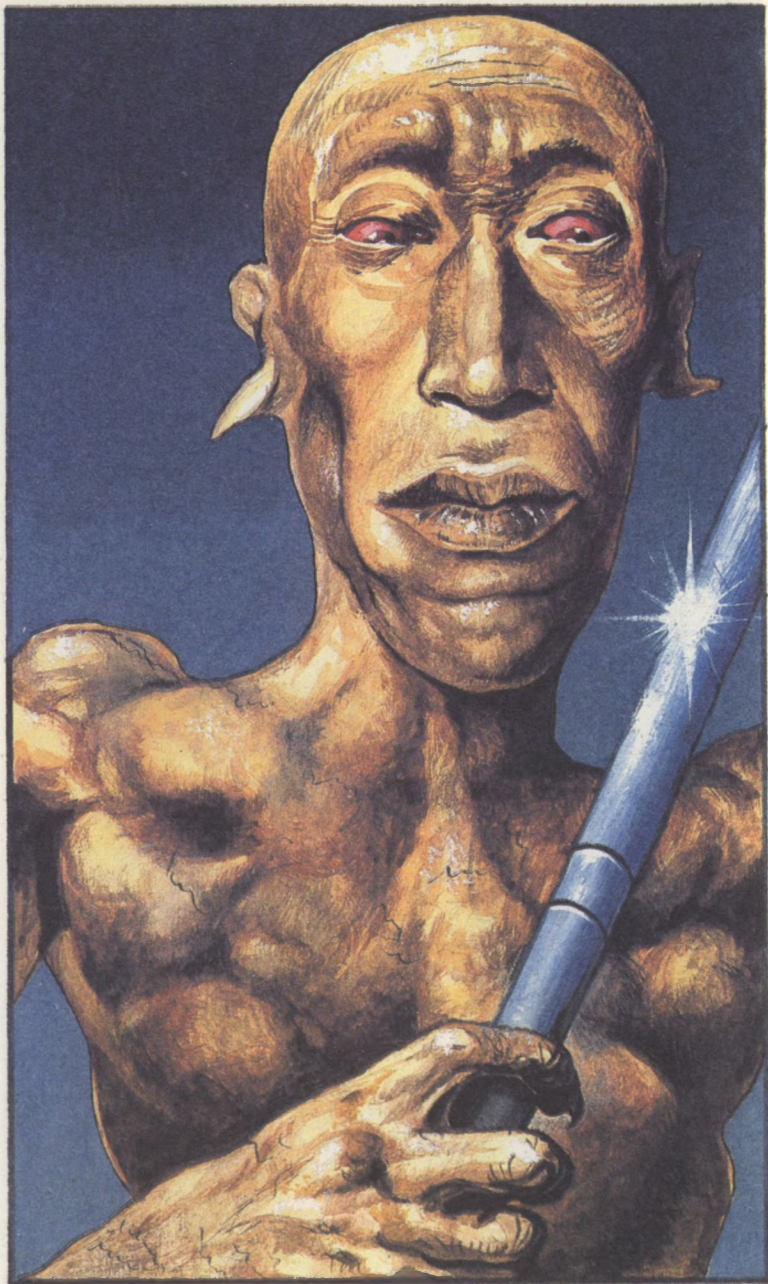
Похоже, наш номер в «Тангейзере» — тоже своего рода взятка. Я уже не знаю, платим ли мы за него, а дядю Тома спрашивать неудобно. Одно я знаю точно: слуги, которые нас обхаживают, не берут чаевых. Вообще. В свое время я дотошно разузнала, как полагается давать чаевые на Венере и на Земле, и у меня сложилось впечатление, что на Венере без чаевых шагу не ступишь, даже в церкви.

А «наши» слуги не берут ни гроша. По пятам за мной ходят две куклы с янтарной кожей — совершенные близнецы. Они бы меня даже купать стали, если бы я позволила. Они говорят по-португальски, а орто не понимают. К сожалению, на португальском я могу сказать только «спасибо» и не могу еще объяснить им, что вполне могу одеваться и раздеваться без посторонней помощи. Кроме того, я еще толком не знаю как их зовут — обе они откликаются на имя Мария.

Надо бы как-то выяснить, правда ли, что они не знают орто.

На Венере два официальных языка: португальский и орто, но в первый же час я услышала языков двадцать. Местный немецкий звучит так, будто у человека удавка на шее, французский ярко иллюстрирует кошачью драку, испанский похож на патоку, которая, густо булькая, вытекает из кувшина, а кантонезский... представьте себе человека, который поет Баха, а сам терпеть его не может.

К счастью, все здесь говорят еще и на орто, кроме Марии и Марии. Впрочем, кто их знает...

Я могла бы всю жизнь обходиться без прислуги, но честно признаюсь: этот номер доставляет массу удовольствий простой неизбалованной марсианской девчонке по имени Подди Фрайз. Здесь стоит сказать, что мне предстоит проторчать в нем еще не один день. Доктор Торланд, врач «Трезубца», успел сделать мне кое-какие прививки для Венеры, но, как выяснилось, далеко не все. Как только я вошла в наш номер, появился местный эскулап и начал разыгрывать партию у меня на спине. Красные начинают и ставят мат в пять ходов. Другими словами, через три часа на мне было десятка три болячек, и все жутко чесались... Ладно, замнем для ясности.

Кларк вовремя смылся, но получил-таки свое на следующее утро. Теперь есть надежда, что он не умрет от лиловой чесотки, тем более что судьба явно хранит его для виселицы. А дядя Том и вовсе обошелся без прививок — он вкусил все эти прелести лет двадцать назад. Надо сказать, он уверен, что «тысяча природных мук — наследье плоти»* — всего лишь плод излишней впечатлительности.

Словом, на день, два, а то и больше я обречена вкушать все роскошества «Тангейзера». Захоти я выйти за порог, мне придется напялить маску, да еще перчатки. С другой стороны, у нас в номере есть экран во всю стену, и стоит только пожелать, как на нем появится запись или прямая трансляция из любого театра или клуба Венусбурга. Цветная и выпуклая. Некоторые «развлекательные» программы — я смотрела их, когда поблизости не было ни Кларка, ни дяди Тома — изрядно расширили мой кругозор. Надо сказать, что у нас на Марсе культура, в общем-то, пуританская. А на Венере нет законов как таковых, только инструкции и правила Венерианской Корпорации, но они не касаются личного поведения. Я выросла с убеждением, что Марсианская Республика — общество личной свободы, и до сих пор так считаю. Но оказалось, что между

* Вильям Шекспир, «Гамлет», акт 3, сцена первая, или другими словами, монолог Гамлета.

марсианской свободой и венерианской — огромная разница.

Венерианская Корпорация владеет здесь всем, чем стоит владеть и контролирует все более-менее прибыльные гешефты. Дела здесь делаются так, что любой марсианский бизнесмен хлопнулся бы в обморок. Но и венерианам, наверное, пришлось бы не по вкусу наши обычаи. Одно я могу сказать точно: одна девушка с Марса покраснела в первый раз за много лет и переключила программу, хотя и не поверила, что *такое* может быть на самом деле.

Но экран во всю стену — не единственная достопримечательность нашего номера. Чтобы обследовать его целиком, надо запастись пищей и водой, а бассейн такой огромный, что в нем наверняка бывают бури. Моя «личная» ванная побольше иного гостиничного номера, и в ней столько разных штучек, что без инженерного диплома там и рук не вымоешь. Но я все-таки научилась ими пользоваться и теперь даже удивляюсь: выходит, что я всю жизнь обходилась без элементарных удобств.

Короче говоря, я просто влюбилась в ванную! До сих пор верхом моих притязаний по этой части был отдельный умывальник. При таком братишке, как Кларк, в пузырьке, где еще вчера был лосьон, вполне может оказаться азотная кислота, а то и что-нибудь похуже. Он считает, что ванна придумана не ради гигиены, а для химических опытов.

Но самое дивное в нашем номере — рояль. Нет, милые мои, это вовсе не клавиатура с электронной схемой, это *настоящий* рояль. Деревянный. На трех ножках. Громадный. Грациозный и неуклюжий одновременно. Такой не задвинешь в угол, он предназначен для зала. И внутри все без обмана: стоит приподнять крышку и вам откроется сияющая арфа и весьма сложный механизм.

По моим подсчетам, на всем Марсе не более четырех роялей. Один стоит в музее и, наверное, сломан — на нем никто не играет. Второй — в Академии Лоуэлла, но внутри у него — электроника. Третий — в Розовом Доме, будто у Президента есть время музицировать. Четвертый — в Зале Изящных Искусств, на

нем иногда играют заезжие знаменитости, хотя сама я ни разу не была на таких концертах. Появись на Марсе пятый рояль, об этом долго бы трубили в новостях.

«Наш» рояль сделал некий Стейнвей. Наверное, у него ушла на это вся его жизнь. Репертуар у меня бедный, лучше всего у меня выходят «Палочки для еды». Этот опус я и исполняла, пока дядя Том не зажал уши. Потом я его наглухо закрыла: мне не понравилось, как Кларк смотрит на рояльную механику. Я пообещала переломать ему во сне руки, если он хотя бы пальцем дотронется до рояля. Именно так. Вежливо, но твердо. Он сделал вид, что не слышит, но я-то знаю, что говорила не в пустоту. Рояль служит Музам и не должен стать жертвой нашего Маленького Архимеда.

Что бы ни говорили электронщики, разница между «роялем» и Роялем огромна, пусть даже их глупые осциллоскопы показывают, будто звук у них одинаковый. Одно дело — закутаться в сорок одежек и совсем другое — забраться на колени к Па и согреться по-настоящему.

Когда закончился мой домашний арест, я побывала в казино с Герди и Декстером Куной. Декстер — родной сын мистера Курта Куны, Председателя Правления. Кстати, Герди собирается остаться на Венере, и это очень меня огорчает.

Мы с ней сидели одни в нашем огромном номере. Герди тоже живет в «Тангейзере», но она сняла весьма скромный номер, он чуть больше ее каюты на «Трезубце». Я от большого ума пригласила ее к нам и только потом сообразила, каково ей было смотреть на весь этот блеск и великолепие. Я попросила Герди помочь мне одеться. Дело в том, что я теперь ношу целую сбрую, чтобы не расплуснуться, как амеба, при 84 % земной нормали. В туфлях у меня — супинаторы, то тут, то там — разные штуковины. Я умолчу, как их называет Кларк, он грубиян, невежа и вообще варвар.

Тошно мне от них, но куда не денешься, а упражнения, которыми я изнуряла себя на «Трезубце», помогли мало. Одно это вполне может отшибить охоту

жить на Венере и на Земле, будь они даже столь прекрасны, как наш Марс.

Герди помогла мне надеть эту сбрую. Кстати, именно она и купила ее для меня. Но сначала она раскритиковала мой грим, а ведь я в точности скопировала его из последнего номера «Афродиты».

— Иди умойся, Подди, — сказала она, едва глянув на меня, — а потом начнем все сначала.

— И не подумаю! — решительно ответила я, надув губы.

С первых же шагов, я заметила, что на Венере все женщины раскрашены, как Кранокожие Индейцы, которые стреляют в Славных Ребят. Мария и Мария, например, на работе носят втрое больше грима, чем мама на званом ужине. А когда мама на работе, она и вовсе не пользуется косметикой.

— Подди, ну будь же умницей!

— Я и так умница. Даже малый ребенок знает, что нужно все делать так, как делают местные жители, иначе покажешься невежей. А ты сама? Посмотри-ка в зеркало!

Грим Герди был явно из того же журнала.

— Я знаю, как выгляжу. Но я вдвое с лишком старше тебя, и никто не поверит, будто я молода, нежна и невинна. Оставайся собой, Подди, никогда никем не прикидывайся. Вспомни миссис Грю. Она толстая пожилая дама, но с ней приятно, потому что она не корчит из себя кошечку.

— Ты хочешь, чтобы меня приняли за какую-нибудь деревенщину?

— Я хочу, чтобы тебя приняли за Подди Фрайз. Давай-ка попробуем найти золотую середину. Конечно, здесь даже сопливые девчушки мажут сильнее, чем взрослые женщины на Марсе. Я предлагаю компромисс. Вместо того чтобы размалевывать тебя под венсбургскую шлюху, мы сделаем из тебя юную леди из хорошей семьи, прекрасно воспитанную, много путешествовавшую, терпимую к любым обычаям и нравам и настолько уверенную в себе, что гримасы местной моды оставляют ее совершенно равнодушной.

Герди — истинный художник. Она возилась со мной больше часа, а когда закончила, невозможно было по-

нять, есть на мне грим или нет. Получилось вот что: я стала года на два старше, если считать по-марсиански, а по-венериански — на все шесть. Лицо стало тоньше, куда-то подевалась курносость, откуда-то взялось очаровательное выражение легкой усталости от всего мира. Глаза сделались огромными.

— Ну как, довольна? — спросила Герди.

— Я же стала *красавицей*!

— Да, *красавицей*, потому что осталась Подди Фрайз. Я всего лишь проявила те черты, которые и сами по себе проявятся довольно скоро.

Я даже прослезилась от восхищения, и Герди пришлось промокать и ретушировать мое новое лицо.

— Теперь нам нужны твоя маска и тяжелая дубинка, — объявила Герди.

— Разве можно портить все это маской?! А дубинка зачем?

— Чтобы отбиваться от миллионеров, которые будут кидаться к твоим ногам. А маску надень, иначе мы никуда не пойдем.

В конце концов мы кое-как договорились. Я согласилась надеть маску на то время, пока мы не доедем до казино, а Герди пообещала исправить все, что смажется, и поучить меня, чтобы я сама могла создавать такую же прелесть. Считается, что в казино можно обходиться без маски — воздух там фильтруется и всячески обрабатывается, словом, *выделяется*, освобождаясь от малейших следов пылицы, вирусов, коллоидной взвеси и всего прочего. Это делается потому, что многие туристы не хотят подвергаться утомительной иммунизации, а без этого *жить* на Венере нельзя. Но Корпорация и здесь блюдет свою выгоду: не может же она выпустить туриста из своих лап, не высосав из него все до последней капли. Отели и казино стерильны, но каждый турист может недорого застраховать свое здоровье. Вскоре он обнаруживает, что может обменять свой полис на игральные фишки в казино. Я так поняла, что Корпорации почти не приходится платить по этим полисам.

Даже в закрытом такси Венусбург лезет в глаза и уши. Я уважаю свободу предпринимательства, как, впрочем, и все марсиане; это одна из основ нашей

жизни и основная причина того, что мы ни в какую не желаем объединяться с Землей (и вечно быть в меньшинстве — один к пятистам). Но одно дело — свобода предпринимательства, и совсем другое — слепить и глушить человека, едва он выйдет за порог. Магазины здесь никогда не закрываются, как, впрочем, и все остальное, и стереореклама залезает в такси, плюхается к вам на колени и вопит прямо в ваши уши.

Не спрашивайте меня, как они это делают. У инженера, который ее изобрел, наверняка, были копыта, хвост и небольшие рожки. Красный чертик метрового роста, явно созданный по образу и подобию изобретателя, возник между нами и переборкой, отделяющей водителя от пассажиров, и начал тыкать в нас своими вилами.

«Привыкайте к Хай-Хоу!!! — заверещал он. — Хай-Хоу пьют все! Хай-Хоу глотнешь — и на все наплюешь! К Хай-Хоу легко привыкнуть! ПО-ТРЯ-СА-ЕТ!!! Накачайтесь Хай-Хоу до самых ушей!»

Я в испуге забилась в угол.

— Ради бога, уберите это, — сказала Герди шоферу.

Чертик на несколько секунд истаял до розового контура, уже не вопил, а шептал, но тут же снова разбуянился в полную силу.

— Не могу, мадам, — ответил водитель. — Они пробивают экранирование.

Тут я кое-чему научилась по части чаевых. Герди достала из кошелька бумажку и показала водителю. Ничего не изменилось. Она добавила еще одну — чертик начал таять. Герди передала деньги водителю через щель в переборке, и больше нас никто не беспокоил. Правда, чертик еще маячил и что-то шептал, но так мы хоть могли разговаривать. Снаружи слепили и глушили огромные рекламы, машин было много и все они неслись как на пожар. Удивительно, но наш водитель умудрялся маневрировать, резко меняя то направление, то высоту. Казалось, он везет тяжелораненного к операционному столу, этакие Гонки Со Смертью.

Когда он остановился на крыше казино «Дом Педро», Смерть отстала на целых полпрыжка.

Потом мне объяснили, почему они так носятся. Почти все таксисты работают на Корпорацию, но твердого

оклада у них нет; они и служащие, и предприниматели одновременно. Каждый день он «зашибает» определенную сумму для Корпорации, а все, что заработает сверх того, делит с Корпорацией пополам. Вот они и гоняют — сперва, чтобы побыстрее расплесться с «тягомотиной», а потом, чтобы побольше заработать самому.

Дядя Том говорит, что на Земле такие же порядки, только там вас обдирают один раз в год, и называется это подоходным налогом.

**В Ксанадупуре чудо-парк
Велел устроить Кубла-Хан...***

Это сказано про казино «Дом Педро». Роскошь. Великолепие. Экзотика. «ВСЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ», — написано над входом. Вполне возможно. Правда, мы с Герди побывали только в игорных залах и в ресторане.

В жизни не видала столько денег!

Игроков встречала надпись:

ПРИВЕТ ЛОПУХИ!

Здесь играют честно, но заведение всегда выигрывает.

ПОПРОБУЙТЕ-КА НАС ОБЫГРАТЬ!

Заходите и развлекайтесь!

Принимаем чеки и кредитные карточки.

Когда вы спустите все, заведение бесплатно угостит вас завтраком и оплатит такси до отеля.

Ваш добрый хозяин ДОМ ПЕДРО

— А разве Дом Педро существует на самом деле? — спросила я.

— Конечно, — уверенно кивнула Герди. — Правда, это не настоящее его имя. Вид у него прямо королевский. Я покажу тебе его. Ты можешь познакомиться с ним, и он поцелует тебе руку, если захочешь. А теперь — пошли, нечего топтаться на пороге.

Она пошла к столику с рулеткой, а я на ходу пыталась разглядеть все разом. Мне показалось, что я попа-

* Колридж, «Кубла-Хан».

ла в калейдоскоп: безукоризненно одетые джентльмены (служащие казино), люди, одетые по-всякому, от строгих вечерних туалетов до рубашек на выпуск и бермудских штанишек (туристы), яркий свет, громкая музыка, звон и шелковый шелест, роскошные портьеры, охрана в опереточной форме и с оружием, подносы с выпивкой и закусками, лихорадочное возбуждение и деньги, деньги, деньги...

Вдруг я встала как вкопанная, Герди тоже пришлось остановиться. За столом в форме полумесяца сидел мой братец Кларк, перед ним лежали высокие стопки фишек и солидная пачка банкнотов, а очень красивая леди сдавала карты.

Хотя что тут удивительного? Если вы думаете, что шестилетнему — если считать по-марсиански — мальчишке не разрешат играть в венусбургском казино, значит, вы никогда не были на Венере. В Марсополисе на этот счет строго, а здесь, чтобы сделать ставку, нужно только:

- а) быть живым;
- б) быть при деньгах.

Не нужно даже знать португальский или орто, можно и вовсе не говорить, а кивать, мекать, хрюкать или вилять хвостиком. Вашу ставку примут. Последнюю рубашку, например.

Да, удивляться не стоило. Кларка тянет к деньгам, как железяку к магниту. Теперь понятно, где он пропадает и куда сорвался в первый же вечер.

Я подошла к нему и похлопала по плечу. Кларк не торопился оборачиваться, зато невесть откуда, словно джинн из лампы, возник некий субъект и крепко взял меня за руку. Кларк объявил «пас» и соблаговолил обернуться.

— Привет, сестренка. Все в порядке, Джо, это моя сестра.

— В порядке? — недоверчиво переспросил субъект, все еще стискивая мою руку.

— Да-да, все нормально. Она не опасна. Познакомься, Подди, это Жозе Мендоса, полицейский Корпорации. Я нанял его на этот вечер. Привет, Герди! — голос Кларка выдавал явное воодушевление. — Джо, сядь на мое место, последи за игрой. Герди, как хоро-

шо, что вы выбрались сюда! Хотите сыграть в блэк-джек? Можете занять мое место.

Ну, дорогие мои, если это не любовь, то какая-то тяжелая форма лихорадки!

Герди вежливо отказалась, сказав, что собирается попытать счастья в рулетку.

— Можно, я помогу вам? — с надеждой спросил мой братец. — В колесико мне тоже везет...

Герди все так же вежливо объяснила, что у нее своя система, и пообещала подойти к нему позже. Она на удивление терпелива с Кларком. Я бы...

Хотя, если хорошенько подумать, она на удивление терпелива и со мной.

На этот раз Герди, похоже, предпочла не пользоваться своей системой. Мы отыскиали два места рядом, и Герди предложила мне несколько фишек. Я сказала, что не хочу играть, но Герди объяснила мне, что в таком случае мне придется освободить место. Я вспомнила, что делают с моими ногами 84 % земной нормали, купила поддюжины фишек и начала ставить по маленькой то на оба цвета, то на «чет» и «нечет» разом. При этом я брала пример с Герди. Ставя таким образом, не выигрываешь и не проигрываешь; правда, время от времени шарик останавливается на «зеро», и тогда плакали ваши фишечки. Что ж, нас честно предупредили, что заведение всегда выигрывает.

Конечно, крупье мигом засек наши уловки, но возражать не стал — все было в рамках правил. То и дело перед нами мелькали подносы с выпивкой и закусками; те, кто играл, не платил ни за то, ни за другое. Герди выпила бокал вина. Сама я не пью ни капли даже по праздникам и, уж конечно, старалась подальше держаться от «Хай-Хоу». Я заказала стакан молока (за ним специально куда-то сходили) и несколько сэндвичей. Чаевых я дала столько же, сколько и Герди.

За час я с горем пополам выиграла четыре фишки. Глубоко вздохнув, я откинулась на своем табурете... и выбила бокал из руки молодого человека, что стоял за моей спиной. Его облило с головы до ног, да и мне немножко перепало.

— Ой, мамочка! — воскликнула я, спрыгнула с табурета и попыталась исправить положение носовым платком. — Простите!

— Ничего страшного, — церемонно поклонился потерпевший. — Это всего лишь содовая. Но ваше платье, наверное, погибло.

— Осторожнее, девочка, — тихо процедила Герди.

— Мое платье? — ответила я. — Это всего лишь дорожная одежда. Если это всего лишь содовая, на нем через десять минут ни пятнышка не останется.

— Так вы издалека? Тогда позвольте представиться по всей форме, хотя, каюсь, холодный душ — не лучший повод для знакомства с очаровательной юной леди, — и он достал карточку.

Герди слегка нахмурилась, а мне он показался симпатичным. Он был старше меня, но ненамного; ему было лет двенадцать по-марсиански, то есть тридцать шесть местных (потом я узнала, что ему всего тридцать два). На нем был элегантный вечерний костюм, шитый по последней венерианской моде. Знаете — плащ, пышное жабо, тросточка... А еще он носил очаровательные усики.

На карточке значилось:

ДЕКСТЕР КУРТ КУНА,

Акционер

Я дважды прочла карточку и спросила:

— Вы, случайно, не родственник...

— Родной сын, — ответил он.

— Ой, да я же знаю вашего отца! — воскликнула я и протянула ему руку.

Вам когда-нибудь целовали руку? Мурашки пробегают вверх по руке, по плечам и вниз по другой руке... На Марсе ничего такого не заведено, и это явный недостаток нашей культуры. Впрочем, я любой ценой намерена его восполнить... даже если мне придется нанимать для этого Кларка.

Итак, мы познакомились, и Декстер пригласил нас слегка перекусить и потанцевать на крыше казино, но Герди заартачилась.

— Мистер Куна, — сказала она, — конечно, у вас очень симпатичная карточка, но я отвечаю за Подкейн перед ее дядей и не отказалась бы посмотреть на ваше удостоверение личности.

На мгновение Декстер застыл, но потом широко улыбнулся.

— Мы сделаем лучше, — сказал он и поднял руку.

К нам подошел самый представительный пожилой джентльмен, какого я когда-либо видела. Поверх умопомрачительного костюма было навешано столько отличий, что становилось ясно — этот человек выигрывал все конкурсы правописания, начиная с первого класса. И манеры у него были истинно королевские.

— Слушаю вас, Акционер, — произнес он.

— Дом Педро, представьте меня, пожалуйста, этим леди.

— С удовольствием, сэр.

Словом, Декстер оказался Декстером, мне еще раз поцеловали руку. Дом Педро проделывает это с шиком, но у Декстера получается лучше: мне кажется, он вкладывает в это больше души.

Герди решила взять с собой Кларка и тот, наверное, пожалел, что не может раздвоиться: ведь он все еще выигрывал. Однако любовь победила, и он отправился на крышу под ручку с Герди, а следом Жозе тащил награбленное. Признаюсь, я даже зауважала своего брата: нанимая охранника за наличные, он воистину пересилил свое естество. Пожалуй, бросить игру, когда идет карта, куда как проще. Сад на крыше — его называют Бразильским Залом — еще шикарнее, чем казино. Потолок имитирует звездное небо с Южным Крестом и Млечным Путем, которых, конечно, никто и никогда с Венеры не видывал. За бархатным канатом собралась довольно длинная очередь туристов, но нас это не касалось. Вокруг нас шелестели сплошные: «Пожалуйста сюда, Акционер» и «Если вам будет угодно, сэр». Под конец нас усадили за лучший столик: и сцена была как на ладони, и оркестр не дудел в уши.

Мы много танцевали, ели такое, о чем я раньше слыхом не слыхивала. Я даже взяла бокал шампанского, но пить не стала — мне пузырьки в нос ударяют. Я бы с удовольствием выпила молока или, хотя бы, во-

ды — венерианская кухня явно практикует культ специй — но попросить постеснялась.

Тут Декстер наклонился ко мне и сказал:

— Подди, мои шпионы доложили, что вы любите молоко.

— Да, люблю.

— Я тоже, но стесняюсь заказывать, если придется пить его одному.

Он поднял палец, и невесть откуда появились два стакана молока. Кстати, свой стакан он едва пригубил.

Я все еще считала, что это происходит как-то само по себе. Но тут певица, высокая и смуглая девушка, одетая в цыганский костюм, — неужели цыганки так и одевались?! — сошла с эстрады и прошла вдоль столиков, наигрывая на старинной гитаре популярный мотив. В программке ее называли «Цыганка Роза».

Она остановилась у нашего столика, взяла несколько аккордов, уставилась прямо мне в глаза и запела:

Декстер — просто молодчина!

Он порадовал всех нас:

К нам пожаловала нынче

Дорогая Подди Фрайз!

На ней платье голубое,

Туфли блещут серебром.

Пьем за Подди дорогую,

Из бокалов полных пьем.

Выпьем же за Подди, Подди дорогую!

Свет еще не видел милую такую!

Тут все захлопали, Кларк замолотил ладонью по столу, Цыганка Роза сделала мне реверанс, а я прослезилась, но тут же вспомнила, что плакать мне нельзя — грим потечет. Я промакнула глаза салфеткой, надеясь, что ничего не смазала, а когда проморгалась, оказалось, что на всех столиках волшебным образом появились серебряные ведерки с шампанским, и все выпили за меня стоя, под барабанную дробь и раскатистые аккорды оркестра.

Я онемела и только улыбалась направо и налево. Правда, у меня еще хватило мозгов не вскочить вместе со всеми. Тут Декстер хватил свой бокал об пол, и все последовали его примеру, а я чувствовала себя как Озма, когда она снова стала Озмой, и ежесекундно напоминала себе о гриме.

Чуть позже, когда мне все-таки удалось заглотнуть желудок на его природное место, и когда перестали дрожать коленки, мы с Декстером снова танцевали. Он сказочно танцует, ведет даму твердо и уверенно, но не превращает танец в схватку на татами.

— Декстер... — сказала я ему посреди медленного вальса, — признайтесь, ведь вы нарочно пролили свою содовую.

— Признаюсь... А как вы догадались?

— Но у меня же и в самом деле голубое платье и серебристые туфли. Таких совпадений не бывает.

— Сдаюсь, — ухмыльнулся он, ничуть не смутившись. — Сперва я поехал в ваш отель, а там битых полчаса копались, прежде чем выяснили, куда и с кем вы поехали. Я был буквально вне себя: ведь папа велел непременно вас отыскать. Но я все-таки нашел.

Я попробовала все это на вкус и мне не понравилось.

— Значит, вы взялись меня развлекать потому, что так велел мистер Куна. И потому, что я племянница Томаса Фрайза.

— Ну что вы, Подди...

— Расклад выходит именно такой, припомните-ка...

— Нет, Подди. Папа никогда не стал бы поручать мне ничего такого. Вот если бы вы были у нас в гостях, так сказать, официально, и сидели бы за столом слева от меня, тогда — другое дело. Он просто показал мне вашу фотографию и спросил, найдется ли у меня время. Я решил, что найдется. Теперь я вижу, что фотография была плохая, да и чего еще ожидать от слуг в «Тангейзере».

(Я решила при случае избавиться от Марии и Марии: должна же быть у девушки личная жизнь.)

Хотя, честно признаться, все сложилось не так уж плохо.

— А когда я все-таки нашел вас, — продолжал он, — вы оказались просто ослепительны, никакого сходства с фотографией. Я оробел и не знал, как к вам подступиться. Вот тогда мне и пришла в голову идея спровоцировать аварию. Признаюсь, я долго стоял позади, прислонив этот несчастный стакан чуть ли не к самому вашему локтю; из содовой все пузырьки вышли. А когда вы все-таки шевельнулись, то толкнули стакан так слабо, что мне пришлось самому себя окатить, чтобы создать достаточный повод для извинений.

Тут он улыбнулся самым обезоруживающим образом.

— С вами все ясно, — сказала я. — Однако вы напрасно ругаете фотографию. Это не настоящее мое лицо.

Я рассказала, что со мною сотворила Герди.

Он пожал плечами.

— Тогда я не оставляю надежду, что когда-нибудь вы умоетесь, и я увижу настоящую Подди. Держу пари, я ее узнаю. Кстати, если уж пошло начистоту, авария эта была сфабрикована лишь наполовину.

— Как это так?

— Меня называли Декстером * в честь деда по материнской линии, а потом обнаружили, что я левша. Оставалось два выхода: или назвать меня Синистером, а это не слишком благозвучно, или переучить меня на правшу. Остановились на втором варианте, и в результате я стал самым неуклюжим человеком на всех трех планетах. — Все это он заливал, выписывая со мною изящные восьмерки вальса. — Я всегда что-нибудь проливаю или опрокидываю. Меня очень легко найти по звону бьющегося стекла. Пожалуй, самым трудным для меня было не пролить содовую до нужного момента. — Он опять улыбнулся во все лицо. — Я горжусь, что мне это удалось. А когда меня переделывали в правшу, возник один неожиданный эффект: я стал мятежником в душе. Вы, я думаю, такая же.

— Э-э... возможно.

— А я — наверняка. Все ждут от меня, что со временем я стану Председателем Правления Корпора-

* «Декстер» по-английски означает «правый».

ции, как отец и дед. Как бы не так! Я решил работать в дальнем космосе.

— Ой! И я тоже!

Мы бросили вальсировать и разговорились о космосе и космонавтах. Оказалось, что Декстер собирается стать капитаном исследовательского корабля, как и я. Конечно, я не стала болтать, что мечу в капитаны: не следует говорить мужчинам, тем более — открытым текстом, будто вы способны на то же, что и они. Декстер собирается поступить в Кембридж, изучить там парамагнетику и дэвисову механику, чтобы быть готовым к тому моменту, когда построят первые межзвездные корабли. Скорее бы!

— Возможно, мы попадем в один экипаж. Женщины в космосе тоже нужны, — сказал он, а я молча кивнула. — Но бог с ним, с космосом. Лучше поговорим о вас, Подди. Меня очаровала вовсе не ваша внешность...

— А что же? — я почувствовала легкое разочарование.

— Я знаю, вы всю жизнь провели в Марсополисе. А я побывал везде, где возможно. Я учился в школе на Земле, совершил там кругосветное путешествие, и на Луне побывал, и по всей Венере поездил. Бывал я и у вас на Марсе, вы тогда были совсем еще маленькой. Хотел бы я тогда вас встретить.

— Спасибо... — промямлила я, чувствуя себя бедной родственницей.

— Я хорошо понимаю, что Венусбург — городишко типа «боже упаси», и какой шок он вызывает с непривычки, особенно у тех, кто воспитывался в сдержанном и цивилизованном Марсополисе. Конечно, я люблю свой город, но хорошо знаю, чего он стоит, — мне есть с чем сравнивать. Так вот, Подди, меня совершенно восхитил ваш апломб.

— Апломб? У меня?

— Точнее, изумительная и совершенная светскость в новых условиях. Мистер Фрайз побывал везде, да и Герди, я полагаю, тоже много путешествовала. Большинство женщин, впервые оказавшись в нашем значном Венусбурге, ведут себя просто устрашающе, бук-

вально сходят с ума. А вы держитесь, словно наследная принцесса. Одно слово — светскость.

(Он меня просто очаровал! Честное слово. Когда много лет подряд слышишь, что у тебя, мол, «нос не дорос», и вдруг тебе говорят *такое...* словом, с женщиной при этом что-то происходит. Я даже не заподозрила, что он говорит это всем девушкам подряд. Я просто не хотела об этом думать.)

Вечер пролетел быстро. Вскоре Герди шепнула мне, что пора вкушать «сон для красоты». Кларк в сопровождении Жозе вернулся за карточный стол. Хотела я приказать ему мотать домой, но потом раздумала. Во-первых, это отдавало бы дурным тоном, а во-вторых, он все равно бы не послушался. Декстер отвез нас в «Тангейзер» на «роллсе» своего отца, а может, на собственном, кто знает. На прощанье он поцеловал мне руку.

Я всю дорогу ждала, что он поцелует меня по-настоящему, и решила оказать ему при этом всемерную поддержку. Но он даже не попытался. Может, у них в Венусбурге такого не заведено.

Мне хотелось поболтать и я уговорила Герди подняться ко мне.

— Ой, Герди, — призналась я, забравшись с ногами в кресло, — это был самый чудесный вечер в моей жизни!

— Мне тоже понравилось, — тихо ответила она. — Для меня весьма полезно знакомство с сыном Председателя Правления.

Тут-то она и объявила, что остается на Венере.

— Но почему, Герди?!

— Мне нужна работа. Я вконец поиздержалась.

— Зачем тебе работа? Ты же богата, это все знают.

— *Была богата, дорогая,* — улыбнулась она. — Но мой бывший муж пустил все по ветру. Он был веселым парнем и отличным человеком, но вовсе не таким деловым, как ему самому казалось. Так что придется бедняжке Герди затянуть поясок и заняться делом. Венусбург — как раз то, что мне нужно. На Земле мне оставалось бы только паразитировать на старых друзьях, рискуя надоесть им до тошноты. Представляешь, такая безвылазная гостья. Конечно, любой из них дал

бы мне работу, но я ведь ничего не умею и не хочу становиться объектом благотворительности. Можно было еще забраться в какую-нибудь нору поглубже и сменить имя... А здесь всем на все наплевать, и всегда для всех есть работа. Я не пью, не играю, словом, Венусбург как по мерке сшит для меня.

— Но кем ты будешь работать? — Мне трудно было вообразить Герди кем-нибудь, кроме богатой дамы из высшего общества: ведь слухи о ее приемах и о ее чудачествах докатывались даже до Марсополиса.

— Надеюсь дослужиться до крупье. Они прилично зарабатывают... к тому же для этой работы нужно не так уж много, были бы хорошие манеры. Я могла бы работать банкометом за столами, где играют в «блэдж», «фараон» или «железку». Но, скорее всего, придется начинать разменщицей.

— Разменщицей?! Герди... и ты будешь так же одеваться?

— Почему бы и нет, — она пожала плечами. — Фигура у меня все еще неплохая... а деньги я считаю быстро. Это честная работа, Подди, не лучше и не хуже прочих. Кстати, на подносах у этих девушек часто набирается до десяти тысяч.

Я поняла, что села в лужу, и заткнулась. Выходит, что девушка может покинуть чопорный Марсополис, но Марсополис девушку не покинет. Все верно: пусть разменщицы не надевают почти ничего, кроме поясов с подносами, но это, конечно же, честная работа... а у Герди такая фигура, что все молодые офицеры «Трезубца» так и вились вокруг нее кругами, опустив одно крыло. Конечно, она легко могла бы выйти замуж за любого богатого холостяка и до старости жить припеваючи. Но разве не честнее работать? А если так, почему бы ей не использовать с выгодой то, что дала ей мать-природа?

Мы еще немного поболтали, а потом Герди строго велела мне отправляться в постель и спать. Лечь-то я легла, но никак не могла заснуть. Конечно, в разменщицах Герди не задержится и вскоре станет крупье... В потрясающем вечернем платье... Она будет копить деньги, откладывая из жалованья и чаевых, и когда-нибудь купит акции Венерианской Корпорации. А это все, что

нужно человеку на Венере для обеспеченной жизни. А я буду время от времени возвращаться из дальнего космоса и навещать ее.

Может, я должна попросить Декстера, чтобы он замолвил словечко о Герди где надо.

Тут мои мысли перетекали на Декстера.

Конечно, никакая это не любовь. Я уже однажды влюблялась и знаю, какое болезненное это чувство.

А сейчас мне просто здорово!

Глава 10

До меня дошел слух, будто Кларк намерен продать меня на черном рынке одному из комиссионеров, которые сотнями отправляют невест колонистам. Может быть, это ложь с начала до конца, но слухи ходят.

Больше всего меня взбесила предполагаемая цена: не так уж высоко ценит он родную сестру!

Скорее всего, эту сплетню пустил сам Кларк, чтобы лишний раз меня позлить. Конечно, он вполне способен обречь меня на рабский труд и Постыдное Существование, если будет точно знать, что это сойдет ему с рук, но не такой он человек, чтобы поступиться хотя бы истертым пенни в любой грязной сделке. Голову даю на отсечение.

Вероятнее другое: Кларк жалеет, что в *тот* вечер вел себя со мной почти как человек, и решил таким образом восстановить наши отношения до нормального здорового статуса холодной войны. Пожалуй, такое не сошло бы ему даже на черном рынке: контракта с Корпорацией я не подписывала, а, если бы Кларк умудрился его подделать, в моей колоде есть еще козырной король — Декстер, и братец это знает. Герди просветила меня, что подпольная торговля невестами идет, в основном, за счет разменщиц и горничных отелей, которые не сумели урвать мужей в Венусбурге, где недостает мужчин, и поэтому готовы завербоваться в глу-

бинку, где недостает женщин. Сами они довольны и не пищат, а Корпорация смотрит на все это сквозь пальцы.

Многие такие невесты — иммигрантки, только что с кораблей. Комиссионеры оплачивают их проезд, но за это выжимают мзду и из самих невест, и с колонистов-женихов. И все довольны.

Никак не пойму, на чем держится здешнее общество. На Венере нет никаких законов, если не считать правил Корпорации. Желаете жениться? Бог в помощь! Найдите кого-нибудь, кто называет себя священником, и женитесь по любому обряду. Но закон здесь ни при чем, закон — это контракт с Корпорацией. Хотите развестись? Соберите вещички и делайте ноги, а уж оставлять прощальную записку или нет — ваше дело. На Венере слухом не слыхивали о незаконнорожденных. Ребенок — это ребенок, он подрастет и начнет работать, а на Венере хроническая нехватка рабочей силы, так что Корпорация не оставит крошку в нужде. Здесь нет запрета ни на полигамию, ни на полиандрию. Всем на это наплевать, а Корпорации — в первую очередь.

Физическое насилие? В Венусбурге это не проходит — патрули здесь на каждом шагу. Кроме того, считается, что преступления против личности плохо влияют на бизнес. Марсополис, например, довольно безопасный город, но в некоторые районы я ни за что не пошла бы в одиночку. Дело в том, что некоторые «песчаные крысы» сильно стукнуты солнцем и не отвечают за свои действия в полной мере. А по Венусбургу можно ходить в одиночку, и единственное насилие, которому я здесь подвергаюсь — неотвязная реклама.

Другое дело джунгли. Но и там опасны не люди, а сама Венера. Кроме того, всегда существует вероятность напороться на аборигена, который недавно перехватил крупинку-другую «пыльцы блаженства».

Убийство? Оно здесь считается очень серьезным нарушением. Ваш заработок будет арестован на долгие-долгие годы, чтобы компенсировать убыток, нанесенный внезапным расторжением контракта. При этом учитывается средний период трудоспособности и предполагаемая ценность жертвы для Корпорации. Обсчитывают все это специалисты страхового общества при

Корпорации, а у них, как известно, сердец нет, а только системы циркуляции жидкого гелия.

Если вы задумали кого-то убить, не делайте этого в Венусбурге. Выманите жертву на такую планету, где убийца — враг всего общества, где вас за убийство всего лишь повесят или расстреляют. На Венере у этого жанра нет будущего.

Люди здесь делятся на три категории: крупные акционеры, наемные служащие и обширная прослойка, в которую входят акционеры-служащие (такой собирается статья Герди), служащие-предприниматели (таксисты, скотоводы, шахтеры, мелкие лавочники и т. п.) и, конечно, будущие служащие — дети, чье образование еще не закончено. Туристов на Венере за людей не держат: они здесь на положении кастрированных бычков. О них заботятся, как о любом другом ценном имуществе, но не жалеют.

Гость с другой планеты может быть здесь туристом хоть один час, хоть всю жизнь, смотря по тому, насколько хватит денег. Никаких виз, никаких ограничений, был бы обратный билет. Кстати, получить за него наличные можно только после заключения контракта с Корпорацией, если вы, конечно, подпишете этот контракт. Я бы, например, не стала.

И все же я не могу понять, на чем держится здешняя общественная система. Дядя Том долго и терпеливо объяснял мне это, но потом признался, что сам еще не все понимает. Он называет эту систему корпоративным фашизмом и до сих пор не решил, то ли это самая мрачная тирания в истории человеческой расы, то ли самая совершенная демократия.

Он говорит, что условия здесь получше, чем те, в которых пребывают девяносто процентов земного населения, а последние, в свою очередь, живут лучше, чем определенные категории марсианского населения, «песчаные крысы», например. И это при том, что на Марсе никто не голодает и все пользуются медицинской помощью.

Не понимаю, и все тут. Правда, теперь я ясно вижу, что раньше судила обо всем исключительно по марсианским меркам. Конечно, в школе нам рассказывали о других планетах, но все это как-то не доходило до моей

души. Сейчас я эмоционально постигаю, что есть иные пути... и что люди, которые по ним идут, вполне счастливы. Возьмем Герди. Я могу понять, почему она решила покинуть Землю: там ей солоно пришлось. Она могла бы остаться на Марсе — нам нужны иммигранты такого класса — но Марс ее не прельстил.

Это меня обескуражило. Я, как вы уже, наверное, догадались, считаю, что Марс почти совершенен. Герди, как мне кажется, тоже почти совершенна. И все-таки она выбрала для себя этот дикий Венусбург. Она говорит, что для нее это Вызов.

Дядя Том, узнав об этом, сказал, что Герди совершенно права: она в два счета заставит весь Венусбург есть у нее из рук и станет акционером быстрее, чем я научусь правильно выговаривать «добавочные дивиденды».

Наверное, он прав. Я очень жалела Герди, когда узнала, что у нее нет денег. «Я горевал, что у меня нет башмаков, пока не встретил человека, у которого нет ног». Примерно таким образом. Я никогда не бывала разорена, будущее всегда сияло передо мною радужными красками, я сроду не голодала, и все же мне частенько бывало жаль бедняжку Подди, которая не может получить новое вечернее платье из-за финансовых затруднений в семье. И вдруг оказалось, что богатая и блистательная мисс Фитцснаггли (я все же не хочу называть ее настоящее имя) занимала деньги, чтобы купить пресловутый обратный билет. Мне было жалко ее до слез.

Но теперь я понимаю, что Герди крепко стоит на ногах, точнее — приземлилась на ноги. Есть у нее такой талант.

Она и вправду сделалась разменщицей (на целых две ночи) и попросила меня не пускать Кларка в казино. Ей, наверное, было совершенно безразлично, увижу ли я ее в таком виде... но она понимала, как втюрился в нее Кларк, и, по доброте душевной, не хотела усугублять процесс и (или) шокировать парня.

Сейчас она уже банкомет и учится на крупье, а Кларк каждый вечер ошивается в казино, хотя она настрого запретила ему играть за ее столом. Она прямо сказала, что может иметь с ним дело или как человек и

друг, или как профессионал, но ни в коем случае не желает смешивать эти свои роли. Кларк никогда не спорит с неизбежным: он играет за другими столами, а все остальное время таскается за Герди.

Я начинаю подозревать в своем братце при-способности. Ясно, что он не телепат, иначе он давно бы перерезал мне горло. Но дело в том, что он все еще выигрывает.

Декстер заверил меня в том, что:

а) игра ведется абсолютно честно;

б) никто не может здорово разбогатеть на игре, если вовремя не остановится.

Конечно, бывает, что выигрывают по-крупному. Декстер рассказал, что в прошлом году некий турист унес с собой поболее полумиллиона. Казино с радостью выплатило ему выигрыш, разрекламировав это по всей Системе, и вернуло свое, когда счастливчик сел за стол во второй раз.

— Не подумай, что мы делаем поблажку твоему брату, — сказал Декстер. Мы с ним давно уже перешли на «ты». — Если он будет продолжать игру, заведение отыграет у него не только весь выигрыш, но и те монеты, с которыми он сел за стол в первый раз. Если он такой умный, как ты говоришь, он остановится, пока еще выигрывает. Большинству игроков не хватает для этого ума, а Венерианская Корпорация никогда не рискует, если не уверена в выигрыше.

Я снова почувствовала себя дура-дурой. То ли из-за Герди, то ли из-за перманентных выигрышей Кларк снова повел себя со мною как человек. Временно, конечно.

Это случилось на прошлой неделе, в тот вечер, когда я встречалась с Декстером. Герди велела мне спать, я пошла, но никак не могла заснуть. Дверь я оставила открытой, чтобы услышать, как придет Кларк, или, если он не вернется, позвонить кому-нибудь, чтобы его приволокли домой. Хотя дядя Том отвечает за нас обоих, я считаю, что, как и раньше, отвечаю за брата. Мне бы очень хотелось, чтобы Кларк оказался в постели, прежде чем проснется дядя Том. Привычка.

Через два часа он все-таки вернулся, крадучись на цыпочках. Я зашипела на него, и он зашел ко мне.

Я в первый раз увидела шестилетнего мальчишку с такой кучей денег!

Он сообщил мне, что Жозе проводил его до самого номера. Не спрашивайте меня, почему он не положил деньги в сейф «Тангейзера»; может, он хотел наслаждаться ими.

И похвастаться. Он разложил их стопками на моей постели, пересчитал, чтобы я непременно увидела, сколько он выиграл. Он даже подтолкнул одну пачку ко мне.

— Тебе нужна мелочь, Подди? Я даже процентов с тебя не возьму. Там, откуда я это принес, еще много осталось.

У меня перехватило дыхание. Не из-за денег, конечно, я и сама была при деньгах, а из-за такого великодушного предложения. Кларк и раньше ссужал меня деньгами и драл сто процентов за такое одолжение, пока Па не узнал об этом и не отлупил нас обоих.

Я от всей души поблагодарила его и немножко пошелестела деньгами, чтобы сделать ему приятное.

Вдруг он спросил:

— Как ты думаешь, сестренка, сколько лет Герди?

«Так вот почему он такой странный», — подумала я и осторожно ответила:

— Честно говоря, догадаться трудно. — Мне не нужно было догадываться, я это точно знала. — Почему бы тебе не спросить у нее самой?

— Я спросил, но она только улыбнулась и сказала, что у женщин не бывает дней рождения.

— Возможно, на Земле не принято спрашивать об этом, — сказала я и сменила тему: — Слушай, Кларк, как тебе удалось столько выиграть?

— Ничего сложного, — ответил он. — Во всех этих играх кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Ну а я стараюсь оказаться в числе выигравших.

— Да, но как тебе это удается?

В ответ он только гнусно осклабился.

— А сколько денег у тебя было в самом начале? — спросила я.

Тут он насторожился. И все же он еще оставался удивительно мягок для обычного Кларка, так что я решила дожать его.

— Слушай, — сказала я, — насколько я тебя знаю, ты не будешь счастлив, если хотя бы *кто-нибудь* не будет знать, насколько ты преуспел. А мне-то ты можешь рассказать. Я ведь никогда еще на тебя не капала. Так?

В знак согласия он промолчал. Я сказала чистейшую правду. Когда он был еще маленьким, я, бывало, отвечивала ему затрещины, но никогда не ябедничала. Сейчас с затрещинами стало сложнее: он учинит мне сотрясение мозга гораздо быстрее, чем я ему. Но я все равно на него не доносила.

— Ну давай, выкладывай, — подзуживала я. — Тебе ведь больше не перед кем похвастаться. Сколько тебе заплатили, чтобы ты проволока на «Трезубец» эти три килограмма в моем багаже?

Он расплылся от уха до уха.

— Достаточно.

— Что ж, не говори, если не хочешь. Но что это было? Я все мозги вывихнула, но так и не догадалась.

— Ты бы непременно обнаружила это, если бы не загорелась идиотским желанием немедленно обследовать весь корабль. Согласись, Подди, ты ведь глуповата. Ты так же предсказуема, как движение светил. Поэтому я так часто обхожу тебя.

Я сдержалась. Если Кларк сумеет разозлить вас — вы у него в руках.

— Похоже, что так, — признала я. — Так ты скажешь мне, что это было? Надеюсь, не «пыльца блаженства»?

— Боже упаси! — Кларк даже оскорбился. — Знаешь, что здесь делают с контрабандистами, если заловят на пыльце? Их отдают аборигенам, которые наглотались пыльцы, так что потом даже кремировать нечего.

Меня передернуло и я поспешила вернуться к прежней теме.

— Так ты расскажешь мне, или нет?

— Ммм...

— Клянусь Святым Подкейном, я никому не скажу, — это моя личная клятва.

— Лучше не стоит, — предупредил меня Кларк. — Боюсь, тебе это не понравится.

— Клянусь Святым Подкейном! — повторила я. Лучше бы мне тогда зашили губы проволокой.

— Ладно, скажу, — сдался он. — Но помни, чем ты поклялась. Это была бомба.

— ЧТО?!

— Да-да, маленькая такая бомбочка кустарной работы. Полное разрушение в радиусе чуть больше километра. Сущий пустяк.

Я кое-как вернула сердце на место.

— Но зачем? И что ты с нею сдалал?

Он пожал плечами.

— Они болваны. Заплатили мне солидную сумму только за то, чтобы я пронес эту коробку на борт «Трезубца». Наплели мне сорок бочек арестантов на счет того, что это, мол, сюрприз для капитана. Я должен был завернуть коробку в серебряную бумагу и передать капитану в последнюю ночь перед посадкой на Венеру. Этот кретин сказал мне: «Сынок, только никому ее не показывай, помни — это сюрприз. Дело в том, что последняя ночь перед посадкой — это не только праздник на корабле, но и день рождения капитана Дарлинга».

Ты меня знаешь, сестренка: я и в детстве не проглотил бы такую чепуху, шитую белыми нитками. Если бы это и в самом деле был подарок ко дню рождения, его можно бы было отдать казначею на хранение, и это не стоило бы им ни гроша. Так вот, я прикинулся дурачком, но при этом изрядно набил себе цену. И этот идиот заплатил! Он сильно перетрусил — помнишь, ведь подходила наша очередь на паспортном контроле — и заплатил столько, сколько я запросил. Потом я просто запихнул коробку в твой чемодан, пока ты трепалась с дядей Томом, ну а дальше ты все сама видела.

Как только мы оказались на борту, я хотел изъять коробку, но помешала стюардесса: она чем-то опрыскивала твою каюту. Пришлось поторопиться, а тут еще пришел дядя Том, чтобы забрать свою трубку. Как бы то ни было, в первую же ночь я открыл коробку в темноте и со стороны дна. Я уже понял, что это такое.

— Каким образом?

— Почаще шевели мозгами, сестричка, не жди, пока они вконец заржавеют. Посуди сама. Сначала они предлагают мне сумму, о которой, как они полагают, мальчишка и мечтать не может. Я отказываюсь. Тогда они начинают обильно потеть и увеличивают сумму до тех пор, пока я не нахожу ее приемлемой. Заметь еще одно: они даже не потрудились сплести сказочку о том, с какими словами и от чьего имени я должен вручить коробку капитану. Из этого следует: для них было важно, чтобы эта штуковина попала на корабль, а что с нею дальше будет — им наплевать. По-моему, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы раскумекать, что к чему.

Поэтому я и открыл коробку. Там оказалась бомба, и часовой механизм был поставлен на три часа третьего дня полета. БА-БАХ!!!

Я вздрогнула.

— Какой ужас!

— Да, могло получиться не смешно, — согласился Кларк, — если бы я в самом деле был таким дураком, за какого они меня приняли.

— Но почему они хотели взорвать именно «Трезубец»?

— Кому-то очень не хотелось, чтобы корабль попал на Венеру.

— Почему?

— Сообрази сама. Я уже понял.

— Э-э... ну и что же ты с нею сделал?

— Разобрал на части и оставил у себя. Нельзя сказать заранее, когда может понадобится бомба.

Вот и все, что я из него вытянула, оказавшись при этом связанной страшной клятвой. У меня еще оставалось десятка два вопросов. Была ли бомба на самом деле? Или я снова осталась в дураках, благодаря таланту моего братца на ходу придумывать сказки, которые уводят тебя с прямого пути? А если была, то ГДЕ ОНА ТЕПЕРЬ? Все еще на «Трезубце»? Или прямо здесь, в номере? Может, в сейфе «Тангейзера»? Возможно, Кларк поручил ее Жозе, своему личному телохранителю? В тысяче возможных мест по всему огромному Венусбургу? Или я от волнения просто ошиблась на три килограмма, а Кларк копался в моих вещах, следуя

поганой своей привычке совать нос в чужие дела? Это ведь его любимое занятие от нечего делать.

Гадать было бесполезно. Поэтому я решила выжать все возможное из минуты родственной близости, если, конечно, это можно так назвать.

— Здорово, что ты ее нашел, — сказала я. — Но мне больше понравилось, что ты сотворил с миссис Гарсиа и миссис Роуер. Герди тоже в восторге.

— Правда?

— Конечно, правда. Ясно, я не сказала, что это твоих рук дело. Можешь сам рассказать ей, если хочешь.

— Ммм... — на его физиономии появилось выражение неземного блаженства. — Для подстраховки я сделал еще кое-что: запустил мышь в постель почтенной миссис Роуер.

— Кларк, милый, вот здорово! А где ты взял мышь?

— Договорился с корабельным котом.

Боже, как бы мне хотелось жить в симпатичной, нормальной, чуть глуповатой семье. Как бы мне было легко и приятно. И все же, надо честно признать, что у Кларка есть кое-какие достоинства.

Впрочем, у меня не было времени скорбеть о душе моего брата: Венусбург предлагает слишком много развлечений для вполне развившейся девушки, доселе не изведавшей, что такое шикарная жизнь. А ведь есть еще Декстер...

Я больше не прокаженная и могу ходить где угодно, даже за городом, без фильтра-намордника. В нем я похожа на голубоглазую хрюшку. Кстати, душка Декстер всегда готов сопровождать меня по магазинам. С двумя лишними руками девушка вполне способна оставить в магазинах Венусбурга капитал любого банка. Но я веду себя почти разумно и трачу только те деньги, которые у меня отложены для Венеры. Если бы я была менее строгих правил, Декстер купил бы все, что мне угодно. Для этого ему достаточно просто указать пальцем. Он не носит с собой ни наличных, ни чековой книжки; даже чаевые он дает по какой-то невидимой кредитной системе. Однако я не позволяю ему поку-

пать мне ничего дороже какого-нибудь затейливого мороженого. Не стоит менять свой статус почетной гостьи на красивые шмотки. Но мороженое не может меня скомпрометировать, а за талию беспокоиться не приходится: я пока от макушки до лодыжек состою из вогнутостей.

Пробежав целый день со мной по магазинам, Декстер ведет меня в кафе, где подают хорошее мороженое. Кафе это так же похоже на наш Дворец Сладостей, как «Трезубец» на пескоход. Он сидит,ковыряя порцию мороженого с изюмом, и с изумлением смотрит, как я разминаюсь каким-нибудь пустячком, вроде содовой с клубничным сиропом, потом берусь за нечто серьезное, созданное шеф-кондитером из мороженого, кремов, сиропов, экзотических фруктов и, конечно же, орехов, и заканчиваю парой десятков мини-рожков с различными сортами мороженого, каким-нибудь «Тадж-Махалом» или «Большими Скалистыми Карамельными Горами».

Бедная Герди! Она сидит на диете все триста шестьдесят пять дней земного года. Интересно, пойду ли я когда-нибудь на такие жертвы ради красоты? Или я страшно растолстею, как миссис Грю?

С Декстером мне приходится быть настороже и по другому поводу: он оказался профессором по части обольщения, и у него всегда наготове какая-нибудь амурно-постельная история. Но в моем возрасте рано еще становиться Покинутой Девой. Трагедия Ромео и Джульеты не в том, что они умерли молодыми, а в том, что рефлексы возобладали у них над здравым смыслом.

Ну мои-то рефлексy в полном порядке и гормональный баланс в норме, хотя бесплодные увертюры Декстера вызывают у меня приятное чувство где-то в глубине желудка и подхлестывают обмен веществ. Наверное, мне следовало бы оскорбиться по поводу его Гнусных Намерений. В Марсополисе я так бы и сделала, но здесь же Венусбург, и разницу между гнусным предложением и официальным предложением руки и сердца может уловить только специалист-семантик. Все дело, как мне кажется, в интонации. Насколько я знаю, у Декстера уже было семь жен, он зовет их по дням недели: Суббота, Воскресенье и так далее. Мне до

этого дела нет, равно как и намерения становиться восьмой, тем более что восьмого дня недели еще не придумали.

Я обсудила все это с Герди и спросила, почему я не чувствую себя оскорбленной. Неужели в мою схему забыли вмонтировать контур морали, как это, вне всякого сомнения, случилось с Кларком?

Герди улыбнулась своей мягкой и таинственной улыбкой, которая обычно означает, что она не собирается выбалтывать все свои мысли.

— Подди, — сказала она, — девушек учат оскорбляться по поводу таких предложений для их же собственной пользы или, если хочешь, для защиты. Это здравая мысль, так же полезно держать в доме огнетушитель, хотя и не ожидаешь немедленного пожара. Но ты права: это вовсе не оскорбление и никогда не было оскорблением. Просто это абсолютно честное признание очарования, привлекательности и женственности. Все остальное, что говорят нам мужчины — вежливая ложь или около того... но в этом, единственном, мужчина абсолютно честен. И вовсе незачем оскорбляться, если предложение делается галантно и вежливо.

Я поразмыслила и сказала:

— Наверное, ты права, Герди, и это — своего рода комплимент. Но почему *это* все, чего хотят мужчины? Во всяком случае, девять из десяти.

— Посмотри на все это с другой стороны, Подди. Чего ради они должны хотеть чего-то еще? Миллионы лет эволюции — вот основа каждого такого предложения. Мы должны радоваться, что они научились добиваться своего, целуя нам руки; раньше нас просто лупили дубиной по голове. Сейчас у нас больше возможностей, чем когда-либо за всю историю человечества. Мы живем в женском мире. Наслаждайся этим и благодари бога.

Я никогда не думала об этом в таком ключе. Честно сказать, когда я раньше думала о мужчинах и женщинах, все сводилось к досаде, из-за того что женщине трудно получить «мужскую» профессию. Например, трудно стать пилотом космического корабля.

В последние дни я часто думала о профессии пилота и о том, как ловчее снять шкуру, не убивая при этом

медведя. Смогу ли я жить, если все-таки не стану знаменитой исследовательницей дальнего космоса, то есть капитаншей? Или меня вполне осчастливит любая должность на корабле?

Конечно, я должна работать в космосе, и моя маленькая прогулка с Марса на Венеру окончательно укрепила меня в этом намерении. Я с легкостью отказалась бы даже от кресла Президента Республики ради места младшей стюардессы на «Трезубце». Корабельная жизнь — это нечто особое: отправляясь в космос, ты берешь с собой и свой дом, и своих друзей. А новые межзвездные корабли с приводом Дэвиса — это же целые города. Одним словом, Подди собирается в дальнюю дорогу. Она рождена для странствий.

Но давай-ка не будем себя дурачить. Кто доверит Подди корабль, на который угрохали миллиарды и еще раз миллиарды монет?

У Декстера, например, куда больше шансов, чем у меня. Он не глупее меня, а то и поумнее, образование он получит (или купит) первоклассное. Я не собираюсь изменять Арес-Университету, но хорошо понимаю, что с Кембриджем ему не сравняться. Более того, мистер Куна может просто КУПИТЬ Декстеру корабль типа «Звездный Скиталец». Но главное все-таки в том, что Декстер — мужчина и сложен куда крепче меня. Даже если вывести за скобки капиталы его отца, кого, по-вашему, выберет любая комиссия?

Но складывать руки все же не стоит. Вспомните-ка Федру или Екатерину Великую. Предоставьте мужчине управлять всем, чем он хочет, а сами управляйте мужчиной. Я вовсе не против брака, но, если Декстер захочет на мне жениться, придется ему тащиться за мной в Марсополис, а у нас там довольно старомодные обычаи. И никаких венусбургских шалостей! Конечно, брак — главная цель любой женщины, но вовсе не конец жизни.

Герди рекомендует мне «быть естественной и оставаться собой». Попробуем, а пока давай-ка, милочка, внимательно посмотрим в зеркало и оставим на время Знаменитую Исследовательницу Дальнего Космоса Подкейн Фрайз. Что мы там видим?

Бедра у меня округляются, точно. Меня уже не спутаешь в полутьме с мальчиком. Так уж нас спроектировали, чтобы легче было рожать детей. А что, неплохая мысль, правда? Особенно если малыш будет похож на нашего славного Дункана. Все малыши очень милые, хотя некоторые их проявления милыми не назовешь.

Признайся, Подди, разве несчастные восемнадцать часов солнечного шторма не были самой яркой страницей в твоей жизни? Возиться с малышом даже интереснее, чем решать дифференциальные уравнения.

На межзвездных кораблях, конечно, будут ясли. Что же выбрать? Изучать педиатрию, психологию раннего возраста и педагогику, чтобы сделаться хозяйкой межзвездных ясель? Или все-таки прорваться на курсы пилотов, осилить все трудности и сделаться женщиной-пилотом... которую никто не берет на работу.

Что ж, у меня еще есть время подумать.

Скорее бы на Землю. «Злачные места», в конце концов, надоедают девушке со здоровыми — или ограниченными, если вам угодно, — вкусами. Мои «венерианские» деньги иссякли: надо же оставить сколько-нибудь и на Париж. Конечно, можно попытаться в казино, но ведь я отношусь к той категории игроков, которые обеспечивают выигрыши Кларку и ему подобным. Кстати сказать, местная реклама вполне способна породить преждевременные морщины там, где прежде были милые ямочки. Похоже, Декстеру начинает надоедать моя наивность: я, видите ли, никак не пойму, к чему он стремится.

За свои восемь с половиной марсианских лет я поняла, что *отношения* с мужчиной надо закрутить прежде, чем ему станет с тобой скучно. Я увижусь с Декстером еще один, ПОСЛЕДНИЙ, раз, когда буду стоять на трапе «Трезубца» и подарю ему последний, страстный и *настоящий* поцелуй, чтобы всю свою жизнь он думал, что *все могло быть, если бы он сделал верный ход*.

За пределами Венусбурга я побывала один-единственный раз, да и то в герметичном туристском автобусе. Мне кажется, что весь этот шарик, целиком со-

стоящий из болот и плотного смога, надо бы оставить аборигенам, вот только и им он, похоже, ни к черту не нужен. Однажды мне показали летящую фею, но из-за тумана я ничего не разглядела.

Мне бы очень хотелось увидеть фею, летящую или сидящую. Декстер говорит, что километрах в двухстах от Венусбурга располагается их колония, и берется свозить меня туда на своем «роллсе». У его машины есть автопилот, но я бы предпочла Герди или, на худой конец, Кларка.

Кое-чему Венера меня научила. *Давать чаевые*, например. Бывалому Путешественнику без этого не обойтись. В Марсополисе чаевые считают пороком, но в Венусбурге без них шагу не ступишь: механизм обслуживания не может работать без смазки.

Честно говоря, отношение к туристу в Марсополисе колеблется от безразличного до чудовищного. До сей поры я считала это совершенно естественным. Марсианин треплется с коллегами или занимается чем-нибудь еще, а потом, как бы случайно, замечает вас и снисходит до ваших нужд.

Другое дело — Венусбург! И дело здесь не только в деньгах. Похоже, я постигла Великий Секрет Великих Путешественников. Португальский я почти не знаю, а на орто здесь говорят далеко не все. Однако не надо быть великим лингвистом, чтобы выучить на пяти-шести-семи-восьми языках слово «спасибо».

Я начала постигать это, общаясь с Марией и Марией: раз по сто в день я лопотала «прига-прига», что, если произносить правильно и не торопясь, должно звучать как «о бригадо». Вас обслуживают гораздо лучше, если вы дадите ничтожные чаевые и скажете при этом «спасибо», чем если вы молча отвалите солидную купюру.

Я выучилась этому волшебному слову на десятке языков и всегда стараюсь поблагодарить человека на его родном языке, если, конечно, могу угадать его национальность. Не страшно, если ошибешься: швейцары, клерки и таксисты знают Волшебное Слово на нескольких языках. Вот что следует выписать и выучить каждому путешественнику:

«О бригадо, Данке Шен, Мерси, Спасибо, Киат осс, М'гой, Грация, Ори гато, Грейси-осс, Ток».

Или «деньги-ток», что, по мнению Кларка, означает: «в деньгах толк». Бедняга Кларк ошибается по молодости лет: он не снисходит до того, чтобы сказать «спасибо», и ему приходится давать «на чай» гораздо больше, чем мне. Ему это — нож острый, но даже торговые автоматы, не говоря уже о таксистах, обходятся с ним, как с неодушевленным предметом, едва он пробует восстать против местной простой, но эффективной «системы смазки». Он, ясное дело, бесится, и каждый чих обходится ему вдвое дороже, чем мне.

Если я скажу финну «ток», а не «киат-осс», он поймет меня правильно. Если я спутаю японца с кантонцем и скажу «м'гой» вместо «ори гато», он не обидится. А уж «о бригадо» знают все.

А если вы угадаете родной язык вашего собеседника, то перед вами расстелют цветной коврик и преклонят колени, причем с искренней улыбкой. С меня в таких случаях даже чаевых не брали — и это в Венусбурге, где патологическая меркантильность Кларка считается совершенно естественной.

А я-то сдуру изучала книжонки с советами «как вести-себя-на-других-планетах»! Клянусь, мой способ стоит двух дюжин других.

Мне кажется, что дядя Том чем-то здорово озабочен. Он какой-то рассеянный... Правда, он по-прежнему улыбается мне, когда я (с трудом) обращаю на себя его внимание, но улыбка у него какая-то ритуальная и быстро тает. Может, это связано с Венусбургом и пройдет, как только мы стартуем. Скорее бы! Следующая остановка — Луна-Сити.

Глава 11

Положение ужасное: от Кларка уже двое суток ни слуху ни духу, и дядя Том места себе не находит. Кроме того, я поссорилась с Декстером, хотя это, конечно, чепуха по сравнению с исчезновением брата.

А дядя Том всерьез поругался с мистером Председателем. Я, правда, не знала, в чем дело, но сразу же приняла сторону дяди Тома. Декстер, как оказалось, так же слепо предан своему отцу, как я дяде Тому, вот мы и поссорились. Жалко: мне сейчас очень нужна жилетка, в которую можно выплакаться. Я слышала из их разговора не так уж много, но поняла, что за внешней холодностью и вежливостью скрываются бурные страсти, и что лет триста назад такая беседа завершилась бы шпагами или пистолетами на рассвете.

Мистер Куна явился к нам вовсе не похожий на Санта Клауса. Дядя встретил его холодно:

— Я предпочел бы, сэр, встретиться с кем-нибудь из ваших подчиненных.

Мистер Председатель пропустил это мимо ушей, и тут дядя Том заметил меня, хотя я спряталась за роялем и сидела тише мыши. Он велел мне идти в свою комнату, что я и сделала.

Кажется, я понимаю, в чем дело. Сначала я думала, что нам с Кларком разрешено бродить по всему Венусбургу совершенно свободно, но оказалось, что это не так: нас днем и ночью охраняла полиция Корпорации. Я об этом даже не подозревала, и Кларк, конечно, тоже, иначе не стал бы тратиться на Жозе. Дядя Том знал обо всем с самого начала и принял это как само собой разумеющуюся любезность со стороны мистера Председателя. У него оказались развязаны руки, и он смог заняться своими делами, вместо того чтобы трезорить своих племяшей, один из которых до макушки набит всяческими приборами. (Вы, конечно, понимаете, о ком я говорю.)

Так вот, я поняла, что дядя Том винит Председателя в том, что Кларк пропал. Вряд ли это справедливо: если бы Кларк заметил, что за ним присматривают, он бы с легкостью смылся от полутора дюжин детективов, всего Космического Патруля и стаи гончих впридачу.

По словам Декстера, они так и не договорились, каким образом вернуть Кларка. Сама я думаю, что Кларк пропал нарочно: он хочет опоздать к старту «Трезубца» и остаться в Венусбурге, где, во-первых, Герди, а во-вторых, множество легких денег. Возможно, правда, что я перепутала «во-первых» и «во-вторых».

Я пытаюсь уверить себя в этом, но мистер Куна настаивает на том, что это похищение. Он говорит, что есть только один способ вернуть похищенного живым и невредимым.

Акционер Венерианской Корпорации не боится ничего, кроме киднепинга. А похитители так боятся акционеров, что возвели свой промысел в ранг ритуала. Если бандит играет по правилам и не наносит жертве физического ущерба, его не тронут и даже оставят ему любой выкуп, какой он смог выманить.

Но, если он нарушает правила, и его в конце концов ловят, с ним обходятся сурово. Декстер только намекал, что самое мягкое наказание — «смерть в четыре часа». Я поняла только, что ему вводят какой-то наркотик, который не снимает, а наоборот, усиливает болевые ощущения.

Декстер сказал, что Кларк будет в полной безопасности, если «старый дурень» не будет мешать естественно-му развитию событий. Через полминуты я поняла, кого он называет старым дурнем, и влепила ему пощечину.

В ответ он глубоко вздохнул и пожелал мне счастливого девичества в Марсополисе, где я, хотя бы, понимала, что к чему. Выходит, что здесь я не понимаю ни черта.

Дядя Том строго внушил мне, что без него я не должна делать ни шагу. Он даже запретил мне выходить из номера.

Правда, благодаря этому обстоятельству, я сподобилась побывать в коттедже семейства Куны. Все было бы очень здорово, если бы я могла думать о чем-нибудь, кроме брата. Коттедж мистера Председателя — «маленький скромный домик» чуть поменьше «Тангейзера». Шикарный Розовый Дом Президента Марсианской Республики мог бы целиком поместиться в большом зале коттеджа. Тут-то я и поссорилась с Декстером, пока дядя Том и мистер Куна продолжали свою великосветскую ссору.

Когда мы с дядей возвращались в «Тангейзер», я заметила, как он постарел за последние дни: он выглядел лет на пятьдесят или, если считать по-венериански, на полтораста. Мы пообедали у себя в номере, причем оба едва прикоснулись к еде. Потом я села к телеокну, которое показывало Великий Каньон в Эльдорадо или Колорадо, или как оно там еще называется, но не высидела ничего, кроме приступа агорафобии и слез в два ручья. А каньон и вправду Великий.

А дядя Том просто сидел и был похож на Прометея перед очередным визитом орла.

Я сунула руку ему в ладонь и попросила:

— Отшлепай меня, дядя Том.

— Что?! — он тряхнул головой и вернулся к реальности. — Зачем?

— Потому что это я во всем виновата.

— О чем ты, дорогая?

— Это ведь я отвечаю... отвечаю за Кларка. И всегда отвечала. Он же глупенький. Маленьким он так и норовил свалиться в Канал. Я его раз сто спасала.

Дядя Том отрицательно помотал головой.

— Нет, Подди, за все отвечаю я один. Я ведь *loco parentis* * вам обоим. А ваши родители были совсем уж *loco* **, когда доверились мне.

— Но я чувствую себя ответственной за него.

— Нет, — дядя Том снова покачал головой. — Если честно, ни один человек не может в полной мере отвечать за другого. Каждый из нас сам ведет свою игру со Вселенной, а она всегда остается сама собой и ни для кого не меняет своих правил. Рано или поздно она выигрывает и получает свое. Но нас это не останавливает. Мы пытаемся отвечать за другого, а потом оглядываемся и видим, что могли бы сделать это гораздо лучше. — Он помолчал, потом вздохнул и добавил: — Я совершенно напрасно упрекал мистера Председателя, хотя он сам вызвался организовать охрану. Я знал это с самого начала. Дело в том, что я от большого ума заподозрил, будто он воспользовался Кларком, чтобы надавить на меня. Я был, конечно же, неправ: мистер Куна — честный, по-своему, человек, и не в его правилах использовать детей в политических целях.

— В политических?

Дядя Том удивленно посмотрел на меня, словно говорил с самим собой и только сейчас обнаружил, что не один в комнате.

— Пожалуй, я должен рассказать тебе все, Подди. Я все время забываю, что ты уже выросла, и думаю о тебе, как о маленькой девочке, которая всегда готова забраться ко мне на колени и кланчить, чтобы я рассказал «Сказку о Подди». — Он снова глубоко вздохнул. — Правда, всего я тебе рассказать не смогу: кое-что в этой истории составляет государственную тайну. Но перед мистером Куной я обязан извиниться. Ведь это я использовал Кларка в политической игре. И тебя тоже, Подди...

— Как?!

— Я прикрылся вами, дорогая моя, чтобы все думали, будто старый маразматик не нашел себе дела лучше, чем сопровождать внучатых племянников в развлека-

* Опекун (лат.).

** Безумец (исп.).

тельном круизе. Извини, Подди, но это лишь маска. На самом деле я чрезвычайный посол и полномочный представитель Марсианской Республики на Конференции Трех Планет. Мы решили, что лучше держать это в секрете, пока я не вручу свои верительные грамоты.

Я была так ошарашена, что ничего не сказала в ответ. Конечно, я всегда знала, что дядя Том — фигура видная и в свое время много сделал для Республики, но для меня он всегда был любимым дядюшкой, у которого всегда найдется время скормить мне длинную вереницу всяких небылиц или обсудить, какое имя больше подходит новой кукле.

— Вот для этого-то я и воспользовался тобой и Кларком, — продолжал он. — Потому что... Подди, ты хочешь узнать о политической паутине, которая сплетена вокруг нашего путешествия?

Я очень хотела, но постаралась ответить, как подходит взрослой женщине:

— Расскажи мне то, что считаешь нужным, дядя Том.

— Хорошо. Вокруг этого накопилось много всякой мерзости, а местами все так запутано, что пришлось бы слишком долго объяснять. Кое-что я обязан держать в секрете даже от тебя: это касается Бозо... то есть, прости, нашего Президента и интересов Республики. Ты знаешь, кто наш посол в Луна-Сити?

Я попыталась вспомнить.

— Кажется, мистер Суслов...

— Нет, Подди, он был послом при прошлом президенте. Сейчас в Луна-Сити сидит Арти Финнеган. Он неплохой парень, но почему-то считает, что президентом должен быть он, потому что лучше разбирается в межпланетной политике и лучше знает, что нужно Марсу. Он, сама понимаешь, желает нам всем добра...

Я промолчала, потому что вспомнила это имя. Одажды Па и дядя Том говорили о нем, а я, по их предположениям, уже крепко спала. Самые безобидные оценки из этого диалога — «тупица, мешок с дерьмом, прирожденный мошенник» и «самоуверенность двенадцатого размера в душонке размера девятого».

— Да, желает добра, но у нас с Президентом другое мнение о проблемах, которые встанут на Конференции.

Заметь, Подди, если Президент не посылает на Ассамблею специального полномочного представителя, то от имени Марса говорит посол. Что ты знаешь о Швейцарии?

— Ну-у... про Вильгельма Телля и яблоко.

— Вполне достаточно, хотя мне кажется, что никакого яблока на самом деле не было. Так вот, Подди, представь, что Марс — Швейцария Солнечной Системы, если тебя не коробит от такого сравнения. Так думаем мы с нашим Президентом. Небольшая страна или планета — как, например, Швейцария или Марс — может выстоять перед большими и сильными соседями, но для этого всегда должна быть готова к отпору. Мы никогда не воевали, и я молю бога, чтобы и дальше не пришлось, потому что мы, скорее всего, проиграем войну. Но, если мы будем готовы к отпору, к нам, может быть, никто и не сунется. Так считаем мы с Президентом... А вот мистер Финнеган полагает, что Марс мал и слаб, и поэтому должен вступить в Земную Федерацию. Возможно, когда-нибудь так и случится, но это станет концом нашей независимости. А если Марс поступится самостоятельностью, то в скором времени та же участь ожидает Венеру. Как только мы прилетели сюда, я взялся убеждать мистера Куну. Если Марс и Венера единым блоком выступят против притязаний Терры, то к ним вполне может примкнуть и Луна: ведь мы могли бы снабжать селенитов куда дешевле, чем Терра. С меня семь потов сошло... Корпорация издавна предпочитает не вмешиваться в высокую политику, она просто торгует и не задается головолomными проблемами.

Я пытался объяснить мистеру Куне, что означает для Венеры блок Терры, Луны и Марса (спутники Юпитера пока можно не брать в расчет): лет через десять Венерианская Корпорация будет не более независима, чем нынешние «Дженерал Моторс» или «ИГ Фарбениндустри». Он явно склонялся на нашу сторону, но тут я поторопился с выводами насчет исчезновения Кларка и накричал на него... — Дядя Том горестно покачал головой. — Плохой из меня дипломат, Подди.

— Не ты один потерял голову, — успокоила я его и рассказала о пощечине.

Он в первый раз улыбнулся.

— Ах, Подди, Подди, никогда-то ты не станешь настоящей леди. Ты ничем не лучше меня.

Я оскалилась и грубо ковырнула ногтем в зубах — такой у нас с дядей Томом секретный знак. Мы, маори, некогда были весьма кровожадны, и я даже не стану намекать на то, что наши предки выковыривали из зубов. Дядя Том частенько пользуется этим вульгарным жестом, дабы намекнуть мне, что я веду себя не так, как подобает воспитанной девушке.

Тут он улыбнулся по-настоящему и взъерошил мне волосы.

— Ты самая белокурая и голубоглазая дикарка из всех, что я встречал в своей жизни. Но все равно дикарка, на все сто процентов. Я тоже. Будет лучше всего, лапушка моя, если ты извинишься перед Декстером. Он был абсолютно прав: я вел себя именно как старый дурень. А я извинюсь перед его отцом, причем подползу к нему на брюхе, если он того захочет. Человек должен уметь извиняться и исправлять то, что еще можно исправить. А ты поцелуйся и помирись с Декстером, он отличный парень.

— Я, конечно, помирюсь с ним и попрошу прощения, но целоваться не стану. Не такие у нас отношения.

— Да ну? — удивился дядя Том. — Он что, не понравился тебе? Может, в твоих жилах слишком много норвежской крови?

— Во-первых, Декстер мне очень нравится, а во-вторых, ты, надо думать, наглотался местного смога, если полагаешь, будто норвежская кровь хоть чуть холоднее маорийской. У нас с ним все может быть всерьез и по большому счету, поэтому я не тороплю события.

Он поразмыслил над этим.

— Я думаю, ты права, дорогая моя. Лучше всего упражняться в поцелуйчиках с мальчишками, которым ты безразлична или около того. А Декстер, хоть он и хороший парень, в подметки не годится моей дикарке-племяннице.

— Кто знает... А что ты собираешься предпринять, чтобы вернуть Кларка?

— Ничего. Вообще ничего.

— Но ведь должны же мы хоть что-то делать!

— Что именно, Подди?

Я примолкла. Я уже раз сто прикидывала в уме разные варианты, но без видимого толка. Сообщить в полицию? Мистер Председатель сам — полиция, все они на него вкалывают. Нанять частного детектива? Если они и водятся на Венере, то наверняка работают по контракту с Венерианской Корпорацией, другими словами, с тем же мистером Председателем. Поместить объявления в газетах? Опросить всех таксистов? Расклеить повсюду портреты Кларка и назначить награду за сведения о нем? Куда ни сунься, все на Венере принадлежит мистеру Куне, точнее, Корпорации, которую он возглавляет. Это почти одно и то же, хотя дядя Том и говорит, что клан Куна владеет только частью пакета акций.

— Подди, мы с мистером Куной уже обсудили все варианты. Он делает все возможное и убедил меня не соваться: местные условия он знает гораздо лучше меня.

— И что же нам остается?

— Ждать и ждать. Но если тебе придет в голову что-то исключительное, немедленно скажи мне. Мы позвоним мистеру Куне и обсудим это. Если я буду спать — буди без жалости.

— Хорошо. — Я здорово сомневалась, что дяде Тому удастся заснуть. Как и мне, впрочем. — А что ты станешь делать, если Кларк не появится до старта «Трезубца»?

Он ничего мне не ответил, только морщины у него на лбу стали еще глубже. Я поняла, что он принял свое Ужасное Решение, поняла, чего ему это стоило.

Теперь и мне надо было принять Ужасное Решение. Я долго советовалась со Святым Подкейном, и мы решили, что я должна нарушить свою страшную клятву. Возможно, со стороны это выглядит глупо, но только не для меня. Я ни разу в жизни не нарушала эту клятву, и теперь уже никогда не смогу до конца верить Подди Фрайз.

Я рассказала дяде Тому о бомбе. Он отнесся к этому на удивление серьезно, а ведь я почти убедила себя, что Кларк все выдумал, чтобы лишний раз издеваться

надо мной. Кстати, контрабанду можно найти на любом космическом корабле. Но бомба — это уж из ряда вон! Может, Кларку всучили обыкновенный контрабандный товар и заплатили еще раз, когда он передавал его стюарду, грузчику или кому-нибудь еще. Насколько я знаю своего брата...

Однако дядя Том настоял, чтобы я как можно подробнее описала типа, с которым Кларк говорил на Деймосе.

— Я почти не запомнила его, дядя. Неприметный мужчина, каких тысячи. Не маленький, но и не высокий, не толстый, но и не худой. Одежда на нем была самая обыкновенная, а лица я и вовсе не видела. Ничего характерного... Обыкновенный...

— Может, это был кто-нибудь из пассажиров «Трезубца»?

Я тщательно обдумала это предположение.

— Нет. Я бы заметила его на борту и вспомнила. Нет... я почти уверена, что он не встал в нашу очередь, а пошел к выходу, к порту челночных кораблей.

— Правильно сделал, — согласился дядя Том, — если это и в самом деле была бомба. Мы-то с тобой знаем, какая богатая у Кларка фантазия.

— Но для чего подкладывать в корабль бомбу?

Он ничего мне не ответил, но я и сама поняла, зачем. Кто-то хотел взорвать «Трезубец», утробить всех пассажиров: и стариков, и детишек, и экипаж — словом, всех. И не ради страховки, как об этом пишут в детективных книжонках. На уроке экономики в школе нам объяснили, что на такой выходке не разбогатеешь: Ллойд страхует корабли только в пределах их действительной стоимости.

Тогда зачем же?

Чтобы корабль не попал на Венеру?

Но «Трезубец» ходил к Венере десятки раз...

Скорее всего, чтобы КТО-ТО из пассажиров не попал на Венеру. Или на Луну.

Кто?

Ясно, что не Подди Фрайз. Если я кому-нибудь и кажусь значительной, то только себе самой.

Потом мы два часа кряду обыскивали номер. Мы ничего не нашли, да я и не надеялась. Если бомба

все-таки была — а я все еще не могла в это поверить — и если Кларк унес ее с корабля, он не стал бы прятать ее в отеле. К его услугам был огромный город и масса времени, чтобы вынести из отеля хоть вазу с цветами, хоть... что угодно.

Напоследок мы обыскали комнату Кларка, исходя из предположения, что там он станет что-то прятать в последнюю очередь. Начали мы вместе, а заканчивать пришлось одному дяде Тому: стоило мне дотронуться до вещей брата, как я разревелась, и дядя отослал меня отлежаться.

К тому времени, когда он сдался, я уже проревелась и даже придумала кое-что.

— Может, стоит послать за счетчиком Гейгера? — предложила я.

Дядя Том устало опустилсся в кресло и покачал головой.

— Мы ведь не бомбу ищем, девочка.

— А что же?!

— Вовсе не бомбу. Если бы мы нашли ее, это только подтвердило бы, что Кларк сказал тебе правду, а я отбросил эту версию, как наименее вероятную. Видишь ли, девочка, я знаю об этом деле больше, чем рассказал тебе... знаю слишком много, а это смертельно опасно для некоторых людишек. Они могут далеко зайти... Политика — жесткая штука, даже война считается лишь продолжением политики другими средствами. Бывает, что и бомба становится политическим аргументом; их применяли в этом качестве сотни раз, если не тысячи. Нет, Подди, нам нужна не бомба, а след человека, которого ты видела на Деймосе. Даже, пожалуй, не этого человека, а его хозяина. Я не исключаю, что он может оказаться близким сотрудником нашего Президента.

— Господи! — воскликнула я. — Ну что мне стоило рассмотреть его получше и запомнить!

— Не расстраивайся, лапушка. У тебя не было причин паяться на этого типа и запоминать его. А вот Кларк, должно быть, хорошо его запомнил. Если... Когда Кларк вернется на Марс, мы попросим его рассмотреть личные дела сотрудников Президента и фотографии для выездных виз за последние десять лет, если

потребуется. Мы непременно найдем этого типа, а через него выйдем на другого, которому Президент совершенно напрасно доверяет. — Дядя Том вдруг преобразился в свирепого дикого маори. — Я сам им займусь. Вот тут-то мы и посмотрим, кто кого переиграл. — Тут он широко улыбнулся и добавил: — А теперь Подди должна поспать. В последнее время ты ложились поздно, а ведь сейчас нам нужно быть в хорошей форме.

— Ммм... а сколько сейчас времени в Марсополисе?

— Двадцать часов семнадцать минут, — ответил дядя Том, взглянув на марсианские часы. — Надеюсь, ты не собираешься звонить родителям?

— Боже упаси! Я им ни словечка не скажу, если... пока не вернется Кларк. Да и тогда, мне кажется, лучше будет помалкивать. Но ведь сейчас всего двадцать часов с небольшим, то есть еще не поздно, если считать по-нашему. А спать мне не хочется. Подожду, пока ляжешь ты.

— Я, может быть, совсем не лягу.

— Вот и хорошо. Посидим вместе.

— Ладно, Подди, — мягко ответил он и подмигнул. — Человек не может повзрослеть по-настоящему, если не проведет без сна хотя бы одну бесконечную ночь.

Мы долго сидели и молчали. Все уже было сказано, не стоило повторяться и бередить раны.

— Дядя Том, — попросила я наконец, — расскажи мне «Сказку о Подди»...

— Это в твоём-то возрасте?

— Ну пожалуйста. — Я бухнулась к нему на колени. — Мне очень нужно посидеть у тебя на коленях и еще разок услышать эту сказку.

— Ладно, — согласился он и обнял меня за плечи. — Давным-давно, когда мир был совсем молодым, в самом счастливом городе жила-поживала маленькая девочка, и звали ее Подди. Больше всего она походила на часы. «Тик-тик-тик», — говорили ее каблучки, «тик-тик-тик», — вторили им вязальные спицы, и так же неустанно тикал ее маленький, но шустрый ум. Волосы ее цветом напоминали весенние лютики, глаза походили на солнце, если смотреть на него сквозь весенние

потоки, когда из каналов уходит лед. Ее носик еще не решил, какую форму принять, а ротик был полон вопросительных знаков. Весь мир был для нее сюрпризом, и она не замечала в нем ничего плохого. И вот однажды...

— Но я уже не маленькая, — прервала я дядю Тома, — и не верю, что мир когда-то был молод.

— Вот тебе платок, — ответил он, — вытри нос. Я ни разу не смог рассказать тебе эту сказку до конца: ты засыпала раньше. А кончается она чудом.

— Настоящим чудом?

— Самым настоящим. Вот какой конец у этой сказки: «А когда Подди выросла, у нее появилась другая маленькая Подди. И мир снова стал молодым».

— И это все?

— А что ты еще хочешь? По-моему, чудеснее не бывает.

Глава 12

Видимо, я все-таки заснула, и дядя Том уложил меня в постель. Во всяком случае, проснулась я без туфель на ногах, зато вся растрепанная и скомканная. Дяди Тома уже не было, но он оставил записку, в которой написал, что я могу найти его по личному коду мистера Куны. У меня не было причин тревожить его, равно как и охоты видеть кого бы то ни было. Я отослала Марию и Марию, а завтрак съела прямо в постели. У меня вдруг проснулся дикий аппетит — молодой организм требовал свое.

Впервые после посадки я откопала свой дневник. Естественно, я продолжала вести его, но уже не писала, а наговаривала на магнитную пленку. В библиотеке нашего номера есть стационарный магнитофон, а еще раньше, на корабле, мистер Клэнси позволял мне пользоваться диктофоном, с помощью которого он вел вахтенный журнал.

Но у библиотечного магнитофона был существенный недостаток: к нему в любой момент мог сунуться Кларк. В первый же мой поход по магазинам, я увидела в супермаркете «Венус-Мэйш» очень симпатичный крохотный магнитофон всего за десять с половиной кредитов. Я сразу же в него влюбилась, купила и с тех пор постоянно ношу в сумочке. Он легко убирается в кулак и в него можно диктовать незаметно для других.

Я выкопала тетрадь, чтобы посмотреть, не записала ли я ненароком что-нибудь важное о том типе, который разговаривал с Кларком в космопорте.

Ничего такого там не было. Совсем ничего. ЗАТО Я НАШЛА ЗАПИСКУ ОТ КЛАРКА.

«Под, — писал он, — если ты найдешь это письмо, читай его побыстрее: я пишу его двадцатичетырехчасовыми чернилами и надеюсь, что к тому времени уже вернусь, и ты, следовательно, так и не увидишь этого письма.

Герди попала в переплет, и я должен выручить ее. Никто об этом не знает, потому что это исключительно мое дело, и я не хочу, чтобы в него совались другие.

Однако умный игрок подкрепляет свои ставки, если может. Если меня долго не будет, и ты все-таки найдешь письмо, поймай дядю Тома и пусть он поймает мистера Куну.

У Южных Ворот расположен газетный киоск. Надо купить в нем «Мерчант Тудей» и спросить, есть ли у них вечносветки. Потом надо сказать: «Дайте мне две. Там, куда я собираюсь, очень темно».

Вот и все, что я могу рассказать.

Только *ты сама* не делай ничего, а то все испортишь.

Если все кончится плохо, оставь себе на память обо мне мою коллекцию камней.

Сдачу пересчитай. Лучше всего, на пальцах.

КЛАРК»

У меня все поплыло перед глазами. Я никогда не видела завещаний, но последние строчки были именно завещанием, я уверена. Потом я собралась, сосчитала до десяти и обратно, а в конце добавила крепкое словцо, чтобы снять нервное напряжение. Пришло время действовать.

Я сразу же позвонила дяде Тому. В одном я была совершенно согласна с Кларком: Подди не стоит тягаться ни с Космическим Скитальцем Стилиуортом, ни с Железным Человеком. Это, скорее, в духе Кларка, а я собиралась заручиться всей возможной помощью. Чтобы выручить Кларка и Герди, я охотно мобилизовала бы пару полков морской пехоты и весь Марсианский Легион.

Так вот, я набрала личный код мистера Председателя, и автоответчик попросил позвонить по другому номеру. Я набрала этот другой номер... и мне ответил голос дяди Тома. Тоже запись. Он не сказал ничего нового, все инструкции такого рода были в записке: дяди не будет весь день, а я ни под каким видом не должна выходить из номера. Еще он добавил, что я не должна пускать в номер никого, кроме тех, кого я знаю лично. Марии и Марии, например.

Когда запись начала прокручиваться по третьему разу, я дала отбой и попыталась дозвониться до мистера Председателя по обычному телефону, через контору Корпорации. Дохлое дело! Нажимая на то, что я — мисс Фрайз, племянница Сенатора Марсианской Республики, я с горем пополам добралась до его секретарши или, может быть, секретарши его личного секретаря.

— К моему глубокому сожалению, мисс Фрайз, — ответила она, — мистера Куна вызвать невозможно.

Тогда я потребовала найти дядю Тома.

— Я очень сожалею, но у меня нет сведений о сенаторе Фрайзе, мисс Фрайз.

Я велела соединить меня с Декстером.

— Мне очень жаль, мисс Фрайз, но мистер Куна-младший находится в инспекционной поездке по заданию мистера Куны-старшего.

Она то ли не могла, то ли не хотела сказать, когда вернется Декстер; не могла или не хотела найти способ связаться с ним. Врала, по-моему. Если бы я владела Всепланетной Корпорацией, я бы поставила дело так, чтобы в любой момент могла связаться с любой шахтой, с любым ранчо, фабрикой или воздушным кораблем, которыми владеет Корпорация. А уж мистер Председатель, надо думать, лучше меня знает, как управлять своим хозяйством.

Я ей так и сказала, призвав на помощь цветистую фразеологию «песчаных крыс» и жителей каналов. Я и не думала, что помню эти словечки. Другими словами, я озверела. Видимо, прав дядя Том: стоит соскрести с меня нордический лак, и на свет явится кровожадная дикарка.

Вы не поверите, но на нее все это подействовало не больше, чем на бандита из песков.

— Мне очень жаль, мисс Фрайз, — повторила она и отключилась.

Мне даже показалось, что мистер Куна держит на телефоне андроида, вроде наших «тик-таков». Живая женщина *хоть как-то* отреагировала бы на мою непотребщину, пусть даже и не поняла бы половину. Я и сама понимаю далеко не все эти словечки, но знаю, что это далеко не комплименты.

Я даже собралась позвонить Па. Он оплатил бы счет, даже если бы ему пришлось выложить все сбережения. Но до Марса — одиннадцать световых минут, это было написано прямо на диске телефона. А связь через станцию «Гермес» и Луна-Сити совсем уж никуда не годится. Если между вопросом и ответом проходит двадцать две минуты, понадобится целый день, чтобы только рассказать, в чем дело. Правда, плату взимают только за разговор, а не за ожидание.

Ну позвонила бы я ему... а что бы он мог сделать, находясь за триста миллионов километров от нас? Дело кончилось бы тем, что он вконец бы поседел.

Вскоре я успокоилась и сообразила, что в записке Кларка есть какая-то несуразица. Это касалось Герди...

Мы не виделись с нею уже дня два. У нее было неудобное расписание: новеньким крупье достаются не лучшие смены. Но я, кажется, перебросилась с нею парой слов, когда Кларка уже не было, хотя я тогда и подумать не могла, что он вообще не ночевал в отеле.

А дядя Том говорил с Герди как раз перед тем, как мы отправились в коттедж мистера Председателя. Он спросил, не видела ли она Кларка, и она ответила, что не видела.

Получилось так, что мы видели Кларка последними.

Я безо всякого труда связалась с Домом Педро, правда, не с тем, которого встретила в *тот* вечер, а с Домом Педро этой смены. К этому времени все Дома Педро уже знали, кто такая Подди Фрайз. Это та самая девушка, которую часто видят с мистером Декстером. Он тут же сообщил мне, что смена Герди закончилась полчаса назад и лучше всего позвонить ей в отель, если, конечно, она не пошла по магазинам.

Я уже знала, что в отеле ее нет. Кстати, к этому времени она съехала из «Тангейзера» в гостиницу подешевле. Я оставила на ее автоответчике такую запись, что Герди немедленно свяжется со мной.

Вот и все. Тупик. Звонить было некуда, оставалось только сидеть в номере и ждать дядю Тома, как он мне и приказал.

Что ж, я взяла сумочку, накинула плащ и вышла из номера.

Я успела пройти целых три метра. На моем пути вырос высокий, широкий и мускулистый тип. Я попыталась обойти его, но не тут-то было.

— Не надо, мисс Фрайз, — сказал он. — Ваш дядя приказал никуда вас не выпускать.

Я сунулась в другую сторону и обнаружила, что ноги у него довольно быстрые для такого громилы, а реакция лучше моей. Итак, я арестована и сижу в своем номере, словно в узилище, в неволе мрачной, в заточении жестоком. Похоже, дядя Том мне не доверяет.

Я вернулась в номер, закрыла дверь и поразмыслила. Номер был все еще не прибран, грязная посуда от завтрака не убрана. Кое-как преодолев языковой барьер, я втолковала Марии и Марии, что мисс Фрайз крайне неприятно, когда все кому не лень вторгаются в ее комнату и нарушают ее уединение.

Неуклюжий двухэтажный столик-тележка, на котором мне доставили завтрак, все еще стоял у кровати и более всего напоминал город, дочиста разграбленный пиратами.

Я сняла судки с нижней полки, рассовала их, куда возможно, и накрыла столик специальной большой салфеткой — такие применяют, чтобы не оскорблять взоры богатых клиентов видом грязной посуды и объедков.

Потом я взяла трубку внутренней связи и велела немедленно убрать грязную посуду.

Я не очень высокого роста и довольно-таки легкая. Словом, мои сорок девять килограммов и сто пятьдесят сантиметров можно, если постараться, запихать в довольно малый объем. Нижняя полка оказалась темноватой, но можно было потерпеть. Хуже всего, что на ней была лужица соуса, которую я впопыхах не заметила.

Распоряжения дяди Тома (или мистера Куны) выполнялись неукоснительно. Обычно тележку с посудой увозит бой из посудомойки, но на этот раз явились обе Марии и отвезли столик к служебному лифту. Попутно я узнала кое-что интересное, но не слишком удивительное. Одна Мария сказала что-то по-португальски, а вторая ответила на чистейшем орто: «Наверное, в ванне полощется, обмотка ленивая».

Я решила ничего не дарить ей ни к Рождеству, ни ко дню рождения.

Внизу кто-то выкатил меня из лифта и задвинул в угол. Я чуть подождала и выбралась из моего экипажа. Мойщик в грязном переднике так и застыл от удивления. Я сказала «о бригадо», сунула ему два кредита и гордо вышла через служебный вход. Через две минуты я уже садилась в такси.

Сейчас я еду в такси к Южным Воротам и диктую на магнитофон, чтобы не обгрызть себе ногти до локтей. Чувствую я себя прекрасно, хотя и нервничаю немного. Действовать лучше, чем ждать. Ничего страшного со мной не случится, а вот неведение вполне способно свести с ума.

Кассета кончается. Я поставлю новую, а эту отошлю от Южных Ворот дяде Тому. Может быть, стоило оставить записку, но и кассета сойдет. Удачи мне.

Глава 13

Теперь я не могу пожаловаться, что не видела фей. Они и в самом деле очень симпатичны, но я не буду горевать, если никогда больше их не увижу.

Отважно ринувшись в гущу событий, я преодолела огромные трудности и смело...

Все было совсем не так. Я вляпалась. По самые уши. Сижу неизвестно в какой глуши, а в моей комнате нет ни одного окна, только дверь. Но от двери мало толку: над ней на жердочке сидит фея. Она довольно красива, ее зеленый мех сильно напоминает балетную пачку. Она не совсем похожа на миниатюрного человека с крыльями, но говорят, что чем дольше они живут с людьми, тем больше походят на людей. Уголки глаз у нее приподняты кверху, как у кошки, время от времени она улыбается.

Я назвала ее Титанией: произнести ее настоящее имя выше моих сил. Она знает несколько слов на орто. Совсем немного, но ее маленький мозг просто не может вместить больше. Мозга у нее, кстати сказать, лишь вдвое больше, чем у кошки. Другими словами, она — идиот, пытающийся сдать экзамен на кретина, но без особого успеха.

Почти все время она просто сидит на своей жердочке и нянчит детеныша — он величиной с котенка, но гораздо симпатичнее. Я зову его Аризлем, хотя не

знаю, какого он пола. Насчет Титании я тоже не уверена: говорят, что выкармливанием у фей занимаются и самки и самцы. Они не млекопитающие, так что назвать это выкармливанием можно лишь условно. Ариэль еще не умеет летать, и Титания учит его: швыряет в воздух. Он кое-как планирует на пол, лежит и пищит, пока она не спустится с жердочки и не заберет его.

А вот что делаю я:

а) думаю;

б) надиктовываю свой дневник;

в) налаживаю отношения с Титанией (она уже позволяет мне поднимать Ариэля с пола и передавать ей, малыш ничуть не боится меня);

г) постепенно прихожу к выводу, что мое вынужденное безделье затянулось.

Я могу ходить по комнате и делать все, что мне удобно, но к двери подходить не решаюсь. Как вы думаете, почему? Сдается? Потому что феи — плотоядные существа, и у них очень острые зубы и когти. Я уже заработала укус и две глубокие царапины на левой руке. Они саднят и заживать не собираются. Стоит мне приблизиться к двери, Титания мигом спикирует на меня. Во всех прочих случаях она довольно дружелюбна.

В чисто физическом смысле мне не на что жаловаться. Несколько раз в «день» приходит абориген и приносит полный поднос весьма недурной еды. Я при этом отворачиваюсь: во-первых, венерианцы слишком похожи на людей, а во-вторых, чем больше на них смотришь, тем хуже для желудка. Вы, конечно, видели их на фотографиях, но они не могут передать *запах* из вялого слюнявого рта. Здорово похоже, что это *создание* долго лежало мертвым, а потом его оживили при помощи какого-то грязного колдовства.

Я называю его Булавоголовым, и это еще комплимент. Кстати, насчет его пола не может быть никаких сомнений. От такого красавчика любая... бегом бы убежала в монастырь.

Я ем, то что мне приносят, потому что совершенно уверена, что готовит не он. А та, на кого я думаю, должна быть отличной поварихой.

Здесь мне придется вернуться немного назад.

— Лучше дайте мне сразу две, — сказала я продавцу. — Там, куда я собираюсь, очень темно.

Он удивленно посмотрел на меня, и я повторила пароль.

Через несколько минут я уже летела в автомобиле куда-то за город. Машина петляла, закладывала широкие виражи, вокруг был сплошной туман, и я совершенно потеряла ориентацию. Знаю только, что место это в двух часах полета от Венусбурга, и что рядом расположена небольшая колония фей. Перед самой посадкой я увидела, как они летают, и так засмотрелась, что даже не заметила никаких ориентиров. Впрочем, это бы не помогло...

Я вышла из автомобиля, и он тут же улетел. А я оказалась перед домом с распахнутой дверью.

— Подди! — донесся знакомый голос. — Входи, милочка, входи!

Я почувствовала такое облегчение, что бросилась к ней в объятия. Это была миссис Грю, толстая и добрая.

Потом я осмотрелась и увидела Кларка! Он совершенно спокойно взглянул на меня и удостоил лишь одним словом:

— Дура!

Тут я увидела в другом кресле дядю Тома и хотела броситься к нему, но объятия миссис Грю вдруг превратились в железные обручи.

— Нет-нет, милая, не так быстро, — сказала она, а Булавоголовый приложил что-то к моей шее.

Потом меня усадили в большое удобное кресло. С тем же успехом они могли просто посадить меня на пол: оказалось, что шевелить я могу только головой. При этом я чувствовала себя отлично, если не считать слабого покалывания по всему телу.

Дядя Том напоминал президента Линкольна, горюющего по убитым при Геттисберге. Он ничего мне не сказал.

— Итак, все семейство в сборе, — весело произнесла миссис Грю. — Что скажете, сенатор? Мы договоримся?

Дядя Том едва наклонил голову.

— Вот и хорошо, — продолжала она. — Мы ведь не хотим, чтобы вы опоздали на конференцию. Нам

только хочется... несколько ориентировать вас. Если же мы не договоримся, я постараюсь, чтобы никого из вас больше не увидели. По-моему, это естественно. Жалко, но ничего не поделаешь. Особенно жаль детишек.

— Вы не посмеете! — сказал дядя Том.

— Еще как посмеет, сучка каторжная! — крикнул Кларк, и я поняла, что он по-настоящему взвинчен. Он презирует вульгарные словечки, говорит, что они изобличают низость характера.

Миссис Грю спокойно, даже, пожалуй, с нежностью посмотрела на него и кликнула Булавоголового.

— Унеси его и не давай ему спать, пока не подойдет, — велела она.

Абориген унес Кларка, но последнее слово все-таки осталось за моим братцем.

— А еще ты жульничаешь в солитер! Я заметил!

На долю секунды миссис Грю разозлилась по-настоящему, но тут же вернула на лицо обычное участливое выражение и снова обратилась к дяде Тому:

— Теперь, когда оба ребенка у меня, я могу пожертвовать одним. Кажется, вы особенно любите Подди? Даже слишком любите, как сказали бы психиатры.

Я обмозговала это... и решила при первой же возможности сделать из ее шкуры коврик и подарить дяде Тому.

А сам дядя Том пропустил это мимо ушей. Тут откуда-то послышался ужасный грохот — лупили металлом о металл.

— Грубо, конечно, но действительно, — сказала миссис Грю и улыбнулась. — Когда-то здесь было ранчо, и от прежнего хозяина остался бак, в котором он грел воду. Конечно, он слишком мал, чтобы в нем можно было стоять или сидеть, но такому грубому мальчишке нечего рассчитывать на удобства. А грохот от того, что по баку бьют железной трубой. — Тут она чуть призадумалась. — Не представляю, как мы будем договариваться под такой шум. Наверное, стоит перенести экзекуцию подальше... или поближе, чтобы вы послушали, как вопит мальчишка. Может, тогда наш разговор пойдет поживее. Как вы думаете, сенатор?

— Миссис Грю!.. — вмешалась я.

— Подди, милочка, сейчас я очень занята. Позже мы поболтаем за чашкой чая. Итак, сенатор?

— Миссис Грю, вы плохо знаете дядю Тома. Так вы от него ничего не добьетесь.

Она поразмыслила над этим.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь, дорогая. Выдаешь желаемое за действительное.

— Да нет же!!! Поверьте, нет *никакой* возможности заставить дядю Тома изменить интересам Марса. Если вы повредите Кларку или мне, он совсем закаменеет. Конечно, он любит нас, но не до такой же степени, чтобы предать Марс. Вы просто теряете время попусту!

Я говорила быстро и искренне. Мне казалось, что я слышу вопли Кларка. Конечно, только казалось: невозможно перекричать такой дьявольский грохот. Помню, когда Кларк был совсем малышом, он забрался в папину корзину для бумаг... и страшно орал, пока я его не вызволила. Наверное, мое подсознание воскресило эти вопли.

Миссис Грю ласково улыбнулась.

— Милая Подди, ты совсем еще маленькая, и головка у тебя полна всякой патриотической чепухи. Сенатор сделает именно то, что я от него потребую.

— А вот и нет! Если вы убьете Кларка...

— Помолчи, дорогая, или мне придется вклеить тебе пару пощечин, чтобы ты научилась слушать старших. Я вовсе не собираюсь убивать твоего брата...

— Но вы же сказали...

— ТИХО!!! Этот абориген не понял и половины из того, что я сказала. Он понимает лишь несколько слов на торговом орто, на целую фразу у него мозгов не хватит. Вскоре я прикажу достать Кларка из бака и ты сама увидишь, как он будет ползать на брюхе и умолять мистера Фрайза сделать все, что я от него хочу. — Она ласково улыбнулась. — Теперь поговорим о патриотизме. Тебе вдолбили, будто он сильнее инстинкта самосохранения. А такой прожженный политикан, как твой дядя, знает, что это всего лишь абстракция, и не придает ему особого значения. Его волнует другое:

если он сделает по-моему, он кончится как политик. Но он все-таки сделает. Ведь так, сенатор?

— Мадам, — отозвался дядя Том с легким пренебрежением, — я не вижу смысла в этой дискуссии.

— Я тоже. С вами я буду говорить на другом уровне. А пока я объясняю Подди что к чему, вам придется послушать. Так вот, милочка, твой дядя — сильный и упорный человек, он не может просто так угробить свою политическую репутацию. Чтобы заставить его танцевать под мою музыку, нужно дергать за определенные ниточки. Я уверена, что ты — одна из главных ниточек.

— Я вам никакая не ниточка!

— Хочешь пощечину? Или предпочитаешь кляп? Ты мне нравишься, Подди, и мне не хотелось бы применять к тебе грубые методы. Так вот, ниточка — именно ты, а не твой братец. Конечно, твой дядя делает вид, что любит вас обоих одинаково — подарки на Рождество и все такое прочее, — но ведь совершенно очевидно, что твоего брата любить не за что. Такого даже родная мать возненавидит. А вот тебя сенатор любит, и намного сильнее, чем хотелось бы ему самому. Так что твоего брата обрабатывают лишь для того, чтобы сенатор понял, каково будет тебе на месте Кларка. Кстати, ничего с ним не случится, разве что оглохнет. Сама видишь, сенатору некуда деться. Придется ему говорить на конференции именно то, что я хочу. — Она задучиво посмотрела на дядю Тома. — Я еще не решила, сенатор, какой способ лучше. Вы, конечно же, согласитесь сотрудничать с нами, но мне хотелось бы, чтобы вы не забыли об этом. Политики хорошо умеют забывать то, что обещали. Не стоит ли послать с вами Кларка, чтобы вы лучше помнили. Или лучше оставить его здесь и работать с ним каждый день понемногу... на глазах у Подди? Чтобы она ясно видела, что будет с нею, если в Луна-Сити вы начнете выкидывать фортели. Как вы полагаете, сэр?

— Мадам, этот вопрос не имеет смысла.

— Отчего же, сенатор?

— Оттого, что без детей я не полечу в Луна-Сити.

Миссис Грю фыркнула.

— Оставьте браваду для предвыборной кампании, сенатор. А сейчас, — она посмотрела на старинную брошь с часами, приколотую к ее могучему бюсту, — пора прекратить этот грохот, пока у меня голова не разболелась. Тем более что ваш племянник, сенатор, надо думать, его уже не слышит.

Она на диво легко встала и вышла из комнаты.

Грохот вдруг прекратился. Это было так неожиданно, что я подпрыгнула бы, если могла.

Дядя Том повернулся ко мне.

— Ах, Подди, Подди, — мягко проговорил он.

— Дядя Том, — ответила я, — не вздумай уступать этой гадине!

— Я просто не могу уступить ей, Подди. Ни на йоту. Ты понимаешь?

— Ясно, понимаю! Но почему бы тебе не схитрить? Наобещай ей что угодно, выберись отсюда и выгнать Кларка, а потом вы сможете вызволить и меня. Я продержусь, честное слово.

— Милая Подди... милая Подди, — сказал дядя Том каким-то странным голосом. — Знаешь... здорово похоже... что это конец. Крепись, дорогая моя, не бойся.

— Честно сказать, у меня в этом мало опыта. Но я попробую. — Я, конечно, боялась, но не по-настоящему: разве можно испугаться, если рядом дядя Том, пусть даже он пальцем шевельнуть не может. — Дядя Том, а что ей от тебя надо? Она что, фанатичка какая-нибудь?

Мне ответил веселый утробный смех миссис Грю.

— Фанатичка, подумать только! — Она ласково потрепала меня по щеке. — Никакая я не фанатичка, милая Подди, и политике не придаю особого значения, впрочем, как и твой дядя. Много лет назад, когда я была молода и красива, — тебе никогда не быть такой красоткой — я поняла, что лучший друг девушки — деньги. Вот я и работаю. — Тут она обратилась к дяде Тому. — Сенатор, мальчик, похоже, оглох, но точно сказать трудно: он сейчас без сознания. Позже мы это выясним, а теперь мне хочется вздремнуть. Надеюсь, и вы не против небольшого отдыха.

Она позвала Булавоголового и тот отнес меня в эту комнату. Я здорово испугалась, когда он поднял меня,

но тут же обнаружила, что могу слегка шевелить руками и ногами. А кололо в них просто нестерпимо! Я слабо подрыгалась, но, ясно, без малейшего толка. Итак, меня засунули в эту комнату.

Чуть погодя наркотик перестал действовать, и я почувствовала себя совершенно нормально, если не считать легкой дрожи.

Вскоре я убедилась, что Титания — отличный сторож, и с тех пор не суюсь к двери, а левая рука у меня здорово болит и даже, кажется, опухает.

Я обследовала комнату. Пусто. Кровать с матрацем, но без белья; собственно, оно и ни к чему в таком климате. Откидной столик и прикрепленный к полу табурет рядом с ним. Светящиеся трубки под потолком. Я обыскала всю комнату, как только убедилась, что Титания — не просто симпатяшка с прозрачными крыльшками. Было совершенно ясно, что миссис Грю или тот, кто оборудовал эту комнату, не оставили здесь ничего, чем можно было бы одолеть Титанию. Мне не оставили ни плаща, ни сумочки.

Особенно я жалела о сумочке: у меня в ней масса полезных вещей. Пилка для ногтей, например. С нею в руках я, пожалуй, схватилась бы с кровожадной феюшкой. Но что толку сожалеть?

Я обнаружила еще кое-что: раньше в этой комнате держали Кларка. Здесь оказалась его сумка. Я непременно обнаружила бы, что ее нет в номере, если бы не разнюнилась прошлым вечером и не оставила дядю Тома заканчивать обыск в одиночку. В сумке были вещи, довольно необычные для рыцаря, отправившегося освобождать плененную деву: три тенниски, две пары шортов, пара обуви, логарифмическая линейка и три книжки с комиксами.

Я не удивилась бы, обнаружив портативный огнемет или компоненты для изготовления взрывчатки, — это было бы вполне в духе Кларка. Похоже, что Кларк, несмотря на весь свой ум, еще сущий мальчишка.

Я подумала о том, что он оглох, и чуть не разревелась. Впрочем, я быстро успокоилась: слух ему не так уж и нужен, он уже давно не слушает никого и ничего.

От нечего делать я легла на кровать и начала листать комиксы. Я не любительница комиксов, но эти оказа-

лись довольно забавными: их герои с блеском выходили из разных переделок, а приходилось им куда хуже, чем мне.

Вскоре я уснула, и мне снились героические сны.

Меня разбудил Булавоголовый, он принес завтрак (более похожий на обед). Поднос он унес с собой, а пластиковые ложка и вилка совсем не походили на смертоносное оружие. Зато мне вернули мою сумочку!

Моего восторга хватило ровно на десять секунд: я обнаружила, что в сумочке нет ни ножика, ни пилки для ногтей. Самыми смертоносными предметами в ней были губная гармоника и носовой платок. Миссис Грю оставила мне деньги и магнитофон, но выгребла все, что могло принести пользу (или вред). Я поскрежетала зубами, поела и от нечего делать стала надиктовывать дневник. Вот что мне осталось: спать, есть и помогать Ариэлю летать. Он чем-то напоминает мне Дункана. Конечно, он совсем не человек, но ведь все малыши похожи друг на друга, верно?

Я дремала, поскольку других занятий не было. Вдруг меня разбудили.

— Подди, милочка...

— Здравствуйте, миссис Грю.

— Не делай резких движений, — предупредила она.

Но я и не собиралась дергаться: в руке у нее был пистолет, и целилась она точно в мой пупок. А я его очень ценю — он у меня единственный.

— А теперь будь послушной девочкой, повернись и сложи запястья за спиной.

Я повиновалась и она повязала меня довольно крепко и искусно. Из конца веревки она сделала петлю и накинула мне на шею. Я оказалась на поводке и удавила бы сама себя, если бы начала дергаться. Так что я не рыпалась.

Конечно, было несколько секунд, когда пистолет смотрел мимо меня, а запястья были еще свободны. Любой из героев комиксов непременно воспользовался бы этими золотыми мгновеньями, обезвредил бы миссис Грю и повязал бы ее же собственной веревкой.

К сожалению, ни один из этих героев не носил имени «Подди Фрайз». Мое образование включало в себя кулинарию, шитье, изрядные дозы математики, истории и естественных наук, а также всякие полезные вещи, вроде черчения от руки или изготовления свечей и мыла. А вот рукопашный бой я изучала только в редких, но яростных стычках с Кларком. Мама считает, что это большой недостаток (сама она хорошо владеет каратэ и прочими приемами мгновенного убийства, а стреляет не хуже Па). Правда, Па не хотел, чтобы его «малышка» училась таким вещам.

Теперь я полностью согласна с мамой. Ведь могла бы я лягнуть старую бандитку в солнечное сплетение, свернуть ей шею, спустить с мачты «Веселого Роджера» и поднять национальный флаг. Совсем как в «Острове сокровищ».

В жизни везет только раз... а мне не повезло, меня обошли.

И увели на веревочке, словно щенка-несмысленыша. Когда мы подошли к двери, Титания забеспокоилась, но миссис Грю закудаhtала на нее, и фея занялась детенышем.

Миссис Грю провела меня через комнату, где я видела дядю Тома и Кларка, через коридор, в большую комнату...

— Познакомься, милочка, — весело сказала миссис Грю. — Вот твой новый сосед.

Половина комнаты была отторожена толстыми стальными прутьями, как в зоопарке. А за прутьями был... в общем, это был Булавоголовый, хотя мне понадобилось с полминуты, чтобы узнать его. Вы уже поняли, что я не считаю Булавоголового красавцем. Ну так вот, мои дорогие, он был Аполлоном Бельведерским по сравнению с этим кошмарным красноглазым маньяком.

Потом я валялась на полу, и миссис Грю отхаживала меня нюхательной солью. Да, леди и джентльмены, Капитан Подкейн Фрайз, Знаменитая Исследовательница Дальнего Космоса сделала оверкиль на мелком месте, словно обыкновенная глупая девчонка.

— Очнулась, милочка? — участливо спросила миссис Грю.

— Неужели вы и вправду собираетесь поселить меня рядом с... *этим*?

— Конечно же, нет. Я просто пошутила. Я уверена, что твой дядя не вынудит меня к таким мерам. — Она задумчиво посмотрела на Булавоголового; тот просунул руку между прутьями, пытаясь дотянуться до нас. — Я дала ему всего пять миллиграммов «пыльцы блаженства». Такому законченному наркоману эта доза лишь поднимает тонус. Но если придется сунуть к нему тебя или Кларка, я расщедрюсь на пятнадцать миллиграммов. Мне нужен твой совет, дорогая Подди. Пора отправлять сенатора в Венусбург, иначе он опоздает к старту «Трезубца». Как бы его уговорить? Может, сунуть туда Кларка прямо сейчас, пока твой дядя видит все это? Кстати, он видел, как ты грохнулась в обморок. Это было убедительно — даже нарочно ты не смогла бы сделать лучше.

— Дядя Том видит нас?

— Да, конечно...

— ДЯДЯ ТОМ!!!

— Лучше не надрывайся, Подди. Видеть-то тебя он видит, но не слышит и помочь тебе не может. Гмм... Ну что ж, умница-разумница, мне, пожалуй, уже не нужен твой совет. Давай-ка, поднимайся на ноги!

И она отвела меня в мою камеру.

Все это было всего несколько часов назад, но мне они показались годами.

Словом, хватило и нескольких часов, чтобы Подди растеряла все свое мужество. Вы понимаете, что я могла бы и не рассказывать об этом, и никто бы ничего не узнал. Но я ни разу не покривила душой в своем дневнике, не буду и сейчас. Так вот, я решила при первом же случае просить... умолять дядю Тома сделать ВСЕ ЧТО УГОДНО, лишь бы меня не бросили к туземцу-наркоману.

Я отнюдь не горжусь этим. Похоже, я уже никогда не смогу относиться к себе с прежним уважением. Тыкайте меня в это носом, но бывают вещи, которые ломают человека. Вот и я сломалась.

Ну вот, я призналась в своем малодушии и мне чуть полегчало. Надеюсь, со временем я стану тверже. Не знаю...

А потом ко мне впихнули Кларка!

Я одним махом слетела с кровати, обняла его и запричитала:

— Кларк, миленький! Бедный мой братик! Что они с тобой сделали? Скажи мне что-нибудь! Ты меня слышишь?

— Подбери слюни, Под, — сказал он мне в самое ухо.

Тут я поняла, что если он и пострадал, то не слишком сильно: ответ был вполне в духе моего братца.

— Ты меня слышишь? — уже тише повторила я.

— Конечно, — прошептал он мне в ухо, — но пусть она думает, будто я оглох.

Он высвободился из моих объятий, заглянул в свою сумку и быстро обследовал всю комнату. При этом он так близко подошел к двери, что Титания забеспокоилась. Потом он подошел ко мне вплотную и прошептал:

— Подди, ты умеешь читать по губам?

— Нет. А что?

— Не притворяйся. Только что сумела.

Положим, это было не совсем верно: Кларк прошептал это, хоть и едва слышно. Но я обнаружила, что и в самом деле «слышу» его, как если бы он говорил вслух. Это довольно забавно, и Кларк объяснил, что читать по губам может почти каждый, нужно только чуть потренироваться. Сам он давно это умеет, только помалкивал на всякий случай.

Он велел мне говорить как можно тише и сам говорил так же.

— Слушай, Под, я не уверен, что старая леди Грю прослушивает эту комнату. — Вместо слова «леди» он произнес совсем другое. — С тех пор как я здесь сидел, вроде бы ничего не изменилось. Но здесь есть, по меньшей мере, четыре места, где можно спрятать микрофон. Может и больше, не знаю. Лучше нам помалкивать: неспроста она посадила нас вместе. Болтай вслух сколько душе угодно... но только всякий вздор.

Вроде, как ты ужасно беспокоишься, не оглох ли я навсегда. И все такое прочее.

Так мы и сделали: я стонала и причитала над бедным своим братиком, а он жаловался, что не может расслышать ни слова и все просил меня найти карандаш и написать, что я хочу сказать. В антрактах мы «разговаривали» о важных вещах, в которые не стоило посвящать никого, особенно миссис Грю.

Я спросила, был ли он в этом баке, а если был, то почему не оглох.

— Был, к сожалению, — ответил он, — но не такой уж я балбес, как она подумала. В карманах у меня нашлась кое-какая бумага, я изжевал ее в кашу и заткнул уши. — Он скривился, как от боли. — Двадцатку на это перевел. Клянусь, это была самая дорогая затычка всех времен и народов. Потом я обмотал голову рубашкой и почти ничего не слышал. Черт с ними... Слушай дальше. — Он туманно поведал о том, как угодил в эту ловушку. — Ну согласен, провели меня, но и вы с дядей Томом так же лопухнулись. А ведь вы постарше и отвечаете за меня.

— Еще чего! — с негодованием прошипела я.

— Выходит, ты безответственная девчонка, а это еще хуже. Логика — упрямая вещь. А теперь забудем об этом, есть дела поважнее. Слушай, Под, скоро мы выберемся отсюда.

— Как? — я показала глазами на Титанию. Она нянчила Аризля, но ни на секунду не отводила от нас глаз.

Кларк проследил за моим взглядом и произнес:

— Когда придет время, я позабочусь об этом насеконном, а пока забудь о нем. Нам придется сматываться в темпе быстрого вальса и непременно ночью.

— А почему ночью? Тут и днем-то ни черта не видно из-за смога, а уж ночью...

— Под, не расчесывай свои царапины, тогда они быстро затянутся... Дело в том, что на ночь Джоджо запирают.

— Джоджо?

— Ну эта гора мяса, которая работает на старуху Грю.

— Я зову его Булавоголовым.

— Джоджо, Булавоголовый, Альберт Эйнштейн — не все ли равно. Одним словом, любитель «пыльцы блаженства». Он приносит нам ужин, моет тарелки, а потом она его запирает и выдает вечернюю дозу пылицы. А запирает она его потому, что боится поддатого венерианца, как и любой нормальный человек. Так что сбежать мы можем только ночью, пока он в клетке. Может быть, и старуха заснет. Правда, есть еще тип, который привез нас сюда, но он часто ночует в Венусбурге. Но мы должны рассчитывать на худшее. Когда «Трезубец» уходит на Луну?

— Восьмого, в двенадцать часов семнадцать минут по корабельному и гринвичскому времени.

— А по местному?

— В девять часов шестнадцать минут по времени Венусбурга. В среду, двадцатого.

— Нужно проверить, — пробормотал он, доставая из сумки логарифмическую линейку.

— Но зачем?

— Заткнись, — ответил он, гоня бегунок.

— Хочешь высчитать марсианское время? — Я здорово гордилась тем, что могла делать эти расчеты в уме, как и полагается заправскому пилоту. Мистер Клэнси здорово натаскал меня, хоть и остался без заслуженной награды.

— Не-а. Я его знаю не хуже тебя. Давай-ка, сверим наши часы. Начали отсчет!

Я взглянула на часы и обомлела.

— Клэр, но сегодня же девятнадцатое число.

— А я-то думал, что нынче Рождество, — злобно прошипел он. — Ты что разоралась? Забыла, о чем мы договорились?

— Но «Трезубец» уходит завтра! — я сумела произнести это одними губами.

— Через шестнадцать с небольшим часов, если быть точным. А мы не можем ничего сделать, пока эту скотину не запрут. Шансов у нас мало...

— Но дядя Том не попадет на конференцию.

Кларк пожал плечами.

— Может, и не попадет. Улетит он или нет — мне это совершенно безразлично.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла я. — Как это он улетит?

Кларк не ответил, но я и сама сообразила: дядя Тома уже нет здесь. Я вдруг почувствовала себя покинутой.

— Ты уверен? — спросила я.

— Конечно. Старуха, черт ее возьми, позаботилась, чтобы я увидел, как его увозят. Джоджо тащил его, словно мешок с мукой. Сейчас дядя Том уже в Венусбурге.

— Значит, он освободит нас! — обрадовался я.

— Под, не будь душой в квадрате... — мрачно ответил Кларк.

— Конечно же, освободит! Дядя Том... и мистер Председатель... и Декстер... и остальные...

— Во имя Святого Петра, заткнись, Подди! — оборвал меня Кларк. — Помолчи и подумай. Поставь себя на место дяди Тома. Вот ты оказалась в Венусбурге, тебе предоставили всевозможную помощь, дали людей и транспорт. А КАК ТЫ ОТЫЩЕШЬ ЭТО МЕСТО?

— Э-э-э... — ответила я и заткнулась.

— Согласен, именно «э-э-э...» Отыскать его невозможно, разве что лет через восемь-десять непрерывных поисков. Вбей в свою красивую головку, сестренка: никто нам не поможет и никто нас не освободит. Или мы сбежим этой ночью, или мы пропали.

— Но почему именно этой ночью? Я, конечно, согласна, но что, если нам не подвернется случай?..

— Тогда завтра утром, в девять часов шестнадцать минут мы будем уже мертвы. Ясно?

— Но почему?

— Сообрази сама, Под. Поставь себя на место старой Грю-биянки. «Трезубец» стартует завтра. Дядя Том или улетает на нем, или нет. А у тебя остаются его племянник и племянница. Что ты с ними сделаешь? Поразмысли над этим. Только следуй ее логике, а не своей.

Я попыталась, но ничего не вышло. Я просто не могла представить, что можно убить человека, если он тебе мешает. Такая «логика» совершенно чужда мне.

Но я понимала, что Кларк прав: едва стартует «Трезубец», мы превратимся в досадную помеху. Особенно сильно мы будем мешать ей, если дядя Том не улетит.

Если же он улетит, она каждый день рискует, что мы смоемся, сообщим об этом дяде, и он тогда не станет плясать под ее дудку. Она ведь думает, что сломила дядю Тома.

Я так и не смогла представить себе хладнокровное убийство. Но ведь мы с Кларком можем заразиться зеленым сифилисом и умереть. Пожалуй, это на все сто процентов устроило бы миссис Грю.

— Сообразила, — ответила я наконец.

— Молодец, — похвалил меня Кларк. — Думай почаще, это полезное занятие. Или мы сбежим нынче ночью, или завтра утром нас замочат... А потом она уберет Джоджо и сожжет этот дом дотла.

— А Джоджо-то чем перед ней виноват?

— А ты еще не поняла? Мы же знаем, что она снабжает пыльцой наркомана, а на Венере суровые законы на этот счет. Она не оставит свидетелей.

— Но ведь дядя Том тоже знает об этом.

— Ну и что с того? Она думает, что в Луна-Сити он будет держать язык за зубами. А когда конференция кончится, она будет уже на Земле и бесследно затеряется среди восьми миллиардов людей. Здесь ей опасно околачиваться — могут схватить в любую секунду. Она подождет, пока дядя Том сядет... или, не сядет на «Трезубец», а потом приведет в исполнение план «А» или план «Б». И тот и другой исключают наше существование. Вломи это в свою тупую голову.

— Ладно. — Я поежилась. — Уговорил.

Кларк ухмыльнулся.

— А вот мы ждать не станем. План у меня есть, и мы постараемся обскакать старуху. — Тут его физиономия украсилась гадкой самодовольной миной. — Ты, сестренка, угодила сюда только потому, что не послушалась меня. А дядя Том попался совсем уж глупо: он подумал, что это дело можно уладить при помощи денег. Один я оказался во всеоружии.

— Вот как? И чем же ты собираешься их одолеть? Логарифмической линейкой? Или комиксами?

— Комиксы — это камуфляж. Ты же знаешь, я сроду их не читал.

(Это точно. А я-то думала, что обнаружила его Тайный Порок.)

— Но чем же тогда?

— Преисполнись терпения, возлюбленная сестра моя. Всему свое время. — Он задвинул свою сумку под кровать и добавил: — Сядь вот сюда и наблюдай за дверью. Если явится Леди Макбет — я читаю комикс.

Я выполнила его просьбу, но все же задала ему еще один вопрос. Конечно, совсем на другую тему — ведь если Кларк упрется, его бесполезно расспрашивать. Лучше уж воду ножом резать.

— Как ты думаешь, миссис Грю из той же банды, что сосватала тебе бомбу?

— Какую бомбу? — Кларк искусно прикинулся идиотом.

— Которую ты протащил на «Трезубец». Ты что, забыл?

— Бедная Подди, ты веришь всему, что тебе говорят. Когда будешь на Терре, смотри, чтобы тебе не всучили по-дешевке египетские пирамиды.

Он с чем-то возился за моей спиной, а я еле сдерживала досаду.

— Если бы она знала о бомбе, — сказал Кларк чуть погодя, — она ни за что не полетела бы на «Трезубце».

Кажется, я уже писала, что Кларк в любой момент может выставить меня душой. Это же совершенно очевидно, я должна была сама догадаться.

— Значит, на дядю Тома охотятся сразу две банды.

— Ну... старуху вполне могли нанять те же гады, что придумали фокус с бомбой. Так сказать, в качестве резерва.

Мозги мои быстренько заработали и надумали страшный вывод.

— Но ведь они могут достать дядю Тома и на пути к Луне! Может быть и третий заговор!

— Может... Наш дядя интересует многих людишек. Вероятнее всего, действуют две группы: одна с Марса — они не хотят, чтобы дядя Том попал на конференцию; другая с Земли, ведь старуха прибыла именно оттуда. Эти стремятся, чтобы он плясал под их дудку. Иначе она никогда не выпустила бы дядю Тома, а просто велела бы Джоджо ткнуть его головой в первую же лужу и подождать, пока он не перестанет пускаться

пузыри. — Тут Кларк на минуту умолк. — Под, повторика за мной, только шепотом: мы находимся на ранчо в двадцати трех километрах от Южных Ворот и почти точно на юг от них, точнее — семь градусов западнее.

Я все повторила и спросила:

— Откуда ты знаешь?

Он показал мне черную коробочку чуть больше пачки сигарет.

— Прибор инерциального слежения, армейская модель. Их здесь продают на каждом углу и всякий, кто суется в местные кусты, непременно держит его в кармане.

Я с интересом рассмотрела приборчик. Такого маленького инерциала я еще не видела. На пескоходах у «песчаных крыс» тоже стоят инерциалы, но они и гораздо больше, и точнее, хотя на Марсе всегда видны Солнце и звезды. Не то что в этой бочке с туманом. Конечно, я знала, как он действует, потому что инерционная астрогация и векторное суммирование ускорений необходимы для пилотирования космических кораблей. Ясно, что на «Трезубце» инерциал в тысячу раз точнее, чем эта игрушка. Но и она повышала наши шансы в тысячу раз!

— Кларк, а у дяди Тома был такой приборчик? Если он знает...

— Если даже и был, — Кларк покачал головой, — он ему не помог. Сдается мне, что его сразу же усыпили газом: из аэромобиля его выгружали как мешок. А я не мог сказать ему, где находится этот сарай: я только сейчас смог взглянуть на инерциал. А теперь положи его в сумочку, без него ты не доберешься до Венусбурга.

— Ммм... в сумочке он будет замечен. Лучше спрячь его туда, где он лежал. Не бойся, я не потеряюсь. Обещаю ни на минуту не отпускать твою руку.

— Нет, Под...

— Почему нет?

— Во-первых, я не собираюсь волочь с собой эту сумку, а прятал я его именно в ней, в двойном дне. Во-вторых, в Венусбург мы вернемся порознь.

— Ничего подобного! Только вместе! Я за тебя отвечаю.

— Это ты так думаешь. Слушай, Под, я вытащу тебя из этого бардака, если ты не будешь мучить свою головку: она у тебя протекает. Главное — слушай и запоминай, слушай и делай так, как я тебе скажу. И все у тебя будет хорошо.

— Но ведь...

— У тебя есть план, как выбраться отсюда?

— Нет.

— Тогда заткнись. Если ты сейчас начнешь репетировать роль Старшей Сестры, то добьешься только одного: нас утробят.

Я заткнулась. Надо признаться, план у Кларка был толковый. По его наблюдениям, в доме не было никого, кроме миссис Грю, Джоджо и Титании с Ариэлем. Да еще изредка появляется водитель аэромобиля. Было похоже, что миссис Грю старается обойтись минимумом свидетелей. Окажись я на ее месте, — сохрани меня бог — я поступила бы точно так же.

Этого водителя не видели в лицо ни я, ни Кларк, но, если он здесь временами ночевал, считаться с ним стоило.

По плану Кларка, справившись со всей этой бандой, мы должны будем разбежаться: Кларк — на восток, а я — на запад, насколько нам позволят болотные ямы и джунгли. Может быть, нам не удастся уйти далеко.

Потом мы повернем на север и выйдем на кольцевую дорогу, что идет вокруг всего города. Кларк говорит, что до нее всего три километра. Он даже набросал мне какие-то кроки. Надо отдать ему должное — отправляясь «выручить Герди», он хорошо изучил карту.

По кольцевой дороге я пойду направо, а Кларк — налево. Если нам попадется машина или ранчо с телефоном, мы должны будем немедленно связаться с дядей Томом или мистером Куной и вызвать подкрепление.

Разделиться — это он хорошо придумал: хоть один из нас доберется до цели и вызовет подмогу. Миссис Грю такая толстая и неповоротливая, что не догнала бы нас и на беговой дорожке, не говоря уже о здешней сильно пересеченной местности. А Джоджо она выпустить не посмеет, резонно опасаясь за собственную жизнь. Если нас и станут преследовать, то это, навер-

ное, будет водитель, а он не сможет гнаться за нами сразу в двух направлениях. Не исключено, что на миссис Грю работают и другие аборигены, но и в этом случае у нас будет больше шансов, если мы разделимся.

Инерциал возьму я — Кларк нипочем не верит, что я смогу сориентироваться в джунглях. Наверное, он прав. Сам он намерен воспользоваться следующими навигационными приборами: часами, намусоленным пальцем, чтобы определить направление ветра, и поляризационными очками. Честное слово, он и их припас!

Напрасно я издевалась над его комиксами: он великолепно экипировался. Если бы его не усыпили и не сунули в багажник аэромобиля, он бы им задал шороху. Ручной огнемёт в сумке, автоматический пистолет «Ремингтон», приклеенный скотчем к телу, ножи, парализующие бомбочки и даже еще один инерциал на самом виду, поверх одежды и комиксов.

Я спросила, зачем он ему понадобился.

— Я учитывал, что меня могут захватить. В этом случае они стали бы искать инерциал: ведь без него никто не выходит из Венусбурга. Так оно и вышло. Старая зараза здорово потешалась надо мною, дурачком: взял прибор, а включить его не сообразил. — Тут он презрительно усмехнулся. — Она считает меня недоумком, а я всячески укрепляю ее в этом мнении.

Он рассказал, что с его багажом сделали то же, что и с моим: конфисковали все более-менее опасное и вернули остальное. Двойное дно миссис Грю не заметила; честно говоря, его не заметил бы и эксперт фирмы-изготовителя.

— Но почему она не обратила внимание на вес? — спросила я.

— Пришлось рискнуть, — пожал плечами Кларк. — Кто не рискует, тот не выигрывает. Джоджо приволок сумку прямо сюда, и старуха обшманала ее. Она даже не поднимала ее — обе руки были полны всяким хламом.

Даже если бы она обнаружила тайник, у Кларка оставались бы еще голова и руки, а он вполне способен разобрать швейную машинку и собрать из ее деталей пушку. Конечно, он для меня сущее наказание, но в таланте ему не откажешь.

Сейчас я собираюсь немного соснуть. Булавоголовый только что принес ужин, а впереди у нас, как я полагаю, довольно много дел. Сейчас я сменю кассету, а записанную отдам Кларку, чтобы он передал ее дяде Тому. На всякий случай. Точнее, на тот случай, если Подди пустит пузыри в болоте. Но даже это гораздо лучше, чем оказаться соседкой Джоджо. Собственно, беспокоиться не о чем: Кларк вполне владеет положением.

— Если встретишь людей или вызовешь подмогу, скажи им, что после девяти часов сюда соваться не стоит.

— Почему?

— Не твое дело. Просто предупреди их.

— Но ты же отлично знаешь, что я не смогу остановить взрослых людей, если не приведу веской причины.

Он помешкал.

— Ладно. Надеюсь, полукилотонная бомба — достаточно веская причина. Дохлатина, конечно... но когда она рвется, лучше быть подальше. Значит, если они захотят обезвредить ее, то пусть поспешат.

У него и в самом деле есть ядерная бомба! Я ЕЕ ВИДЕЛА! Лежит себе под фальшивым дном... Те самые три килограмма, что так озадачили меня на Деймосе. Кларк объяснил мне, как она работает, но не сказал, как ее обезвредить. Спрашивала я его, спрашивала, но он знай себе помалкивал. Я поняла так: если у нас все получится, он вернется сюда с подмогой и обезвредит бомбу задолго до взрыва. Ну а если сорвется, он хочет прихватить с собой и миссис Грю.

Я попыталась объяснить ему, что это будет самосуд, что нельзя подменять собой закон.

— Какой еще закон? — спросил он. — Закон здесь ни при чем. Простая логика: все, что может делать группа, может делать и отдельное лицо.

Я не смогла опровергнуть его «логику» и попробовала просто уговорить его, но он разозлился.

— Может, тебе хочется посидеть в клетке на пару с Джоджо?

— Ну уж нет!

— Тогда прекрати валять дурака. Знаешь, Под, я все это придумал, когда сидел в баке. Я только потому

и не спятил, что представлял в деталях, когда и как разнесу их в пыль.

Я, правда, усомнилась, что он не спятил, но придерживала это при себе. Возможно, я просто плохо переношу всяческого рода кровопролития.

На что имеет моральное право группа, на то имеет моральное право и один человек... В этом должен быть какой-то логический изъян. Меня всегда учили, что человек не должен чинить самосуд и подменять собою закон. Но я не нахожу в этом выводе никакого изъяна, он больше похож на аксиому. Попробуем перевернуть его. Если отдельный человек неправ, делая нечто, может ли это нечто стать правильным, если это делают много людей (правительство)? По общему согласию...

Мне кажется так: если что-то неправильно, его не сделаешь правильным, а голосование здесь ни при чем.

Посплю-ка я лучше... Правда, я не уверена, что сумею заснуть с атомной бомбой под кроватью.

ПОСТЛЮДИЯ

Кажется, заканчивать придется мне.

Подди уснула, как только повторила за мной, что должна делать. Я улегся на полу, но заснул не сразу. Подди у нас спокойная по натуре, я — другое дело. Я еще раз перебрал детали своего плана и кое-что додумал. Потом и меня сморило.

У меня в мозгу — биологический будильник, так что проснулся я именно тогда, когда было нужно, за час до рассвета. Начав позже, мы рисковали бы встретить Джоджо. Начинать раньше тоже не было смысла, потому что было бы еще темно, а венерианские джунгли и днем полны опасностей. Я не хочу, чтобы Подди вляпалась во что-нибудь клейкое. Или чтобы кто-нибудь откусил ей ногу. Или чтобы это случилось со мной.

Выбор был невелик: или мы отважимся идти сквозь джунгли, или старуха убьет нас, когда ей заблагорассудится. В первом случае у нас оставался хоть какой-то шанс.

Я еле убедил Подди, что нас в самом деле могут убить. Вообще-то, она не глупа, но тут я подумал, что в

голове у нее опилки вместо мозгов. Она просто не может представить, что на свете бывают настолько плохие люди, насколько это вообще возможно. Зло для нее — это когда я не слушаюсь.

Что до меня, то я вполне могу понять, как работают мозги у миссис Грю. Зло для меня — вполне конкретная категория.

Возможно, вы сделаете вывод, что я и сам полон зла. На доброе здоровье! Каким бы я ни был, старуху Грю я раскусил еще на «Трезубце»... когда Подди (и даже Герди!) считали эту пакостницу чуть ли не верхом совершенства.

Я не доверяю людям, которые смеются попусту. Не доверяю и тем, которые неизменно добродушны. Из всего этого так и прет фальшь. К тому же она жульничала даже в солитер.

Если уж приходится выбирать между джунглями и миссис Грю, я предпочитаю джунгли. Надеюсь, Подди согласна со мной.

Интересно, здесь ли водитель? С одной стороны, это было бы хорошо — можно свистнуть аэромобиль, а с другой — гадко: придется иметь дело с двумя вооруженными бандитами, а мы безоружны. Бомбу я не считаю: ее ведь не наставишь между глаз.

Прежде чем разбудить Подди, я разобрался с этой крылатой квазиобезьяной, так называемой феей. Замечательно вредная тварь. Пистолета у меня не было, да оно и к лучшему: эти бестии знают, что это такое, и попасть в них трудно.

Зато в запасных башмаках у меня были стальные супинаторы, в манжетах — тугие резинки, а в карманах — несколько мелких стальных шариков.

Стоит соединить супинаторы, и получается стальная вилка. Добавьте хорошие резинки — и рогатка готова. И нечего тут смеяться: «песчаные крысы» предпочитают на охоте именно рогатку. Шума меньше и боеприпасы возвращаются к тебе.

Я хорошенько прицелился, приняв во внимание здешнюю силу тяжести, и прострелил фее грудную клетку. Она без единого звука упала с жердочки, а я треснул ей по черепу каблуком, да еще и повернулся на нем, чтобы отомстить за царапины на руке Подди. Детеныш

начал вякать, и я запихал труп подальше в угол, а детеныша положил сверху. Он заткнулся. Хорошо, что я надумал в одиночку разобраться с этой тварью: у Подди насчет этих «фей» какой-то сентиментальный заскок, она, чего доброго, стала бы хватать меня за руки. Лучше уж так — тихо, чисто и быстро.

Подди все еще посапывала в подушку, а я разулся и на мягких лапах провел блиц-разведку.

Оказалась, что наша ведьма уже проснулась и достала свое помело. Выходило так, что Джоджо с минуты на минуту окажется на свободе. Насчет аэромобилия и водителя я так ничего и не узнал. Я быстренько вернулся и разбудил сестру.

— Под, — прошептал я. — Ты проснулась?

— Да.

— Совсем проснулась? Примемся за дело прямо сейчас. Кричи, но только громко и убедительно.

— Принято.

— Но сначала подсади меня вон на ту полку над дверью. Твоя рука выдержит?

Она кивнула, быстро выскользнула из постели и встала у двери. Я вспрыгнул ей на плечи, она чуть подтолкнула меня, и я мигом оказался на полке.

Подди выскочила за дверь и завопила:

— Миссис Грю! МИССИС ГРЮ!!! Помогите! Помогите! С моим братом творится что-то страшное!

Получилось убедительно. Почти сразу же она вбежала в комнату, а следом за ней, пыхтя, ввалилась миссис Грю.

Я спрыгнул ей на плечи, свалил на пол и выбил из руки пистолет. Она вздохнуть не успела — я свернул ей шею.

Подди, надо отдать ей должное, действовала расторопно: подхватила пистолет, прежде чем он упал на пол. Я осторожно отобрал пистолет.

— Хватай свою сумочку, Подди! Мы уходим! Держись позади, но не отставай.

Оказалось, что Джоджо уже на свободе. Он стоял в гостиной и озирался, видимо, пытался понять, отчего такой шум. Я пристрелил его.

Ни водителя, ни аэромобилия не было. Я не знал, радоваться мне или горевать. Я уже настроился при-

стрелить и его, хотя могло выйти и наоборот. Жаль, что не было машины, она избавила бы нас от блуждания по джунглям.

Я хотел уже изменить наш план и вместе с Подди пойти на север, к кольцевой дороге. Наверное, так и следовало поступить.

Я решил отдать пистолет Подди — ей с ним будет спокойнее, а меня он только отвлечет от дороги. Я велел ей идти медленно и осторожно, но не останавливаться ни на минуту.

Оружие у нее в руке ходило ходуном.

— Кларк... — проговорила она. — Я же никогда ни в кого не стреляла.

— Авось не промахнешься, если придется.

— Наверное...

— Тут нет ничего трудного. Наставь пистолет и нажми на спуск. Лучше держи его обеими руками. И не пали попусту.

— Хорошо.

Я слегка шлепнул ее пониже спины.

— Вперед! До скорой встречи.

Двинулся и я. Один раз я обернулся, но Подди уже не было видно, она растворилась в тумане. Я быстро пошел на запад.

И заблудился самым позорным образом. Я думал, что вполне обойдусь без инерциала, но не тут-то было. Ветер был слишком слаб, чтобы уловить его направление, послунявив палец, да и Солнца я не нашел, не помогли и поляризационные очки. По моим расчетам, я уже давно должен был выйти на кольцевую дорогу, но вместо этого все еще бродил по болоту, обходя открытую воду и стараясь не попасть на закуску какой-нибудь местной твари.

И тут вспыхнул ослепительный свет. Я рухнул ничком, закрыл голову руками и начал считать про себя.

Я легко отделался: взрывная волна обдала меня грязью, грохот был оглушительный, но настоящие неприятности меня не коснулись. Через полчаса меня подобрала полицейская машина.

Конечно, мне следовало бы обезвредить бомбу. Я так и хотел сделать, если все пройдет хорошо. Я пред-

назначал ее для трюка «Самсон во храме», на самый крайний случай.

Наверное, нужно было отключить часовой механизм сразу же, как только я свернул шею старой гадине... но тогда нас мог застукать Джоджо, а ведь он был все еще под кайфом. Потом я был слишком занят, разбираясь с Джоджо и снаряжая Подди в путь. Честно говоря, я вспомнил о бомбе лишь отойдя от дома на пару сотен метров и не захотел возвращаться, даже если бы мог отыскать этот дом в густом тумане.

А вот Подди смогла. Похоже, она все-таки вернулась к дому. Ее нашли в тот же день. Она оказалась за пределами радиуса полного уничтожения, но ей капитально досталось от ударной волны.

С нею был живой детеныш феи, она прикрыла его своим телом, и он совсем не пострадал.

Вот поэтому я и думаю, что Подди возвращалась в дом. Конечно, я не уверен, что это Ариэль. Она вполне могла подобрать его на болоте. Но дикий детеныш просто не дался бы ей в руки, а его предки разорвали бы ее в клочья.

Наверное, она с самого начала решила спасти Ариэля, но помалкивала. Помните, я говорил о сентиментальных заскоках? Подди знала, что взрослую фею придется убить, и ни словом не возразила. Она умеет пользоваться разумом, когда это совершенно необходимо. А потом она просто забыла захватить его, как я забыл обезвредить бомбу. Потому-то она и вернулась.

Она где-то потеряла инерциал; по крайней мере, ни при ней, ни рядом его не нашли. И пистолет, и сумочка были с ней, а инерциал она, надо думать, уронила в трясину. Но у нее оставалась еще масса времени. Даже если она возвращалась к дому, она успела бы отойти километров на десять. Вероятно, она потеряла прибор в самом начале и все время ходила по кругу.

Я рассказал обо всем дяде Тому и готов был повторить все полиции, мистеру Куне и так далее, готов был принять любое наказание. Но дядя Том велел мне помалкивать. Он согласился с тем, что я здорово напортачил. Равно как и он сам, и все остальные. Он обращался со мною вежливо, даже, пожалуй, нежно. Я бы предпочел, чтобы он меня выдрал.

Мне очень жаль Подди. Конечно, она доставляла мне массу хлопот, пыталась командовать и была вопиюще нелогичной, но я все равно очень ее жалею.

Хотел бы я научиться плакать.

В сумочке у нее нашли магнитофон и кое-что из записей удалось разобрать.

«...куда я собираюсь, очень темно, — говорит она. — Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе. Помни об этом, Кларк, это важно. Все нуждаются в заботе. Моя опора — Святой Подкейн! Святой Подкейн, ты слышишь меня? Дядя Том, Па, мама... слышит меня кто-нибудь? Послушайте, это очень важно. Я люблю...»

На этом запись обрывается. Никто не знает, о чем она хотела сказать, кого или что она любила.

Может быть, всех.

Теперь я здесь один. Мистер Куна задержал «Трезубец», пока не выяснилось, поправится Подди или умрет. Потом дядя Том улетел, а я остался в Венусбурге один. Конечно, если не считать кучи детективов и медсестер, Декстера Куны, который днюет и ночует в госпитале, и целого взвода охраны. Я никуда не могу выйти без охранника за спиной, а в казино меня и вовсе не пускают. Впрочем, меня туда и не тянет.

Я подслушал кусочек разговора дяди Тома с отцом. Вернее сказать, я услышал только монолог дяди Тома, поскольку отца не было слышно, да и разговор шел с двадцатиминутными паузами.

— Глупости, сэр! — говорил дядя Том. — Я не уклоняюсь от ответственности и не снимаю с себя вины. Она будет лежать на мне вечно. Но я не могу дожидаться вас здесь, и вы знаете, почему. Дети будут в большей безопасности с мистером Куной, нежели со мной... *это* вы тоже знаете. Сейчас я скажу вам кое-что полезное, а вы, сэр, извольте передать это вашей супруге. Людям, которые пускают воспитание на самотек, вообще не стоит заводить детей. Вы вечно утыкаетесь в книгу, ваша жена носит бог знает где, а ваша дочь едва не погибла. Не ваша и не моя заслуга, что она осталась в живых. Просто повезло. Скажите вашей

супруге, сэр, что строить корабли и станции в космосе и на планетах — хорошее дело, но у женщины есть и другие, более важные занятия. Когда-то, много лет назад, я уже говорил вам об этом... и мне было предложено заниматься своими делами. Сейчас самое время напомнить вам об этом. С Подди все будет хорошо, я уверен, хотя в этом и нет никакой вашей заслуги. Я опасаюсь за Кларка... Бог может помочь вам... если вы сами поспешите. Смотрите, не опоздайте! А теперь — конец связи!

Я мигом растворился в деревянной панели и дядя Том меня не заметил. Но почему он опасается за меня? Я совершенно не пострадал, и он это отлично знает. На мне нет даже ни одного ожога, просто перемазался с головы до ног... а вот Подди все еще опутана проводами и трубками, словно люлька в яслях.

Хоть убейте, не пойму, что он имел в виду.

Я ухаживаю за маленькой феей. Когда Подди начнет замечать окружающих, она захочет ее увидеть. Она всегда была сентиментальной. Со зверьком много возни, он часто плачет, вот и приходится мне его нянчить, чтобы он не чувствовал себя одиноким.

Часто он будит меня среди ночи. Наверное, он думает, что я — его мать. Я не против, других занятий у меня мало.

Похоже, я ему нравлюсь.

База на Терре

Не в силах скрыть радостного изумления, он смотрел на документ, который держал в руке.

«Мэттью Бруксу Додсону, — было написано в документе. — Примите наши поздравления с успешным завершением отборочных тестов, необходимых для того, чтобы стать кандидатом для поступления в Академию Межпланетной Патрульной Службы. Вам надлежит прибыть к начальнику базы на Терре не позже первого июля 2075 года. База расположена в штате Колорадо Северо-Американского Союза, космопорт Санта Барбара. Там Вам предстоит пройти дальнейшие испытания и тесты.

Предупреждаем, что большинство кандидатов, приезжающих для прохождения испытаний, не выдерживает их, поэтому Вам следует...»

Мэтт бережно сложил письмо и спрятал его в сумку на поясе. Ему не хотелось думать о вероятности неудачи. Сидевший рядом пассажир — юноша примерно такого же возраста — с любопытством взглянул на него.

— Судя по письму, которое вы читали, вас тоже зачислили в кандидаты?

— Да.

— Дай пять! Поздравляю! Меня зовут Текс Джермен, я из Техаса.

— Рад знакомству! Я — Мэтт Додсон, из Де-Мойна.

— Привет, Мэтт! Мы должны вот-вот при... — Вагон замедлил ход и остановился, скрипя тормозами. От быстрого торможения кресла качнулись вперед, а затем откинулись назад. — Прибыли! — закончил свою фразу Джермэн.

На телевизионном экране перед ними, где белокурая красotka только что демонстрировала преимущества Суперзвездного мыла Соркина, появилась надпись: «СТАНЦИЯ «БАЗА ТЕРРА». Юноши схватили рюкзаки и выскочили из вагона. Еще через мгновение они стояли на эскалаторе, несущем их вверх, на поверхность.

На расстоянии в полумили от станции, отчетливо видные в прозрачном, холодном воздухе, вырисовывались здания Хэйуорт Холла, земной штаб-квартиры знаменитой Патрульной Службы. Мэтт остановился, не в силах оторвать глаз от высоких зданий. Ему не верилось, что он наконец-то видит их.

— Пошли, — подтолкнул его Джермэн.

— Что? Ну конечно.

От станции в направлении Хэйуорт Холла протянулась пара движущихся дорожек; юноши встали на ту, что двигалась в направлении к зданиям. На дорожку выходило все больше и больше юношей, поднимающихся на поверхность из подземной станции. Мэтт обратил внимание на двух молодых людей со смуглыми лицами в высоких тюрбанах на головах; в остальном они были одеты как и все остальные. Позади них он заметил высокого стройного юношу с совершенно черным лицом.

Парень из Техаса засунул большие пальцы рук за пояс и оглянулся.

— Бабушка, готовь еще одного цыпленка! — произнес он, улыбаясь. — У нас гости к обеду. Между прочим, — добавил он, — надеюсь, они не будут слишком уж тянуть с ним. Я чертовски проголодался.

Мэтт достал из кармана плитку шоколада, переломил ее пополам и протянул Тексу.

— Спасибо, Мэтт. Ты настоящий друг. Я ничего не ел с самого завтрака. Слушай-ка, звонит твой телефон!

— Верно. — Мэтт сунул руку в поясную сумку и достал телефонную трубку. — Алло?

— Это ты, сынок? — послышался голос отца.

— Да, папа.
— Благополучно добрался?
— Да. Сейчас должен прибыть на место и сдать документы.

— Нога тебя не беспокоит?

— Нет, папа, с ногой все в порядке. — Мэтт покривил душой: правая нога, на которой ему была сделана операция по устранению дефекта ахиллова сухожилия, болела не переставая.

— Отлично. Слушай, Мэтт, если у тебя возникнут трудности с зачислением в курсанты, не падай духом. Сразу же позвони мне и...

— Обязательно, папа, — прервал его Мэтт. — А сейчас извини — мне придется закончить разговор. Меня окружает много людей. Спасибо, что позвонил.

— До свидания, сынок. Счастливого.

Текс Джермэн с участием посмотрел на него.

— Родные беспокоятся? А вот я обманул своих — спрятал телефон в рюкзаке.

Движущийся тротуар начал описывать широкую дугу, поворачивая обратно к станции; они сошли вместе с остальными юношами перед Хэйуорт Холлом. Текс остановился перед огромной дверью одного из зданий.

— Что значит эта надпись, Мэтт? — спросил он.

— «*Quis custodiet ipsos custodes*». — Это по-латыни и переводится примерно так: «Кто будет сторожить сторожей?»

— Ты что, знаешь латинский, Мэтт?

— Нет, просто когда-то прочитал это выражение в книге о Патрульной Службе.

Круглый зал Хэйуорт Холла был огромен и казался еще больше, чем был в действительности, потому что, несмотря на яркое освещение внизу, куполообразный потолок не отражал света — он был совершенно черным, как в зимнюю полночь, — черным и усеянным звездами. На куполе зала виднелись знакомые звезды — блистающий Орион рядом со вскинутой головой Тауруса; очертания Большой Медведицы на северо-восточном горизонте; чуть к югу, почти прямо над головой, сияли семь звезд Плеяд в созвездии Тельца.

Впечатление, что ты находишься под ночным звездным небом, было поразительным. Освещенные стены и

пол, по которому ходили, толпились и разговаривали люди, казались не более чем узким кольцом света, крутом тепла и уюта, резко контрастируя с ужасающей глубиной космического пространства, подобно повозкам переселенцев, собравшимся вместе для ночевки под безоблачным темным небом пустыни.

У юношей, как и у всех, кто видел это в первый раз, перехватило дыхание. Однако не успели они остановиться, как их внимание привлекло нечто иное. В центре зала находилось широкое углубление, уходящее на много футов вниз; они стояли на балконе, опоясывающем зал, а внизу, под ними, виднелась огромная неглубокая шахта. В центре ее, на скалах, валунах и песке покоился искореженный космический корабль, будто совершивший вынужденную посадку, вынырнув из искусственного неба над головой.

— Это же «Килрой», — произнес Текс, будто сомневаясь в своих словах.

— Наверно, — прошептал Мэтт.

Они подошли к поручням балкона и взглянули вниз, на мемориальную доску, установленную рядом:

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ «КИЛРОЙ» ПЕРВЫЙ МЕЖПЛАНЕТНЫЙ КОРАБЛЬ

совершил полет к Марсу и обратно.

Его команда: подполковник Роберт Симс, командир
корабля; капитан Саул С.Эйрамс;
старшина Малькольм Мак-Грегор.

Погибли во время посадки после возвращения на Землю. Мир их праху.

Они стояли рядом с двумя другими юношами и смотрели, не отрываясь, на разбитый корабль.

— Видишь канаву в грунте, которую он пропахал во время посадки? — толкнул Текс локтем Мэтта. — Как ты думаешь, здание построено прямо над местом катастрофы?

Один из двух юношей, стоявших рядом, — высокий широкоплечий парень с каштановыми волосами — заметил:

— Нет, «Килрой» совершил посадку в Северной Африке.

— Значит, была сделана искусная реконструкция места катастрофы. А ты тоже кандидат?

— Да.

— Меня зовут Текс Джермэн. Я из Техаса, все называют меня Тексом. А это — Мэтт Додсон.

— Я — Оскар Йенсен. Мой товарищ — Пьер Арманд.

— Очень рад нашей встрече, Оскар. Привет, Пьер.

— Зови меня Пит, — улыбнулся Пьер.

Мэтт обратил внимание, что Пьер говорит на английском языке с каким-то акцентом, но с какой он планеты, определить не мог. Оскар тоже говорил как-то странно, слегка шепелявя. Он повернулся и посмотрел на корабль.

— Каким нужно быть смелым, чтобы отправиться в межпланетное путешествие на такой консервной банке, — заметил Мэтт. — Даже страшно подумать!

— Да, ты прав, — согласился Оскар Йенсен. — Мороз по коже.

— Подумать только, какая жалость! — прошептал Пьер.

— Ты о чем, Пит? — повернулся к нему Джермэн.

— Как жаль, что им так не повезло. Посмотрите на корабль — они совершили почти идеальную посадку. Если бы корабль врезался в землю, не осталось бы ничего, кроме глубокой ямы.

— Да, ты прав. Смотрите, ребята, вон лестница, по которой можно спуститься вниз. Видишь, Мэтт? Может быть, сойдем вниз и осмотрим корабль поближе?

— Пожалуй, — произнес Мэтт, — но, мне кажется, лучше все-таки повременить с осмотром. Нам нужно сообщить о прибытии.

— Да, и нам тоже, — кивнул Йенсен. — Пошли, Пит.

Арманд наклонился и взялся за ремни рюкзака. Оскар оттолкнул его в сторону и поднял оба рюкзака — свой и Арманда.

— Это вовсе не обязательно! — запротестовал Арманд, но Оскар не обратил никакого внимания на его протест.

— Ты болен, Пит? — Джермэн внимательно посмотрел на Пьера. — Я заметил, что ты выглядишь каким-то усталым. В чем дело?

— Если ты болен, — вмешался Мэтт, — лучше попросить отсрочку.

На лице Арманда появилась смущенная улыбка.

— Он совершенно здоров и успешно выдержит все испытания, — отрезал Йенсен. — Оставьте его в покое.

— Конечно, конечно, — поспешно ответил Текс.

Они повернулись и пошли вместе с потоком кандидатов. У объявления, гласившего, что всем необходимо явиться в комнату 3108 в третьем коридоре, они остановились. Затем нашли третий коридор, встали на движущуюся дорожку и опустили на нее свои рюкзаки.

— Послушай, Мэтт, — спросил Текс, — кто это — Килрой?

— Дай подумать. По-моему, он был героем Второй Глобальной войны, адмиралом.

— Странно, что космический корабль назвали именем адмирала.

— Килрой, «Бык» Килрой, был адмиралом космического флота.

— Слушай, да ты прямо ходячая энциклопедия! — с восхищением воскликнул Текс. — Думаю, мне надо держаться рядом с тобой во время экзаменов.

— Просто случайно запомнил это, — отмахнулся Мэтт.

В комнате 3108 красивая молодая девушка не приняла у них документы, а всего лишь попросила их сделать отпечатки больших пальцев. Затем она вложила пластинки с отпечатками в аппарат, стоявший рядом. Через мгновение оттуда появились листы с напечатанными на них инструкциями, на которых были их имена, присвоенные им серийные номера, отпечатки пальцев и фотографии. Там же указывались места их временного размещения и места в столовой.

Девушка передала им листы, попросила подождать в соседней комнате и отвернулась.

— Жаль, что все случилось так быстро, — пожаловался Текс, когда за ними закрылась дверь. — Я хотел спросить, не даст ли она мне номер своего телефона.

Посмотри-ка, — заметил он, читая инструкции, — нам даже не оставили времени для послеобеденного отдыха!

— А ты что, надеялся на это? — усмехнулся Мэтт.

— Нет, ну а вдруг?

В соседней комнате стояли ряды скамеек, на которых тесно сидели кандидаты. Джермэн остановился у скамейки, на которой лежали три больших чемодана, портативный освежитель и банджо в футляре. Рядом сидел юноша с розовыми щеками.

— Это твое? — спросил Текс.

Молодой человек неохотно кивнул.

— Ты не будешь возражать, если мы уберем твое барахло и сядем на скамейку? — поинтересовался Текс и, не ожидая ответа, принялся снимать чемоданы и ставить их на пол. Юноша мрачно смотрел на него и молчал.

На скамейке освободились места для троих. По настоянию Текса, его друзья сели, а сам Текс положил рюкзак рядом, опустился на него, опираясь спиной на колени Мэтта, и вытянул ноги перед собой. На ногах у него были надеты кожаные тexasские сапоги, искусно сшитые и украшенные серебряными бляшками.

Юноша, сидящий на другой стороне прохода, с удивлением посмотрел на сапоги с высокими каблуками, повернулся к соседу и громко прошептал:

— Свистать всех ковбоев вверх!

Текс фыркнул и попытался встать, но Мэтт положил руку ему на плечо и удержал его.

— Не связывайся, Текс. У нас слишком много дел впереди.

— Верно, — кивнул Оскар, — не надо волноваться.

— Ну что ж, ладно, — Текс снова опустился на рюкзак. — И все-таки мой дядя Боди за такую дерзость сунул бы мерзавцу в рот его собственную ногу — и это самое меньшее.

Пьер Арманд наклонился вперед и прошептал на ухо Тексу:

— Извини меня, но это действительно сапоги для езды на лошадях?

— Да уж не для катания на лыжах.

— О, ради Бога, извини! Дело в том, что я никогда не видел лошадей.

— Что?

— А я видел, — вмешался Оскар, — в зоопарке.

— Лошадей — в зоопарке?

— Да, в зоопарке Нью-Окленда.

— А-а, — протянул Текс и улыбнулся. — Теперь понимаю. Ты из семьи венерианских колонистов! — Мэтт тут же вспомнил, где он слышал знакомый акцент, с которым говорил Оскар, — однажды перед ними выступал с лекцией ученый, приехавший с Венеры. Текс повернулся к Пьеру. — Пит, ты тоже оттуда?

— Нет, я... — начал Пит. Его прервал громкий голос, донесшийся из громкоговорителей.

— Прошу внимания! Тишина! Прошу внимания! — В углу зала стоял молодой человек, одетый в строгую светло-серую форму курсанта школы Космической Патрульной Службы. — Все, у кого нечетные серийные номера, — произнес он в ручной микрофон, — пройдут со мной. Возьмите с собой личные вещи. Четные номера останутся на местах.

— Нечетные номера? — повторил Текс. — Да это я! — воскликнул он и вскочил.

Мэтт посмотрел на свои инструкции.

— И у меня нечетный номер!

Курсант прошел вдоль прохода рядом с ними. Мэтт и Текс не спускали с него глаз. Курсант шел, слегка пригнувшись, чуть-чуть расслабив колени, держа руки наготове. Его ноги мягко ступали по ковровой дорожке. Создавалось впечатление грациозной кошачьей походки; Мэтту казалось, что, если сейчас зал внезапно перевернется вверх дном, курсант мягко приземлится на ноги и не потеряет равновесия, что, между прочим, было совершенно верно.

Мэтту захотелось ходить точно так же.

Когда курсант проходил мимо, юноша с многочисленными чемоданами схватил его за рукав.

— Эй, мистер! — произнес он.

Курсант мгновенно повернулся, присел, затем, спохватившись, выпрямился и взглянул на юношу.

— В чем дело?

— У меня нечетный номер, но мне не унести одному весь свой багаж. Кто поможет мне?

— Никто. — Курсант с отвращением посмотрел на чемоданы. — И это все ваше?

— Да. Как мне поступить? Не могу же я оставить их здесь. Чемоданы могут украсть.

— Не понимаю, кому они могут понадобиться. — Курсант коснулся чемодана носком ботинка. — Отнесите все свое добро обратно на станцию и отошлите домой. Или просто выбросьте.

Юноша смотрел на курсанта непонимающим взглядом.

— Рано или поздно вам все равно придется избавиться от лишнего веса, — терпеливо пояснил курсант. — В случае перелета на учебный космический корабль вы имеете право взять с собой двадцать фунтов груза.

— Но... предположим, я соглашусь отправить багаж домой. Кто возьмется за переноску моего багажа?

— Это ваше дело. Если вы хотите служить в Космическом Патруле, следует научиться самому решать возникающие проблемы.

— Но...

— Молчать! — Курсант отвернулся и пошел дальше. Мэтт и Текс последовали за ним.

Через пять минут Мэтт, голый, как новорожденный ребенок, засовывал рюкзак и свою одежду в специальный мешок, помеченный его серийным номером. По команде он открыл дверь и вошел внутрь, прижимая к груди выданные инструкции и пытаясь сохранить остатки достоинства. Он оказался в групповом освежителе, где механические устройства вымыли его, вытерли, сполоснули, снова высушили — совсем как на конвейере. Его инструкции оказались водонепроницаемыми, и Мэтт стряхнул с них несколько капель воды.

В течение двух часов его осматривали, ощупывали, фотографировали, взвешивали, подвергли рентгеноскопии, сделали прививки, взяли образцы крови, тканей и многое другое. Мэтт совершенно растерялся. Один раз он заметил Текса,двигающегося в другой очереди. Текс тоже увидел его, махнул рукой, похлопал себя по ребрам и театрально вздрогнул. Мэтт попытался заговорить с ним, но в этот момент его очередь двинулась вперед.

Врачи осмотрели Мэтту ногу, подвергавшуюся операции, попросили его подвигать ступней в разные стороны, спросили относительно времени операции и поинтересовались, не болит ли нога. Он честно признался, что болит. Сделали дополнительные фотографии, провели новые тесты. Наконец врачи сказали: «Все, отправляйтесь обратно в очередь».

— Вы считаете, что с ногой все в порядке? — не удержался от вопроса Мэтт.

— По-видимому. Вам будут предписаны специальные упражнения. Отправляйтесь.

Прошло немало времени, прежде чем он оказался в комнате, где одевалось несколько юношей. При входе его тело пересек луч фотоэлемента; специальный аппарат мгновенно измерил его рост, вес и размеры тела. Через несколько минут в стене открылась крышка люка, и на скамейку прямо перед Мэттом упал сверток.

В свертке оказалось белье, синий комбинезон, пара мягких ботинок — все точно по его размерам.

Синий комбинезон Мэтт счел всего лишь временной одеждой, потому что ему не терпелось сменить его на строгий светло-серый комбинезон курсанта космической Академии. Ботинки привели его в восторг. Он надел их, застегнул и встал, ощущая их мягкость и то, насколько плотно облегали они ступни. Казалось, он может встать ногой на монету и определить, лежит она вверх орлом или решкой. «Кошачьи лапы» — его первые космические ботинки! Мэтт сделал несколько шагов, стараясь двигаться подобно курсанту, которого видел утром.

— Додсон!

— Иду! — Он поспешил к выходу и скоро оказался в комнате, где за столом сидел мужчина средних лет.

— Садитесь. Меня зовут Джозеф Келли. — Он взял из рук Мэтта документы. — Мэттью Додсон... рад познакомиться с тобой, Мэтт.

— Как поживаете, мистер Келли?

— Вроде неплохо. Итак, почему ты хочешь стать офицером Патрульной Службы?

— Потому что... — Мэтт заколебался. — Говоря по правде, сэр, сейчас я так растерян, что не могу ответить на этот вопрос.

Келли усмехнулся.

— Это — лучший ответ из всех, которые мне пришлось сегодня услышать. У тебя есть братья или сестры, Мэтт?

Беседа продолжалась, и Келли несколько раз одобритительно кивал головой. Мэтт чувствовал себя хорошо в компании этого мужчины и откровенно, ничего не скрывая, говорил с ним. Он понимал, что перед ним сидит психолог; несколько раз Мэтт запинаясь, но заставлял себя честно отвечать на все вопросы.

— Ну а теперь ты можешь сказать мне, почему ты хочешь стать офицером Патрульной Службы?

Мэтт задумался.

— С самого детства мне хотелось отправиться в космос.

— Путешествовать, посещать незнакомые планеты, встречаться с разными людьми — мне все это понятно, Мэтт. Но почему не поступить в космический торговый флот? Учеба в Космической академии — трудный и длительный процесс, и вероятность того, что ты закончишь учебу и станешь офицером, всего один к трем. И это в том случае, если ты пройдешь все испытания и примешь присягу курсанта, — этого добивается не больше четверти кандидатов, прошедших отборочные тесты. Но ты можешь поступить в школу космического торгового флота — я могу перевести тебя прямо сегодня — и при твоих данных ты получишь сертификат космонавта еще до того, как тебе исполнится двадцать лет. Как ты считаешь?

На лице Мэтта появилось упрямое выражение.

— Но зачем отказываться, Мэтт? Почему ты настаиваешь на том, что хочешь стать офицером Патрульной Службы? Там вывернут тебя наизнанку, сломают тебя и не скажут даже слова благодарности. Они сделают из тебя человека, которого даже родная мать не узнает, и ты не станешь от этого счастливее. Поверь мне, сынок, уж я-то знаю.

Мэтт молчал.

— Значит, ты все еще настаиваешь на том, чтобы сделать попытку стать офицером, зная, что все шансы против тебя?

— Да. Мне хочется этого.

— Но почему, Мэтт?

Мэтт заколебался. Наконец он произнес едва слышно:

— Всюду уважают офицера Космической Патрульной Службы.

Мистер Келли посмотрел ему в лицо.

— Ну что ж, пока это достаточно веская причина, Мэтт. Думаю, у тебя появятся и другие причины — или придется оставить службу.

Настенные часы внезапно щелкнули и оттуда донеслось: «Тринадцать часов! Тринадцать часов!» Затем наступила короткая пауза и послышалось задумчивое: «Боже, как я голоден!»

— Господи, — воскликнул Келли, — и я тоже! Пошли на обед, Мэтт.

Процесс отбора

В инструкциях Мэтта было написано, что в столовой у него место за столом 147, восточное крыло. Схема на обратной стороне показывала, где расположено восточное крыло; к сожалению, Мэтт не знал, где он сейчас находится. В течение «крысиной гонки», продолжавшейся все утро, он столько раз переходил из одной комнаты в другую и из одного коридора в другой, что заблудился. Ему никто не попадался по пути, кроме Высших Существ в черной форме офицеров Космического Патруля, и Мэтт не осмеливался заговорить с ними.

Наконец он нашел выход — вернулся в огромный купольный зал и отправился оттуда, но из-за этого опоздал на десять минут. Он шел вдоль бесконечного ряда столов, разыскивая номер 147, и ему казалось, что все смотрят на него. К тому времени как Мэтт отыскал свой стол, его щеки горели от смущения.

Во главе стола сидел курсант; все остальные были одеты в форму кандидатов. Курсант посмотрел на Мэтта и сказал:

— Садитесь, мистер, вон там, справа. Почему вы опоздали?

— Я заблудился, сэр, — с трудом выдавил Мэтт.

Кто-то хихикнул. Курсант бросил холодный взгляд вдоль стола.

— Вы? Я к вам обращаюсь. Это вы засмеялись глупым лошадиным смехом? Как вас зовут?

— Э-э, Шульц, сэр.

— Мистер Шульц, я не вижу ничего смешного в честном ответе. А вам никогда не приходилось блуждать?

— Почему... Ну, может быть, пару раз.

— Хм... Будет очень интересно посмотреть на ваши успехи в астрогации, если вы сумеете достичь этого этапа. — Курсант повернулся к Мэтту. — Вы что, не голодны? Как вас зовут?

— Голоден, сэр. Меня зовут Мэттью Додсон, сэр. — Мэтт поспешно взглянул на кнопки перед собой, решил не брать суп и нажал кнопки: «второе», «десерт» и «молоко». Когда блюда появились на столе, курсант все еще не сводил глаз с Мэтта.

— Я — курсант Саббателло. Разве вы не любите суп, мистер Додсон?

— Люблю, сэр, но сейчас я спешу, потому что опоздал.

— Не надо спешить. Суп пригодится для вашего пищеварения. — Курсант Саббателло протянул руку и нажал кнопку перед Мэттом с надписью «суп». — К тому же повару будет легче прибираться на камбузе.

К облегчению Мэтта, курсант наконец отвернулся. Суп был великолепен, однако остальные блюда показались ему безвкусными по сравнению с теми, которые он привык есть дома.

Во время обеда Мэтт прислушивался к разговорам вокруг. Особенно ему запомнилось одно замечание курсанта: «Мистер Ван-Зук, в Патрульной Службе не принято интересоваться у людей, откуда они родом. Нет ничего плохого в том, если мистер Ромолус сообщил, что он из Манилы, однако вам не следовало спрашивать его об этом».

Время после обеда было занято тестами разного рода: сообразительность, мышечный контроль, быстрота рефлексов, время реакции, чувствительность нервной системы. Во время некоторых тестов от него требовалось выполнять сразу две или больше задач. Некоторые казались Мэтту просто глупыми. Тем не менее он старался изо всех сил.

Один раз он оказался в комнате, где не было ничего, кроме большого, прикрепленного к полу кресла. Из динамика над головой донеслось:

— Закрепите пристежные ремни. Кнопки на ручках кресла управляют точкой света на стене перед вами. Сейчас будет выключено освещение, и вы увидите световой круг. Ваша задача заключается в том, чтобы удерживать точку света в середине круга — что бы ни произошло.

Мэтт застегнул ремни. На стене появилась яркая точка света. Нажав на кнопки, он увидел, что правой рукой контролируется перемещение точки по вертикали, а левой рукой — по горизонтали.

«Как просто! — подумал Мэтт. — Пусть начинают поскорее».

Комната погрузилась в темноту; Мэтт увидел перед собой освещенное кольцо, перемещающееся вверх и вниз. Без особого труда он удерживал точку света в центре кольца.

И в это мгновение кресло перевернулось.

Когда Мэтт оправился от изумления, он увидел, что висит вверх ногами в темноте, а точка света сместилась в сторону от кольца. Он тут же попытался вернуть ее в центр круга, проскочил мимо и был вынужден скорректировать свои движения.

Кресло качнулось в одну сторону, кольцо поплыло в другую, и рядом с левым ухом прогремел громкий взрыв. Кресло трянуло; электрический ток пробежал по рукам, и световая точка ушла далеко в сторону от цели.

Мэтт рассердился на себя. Он сконцентрировал свое внимание, загнал точку в середину кольца и с триумфом воскликнул: «Так тебе!»

В комнату начал сочиться дым. Мэтт закашлялся, слезы потекли из глаз, застилая цель. Он прищурился и сконцентрировался лишь на одной цели — не упустить это проклятое кольцо, несмотря на продолжающиеся взрывы, пронзительный рев, разрывающий барабанные перепонки, мелькающие яркие огни и бесконечные сумасшедшие броски кресла.

Внезапно в комнате загорелся свет, и из громкоговорителя донесся механический голос:

— Тесты завершены. Продолжайте программу.

В другой раз ему дали пригоршню бобов и маленькую бутылку. Он должен был сесть на пол, поставить бутылку на отметку, обозначенную на полу, зафиксировать в уме точное расположение бутылки, закрыть глаза и бросать бобы в горлышко бутылки, стараясь попасть как можно чаще, если удастся.

Судя по звукам, бобы попадали в бутылку не слишком часто, и все же он оцепенел от ужаса, когда открыл глаза и увидел, что внутри бутылки всего один боб.

Мэтт сжал дно бутылки в руке и встал в очередь к столу экзаменатора. Несколько кандидатов, стоящих в очереди, заметил Мэтт, держали бутылки с большим количеством бобов внутри, хотя у двух человек бутылки были совершенно пустыми. Наконец он вручил бутылку экзаменатору.

— Додсон Мэттью, сэр. Один боб.

Мужчина сделал пометку, не поднимая головы. Мэтт не выдержал:

— Извините меня, сэр, но что мешает человеку открыть глаза и подглядывать?

Экзаменатор улыбнулся:

— Ничто не мешает. Переходите к следующему тесту.

Мэтт отошел в сторону, ворча про себя. Ему даже не пришлось в голову, что он не знает, какова цель теста.

В конце дня его проводили в крохотную конуру, где стояли стол с аппаратом на нем и стул; бумага и карандаш лежали на столе, а к стене прикреплена инструкция в рамке.

«Если в окошечке с надписью «РЕЗУЛЬТАТ», — прочитал Мэтт, — вы увидите цифры, обозначающие итог предыдущего кандидата, поверните рычаг в «НЕЙТРАЛЬНОЕ» положение, и экран будет готов фиксировать ваш результат».

Мэтт отыскал окошечко с надписью «РЕЗУЛЬТАТ» над ним; там горела цифра «37». «Ну что ж, — подумал он, — будем стремиться к этому результату». Мэтт решил пока не снимать цифры с экрана — сначала нужно прочитать инструкцию.

«После начала теста, — читал он, — единица будет прибавляться к вашему результату всякий раз, когда вы нажимаете на левую кнопку, если только это не противоречит условиям, указанным ниже. Нажимайте на левую кнопку, как только загорается красная лампочка, если только одновременно не горит зеленая, за исключением того случая, когда не следует нажимать ни на одну из кнопок, потому что открыта правая дверца, если только не выключены обе лампочки. Если открыта правая дверца, а левая закрыта, нажимать на любую из кнопок не надо, потому что это не отразится на результате, однако на левую кнопку, тем не менее нужно нажимать при подобных обстоятельствах, если все остальные условия позволяют нажимать на кнопку перед тем, как будет зафиксирован результат в последующих фазах теста. Для того чтобы выключить зеленую лампочку, нажмите на правую кнопку. Если левая дверца не закрыта, не следует нажимать на кнопки. Если левая дверца закрыта, пока горит красная лампочка, не нажимайте на левую кнопку, если выключена зеленая лампочка, если только не открыта правая дверца. Для начала теста передвиньте рычаг из нейтрального положения в крайнее правое. Тест продолжается в течение двух минут с того момента, как рычаг будет передвинут вправо. Внимательно прочитайте эту инструкцию — можете потратить на подготовку столько времени, сколько считаете необходимым, — и лишь после этого приступайте к тесту. Вам запрещено задавать вопросы экзаменатору, поэтому постарайтесь изучить инструкцию как можно тщательнее. Постарайтесь набрать побольше очков».

— Вот это да! — вздохнул Мэтт.

Тем не менее тест казался несложным — один рычаг, две кнопки, две цветные лампочки, две маленькие дверцы. Как только он овладеет инструкцией, все будет очень просто — и уж куда проще, чем управлять вертолетом! — а Мэтт получил лицензию на право управления вертолетом, когда ему было только двенадцать лет. Он принялся за работу.

«Сначала, — сказал он себе, — нужно принять во внимание, что существует всего лишь два способа на-

бирать очки: когда горит красная лампочка, и когда обе лампочки выключены и открыта одна дверца.

Теперь возьмемся за другие инструкции. Итак, посмотрим: если левая дверца не закрыта — нет, если левая дверца закрыта». — Мэтт остановился и принялся читать с самого начала.

Прошло несколько минут, и перед Мэттом лежал лист бумаги с записанными на нем шестнадцатью возможными положениями дверок и состоянием лампочек. Закончив, он уставился на полученный результат и снова перечитал инструкцию, стараясь найти комбинации, позволяющие набрать очки. Затем присвистнул и почесал голову, взял расчеты, вышел из комнаты и подошел к экзаменатору.

Мужчина поднял голову.

— Вопросы задавать не разрешается, — напомнил он.

— Я не собираюсь задавать вопросы, — покачал головой Мэтт, — просто хочу сообщить, что с этим тестом что-то неладно. Может быть, в комнате повесили по ошибке не ту инструкцию. Как бы то ни было, если основываться на висящей на стене инструкции, нельзя набрать ни единого очка.

— Не может быть! — воскликнул инспектор. — Вы уверены?

Мэтт заколебался, потом решительно кивнул головой.

— Да, уверен, — ответил он. — Хотите посмотреть на мои доказательства?

— Нет. Вы — Додсон? — Экзаменатор посмотрел на таймер и что-то пометил в журнале. — Вы свободны.

— Но... Разве мне не будет предоставлена возможность набрать хоть сколько-то очков?

— Никаких вопросов! Я уже пометил набранные вами очки. Идите в столовую — скоро ужин.

За столом 147 во время ужина пустовало немало стульев. Курсант Саббателло посмотрел на длинный полупустой стол.

— Вижу, что у нас тяжелые потери, — заметил он. — Поздравляю вас, джентльмены, с тем, что вы пока уцелели.

— Извините меня, сэр, — это значит, что мы выдержали все сегодняшние испытания? — спросил один из кандидатов.

— Или, по крайней мере, вам разрешат повторить какой-то из тестов. Во всяком случае, неудачу вы не потерпели, — ответил Саббателло. Мэтт с облегчением вздохнул. — Однако радоваться еще рано, — тут же предостерег их курсант. — Завтра вас останется еще меньше.

— А что, испытания будут еще труднее? — раздался чей-то голос.

— Намного труднее, — насмешливо улыбнулся Саббателло. — Я посоветовал бы вам есть за завтраком как можно меньше. Впрочем, — продолжал он, — у меня есть для вас и хорошие новости. Прошел слух, что на церемонии присяги будет присутствовать сам начальник, который специально для этого прилетает на Терру, если, конечно, вы попадете на церемонию присяги.

Кандидаты недоумевающе переглянулись. Курсант посмотрел на них, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Да что это с вами, джентльмены? — резко спросил он наконец. — Не может быть, чтобы вы все были настолько невежественны. Вот вы! — Он повернулся к Мэтту. — Мистер... Додсон? Да, мистер Додсон. Мне кажется, у вас что-то промелькнуло в памяти. Почему присутствие начальника будет для вас такой честью?

— Вы имеете в виду начальника Академии, сэр? — нерешительно произнес Мэтт.

— Разумеется. Что вы знаете о нем?

— Это коммодор Аркрайт, сэр. — Мэтт замолчал, будто считая, что упоминание имени начальника Академии Патрульной Службы не нуждается в объяснении.

— И что отличает коммодора Аркрайта?

— Но ведь он слепой, сэр!

— Он не слепой, мистер Додсон! Просто у него выжжены глаза. Как он утратил зрение? — Но курсант тут же предостерегающе поднял руку. — Нет, мистер Додсон, не говорите об этом. Пусть они сами узнают.

Курсант принялся за еду, и Мэтт последовал его примеру, думая о коммодоре Аркрайте. В то время Мэтт был слишком молод, чтобы следить за новостями, но отец рассказал ему о случившемся — о невероятном по смелости спасении космической яхты, терпящей бедствие внутри орбиты Меркурия. Мэтт забыл про обстоятельства, при которых офицер Патрульной Службы подвергся огромному излучению Солнца, — это произошло при переводе пассажиров яхты на космический корабль Патрульной Службы, — но он отчетливо помнил торжественный голос отца, читавшего заключительные слова официального сообщения: «...подобные действия полностью соответствуют традициям офицеров Космического Патруля».

Мэтт подумал, а сможет ли он вести себя так, чтобы его действия заслужили такую же высокую оценку? Вряд ли; самое большее, на что он может надеяться, — на что может надеяться любой офицер Патрульной Службы, — это пометка в личном деле: «обязанности выполнял должным образом».

Выходя из столовой, Мэтт натолкнулся на Текса Джермэна. Текс радостно похлопал его по спине.

— Рад, что ты все еще борешься, старина, — воскликнул он. — Ты где разместился?

— Еще не успел зайти к себе в комнату.

— Ну-ка, покажи свои документы. — Джермэн взял их из рук Мэтта. — Мы в одном коридоре — отлично! Пошли посмотрим на твое жилище.

Они нашли комнату и вошли. На нижней койке вытянулся еще один кандидат. Он курил и читал книгу. Услышав скрип распахнувшейся двери, он посмотрел на юношей.

— Заходите, приятели, — сказал он. — Стучать у нас не принято.

— А мы и не стучали, — заметил Джермэн.

— Ничуть не сомневаюсь. — Юноша сел на койке.

Мэтт узнал в нем парня, пошутившего относительно ковбойских сапог Текса, но решил промолчать, надеясь, что они не узнают друг друга.

— Ищете кого-нибудь? — поинтересовался парень.

— Нет, — ответил Мэтт, — меня разместили в этой комнате.

— А-а, так ты мой товарищ по квартире! Добро пожаловать во дворец. Я положил твой рюкзак тебе на койку.

Мешок с рюкзаком и гражданской одеждой Мэтта лежал на верхней койке. Мэтт снял его оттуда и поставил на пол.

— Что это значит, тебе на койку? — возмутился Текс. — Вы должны разыграть, кому спать на нижней койке.

— Я пришел сюда первым, вот и занял нижнюю койку, — равнодушно пожал плечами парень.

Текс свирепо оскалил зубы. Заметив это, Мэтт постарался успокоить его.

— Не надо, Текс, — сказал он. — Мне больше нравится спать на верхней койке. Между прочим, — повернулся он к юноше, — меня зовут Мэтт Додсон.

— А меня — Жерар Берк.

Комната была неплохой, но скромно обставленной. Дома Мэтт спал в водной постели, но ему приходилось спать и на матрасе — в летнем лагере. Боковая дверь вела в освежитель, оборудованный самым современным образом, но без чего-либо лишнего. Мэтт с удовольствием заметил, что в душевом отделении был робот-массажист. На полке не было маски для бритья, но бриться Мэтту было пока нетрудно.

Заглянув в свое отделение шкафа, Мэтт обнаружил пакет со своим серийным номером. Внутри лежало два комбинезона, две смены белья и вторая пара космических ботинок. Он уложил все это вместе с остальными вещами, затем взглянул на Текса.

— А чем займемся теперь?

— Прогуляемся по зданию.

— Отлично. Может быть, осмотрим «Килрой»?

Берк щелчком отбросил окурок сигареты в сторону двери.

— Подождите минуту. Я пойду с вами. — Он исчез за дверью туалета.

— Давай пошлем его к черту, а, Мэтт? — предложил Текс тихим голосом.

— Неплохая идея. Но мне хотелось бы найти с ним общий язык, Текс.

— Ну что ж, может быть, он не выдержит завтрашних испытаний.

— Или я, — печально улынулся Мэтт.

— А может быть, я. Ладно, ты прав, Мэтт, потерпим. Между прочим, ты не думал о том, чтобы подыскать себе постоянного товарища по комнате? Хочешь, будем жить вместе?

— Согласен. — Они пожали руки.

— Я очень рад, что мы решили этот вопрос, — продолжал Текс. — Меня поселили с хорошим парнем, но у него нашелся соотечественник, с которым он хотел бы жить в одной комнате. Тот зашел к нему перед ужином; они сели рядом и принялись болтать на хиндустани. Я ничего не понял и чувствовал себя не в своей тарелке. Затем они перешли на бейсик — решили, что так будет более вежливо по отношению ко мне, и мне стало еще хуже.

— Ты не похож на нервного парня, Текс.

— Это только на первый взгляд. Мы все — Джермэны — очень чувствительные люди. Возьми моего дядю Боди. Один раз он пришел на ярмарку посмотреть на бега и так разволновался, что вскочил между оглоблями гоночной качалки, помчался по кругу и выиграл два забега до того, как его догнали и выбросили вон.

— Шутишь!

— Честное слово. Впрочем, никакого приза он не выиграл. Его дисквалифицировали — это были забеги для двухлеток, а он оказался куда старше.

Берк присоединился к ним в коридоре, и втроем они направились в сторону купольного зала. Такая же идея пришла в голову нескольким сотням других кандидатов, однако администрация предвидела такую возможность. У лестницы, ведущей в шахту, где лежал разбившийся «Килрой», стоял курсант, который пропускал желающих группами по десять человек, причем в сопровождении курсанта.

Берк взглянул на вытянувшуюся очередь.

— Элементарный арифметический подсчет говорит, что ждать не имеет смысла, — заметил он.

Мэтт заколебался.

— Давай подождем, Мэтт, — вмешался Текс. — Может быть, кому-нибудь надоест ждать.

— Ну что ж, ждите, — пожал плечами Берк и пошел прочь.

— Ты знаешь, Текс, по-моему, он прав, — произнес Мэтт с сомнением в голосе.

— Конечно, прав, — кивнул Текс, — но ведь нам удалось избавиться от него, верно?

Весь зал представлял собой мемориальный музей Патрульной Службы. Юноши проходили мимо экспонатов: вот бортовой журнал первого космического корабля, совершившего полет к Марсу; фотография взлета космолета, отправившегося в экспедицию на Венеру, которая закончилась катастрофой; модели немецких ракет, которые применялись во время Второй Глобальной войны; карандашный набросок карты обратной стороны Луны, найденный в обломках «Килроя».

Они подошли к нише, задняя стена которой представляла собой огромную стереофотографию освещенной ослепительными лучами Солнца лунной поверхности на фоне черного неба, усеянного звездами, и родной Земли среди них.

На первом плане стоял молодой человек, одетый в старомодный космический скафандр. Через прозрачный пластик шлема было отчетливо видно его лицо — улыбающийся рот, веселые глаза и густые русые волосы, коротко подстриженные в стиле конца прошлого века.

Под фотографией виднелась надпись: «Лейтенант Эзра Дальквист, один из тех, кто положил начало славным традициям Патрульной Службы. 1966 — 1996 гг.»

— Где-нибудь рядом должно быть написано, почему этому лейтенанту оказана такая честь, — прошептал Мэтт.

— Что-то не видно, — прошептал в ответ Текс. — А почему ты говоришь шепотом?

— Нет, я не говорю ше... Впрочем, действительно. В конце концов, он не может слышать нас, правда? А, смотри, вот фонограмма!

— Чего ты ждешь? Нажми на кнопку.

Мэтт нажал на кнопку, и ниша наполнилась звуками Пятой симфонии Бетховена. Музыка постепенно стихла, и раздался голос диктора: «Сначала Патрульная Служба была укомплектована офицерами, посланными

всеми странами, которые составляли тогда Западную Федерацию. Некоторые офицеры были честными и преданными своему делу, тогда как другие — нет. В 1996 году был день, одновременно позорный и славный в истории Космической Патрульной Службы, когда была сделана попытка осуществить государственный переворот — так называемый Мятеж Полковников. Группа высокопоставленных офицеров, действуя с военной базы на Луне, попыталась захватить власть над всем миром. Заговор мог бы оказаться успешным, если бы не лейтенант Дальквист. Он вывел из строя все атомные ракеты в арсенале базы, вывернув из них взрыватели и удалив заряды. Однако при этом он получил такую дозу радиации, что скончался от ожогов». Диктор замолчал, и снова послышалась негромкая музыка — на этот раз отрывок «Валгалла» из «Гибели богов».

Текс глубоко вздохнул; Мэтт тоже заметил, что все время сдерживал дыхание. Он начал дышать, и боль в груди уменьшилась.

За их спинами раздался смехок. Юноши обернулись. У входа в нишу стоял Жерар Берк, опершись плечом о ритулоку.

— Да, они не жалеют усилий, чтобы произвести впечатление, — заметил он. — Будьте настороже, ребята, а то и вправду поверите всему, что услышите здесь.

— Что ты хочешь этим сказать? Какое впечатление?

Берк показал рукой в сторону фотографии.

— Да вот это. И объяснения, сопровождаемые музыкой. Если вам нравится такое, могу помочь, мне не жалко — в зале еще три таких же ниши, расположенных в направлении на юг, север, восток и запад.

Мэтт смотрел на него холодными глазами, не отрывая взгляда.

— Что с тобой, Берк? Ты не хочешь стать офицером Патрульной Службы?

— Хочу, разумеется. Но я практичный человек; меня нельзя обмануть такой дешевой эмоциональной пропагандой. — Он сделал жест в сторону фотографии Эзры Дальквиста. — Возьмите его, например. Ведь вы

не услышали ни слова о том, что он отказался выполнить приказ вышестоящего офицера, своего прямого начальника. Если бы события обернулись по-другому, его судили бы как изменника. К тому же никто не говорит о том, что погиб Дальквист из-за собственной неосторожности. И вы хотите, чтобы я считал его су-перменом?

— Нет, не хочу, — покраснел от ярости Мэтт и сделал шаг вперед. — Но поскольку ты такой практи-чный человек, тебе не хочется получить практичный удар в зубы?

Берк был ниже Мэтта ростом и ничуть не шире в плечах, но он наклонился вперед, поднялся на носки и тихо произнес:

— Очень хочется. От тебя или от кого-нибудь еще?

— И от меня, — шагнул вперед Текс.

— Не встравай, Текс! — рывкнул Мэтт.

— Даже не подумаю! Я считаю, что честно драться можно лишь с тем, кто является равным тебе!

— Отойди, Текс, я предупреждаю тебя!

— Ну уж нет, я тоже хочу получить удовольствие. Ты врежь ему в зубы, а когда он упадет, я пну его в живот.

Берк посмотрел на Джермэна и улыбнулся, будто почувствовав, что время драки прошло.

— Ну-ну, джентльмены! Не надо ссориться! — Он отвернулся и пошел к выходу из ниши. — Доброй ночи, Додсон. Постарайся не разбудить меня, когда вернешься.

— Напрасно мы отпустили его, — ярость еще не оставила Текса. — Это человек, которого нужно ста-вить на место. Мой дядя Боди всегда говорил, что такого прыща нужно лупить до тех пор, пока он не извинится.

— Чтобы нас выгнали из Патрульной Службы еще до того, как мы поступили в Академию? Он разозлил меня, так что пока выигрыш на его стороне. Пошли, наверное, здесь еще немало интересного.

Однако сигнал отбоя прозвучал раньше, чем они успели подойти к следующей нише. Юноши направи-лись к своему коридору, и Мэтт попрощался с Тексом у дверей его комнаты, потом вошел в свою. Берк

спал — или притворялся, что спит. Мэтт быстро разделся, ловко забрался на верхнюю койку, нашел выключатель и погасил лампочку.

Присутствие неприятного для него человека беспокоило Мэтта, но он уже почти засыпал, как вдруг вспомнил, что забыл позвонить отцу. От этой мысли он сразу проснулся. И тут же почувствовал, как где-то внутри ожила тупая боль. Может быть, он заболел? Или это тоска по дому? В его-то возрасте? Чем дольше Мэтт думал об этом, тем более вероятной казалась причина боли — как бы он ни сопротивлялся. Все еще размышляя об этом, он погрузился в глубокий сон.

По ухабам

На следующее утро Берк сделал вид, что забыл о вчерашней ссоре. Он был даже приветлив и позволил Мэтту первым войти в освежитель. Тем не менее Мэтт с радостью услышал сигнал на завтрак.

На привычном месте стола 147 не оказалось. Озадаченный, Мэтт пошел вперед и наткнулся на стол с табличкой 147 — 149, во главе которого сидел курсант Саббателло. Мэтт сел на свободный стул и увидел рядом Пьера Арманда.

— Привет, Пит! — воскликнул он. — Как дела?

— Рад нашей встрече, Мэтт. Думаю, пока неплохо, — в голосе Пьера звучало сомнение.

Мэтт пристально посмотрел на него. Пьер выглядел неважно; казалось, будто кошка протащила его через дырку в полу — эта фраза больше всего понравилась Мэтту. Он собрался было спросить, что с ним случилось, как курсант Саббателло резко постучал по столу.

— По-видимому, джентльмены, — произнес курсант, — кое-кто из вас забыл мой вчерашний совет — не увлекаться едой. Сегодня вас протащат по ухабам. У меня немалый опыт, который говорит, что при этом многие сухопутные космонавты теряют как завтрак, так и остатки собственного достоинства.

Мэтта поразили слова Саббателло. Он только собрался заказать свой обычный обильный завтрак; вме-

сто этого ему пришлось ограничиться стаканом чая и жареными тостами. Взглянув на соседа, он заметил, что Пит не обратил внимания на совет курсанта: он поставил перед собой тарелку с бифштексом, картошкой и яичницей и принялся есть. «Если Пит и чувствует себя неважно, — подумал Мэтт, — это никак не отразилось на его аппетите».

Курсант Саббателло тоже увидел это. Он наклонился вперед и обратился к Питу.

— Мистер, разве вы не...

— Меня зовут Арманд, сэр, — вежливо ответил Пит, проглотив огромный кусок.

— Мистер Арманд, разве вы не слышали моего предупреждения? Может быть, у вас пищеварение марсианина? Или вы считаете, что я пошутил? Думаете, вас не будет тошнить в невесомости?

— Нет, не будет, сэр.

— Неужели?

— Видите ли, сэр, я с Ганимеда.

— А-а! Прошу извинить меня. Закажите себе еще бифштекс. Как ваши дела?

— В общем-то, совсем неплохо, сэр.

— Не стесняйтесь просить о некоторых послаблениях. Уверен, что все поймут положение, в котором вы оказались.

— Спасибо, сэр.

— Мистер Арманд, я говорю совершенно серьезно. Не пытайтесь изображать «железного человека». Это бессмысленно.

Мэтт и Пьер встали из-за стола одновременно.

— Послушай, Пит, теперь я понимаю, почему Оскар нес вчера твой рюкзак. Извини мою глупость.

— Не надо извиняться, — смущенно посмотрел на него Пит. — Оскар присматривал за мной — я встретил его, когда мы летели со станции Терра.

— Понятно, — кивнул Мэтт.

У него было самое смутное представление о маршрутах пассажирских лайнеров, но он знал, что Оскар, прилетевший с Венеры, и Пит, направлявшийся с одной из лун Юпитера, должны были оказаться на искусственном спутнике Земли — станции Терра, — прежде чем прибыть шаттлом на Земную поверхность. Этим и

объяснялась дружба двух юношей, родом из самых разных уголков Вселенной.

— И как ты себя чувствуешь на Земле? — спросил Мэтт.

Пит заколебался.

— По правде говоря, мне кажется, что я пытаюсь идти вперед, погрузившись в песок-плавун до самой шеи. Каждое движение требует невероятных усилий.

— Господи, неужели тебе так трудно? Какова сила тяготения на поверхности Ганимеда? Треть земной?

— Если быть точным, тридцать два процента земного тяготения, или, по тому как я ощущаю его, здесь все весит в три раза больше, чем дома. Включая меня самого.

— Будто у тебя на плечах сидят еще двое, — кивнул Мэтт.

— Да, похоже. Но хуже всего то, что у меня все время болят ноги. Но это пройдет...

— Конечно!

— ...потому что я родился на Земле и потенциально ничуть не слабее отца. У себя на Ганимеде в течение двух последних лет — земных лет — я тренировался на центрифуге. Сейчас я куда сильнее, чем раньше. А вот и Оскар.

Мэтт поздоровался с ним и тут же поспешил к себе в комнату, чтобы позвонить отцу.

Транспортный вертолет доставил Мэтта и еще пятьдесят кандидатов к тому месту, где будут проводиться испытания на способность организма переносить переменное ускорение — на сленге курсантов это называлось «тащить по ухабам». Испытательная станция была расположена к западу от базы, в горах: для продолжительного свободного падения требовался высокий отвесный обрыв. Вертолет опустился на посадочной площадке, пассажиры вышли и присоединились к толпе остальных кандидатов, прилетевших сюда раньше. Было ясное холодное утро. Воздух на вершине одного из пиков Колорадо казался прозрачным и удивительно свежим. Площадка находилась на уровне, где уже не растут деревья — юношей окружали искривленные ели, упорно борющиеся с ветрами и морозами.

Из строения, расположенного на самом краю отвесного утеса, уходили прямо вниз две стальные фермы. Они походили на фермы открытых лифтов — и одна из них такой и оказалась. Вторая ферма была направляющей для испытательной кабины во время падения с высоты.

Мэтт наклонился через поручни, ограждающие обрыв, и посмотрел вниз. Нижняя часть стальных ферм исчезала в головокружительной глубине, проходя сквозь крышу строения на дне каньона, в двух тысячах футов от вершины утеса. Мэтт пытался убедить себя, что инженер, построивший все это, разбирался в своем деле. В этот момент кто-то толкнул его локтем в бок. Он обернулся. Рядом стоял Текс.

— Вот это горка, правда, Мэтт?

— Это самое невероятное преуменьшение, которое мне приходилось слышать, Текс.

Стоящий рядом кандидат обернулся к ним.

— Вы считаете, ребята, что мы будем спускаться по этой штуке? — спросил он.

— Обязательно, — кивнул Текс. — Потом внизу собирают останки, складывают в большую корзинку и поднимают на втором лифте.

— А спускается она быстро?

— Ты сам сможешь убедиться через несколько... Эй, смотрите! Вон она!

Серебристая кабина без окон выскользнула внутри одной фермы из верхнего здания и на мгновение словно замерла. Затем ринулась вниз, стремительно набирая скорость, все быстрее и быстрее, пока не исчезла с кажущейся невероятной быстротой — на самом деле скорость была двести пятьдесят миль в час, чуть больше ста метров в секунду — в крыше нижнего строения. Мэтт замер, ожидая, что снизу донесется грохот разбившейся кабины. Но вокруг царила полная тишина, и он успокоился.

Через несколько секунд серебристая кабина появилась в нижней части второй фермы. Казалось, она медленно ползет вверх; на самом деле она двигалась все быстрее и в верхней части фермы неслась с поразительной скоростью — и исчезла в верхнем строении рядом с ними.

— Девятая группа! — загредел сзади громкоговоритель.

— Это меня вызывают, Мэтт, — вздохнул Текс. — Передай маме, что мои последние слова были о ней. А себе возьми мою коллекцию почтовых марок. — Он пожал Мэтту руку и пошел вместе с группой к кабине.

Кандидат, который говорил с ними, с трудом проглотил слюну; Мэтт увидел, как он побледнел. Внезапно он пошел в направлении девятой группы, но не присоединился к ней, а подошел к курсанту, выстраивавшему группу, и что-то сказал ему. Курсант пожал плечами и знаком разрешил отойти в сторону.

Мэтт почувствовал, что не презирает несчастного кандидата, а скорее жалеет его.

Его испытательная группа выстроилась вслед за девятой. Их провели в верхнее здание, и курсант, руководивший группой, объяснил суть теста:

— С его помощью будет подвергнута испытанию способность вашего организма переносить переменное ускорение, свободное падение или невесомость, а также резкие изменения силы тяжести. Вы начнете с ускорения, создающего силу тяжести, втрое превышающую земную, затем, когда кабина начнет опускаться, тяготение полностью исчезнет — кабина будет падать с вершины утеса. В нижней части фермы она скользит по спирали, и ее скорость замедляется, создавая тройную силу тяжести. После остановки кабина перемещается в ту ферму, вдоль которой она будет подниматься. Подъем начнется при ускорении, создающем двойную силу тяжести, после чего подъем замедляется, и кабина останавливается наверху при нормальной силе земного притяжения. На следующем этапе весь цикл повторяется снова, но уже при более высоких ускорениях, и так до тех пор, пока не будет выявлена реакция вашего организма. Вопросы?

— Насколько продолжительно будет свободное падение, сэр? — спросил Мэтт.

— Одиннадцать секунд. Мы могли бы увеличить его продолжительность, но для того, чтобы удвоить время свободного падения, требуется высота, превышающая ту, что имеется в нашем распоряжении, в четыре раза.

Думаю, и эта высота покажется вам достаточной, — заключил он с мрачной улыбкой.

— Извините, сэр, но что имеется в виду под «выявлением реакции организма»? — послышался чей-то робкий голос.

— Реакция организма может оказаться любой — кровотечение, потеря сознания и тому подобное.

— А это опасно?

— Как вам сказать... Что вообще можно назвать безопасным? — пожал плечами курсант. — Частота вашего пульса, давление крови и другие данные будут передаваться посредством телеметрии на пульт управления. Мы сделаем все, чтобы никто из вас не погиб во время испытаний.

После этого группа последовала за курсантом по коридору, через дверь и внутрь кабины. В ней находились мятниковые сиденья — как и в других машинах,двигающихся с высокой скоростью, но здесь сиденья отклонялись назад и соответствовали контурам человеческого тела. Кроме того, они были покрыты мягкой обивкой. Кандидаты разместились в сиденьях, пристегнули ремни, и медик закрепил на теле каждого из них датчики, позволяющие передавать на пульт управления телеметрические данные о реакции их организма. Курсант внимательно проверил надежность крепления ремней, затем вышел и вернулся с офицером, который проверил все еще раз. После этого курсант раздал пакеты, прикрепляющиеся ко рту каждого кандидата — чтобы в случае приступа рвоты не обрызгать соседей. Закончив, он спросил:

— Все готовы?

Молчание. Курсант удовлетворенно кивнул, вышел из кабины и закрыл за собой дверь.

Мэтт пожалел, что не остановил его вовремя.

Шли секунды, и все оставалось без изменений. Затем кабина как-то наклонилась; на самом деле отклонились сиденья, по мере того как кабина начала набирать скорость.

Затем сиденья вернулись в прежнее положение, но Мэтт почувствовал, насколько тяжелее стало его тело, и понял, что их кружат в центрифуге. Его прижало к

спинке сиденья; руки, казалось, налились свинцом, и он не мог пошевелить ими.

Внезапно чувство тяжести исчезло, и тело приподнялось, сдерживаемое пристежными ремнями. Желудок начал куда-то проваливаться. Мэтт судорожно глотнул; завтрак остался на месте. Кто-то закричал: «Мы падаем!» Подобное заявление показалось Мэтту совершенно излишним — это было очевидно.

Он сжал зубы и напрягся, ожидая удара о скалы каньона. Но удара не было — а его желудок по-прежнему старался выскользнуть из тела. Одиннадцать секунд? Да он уже падает дольше! Неужели что-то случилось?

Они продолжали падать.

И тут Мэтт почувствовал, что какая-то сила прижимает его к сиденью. Сила тяжести постепенно увеличивалась, пока он не стал таким же тяжелым, как и перед началом падения. Исстрадавшийся желудок содрогался в судорожных спазмах, но сила тяжести, выросшая многократно, удерживала внутри его содержимое.

Тяжесть исчезла, вернулся нормальный вес. В следующее мгновение кабина будто подпрыгнула, и на мгновение вернулось ощущение невесомости, но это чувство продолжалось всего миг; тут же его тело осело на подушки кресла.

Открылась дверь, и в кабину вошел курсант в сопровождении двух санитаров. Кто-то истерично кричал: «Выпустите меня отсюда! Выпустите меня!» Курсант не обратил внимания на кричавшего и прошел к креслу прямо перед Мэттом. Там он наклонился, расстегнул пристежные ремни, и санитары вынесли тело юноши. Его откинутая назад голова безжизненно свисала вниз. Затем курсант подошел к истерично кричащему кандидату, отстегнул ремни и сделал шаг в сторону. Юноша встал, пошатнулся и с трудом вышел из кабины.

— Кому сменить санитарный пакет?

Несколько человек подняли руки. Курсант быстро раздал новые пакеты и помог закрепить их. С чувством облегчения Мэтт заметил, что его пакет не нуждается в замене.

— Приготовьтесь к пятикратной силе тяжести, — предупредил курсант и заставил каждого из оставших-

ся в кабине назвать свои имена. Переключка еще не закончилась, как один из юношей попытался вскочить, дергая ремни, удерживающие его в кресле. Не прекращая переключки, курсант помог ему расстегнуть ремни и сделал жест в сторону открытой двери, потом вышел вслед за ним. Дверь захлопнулась.

Мэтт почувствовал, как его охватывает невыносимое напряжение. Когда растущая сила тяжести снова придавила его, он даже ощутил какое-то облегчение, но только на мгновение, потому что сразу понял: пятикратное увеличение тяготения намного хуже, чем трехкратное. Грудь сдавило железными тисками, он не мог вздохнуть.

Колоссальное давление исчезло — они снова сорвались вниз, и началось падение. На этот раз измученный желудок не выдержал; Мэтт пожалел, что вообще ел во время завтрака.

И они продолжали падать. Освещение в кабине погасло — и кто-то дико закричал. Падая, сотрясаемый приступами рвоты, Мэтт не сомневался, что освещение вышло из строя в результате катастрофы; на этот раз они уж точно разобьются о скалы каньона. Это, однако, почему-то не казалось важным для Мэтта.

Он погрузился в черный водоворот пятикратной силы тяжести, когда кабина замедлила падение, и Мэтт понял, что уцелел и на этот раз. Эта мысль не принесла облегчения — все его внимание было сконцентрировано на том, чтобы вздохнуть грудью, зажатой в чудовищных тисках. Подъем к вершине утеса — сначала при двукратной силе тяжести, потом при нормальной — показался ему легкой прогулкой, если не считать того момента, когда перед самой остановкой снова на мгновение наступила невесомость и пустой желудок запротестовал.

В кабине вспыхнул свет, и через открывшуюся дверь снова вошел курсант. Его взгляд остановился на юноше, сидевшем рядом с Мэттом. Лицо юноши было залито кровью, струившейся из носа и ушей. Кандидат посмотрел на подошедшего курсанта и махнул рукой, будто уговаривая его отойти.

— Я могу выдержать это, — запротестовал он едва слышно. — Пусть продолжают тесты.

— Конечно, сможете, — ответил курсант неожиданно мягким голосом, — но не сегодня. Не расстраивайтесь, — добавил он, — это не значит, что вы потерпели неудачу.

Курсант осмотрел остальных, затем позвал офицера. Они посоветовались о чем-то шепотом, и еще один юноша был наполовину вынесен, наполовину выведен из кабины.

— Кому нужны новые санитарные пакеты? — спросил курсант.

— Мне, — произнес Мэтт слабым голосом. Ему быстро заменили пакет, и Мэтт дал себе слово больше никогда не есть за завтраком жареный хлеб, размоченный в молоке.

— Семикратная сила тяжести! — объявил курсант. — Кто хочет — может отказаться, остальным приготовить, — и он снова начал переключку.

Мэтт приготовился отказаться, но услышал, к своему удивлению, как сказал «готов», когда курсант назвал его фамилию. Курсант вышел из кабины и закрыл дверь до того, как Мэтт решил передумать. Теперь в кабине осталось всего шестеро.

Когда сила тяжести постепенно увеличилась в семь раз, Мэтту показалось, что освещение в кабине снова погасло. Теперь его тело весило тысячу фунтов. Но как только кабина сорвалась вниз с вершины утеса, внутри стало светло; Мэтт понял, что на мгновение потерял сознание.

На этот раз он решил считать секунды, чтобы определить продолжительность падения и избавиться от пугающего чувства бесконечной невесомости, но не сумел оправиться после колоссальной нагрузки. Даже боль в желудке казалась какой-то далекой. Падаем... падаем...

Снова гигантская рука сжала грудь, вытеснила кровь из мозга и погасила свет. На этот раз окончательно...

— Как вы чувствуете себя?

Мэтт открыл глаза и увидел, как все перед ним двоится. Он с трудом понял, что над ним склонился курсант. Мэтт попытался ответить. Курсант исчез; он почувствовал, что его подняли и несут.

Кто-то вытер его лицо прохладным влажным полотенцем. Мэтт сел и увидел медсестру, стоящую рядом.

— С вами все в порядке, — приветливо сказала девушка. — Держите это, пока не остановится кровотечение из носа, — и дала ему полотенце. — Хотите встать?

— Да, спасибо.

— Обопритесь на меня. Выйдем на свежий воздух.

Сидя на поляне под яркими лучами солнца, Мэтт прижимал к лицу влажное полотенце и чувствовал, что к нему возвращаются силы. От края утеса, огороженного поручнями, доносились взволнованные голоса всякий раз, когда серебристая кабина устремлялась вниз. Он сидел, наслаждаясь солнечным теплом, и думал, стоит ли стремиться к карьере офицера Космической Патрульной Службы.

— Эй, Мэтт!

Он открыл глаза. Перед ним стоял Текс, бледный и не слишком в себе уверенный. На груди его комбинезона виднелось пятно крови.

— А, это ты, Текс. Значит, и тебе досталось.

— Да уж это точно.

— При скольких «г»?

— При семи.

— И мне тоже. Что ты думаешь обо всем этом?

— Да не знаю... — Текс заколебался. — Жаль, что мой дядя Боди не пробовал такого. Думаю, он не стал бы постоянно рассказывать о том, как он однажды схватился с гриззли.

Во время обеда стол оказался наполовину пустым. Мэтт думал о тех, кто отселялся — что они чувствовали — разочарование или облегчение?

Он был голоден, но ел мало, так как знал, что их ждет после обеда — первое знакомство с ракетными полетами. Мэтт ожидал этого этапа испытаний с нетерпением. Полет в космос! Непродолжительный, но все-таки настоящий космический полет. Он старался убедить себя, что, даже если не выдержит испытаний, уже то, что он совершит полет в космос, стоит затраченных усилий.

Впрочем, теперь Мэтт не был в этом уверен — прогулка «по ухабам» изменила его точку зрения на

профессию космонавта. У него появилось новое, хотя и мрачное уважение к ускорению, и он больше не считал боязнь невесомости чем-то забавным; наоборот, его не покидали сомнения, сумеет ли он когда-нибудь привыкнуть к невесомости. Ему было известно, что некоторые никогда не могли к ней привыкнуть.

Его группе надлежало прибыть на космодром в Санта Барбаре в половине третьего. Оставался еще час — целый длинный, бесконечный час, в течение которого ему оставалось только волноваться и беспокоиться. Наконец подошло время спускаться вниз, строиться, отвечать на переключке и отправляться к космодрому по двигающейся дорожке.

Курсант, руководивший их группой, вывел юношей на поверхность прямо в бетонный окоп глубиной фута в четыре. Глаза Мэтта невольно сощурились от яркого солнечного света. Беспокойство исчезло: ему не терпелось взлететь в космос. С каждой стороны траншеи, примерно в двухстах ярдах, стояли учебные ракеты, выстроившиеся рядами, как гигантские рождественские свечи, опирающиеся на хвостовые стабилизаторы, с острыми носами, устремленными в небо.

— Если случится что-нибудь непредвиденное, — предупредил их курсант, — немедленно ложитесь на дно траншеи. Ни в коем случае не проявляйте любопытства — меня специально попросили предупредить вас об этом.

Полет будет непродолжительным — всего девять минут, причем первые полторы минуты при включенных тяговых двигателях. Вам покажется, что сила тяжести около трех «g», однако на самом деле ускорение будет равняться всего двойной силе тяжести, потому что мы все еще близко к Земле.

Через девяносто секунд двигатели включатся, и ракетный корабль будет двигаться со скоростью мили в секунду. В течение еще трех минут корабль продолжит движение по инерции и поднимется еще на сто миль, достигнув, таким образом, высоты в сто пятьдесят миль. Затем начнется падение на Землю в течение еще трех минут, торможение с помощью включенных ракетных двигателей и приземление на исходе девятой минуты.

Посадка летательного аппарата без помощи крыльев, позволяющих управлять полетом, на планете с такой значительной силой тяжести, как Земля, — дело непростое. Она будет осуществляться автоматически, но в кабине ракетного корабля будет находиться пилот, постоянно сверяющий процесс полета и приземления с разработанным планом. В случае необходимости он может принять управление на себя. Вопросы?

— Это космические корабли с атомными двигателями? — спросил кто-то.

— Такие малютки? Нет, они работают на обычном ракетном топливе — это ясно по их конструкции. Двигатели этих кораблей питаются одноатомным водородом. Эти корабли очень похожи на первые большие ракеты, построенные людьми; исключением является только переменная тяга, так что пилоту и пассажирам не угрожает опасность быть раздавленными растущей силой тяжести при изменении массы корабля, — ответил курсант.

С башни управления полетами взлетела зеленая сигнальная ракета.

— Следите за вторым от конца кораблем, в северном ряду, — дал совет курсант.

У основания вертикально стоящего корабля внезапно вспыхнуло яркое оранжевое пламя, ослепительное, как солнце. «Смотрите, он взлетает!» — послышался чей-то возглас.

Корабль оторвался от поверхности космодрома и начал величественно подниматься на столбе бушующего пламени. Грохот работающего ракетного двигателя достиг Мэтта и, казалось, физически надавил на него. Шум напоминал рев гигантской паяльной лампы. На вершине контрольной башни мигнул прожектор, и корабль продолжил свой полет: все выше и выше, с плавным ускорением — настолько плавным, что было трудно понять, насколько велика его скорость; через несколько секунд, однако, рев двигателя затих в вышине. Мэтт смотрел теперь прямо в зенит, следя за уменьшающимся искусственным солнцем.

И вот корабль исчез. Мэтт закрыл рот и отвернулся, так как его внимание привлек ледяной белый след, оставленный кораблем, прорезающим стратосферу. Под

воздействием ветров, постоянно бушующих на такой высоте, этот след, похожий на змею, извивался и рассеивался.

— Все! — послышалась команда курсанта. — У нас нет времени ждать его приземления.

Следуя за курсантом, они спустились вниз, прошли вдоль подземного коридора и вошли в кабину лифта, который поднял их на поверхность и продолжал поднимать на выдвинувшемся вверх гидравлическом стержне. Кабина лифта остановилась у борта космического корабля. Мэтт с изумлением увидел, насколько огромен корабль.

Дверца в борту корабля откинулась наподобие подъемного моста, кандидаты прошли по ней внутрь корабля; курсант поднял дверцу-мост и закрыл ее, потом спустился вниз в опустевшем лифте.

Они оказались в коническом помещении. Над их головами в кресле полулежал пилот. На полу помещения, вокруг них, располагались кресла для пассажиров.

— Размещайтесь в креслах! — скомандовал пилот. — И сразу пристегивайтесь ремнями.

Десять юношей, толкая друг друга, устремились к креслам, но вдруг один из них остановился, заколебался и поднял голову к пилоту.

— Э-э, мистер! — произнес он.

— В чем дело? Занимайте кресло и застегните ремни.

— Я передумал и решил остаться на Земле.

Пилот произнес несколько фраз, не входящих в состав изысканного офицерского лексикона, потом повернулся к пульту управления.

— Башня! Заберите одного пассажира из номера 19. — Он выслушал ответ и рывкнул: — У нас нет времени менять план полета. Пошлите взамен массу. — Затем спросил одиноко стоящего юношу. — Какой у вас вес?

— Э-э, сто тридцать два фунта, сэр.

— Сто тридцать два фунта, и побыстрее! — произнес пилот в микрофон. Повернувшись к юноше, он сказал: — А вы поспешите уйти с корабля, потому что, если из-за вас у меня сорвется время взлета, я сверну вам шею!

Через несколько мгновений открылся люк, и внутрь корабля вбежали три курсанта. Двое несли мешки с песком, третий держал в руках свинцовые бруски. Они быстро уложили мешки на кресло и закрепили бруски на его ручках.

— Сто тридцать два фунта! — объявил один из курсантов.

— Теперь вон с моего корабля! — огрызнулся пилот и повернулся к щиту управления.

— Не злись, Гарри, предохранители сгорят, — посоветовал курсант пилоту.

Измученный Мэтт не верил своим ушам, потом пришел к выводу, что пилот корабля — тоже курсант. Тройка вышла наружу, и люк захлопнулся. Юноша, который решил отказаться от полета, ушел вместе с ними.

— Приготовиться к взлету! — скомандовал пилот и внимательно осмотрел пассажиров. — Пассажиры на местах и пристегнуты ремнями, — произнес он в микрофон, обращаясь к башне управления полетами. — Этот проклятый лифт отошел от корабля?

Наступила тишина. Шли секунды.

Вдруг корабль вздрогнул. Рев, такой низкий по тону, что находился едва ли не за пределами слышимости человеческого уха, донесся снизу, болезненно отразившись в голове Мэтта. На мгновение он почувствовал, как его придавило к сиденью, тут же это ощущение прошло, и в следующую секунду на него обрушилась сила тяжести.

Мэтт с радостью отметил, что тройная сила тяжести уже не влияет на него так сильно — может быть, потому что он полулежал, откинувшись на спину. Полторы минуты работы двигателя тянулись очень долго; слышен был лишь рев раскаленных газов, вырывающихся из дюз корабля, и через иллюминатор над головой пилота виднелся кусочек неба.

Было видно, однако, что небо становится все темнее. Вот оно превратилось в пурпурное и прямо на глазах почернело. Зачарованным взглядом Мэтт смотрел на появившиеся на небе звезды.

— Приготовиться к невесомости! — донесся голос пилота из громкоговорителя. — Под головными по-

душками лежат санитарные пакеты. Если сомневаетесь в себе, приготовьте их заранее. Я не собираюсь соскребать с палубы вашу блевотину.

Мэтт сунул странно потяжелевшие пальцы под подушку и достал санитарный пакет. Рев двигателя затих, и вместе с прекратившейся тягой исчезла сила, прижимавшая их к подушкам сидений. Пилот расстегнул ремни и повис в воздухе, глядя сверху на кандидатов.

— А теперь слушайте, парни. У нас шесть минут невесомости. Можете отстегнуть ремни — по два человека — и подняться сюда, чтобы осмотреться. Но предупреждаю — держитесь за поручни. Если я замечу кого-нибудь, повисшего в воздухе или решившего позабавиться, тут же помечу себе и сообщу на базу. — Он ткнул пальцем в сторону одного юноши. — Вот вы. И тот, что рядом.

«Тем, что рядом» оказался Мэтт. Его желудок, не переставая, давал знать о себе, юноша чувствовал себя ужасно, и ему совсем не хотелось воспользоваться предложенной привилегией, но на карту была поставлена его гордость. Он стиснул зубы, проглотил слюну, заполнившую рот, и расстегнул ремни.

Освободившись, он поднялся вверх, держась одной рукой за ремень, и попытался сориентироваться. Было как-то странно и неприятно оказаться в обстановке, где нет ни верха ни низа; все плыло у него перед глазами.

— Поторопитесь, ребята! — послышался голос пилота. — Иначе упустите свою очередь.

— Поднимаюсь, сэр!

— Подождите, дайте мне развернуть корабль. — Пилот отключил гироскопы и привел в действие прецессионный маховик. Корабль повернулся вверх дюзам. К тому времени, когда Мэтт успел добраться до пульта управления, двигаясь подобно старой и очень осторожной обезьяне, нос ракетного корабля был направлен в сторону Земли.

Мэтт прильнул к иллюминатору и посмотрел на земную поверхность, расположенную на расстоянии ста миль от него и медленно удаляющуюся. Зеленые и коричневые цвета на ней казались выцветшими и невыразительными по сравнению с ослепительной белизной

облаков. Слева и справа виднелось иссиня-черное небо, усыпанное звездами.

— Прямо под нами находится база, — заметил пилот. — Если присмотритесь, увидите Хэйуорт Холл, вернее, его тень.

Направление, которое указывал пилот, не было для Мэтта «прямо под нами», скорее, оно казалось просто снаружи — чувство ориентации у Мэтта отсутствовало. Это беспокоило его.

— А вон там — видите? — кратер, где раньше был расположен Денвер. Теперь взгляните на юг — темная полоса, вернее, темно-коричневая, — это Техас; рядом заметен Мексиканский залив.

— Отсюда виден Де-Мойн, сэр? — спросил Мэтт.

— Его трудно разглядеть. Вон там — найдите место, где Миссури впадает в Миссисипи, и поднимайтесь вверх. Вот это темное пятно — Омаха и Каунсил Блаффс. Де-Мойн где-то между ними, недалеко от горизонта.

Мэтт напряг зрение, стараясь найти свой родной город. Он не был уверен, что увидел Де-Мойн, однако отчетливо заметил край Земли, как изгибающуюся дугу горизонта; несомненно, он наглядно убедился, что Земля — круглая.

— Достаточно, — скомандовал пилот. — Возвращайтесь в свои кресла. Следующая пара!

Мэтт был рад, что пристежные ремни снова надежно удерживали его в кресле. Оставшиеся четыре минуты тянулись бесконечно; он примирился с тем, что, по-видимому, никогда не совладает с космической болезнью, вызванной состоянием невесомости. Наконец пилот послал обратно последнюю пару, развернул корабль дюзами в сторону Земли и произнес в микрофон:

— Приготовиться к перегрузке — будем спускаться к Земле хвостом вперед!

Благословенная тяжесть придавила Мэтта к сиденью, и его желудок перестал протестовать. Девяносто секунд торможения казались намного продолжительнее, чем полторы минуты ускорения. Мэтта охватило пугающее чувство — он знал, что Земля мчится им навстречу, а он не мог видеть ее. Наконец Мэтт ощутил легкий толчок, и его вес внезапно стал нормальным.

— Совершили посадку! — объявил пилот. — Мы на поверхности, и никто не пострадал. Отстегивайтесь, парни.

Скоро подъехал грузовик, из которого выдвинулась телескопическая лестница, и юноши спустились вниз. За ними последовал пилот. На обратном пути им встретился огромный трактор, направляющийся к ракетному кораблю. Водитель высунул голову из кабины и крикнул пилоту:

— Эй, Гарри! Ты почему не приземлился в Канзасе?

— Радуйся этому: представь, сколько времени тебе пришлось бы ехать за кораблем в Канзас, — огрызнулся пилот.

До ужина у Мэтта было еще много времени, и он решил вернуться в траншею, из которой они следили за взлетом первого корабля. Ему хотелось увидеть посадку ракетного корабля на столбе раскаленного пламени. Мэтту приходилось наблюдать за приземлением пассажирских стратосферных ракет, планирующих к посадочной площадке на крыльях, но он еще ни разу не видел посадки ракетного корабля.

Едва Мэтт нашел удобное место в бетонной траншее, как послышался взволнованный крик — на посадку заходил ракетный корабль. Сначала это был огненный шар высоко в небе; шар увеличивался в размере и превратился в огненный столб, растущий впереди ракетного корабля. Языки пламени лизнули землю, корабль застыл, подобно балетному танцору, и плавно опустился на поверхность. Корабль совершил посадку.

Мэтт повернулся к кандидату, стоящему рядом.

— Сколько времени до следующей посадки?

— Они приземляются каждые пять минут. Оставайся на месте и все увидишь.

Через пару минут в небо поднялась зеленая сигнальная ракета. Мэтт оглянулся по сторонам, пытаясь увидеть взлетающий корабль, как вдруг чей-то крик заставил его обернуться. В небе снова появился растущий огненный шар.

Невероятно, но шар продолжал расти. Мэтт застыл, не в силах двинуться с места. Из громкоговорителей донеслась громкая команда:

— Лечь, всем немедленно лечь!

Прежде чем Мэтт заставил себя выполнить команду, кто-то повалил его на дно бетонной траншеи.

Раздался резкий удар, за которым последовал оглушительный грохот взрыва. У Мэтта перехватило дыхание.

Он сел и осмотрелся. Курсант, стоящий рядом с ним, осторожно наблюдал через парапет траншеи.

— Господи боже мой, — услышал Мэтт его шепот.

— Что случилось?

— Корабль разбился. Все погибли. — Курсант увидел его, казалось, впервые. — Быстро возвращайтесь к себе, — резко скомандовал он.

— Но как это произошло?

— Не ваше дело — сейчас не время для праздных разговоров. — Курсант пошел по траншее, выгоняя из нее зрителей.

Первая поверка

Когда Мэтт вернулся к себе в комнату, она была пуста. Он вздохнул с облегчением. Сейчас ему не хотелось встречаться с Берком или вообще с кем бы то ни было. Он сел и задумался.

Погибло одиннадцать человек — в одно мгновение, будто погасла свеча. Взволнованные и счастливые люди, и вдруг — взрыв, и того, что осталось, недостаточно даже для кремации. Внезапно он представил себе, что находится в космосе, и тут же выбросил эту мысль из головы, дрожа всем телом.

По истечении часа Мэтт пришел к выводу, что Патрульная Служба не для него. Он понял, что, мечтая о космосе, представлял себе Космическую Патрульную Службу через призму детских иллюзий — «Капитан Дженкс из Космического Патруля», «Юные ракетчики» и тому подобное. Такие книги представляли интерес для детей, но Мэтт честно признал, что героя из него не выйдет.

К тому времени, когда в комнату вошел Берк, Мэтт успокоился; нельзя сказать, что принятое им решение сделало его счастливым, но, по крайней мере, он выбрал путь. К тому же, вспомнил он, его желудок вряд ли когда-нибудь привыкнет к невесомости. Даже сейчас, когда он подумал об этом, желудок болезненно вздрогнул.

Берк вошел в комнату, беззаботно посвистывая. Увидев Мэтта, он остановился и внимательно посмотрел на него.

— Ну что, юноша, ты все еще с нами? А мне казалось, что прогулка по ухабам отправит тебя домой.

— Нет.

— Неужели тебя не тошнило при невесомости?

— Тошнило. — Мэтт старался сохранять самообладание. — А тебя?

— Меня? — усмехнулся Берк. — Нет, конечно. Ведь я не наземный космонавт, юноша, я...

— Меня зовут не «юноша», а Мэтт.

— Хорошо, Мэттью. Я летал в космосе еще до того, как научился ходить. Видишь ли, мой старик занимается строительством космических кораблей.

— Вот как?

— Точно. Компания «Резекторз Лимитед» — он председатель правления. Послушай, а ты видел этот фейерверк на космодроме?

— Ты имеешь в виду разбившийся корабль?

— Разумеется. Впечатляющее зрелище, правда?

Мэтт почувствовал, что самообладание покидает его.

— Неужели ты можешь стоять здесь и говорить, — произнес он тихим голосом, — что смерть одиннадцати человек — «впечатляющее зрелище»?

Берк смотрел на Мэтта непонимающим взглядом, затем рассмеялся.

— Извини, старина. Но мне даже не пришло в голову, что ты не знаешь элементарных вещей.

— Не знаю? Что я не знаю?

— С другой стороны, тебе и не следовало знать об этом. Успокойся, сынок, никто не погиб. Тебя просто обманули.

— Что ты хочешь этим сказать?

Берк сел и расхохотался так, что у него из глаз потекли слезы. Мэтт схватил его за плечо и встряхнул.

— Прекрати этот спектакль и объясни, что произошло!

Берк кончил смеяться, вытер слезы и посмотрел на Мэтта.

— Честное слово, Додсон, ты мне нравишься — где еще встретишь такого наивного деревенского пар-

ня. Скажи, ты веришь в деда Мороза и в то, что детей приносит аист?

— Перестань болтать!

— Неужели ты не понял, что делают с тобой, начиная с того момента, как ты прибыл сюда?

— Что делают со мной?

— Да ведь против тебя ведут психологическую войну, парень! Очнись! Разве ты не заметил, что некоторые тесты слишком легкие — настолько легкие, что нет смысла обманывать экзаменаторов? А когда тебя «тащили по ухабам», неужели ты не обратил внимания на то, что вам позволили подойти к самому краю обрыва и посмотреть вниз? Ведь вас запросто могли оставить внутри здания до начала испытаний!

Мэтт думал об этом. Это была интересная мысль — она соответствовала некоторым вопросам, на которые он не мог найти ответа.

— Дальше.

— Действительно, это превосходная идея — помогает избавиться от слабаков и парней настолько глупых, что они не могут устоять перед искушением обмануть экзаменаторов, которым даже не приходится в голову, что тесты рассчитаны именно на таких людей, как они. Причем такая идея действительно эффективна — офицер Патрульной Службы должен уметь думать, быстро действовать и логически мыслить. Можно сберечь деньги, которые в противном случае были бы затрачены на второсортные кадры.

— Ты назвал меня глупым, а ведь я выдержал все испытания.

— Разумеется, ты выдержал их, потому что у тебя девственно чистый разум. — Он снова засмеялся. — Я тоже выдержал все испытания. Но из тебя никогда не выйдет офицера Патрульной Службы, Мэтт. У них есть иные способы избавляться от честных, но глупых кандидатов. Ты сам в этом убедишься.

— Ну хорошо, предположим, я глуп. Только больше не смей называть меня юношей. Итак, как все это связано с катастрофой?

— Это элементарно просто. Им нужно избавиться от всего балласта еще до принятия присяги кандидатами. Среди них есть парни с желудками из чугуна, на

которые не влияют ухабы и все остальное. Поэтому офицеры Академии запускают ракетный корабль с роботом за пультом управления — без пилота и пассажиров — и разбивают этот корабль, чтобы напугать тех, кто не обладает железными нервами. Причем это куда дешевле, чем готовить одного курсанта, который в конце концов может не стать офицером.

— Откуда ты все это знаешь? Имеешь доступ к закрытым от нас сведениям?

— В некотором роде — да, имею. Это логическая необходимость — такие корабли не могут разбиться, если, конечно, их не разбивают намеренно.

— Пожалуй. Может быть, ты и прав. — Мэтт замолчал, не удовлетворенный объяснениями Берка, но у него не было весомых доказательств обратного. Впрочем, этот разговор укрепил его решимость в одном — он будет бороться за право стать курсантом, независимо от состояния желудка; по крайней мере, до тех пор, пока в списке кандидатов остается Жерар Берк — и уж, во всяком случае, никак не меньше 24 часов.

На их столе за ужином стояла надпись: «Стол 147, 149, 151, 153». За одним столом было достаточно места, чтобы разместить всех оставшихся кандидатов.

— Поздравляю вас, джентльмены, — обратился к ним курсант Саббателло с уважением в голосе. — Вы преодолели трудные испытания. Поскольку сегодня вечером вам предстоит принять присягу, наша следующая встреча будет уже в другом качестве. — Он улыбнулся. — Так что наслаждайтесь своим последним ужином, который вы будете есть как свободные люди.

Несмотря на утеранный завтрак и легкий обед, Мэтт ел мало. Его беспокоила интерпретация тестов Жераром Берком. Он по-прежнему собирался принять присягу, но его не покидало ощущение, что ему вот-вот предстоит сделать решающий шаг, а он все еще не понимает, что такое служба в Космическом Патруле.

После ужина что-то заставило его подойти к курсанту, в течение всех этих дней сидевшему во главе их стола, и обратиться к нему.

— Извините меня, мистер Саббателло, вы позволите мне поговорить с вами по личному вопросу?

— Что? Разумеется, идите со мной. — Он провел Мэтта к себе в комнату — она ничем не отличалась от комнаты, где жил Мэтт. — О чем вы хотели поговорить со мной?

— Мистер Саббателло, я хотел спросить вас о сегодняшней катастрофе. Кто-нибудь пострадал?

— Пострадал? Погибло одиннадцать человек. Вы считаете, про них можно сказать, что они «пострадали»?

— Вы уверены в этом, мистер Саббателло? Разве не могло случиться так, что корабль управлялся автоматически и внутри не было ни одного человека?

— Да, могло, но не в данном случае. Мне бы очень хотелось, чтобы все произошло так, как вы говорите; дело в том, что пилот корабля — мой близкий друг.

— Извините, сэр. Но я должен был задать этот вопрос. Ответ на него очень важен для меня.

— Почему?

Мэтт описал ему версию, изложенную Берком, не назвав его имени. Слушая Мэтта, Саббателло хмурился все больше и больше.

— Понятно, — кивнул он, когда Мэтт закончил рассказ. — Действительно, некоторые тесты носят скорее психологический, чем технический характер. А вот говоря о катастрофе, откуда у вас появилась такая невероятная версия?

Мэтт молчал.

— Ну хорошо, не будем говорить об этом. Если хотите, можете не выдавать свой источник. В конце концов, это не имеет значения. Но относительно катастрофы... — Саббателло задумался. — Я готов дать вам свое честное слово — нет, я даю честное слово, но раз вы приняли гипотезу своего товарища, вы не обратите никакого внимания на мои клятвы. — Он снова задумался. — Вы — католик?

— Э-э, нет, сэр. — Мэтт был удивлен таким вопросом.

— Впрочем, это неважно. Вы знаете, кем была Санта Барбара?

— Говоря по правде, сэр, я не уверен. Космодром...

— Да, космодром. Она приняла мученическую смерть в третьем веке. Но дело в том, что ее считают святой покровительницей всех, чья деятельность связана со

взрывчатыми веществами, включая ракетчиков. — Он помолчал. — Если вы пойдете в церковь, вам скажут, что завтра состоится месса, во время которой будут просить Санту Барбару спасти души тех, кто погиб сегодня. Думаю, вы понимаете, что ни один священник не согласится пойти на такой обман, о котором говорит ваш товарищ.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, сэр, — торжественно кивнул Мэтт. — Я не пойду в церковь — мне и так все ясно.

— Отлично. А теперь бегом к себе в комнату и начинайте готовиться. Вам будет очень неловко, если вы опоздаете на собственную присягу.

Первая Поверка была назначена на двадцать один час в центральном зале. Мэтт пришел одним из первых, начисто выбритый, в чистом комбинезоне. Курсант, стоящий у входа, записал его фамилию и предложил подождать в зале. Мэтт увидел, что все стулья были убраны из зала. В дальнем его конце, над сценой, висела эмблема Федерации — три переплетенных кольца, символизирующих Свободу, Мир и Справедливость. Кольца были соединены одно с другим таким образом, что стоило удалить одно из них, как вся эмблема рассыпалась. Под эмблемой Федерации виднелась эмблема Космической Патрульной Службы — звезда, сияющая в ночи.

Текс едва не опоздал. С трудом переводя дыхание, он подошел к Мэтту и поздоровался с ним; и в это же мгновение курсант, стоящий на сцене, скомандовал в микрофон:

— Внимание! Всем собраться в левой части зала. — Кандидаты выстроились в компактную группу. — Оставайтесь здесь до начала поверки. Когда назовут вашу фамилию, отвечайте: «Здесь» и переходите на противоположную сторону зала. Там на полу нанесены белые линии. Выстраивайтесь вдоль них.

Еще один курсант спустился со сцены и подошел к столпившимся кандидатам. Остановился, взял один листок бумаги из четырех, которые держал в руке, и протянул его Тексу.

— Вот вы, мистер, — сказал он. — Возьмите.

Озадаченный Джермэн взял листок и с удивлением посмотрел на курсанта:

— Зачем?

— Услышав свое имя, вы ответите: «Здесь!» Когда произнесут фамилию, написанную на этом листке, сделайте шаг вперед и скажите: «Он погиб. Я заменю его».

Текс взглянул на листок. Мэтт заметил, что там было написано: «Джон Мартин».

— Кто это? — спросил Текс.

— Вам незнакомо это имя? — озадачено спросил курсант.

— Нет.

— Тогда вот что. Тогда считайте, что это ваш друг, который не смог явиться на проверку. Вы отвечаете вместо него, чтобы все думали, что он здесь. Ясно?

— Да, сэр. Ясно.

Курсант пошел дальше. Текс повернулся к Мэтту.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Нет.

— И я ничего не понимаю. Может быть, дальше станет ясно.

Курсант, стоящий на сцене, скомандовал в микрофон:

— Внимание! Начальник Академии!

Из двери в задней половине зала вышли два офицера, одетых в черные мундиры. Тот, что помоложе, шел так, что его рукав касался локтя старшего офицера. Они вышли на середину зала; молодой офицер остановился. Старший офицер мгновенно последовал его примеру, после чего адъютант отошел в сторону.

Начальник Академии стоял, повернувшись к новому классу. Он застыл на месте, глядя куда-то в сторону. Шли минуты. Кто-то кашлянул; послышался шорох ботинок по полу зала. В следующее мгновение офицер повернул к юношам голову.

— Добрый вечер, джентльмены.

Глядя на него, Мэтт отчетливо вспомнил замечание курсанта Саббателло: «Он не слепой, мистер Додсон!» Глаза коммодора Аркрайта выглядели как-то странно: глазницы уходили глубоко в голову, и веки были опущены, как у задумавшегося человека. И тем не менее, если взгляд этих невидящих глаз остановится на нем,

Мэтт был уверен, что коммодор не только увидит его, но и сможет заглянуть внутрь головы и прочесть мысли.

— Я приветствую вас как новых членов нашего братства. Вы приехали сюда из разных стран, некоторые — с других планет. У вас различный цвет кожи, и вы принадлежите к разным вероисповеданиям. Несмотря на все это, вы должны стать и станете братьями.

Кое-кто из вас тоскует по дому. Прислушайтесь к моему совету — не нужно тосковать. С сегодняшнего дня каждая из планет нашей Федерации — это ваш дом, такой же, как и все остальные. Каждое живое, мыслящее существо в нашей Солнечной системе — это ваш сосед, и на вас возлагается ответственность за его благополучие.

Сейчас вы произнесете слова присяги, принять которую вы согласились добровольно, и станете членами Космической Патрульной Службы. Со временем вы станете офицерами Космического Патруля. Нужно, чтобы вы поняли, какую ответственность вы принимаете на себя. Вы проведете бесчисленные часы, готовясь овладеть своей новой профессией, приобретая навыки космонавта и профессионального военного. Вы овладеете знаниями и навыками, но не они сделают вас офицерами Патрульной Службы.

Коммодор задумался, затем продолжал:

— Офицер, командующий кораблем Патрульной Службы вдали от места базирования, является последним из абсолютных правителей, потому что остановить его может только он сам. Он бывает по долгу службы в местах, где не существует иной власти. Только он должен представлять собой закон и господство разума, справедливости и милосердия.

Более того, членам Патрульной Службы — как поодиночке, так и всем вместе — дано самое ужасное оружие, самая страшная сила, которая может принудить или уничтожить, превозмочь любую другую известную нам силу; и вместе с этой силой им доверено сохранять мир в нашей Солнечной системе и защищать гражданские права народов, ее населяющих. Члены Патрульной Службы — это солдаты свободы.

Недостаточно быть умным, смелым, умелым; те, кому доверена эта ужасная власть, каждый из них, долж-

ны владеть безукоризненным чувством чести, дисциплины, не дающим проявиться честолюбию, тщеславию или жадности; уважать права, свободу и достоинство всех существ и иметь нестигаемую волю, направленную на торжество справедливости и милосердия. Этот человек должен быть подлинным рыцарем.

Коммодор смолк, и в огромном зале воцарилась абсолютная тишина. Затем он произнес:

— Пусть те, кто готовы принять присягу, построятся для переклички.

Курсант, выполнявший роль адъютанта, вышел вперед.

— Адамс!

— Э-э, здесь, сэр! — Кандидат поспешно перешел на другую сторону зала.

— Акбар!

— Здесь!

— Альварадо!

— Здесь!

— Андерсон, Питер...

— Андерсон, Джон...

— Анжелико...

Наконец курсант произнес:

— Дэйна... Делакруа... Доббс... Додсон!

— Здесь! — выкрикнул Мэтт тонким голосом, однако никто не засмеялся. Он поспешил на другую сторону зала, встал на свое место и замер в ожидании.

Перекличка продолжалась:

— Эдди...

— Эйзенхауэр...

Юноши переходили на другую сторону зала. Наконец курсант вызвал последнего кандидата:

— Цахм!

Выкрикнув: «Здесь!», последний юноша пересек зал. Однако перекличка не закончилась.

— Дальквист! — торжественно произнес курсант.

Тишина...

— Дальквист! — повторил курсант. — Эзра Дальквист!

Мэтт почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Теперь он узнал это имя, но ведь Дальквиста не было здесь, его не могло быть в зале. Мэтт был

уверен в этом, он вспомнил фотографию улыбающегося молодого человека на фоне раскаленных песков Луны, которую Мэтт видел в нише купольного зала.

Позади Мэтта послышалось какое-то движение. Юноша, стоявший за Мэттом, сделал шаг вперед и произнес:

— Я заменяю Эзру Дальквиста!

— Мартин!

На этот раз замешательства не последовало. Мэтт услышал голос Текса:

— Я заменяю его!

— Ривера!

— Я заменяю Риверу! — раздался чей-то звучный голос.

— Уилер!

— Я заменяю Уилера!

Курсант повернулся к начальнику Академии, отсалютовал ему и произнес:

— Проверка закончена, сэр. Все на месте. Класс 2075-го года готов к присяге!

Мужчина в черном мундире отдал ответный салют.

— Благодарю вас, сэр. Начнем присягу. — Коммодор Аркрайт подошел ближе, курсант следовал рядом с ним, касаясь рукавом его локтя. — Поднимите правую руку. — Коммодор поднял правую руку вместе со всеми. — Повторяйте за мной: «По моему собственному желанию, безо всяких сомнений...»

— По моему собственному желанию, безо всяких сомнений...

— Я клянусь хранить мир в Солнечной системе...

Хор юношеских голосов повторял слова присяги за коммодором.

— ...защищать законные права и свободы народов, ее населяющих...

— ...охранять конституцию Солнечной Федерации...

— ...выполнять обязанности, мне порученные...

— ...и повиноваться законным приказам старших офицеров...

— Для выполнения этих обязанностей я обязуюсь хранить преданность данной мной присяге и отказаться от всего, что противоречит ей.

И в этом я торжественно клянусь. Да поможет мне Бог, — закончил коммодор Аркрайт.

Мэтт повторил его слова и услышал, как вокруг прозвучали те же слова на десятках разных языков.

Коммодор повернулся к стоящему рядом курсанту.

— Дайте команду разойтись, сэр, — сказал он.

— Так точно, сэр! — Курсант посмотрел на ряды кандидатов, принявших присягу. — После команды разойтись, — громко произнес он, — всем повернуться направо и направиться к выходу. Не нарушать строя, пока не покинете зал. Разойтись!

Сразу после команды зал наполнился звуками музыки; новые курсанты направились к выходу в сопровождении марша «Долгая вахта» Космической Патрульной Службы. Когда последний скрылся за дверью, музыка стихла.

Коммодор подождал, пока юные курсанты не вышли из зала, и повернулся. Его адъютант, затянутый в черный мундир офицера Патрульной Службы, тут же появился рядом, а курсант, временно исполнявший обязанности адъютанта, быстро отошел в сторону. Коммодор Аркрайт окликнул его.

— Одну минуту, мистер Барнс.

— Слушаю, сэр.

— Вы готовы к представлению на офицерское звание?

— Думаю, что не готов, сэр. Пока не готов.

— Вот как? Ну что ж, зайдите ко мне, когда будете готовы.

— Так точно, сэр. Спасибо.

Коммодор повернулся и быстрыми шагами направился к двери рядом со сценой. Возле него шел адъютант, касаясь рукавом его локтя.

— Ну, Джон, что вы думаете о них? — спросил коммодор.

— Прекрасные парни, сэр.

— Я тоже так думаю. Молодость, задор, юношеские надежды. Но скольких нам придется отсеять? Это очень грустно, Джон: мы берем юношу и меняем его жизнь так, что он перестает быть обычным членом

общества, затем выбрасываем его как непригодного. Ведь это жестоко!

— У нас нет другого выхода, сэр.

— Действительно, мы не можем поступать иначе. Вот если бы у нас был волшебный пробный камень... Передайте на космодром, что я хочу взлететь через тридцать минут.

— Будет исполнено, сэр.

В космос

У Академии Патрульной Службы недостаточно, наверное, зданий со стенами, затянутыми плющом, и тенистых дорожек, по которым прогуливаются курсанты, зато у нее более чем достаточно учебных помещений. Курсанты Академии находятся во всех уголках Вселенной: от кораблей, летающих на орбитах вокруг Венеры или составляющих карты выжженной поверхности Меркурия, до кораблей, патрулирующих луны Юпитера.

Если курсанты летят на кораблях, отправляющихся в многолетние экспедиции к застывшим от вечного холода краям Солнечной системы, то получают офицерское звание, как только командиры их кораблей приходят к выводу, что курсанты готовы стать офицерами уже сейчас, не ожидая возвращения на Землю.

Многие думают, что Академия Патрульной Службы — это Патрульный Ракетный корабль, или ПРК, как называют его космонавты, — «Джеймс Рэндольф», но даже каждая столовая для курсантов на любом корабле Патрульной Службы составляет частицу Академии. Курсантов-новичков отправляют на «Рэндольф» сразу после принятия присяги, и они остаются на борту учебного корабля до тех пор, пока не будут готовы к выпуску. Ну и после этого подготовка курсанта продолжается; со временем его отзовут обратно в Хэйуорт

Холл, откуда он начал свой путь в космос, там и завершится его обучение. После нескольких лет пребывания в Академии курсант не обязательно окажется в Хэйурт Холле. Его могут послать в радиационную лабораторию Оксфордского университета или в Сорбонну, изучать космическое право, а то и на Венеру, в Институт системного анализа. Каким бы ни был его путь — никто из курсантов не повторяет процесс обучения другого, — Академия по-прежнему руководит им и несет ответственность до тех пор, пока курсант не станет офицером, если он вообще им станет.

Срок пребывания в Академии зависит от самого курсанта. Курсант Хартстоун, юноша поразительного таланта и редких способностей, — он погиб во время первой экспедиции к Плутону, — стал офицером через год после прибытия зеленым кандидатом в Хэйурт Холл. Однако нередки случаи, когда на базе Терры оказываются курсанты, проходящие обучение на протяжении пяти и даже больше лет.

Курсант Мэттью Додсон восхищенно смотрел на свое отражение в зеркале освежителя. Он был одет в светло-серую форму, которую обнаружил у себя в комнате после возвращения с Первой Поверки. Рядом лежала маленькая книжка правил и наставлений, где было вытеснено его имя. К книжке скрепкой приколот листок бумаги со списком его новых обязанностей. Крупными буквами на верху листа было напечатано:

«Вашей первой обязанностью как курсанта является немедленное прочтение книги правил и наставлений. Начиная с этого момента, вы несете ответственность за их выполнение».

Мэтт принялся за чтение и читал книжку до самого отбоя. Его голова была переполнена массой непонятных — по крайней мере сразу — и наполовину понятных правил: «В определенном, ограниченном смысле курсант является офицером Патрульной Службы... вести себя с достоинством и самообладанием, соответствующими ситуации... воздерживаться от нарушения местных обычаев, в случае, если они не нарушают законы Федерации или правила Патрульной Службы... однако ответственность при определении законности приказа возлагается на лицо, его получившее, равно

как и на того, кто этот приказ отдал... обстоятельства, которые не оговорены законами или правилами, должны истолковываться самим курсантом в свете существующих традиций Патрульной Службы... курсант обязан всегда быть чисто выбритым и с прической, не превышающей два дюйма в длину».

Мэтт решил, что последнее правило ему понятно.

Он проснулся еще до сигнала подъема, бросился в освежитель, поспешно побрился, хотя в этом не было необходимости, и надел новую форму.

Ткань светло-серого комбинезона хорошо облегла его ладную фигуру, ему же казалось, что сшит он идеально и очень красиво. На самом деле на форменном комбинезоне не было никаких отличий, украшений и знаков, да и покрой, хотя и был вполне приличный, был далек от щегольского. Однако Мэтту казалось, что новая форма поистине великолепна.

Берк постучал в дверь освежителя.

— Ты что, заснул? — Он сунул внутрь голову. — А-а, какой красавчик. А теперь выметайся!

— Выхожу.

Мэтт еще несколько минут бродил по комнате, наконец, сгорая от нетерпения, сунул книжку в карман (параграф устава 383) и направился в столовую. Он шел по коридору, гордый и взволнованный, чувствуя себя на вершине блаженства. Он сел за стол. Остальные места были еще свободны — Мэтт пришел первым. Один за другим подходили курсанты. Курсант Саббателло был одним из последних.

Он мрачно оглядел сидящих за столом.

— Внимание! — скомандовал он. — Всем встать!

Мэтт вскочил на ноги вместе с остальными курсантами. Саббателло опустился на стул.

— Отныне, джентльмены, извольте ждать, пока не сядут старшие. А теперь можете сесть. — Он посмотрел на кнопки перед собой, выбрал блюда и нажал несколько кнопок, затем снова посмотрел на курсантов. Новички продолжали есть. Саббателло резко постучал по столу. — Минуту внимания, джентльмены. Вам необходимо привыкнуть к правилам поведения во время еды. И чем быстрее вы это сделаете, тем лучше для вас. Мистер Додсон, перестаньте макать хлеб в

молоко, вы капаете на свой комбинезон. В связи с этим, — продолжал Саббателло, — мне хотелось бы напомнить вам о поведении за столом...

Мэтт вернулся в свою комнату в подавленном настроении.

По пути из столовой он зашел к Тексу; тот сидел на койке и листал книжку с правилами и наставлениями.

— Привет, Мэтт! — поднял голову Текс. — Слушай, ты не знаешь, есть ли в этой библии правило, дающее мистеру Динковски право запретить мне дуть на кофе?

— Вижу, тебе тоже досталось. Что произошло?

— Сначала я думал, что Динко — хороший парень, сговорчивый и заботливый. Но сегодня за завтраком он начал с того, что поинтересовался, как это я ухитряюсь носить с собой весь этот штрафной вес. — Текс глянул на свою талию, и Мэтт впервые с удивлением заметил, что в светло-серой форме курсанта, обтягивающей его тело, Текс выглядит, мягко говоря, полным. — Мы все Джермэны — плотного телосложения, — начал оправдываться Текс. — Ты посмотрел бы на моего дядю Боди. Когда он...

— Да хватит тебе, — прервал его Мэтт. — Я уже наслушался рассказов про дядю Боди.

— Пожалуй, ты прав. В любом случае, мне не следовало терять самообладание.

— Вот это верно, — кивнул Мэтт и принялся листать устав. — Вот, смотри, может быть, это касается тебя. Здесь говорится, что, если возникают сомнения, офицер, отдающий приказ, должен — по твоей просьбе — дать его в письменном виде и приложить отпечаток большого пальца или использовать другие средства для того, чтобы осталось постоянное доказательство.

— Ну-ка, где это? — Текс схватил книжку. — Ну конечно, это относится ко мне — ведь я действительно сомневаюсь в правомерности приказа. Вот хорошо-то! Представь себе, какое у него будет лицо, когда я сошлюсь на этот параграф!

— Да, это будет интересно, — согласился Мэтт. — Тебя как отправляют на космический корабль, Текс?

Мэтт задал этот вопрос потому, что Патрульный Ракетный корабль «Симон Боливар» находился на кос-

модроме в Санта Барбаре, высадив батальон космических пехотинцев. Однако ПРК «Боливар» мог захватить на обратном пути всего половину нового класса курсантов. Остальным предстояло отправиться гражданским шаттлом, запускаемым с катапульты пика Пайк на космическую станцию Терра, и уже оттуда совершить полет на учебный корабль «Рэндольф».

— На «Боливаре», — ответил Текс. — А тебя, Мэтт?

— Я тоже лечу на транспортном корабле. Мне хотелось бы побывать на космической станции, но лететь на патрульном корабле интереснее. Ты что берешь с собой?

Текс вытащил свой рюкзак и прикинул его на вес.

— Да, это будет непросто. Здесь у меня не меньше пятидесяти фунтов. Как ты думаешь, если я упакую все это поплотнее, сумею уложиться в двадцать фунтов?

— Интересная теория, — согласился Мэтт. — И все-таки давай посмотрим на твоё барахло, может быть, мы сумеем избавиться от тридцати фунтов штрафного веса.

Джермэн выложил на пол свои вещи.

— Так, — сразу произнес Мэтт, — вот эти фотографии тебе не понадобятся. — Он показал на двенадцать объемных стереофотографий, каждая из которых весила не меньше фунта.

— Оставить на Земле мой гарем? — спросил потрясенный Текс. — Вот это, — он взял одну из фотографий, — самая прелестная блондинка в долине Рио-Гранде. — Текс поднял другую. — А вот Смитти, я не могу обойтись без Смитти. Она считает меня самым лучшим парнем!

— Неужели ее мнение изменится, если ты не возьмешь с собой ее фотографию?

— Нет, конечно, но это недостойно джентльмена. Впрочем, придется согласиться с тобой.

— А чтобы компенсировать свою утрату, — предложил Мэтт, — возьми гармонику. Мне нравится музыка. А фотографии можно переснять на микроплёнку. Остальное выброси.

— Тебе легко говорить, — уныло заметил Текс.

— У меня такая же проблема, — напомнил ему Мэтт и пошел к себе.

Сегодня у класса не было занятий — курсантам предоставили время для подготовки к перелету на учебный космический корабль. Это был их последний день на Земле. Мэтт разложил свои вещи. Гражданскую одежду он пошлет, разумеется, домой вместе с телефоном — все равно дальность его действия ограничена наземными релейными станциями.

«Надо не забыть позвонить домой, — напомнил себе Мэтт. — Пожалуй, стоит сделать еще один звонок, хотя он и решил не тратить время на девушек в своей новой жизни. И все-таки надо позвонить, хотя бы из вежливости, и попрощаться. Так он и поступит».

Мэтт позвонил домой, поговорил с родителями и младшим братом, потом позвонил своей девушке. Через несколько минут он положил трубку, озадаченный тем, что, оказывается, обещал регулярно с ней переписываться. Он сидел, глядя на оставшиеся вещи и задумчиво почесывая затылок. В этот момент вошел Берк.

— Вижу, ты пытаешься избавиться от штрафного веса? — ухмыльнулся он.

— Придумаю что-нибудь.

— А не надо ничего придумывать. Все и так ясно.

— Что ясно?

— Пошли свои вещи на космическую станцию Терра грузовым кораблем. Возьми в аренду шкаф для хранения и уложи их туда. Затем, когда получишь увольнительную на станцию, захвати на обратном пути все, что тебе нужно. Если вещи, которые ты хочешь доставить на борт «Рэндольфа», могут вызвать сомнения у начальства, спрячь их и провези тайком.

Мэтт молчал.

— Ты чего молчишь, благородный Галахад? Боишься быть уличенным в контрабанде?

— Нет. У меня нет шкафчика на станции Терра.

— Ладно, если тебе жаль денег, чтобы арендовать шкафчик, пошли вещи на мой номер. Услуга за услугу.

— Нет, спасибо. — Мэтт подумал о том, чтобы послать вещи в почтовое отделение станции, но потом отказался от этой мысли — слишком дорого. Он принялся сортировать вещи. Мэтт решил взять фотоаппа-

рат, оставив на Земле устройство для перевода снимков на микропленку, и шахматы. Наконец ему удалось сократить количество вещей, которые он хотел бы взять с собой, до, как он надеялся, двадцати фунтов; Мэтт уложил багаж и пошел его взвешивать.

На следующий день подъем и завтрак были перенесены на час раньше. Сразу после завтрака в Хэйуорт Холле провели поверку, на которую позвали звуки марша «Корабль — на взлет!», волнующие души курсантов. Мэтт перекинул через плечо ремни рюкзака и поспешил вдоль подземных коридоров. Он протиснулся через толпу молодых взволнованных курсантов и отыскал свое место в строю.

Поверка проводилась повзводно, и Мэтт был временно назначен командиром взвода, потому что его фамилия стояла первой в списке. Ему дали список курсантов его взвода еще до завтрака; он сунул руку в сумку, прикрепленную к поясу, и на мгновение его охватил страх — уж не забыл ли он список у себя в комнате? Страх оказался напрасным — в следующий момент пальцы коснулись листа бумаги.

— Додсуорт!

— Здесь.

— Данстэн!

— Здесь.

Мэтт еще вызывал Фрэнкеля, Фрейда и Фанстона, когда старший курсант, командующий поверкой всего класса, потребовал от него доклада. Он поспешно закончил поверку, повернулся кругом, отсалютовал и доложил:

— Девятнадцатый взвод — поверка закончена, все на месте!

Кто-то за его спиной хихикнул, и Мэтт понял, что отдал скаутский салют, а не свободный, открытой ладонью салют Патрульной Службы. Его щеки запылали.

Из динамиков донесся многократно усиленный металический голос:

— Доложить о готовности!

Старший курсант отрапортовал, наступила короткая тишина, и из динамиков донеслось:

— Дальквист!

Чей-то голос, слышный через громкоговоритель, ответил:

— Я за него!

Затем были названы имена остальных членов знаменитой Четверки, и из динамиков донеслось:

— Все на месте, сэр.

— Начать посадку на корабль.

Курсанты прошли по коридору и оказались в огромном подземном зале глубоко под космодромом Санта Барбара. Вокруг зала были открыты двери больших лифтов. Мэтт и его взвод вошли в один из них, и лифт начал поднимать их вверх.

Курсанты поднимались все выше и выше, намного выше, чем это было необходимо для того, чтобы взойти на борт учебного ракетного корабля. Наконец лифт остановился у люка в огромном корпусе «Боливара».

Курсанты перешли по трапу внутрь корабля. В шлюзе стоял сержант космической пехоты в красивой форме, украшенной множеством нашивок, знаков и медалей, и повторял: «Седьмая палуба! Вниз на свою палубу через люк — да поживее!» Он показал на люк, внутри которого начиналась узкая металлическая лестница, круто уходящая вниз.

Мэтт закрепил рюкзак на плече и начал спускаться по вертикальной лестнице, стараясь двигаться как можно быстрее, чтобы следующий за ним курсант не наступал ему на пальцы. Он потерял счет палубам, но на каждой из них стоял сержант, выкрикивающий номер палубы. Когда Мэтт услышал возглас: «Третья палуба!», он сошел с лестницы и оказался в широком круглом помещении с низким потолком. Весь пол был устлан толстым слоем поролона, разделенным белыми линиями на секции: каждая семь на три фута и с ремнями безопасности.

Мэтт нашел свободную секцию, сел на нее и стал ждать. Наконец курсанты перестали спускаться по лестнице, и каждая секция на палубе оказалась заполненной. Сержант пересчитал их, проверяя, нет ли свободных секций.

— Внимание, всем приготовиться к взлету! — донеслось предупреждение из громкоговорителей.

Сержант дал команду всем курсантам пристегнуться и стоял, наблюдая за ними, пока приказ не был исполнен. Затем он тоже лег на свою секцию, взялся руками за поручни и доложил, что третья палуба готова к взлету.

Наступило томительное ожидание.

— Взлет! — прозвучала команда.

Мэтт почувствовал, как его спина вдавилась в толстый слой поролона.

Космическая станция Терра и учебный корабль «Рэндольф» находились на кольцевой орбите на расстоянии в 22 тысячи 300 миль от поверхности Земли и совершали один виток вокруг планеты ровно за двадцать четыре часа — естественный период для любого небесного тела на такой высоте.

Поскольку период обращения Земли вокруг своей оси точно соответствует этому периоду, они всегда находятся над одной стороной Земли, точнее говоря, над девянатым западным меридианом. Их орбита лежит в эклиптике — плоскости земной орбиты вокруг Солнца, а не в плоскости земного экватора. Это приводит к тому, что для наблюдателя, находящегося на поверхности Земли, они ежедневно перемещаются к северу и югу. Когда на Среднем Западе полдень, космическая станция Терра и учебный корабль «Рэндольф» находятся над Мексиканским заливом; в полночь — над южной частью Тихого океана.

Штат Колорадо движется на восток со скоростью 830 миль в час. Космическая станция Терра и «Рэндольф» тоже движутся на восток со скоростью около 7 тысяч миль в час, или, если быть точным, 1,93 мили в секунду. Пилоту «Боливара» было необходимо привести свой корабль к «Рэндольфу» с безошибочно рассчитанными скоростью и курсом. Для этого требовалось, чтобы он вырвал свой корабль из гравитационного поля нашей тяжелой планеты, направил его по эллиптической орбите, касательной к круговой орбите «Рэндольфа», таким образом, чтобы, когда орбиты обоих кораблей соприкоснутся, их скорости сравнялись и корабли стали неподвижны по отношению друг к другу, одновременно перемещаясь в пространстве со скоростью двух миль в секунду. Подобный маневр был куда сложнее,

чем приземление вертолета на посадочной площадке, поскольку скорости двух кораблей — невыравненные — будут отличаться на 3 тысячи миль в час.

Перелет «Боливара» из Колорадо к «Рэндольфу» и все остальные передвижения, связанные с путешествиями между планетами, подчиняются точным и elegantным расчетам, основанным на четырех законах, впервые сформулированных праведным, хотя и рассеянным, сэром Исааком Ньютоном почти за четыреста лет до полета «Боливара», — трех Законах Движения и Законе Всемирного Тяготения. Сами по себе законы просты; их применение в космическом пространстве, для того чтобы доставить вас туда, где вы хотите оказаться в нужное время, с нужной скоростью и в соответствии с курсом, представляет собой процесс сложных математических вычислений.

«Вес», который вдавливал Мэтта в мягкий матрас, был результатом четырехкратного увеличения силы тяжести — сейчас он весил почти шестьсот фунтов. Он лежал, вытянувшись и тяжело дыша, пока корабль пробивал дорогу через толстый слой атмосферы по пути в космическое пространство. Тяжелый вес, прижимавший курсантов к палубе, будет продолжать действовать на них, пока «Боливар» не достигнет скорости шесть миль в секунду, поднявшись на высоту около тысячи миль над поверхностью Земли.

По истечении чуть больше пяти минут тяговые двигатели выключились.

Когда в отсеке воцарилась такая нестерпимая тишина, что у Мэтта зазвенело в ушах, он поднял голову. Сержант заметил движение и рывкнул:

— Остаться на местах, не двигаться!

Мэтт опустил голову и расслабился. Они находились в состоянии свободного падения, невесомости, хотя «Боливар» уносился от земной поверхности со скоростью больше, чем двадцать тысяч миль в час. Любое тело в космическом пространстве — планета, корабль, метеор, атом — непрерывно падает. Кроме того, оно продолжает движение по той орбите, которая была задана ему раньше.

Мэтт отчетливо сознавал, что они в состоянии невесомости, потому что его желудок жаловался не

переставая. Чтобы не рисковать, он достал из рюкзака санитарный пакет и держал его наготове. Мэтт подташнивало, но он все-таки чувствовал себя куда лучше, чем во время первого испытательного полета или когда их «тащили по ухабам». Он надеялся, что ему удастся сохранить завтрак.

Из динамика донеслось: «Конец ускорения. Начались четыре часа свободного падения».

Сержант космической пехоты сел.

— Можете отстегнуть ремни, — скомандовал он.

Через несколько секунд отсек превратился в переполненный аквариум. Сотня юношей плавала и поворачивалась на разной высоте и в самом разном положении в пространстве между палубой и потолком. Впрочем, эти две перегородки больше не казались палубой и потолком, поскольку понятия «верх» и «низ» исчезли; они превратились в стены, которые медленно и беспорядочно вращались для каждого курсанта, тело которого кувыркалось в воздухе.

— Эй, парни! — крикнул сержант. — Схватитесь за что-нибудь и слушайте меня!

Мэтт оглянулся по сторонам, увидел рядом поручень и вцепился в него.

— Нужно овладеть элементарными правилами передвижения в невесомости. Это необходимо, иначе вы постоянно будете сталкиваться друг с другом. Если по пути вам встретится капитан и вы столкнетесь с ним, он вряд ли останется доволен. Понятно? — Сержант поднял покрытый шрамами большой палец. — Итак, правило номер один. Все наземные космонавты — а это относится именно к вам — должны все время держаться за что-нибудь хотя бы одной рукой. Это правило будет выполняться вами до тех пор, пока вы не пройдете обучение акробатике невесомости. Правило номер два: пропускать всех офицеров, не ожидая, когда они крикнут: «С дороги!» Кроме того, вы обязаны пропускать всех, у кого заняты руки, кто несет вахту или выполняет другие служебные обязанности.

Если вы двигаетесь в сторону кормы, расходитесь со встречными, придерживаясь внутренней — по отношению к оси корабля — стороны коридора. Когда

вы перемещаетесь по часовой стрелке, ведя отсчет от носа, то пропускаете встречного, придерживаясь внешней стороны коридора. Независимо от того, в каком направлении вы двигаетесь, обгоняйте вдоль внутренней стороны по отношению к нему. Все понятно?

Мэтт подумал и решил, что понятно, хотя и сомневался, что сразу запомнил инструктаж сержанта. Однако ему пришло в голову, что существует еще одна возможность, которую не упомянул сержант.

— Послушайте, сержант, — спросил он, глядя на него невинным взглядом, — предположим, я двигаюсь прямо от центра корабля, как поступить тогда?

На лице сержанта появилась презрительная улыбка, показавшаяся Мэтту какой-то странной, потому что они с сержантом висели вверх ногами по отношению друг к другу.

— Тогда с вами произойдет то же, что случается с теми, кто переходит дорогу в неположенном месте. Итак, вы двигаетесь наперерез потоку движения: старайтесь не сталкиваться ни с кем. Это ваша задача. Еще вопросы? — Вопросов не было. Сержант продолжал: — Теперь можете отправляться и осмотреть корабль; только постарайтесь никому не мешать, чтобы не опозорить нашу третью палубу.

На третьей палубе нет иллюминаторов, однако «Боливар» был космическим кораблем, рассчитанным на длительные перелеты; у него имелись комнаты отдыха с иллюминаторами. Мэтт направился к носу корабля, надеясь взглянуть на быстро удаляющуюся Землю.

Он твердо запомнил, что обгонять нужно вдоль внутренней стены коридора и расходиться со встречными по внешней, однако некоторые пассажиры, судя по всему, не получили соответствующий инструктаж или не поняли его смысл. Около каждого люка виднелся затор, состоящий из курсантов, пытающихся выбраться со своей палубы и посетить другую — обязательно ту, у которой есть иллюминаторы.

Как выяснилось, шестая палуба служила комнатой отдыха. Здесь была корабельная библиотека, запертая сейчас, а также игровые автоматы, которые тоже были

на замке. Однако в стенах комнаты отдыха находилось шесть огромных иллюминаторов.

При взлете в комнате отдыха также располагались пассажиры. Теперь, в состоянии невесомости, сюда постепенно перебрались курсанты с остальных палуб. Подобно Мэтту, они надеялись посмотреть на Землю или хотя бы выглянуть в космос. В то же самое время те курсанты, которые были размещены на шестой палубе при взлете, не изъявляли желания покидать ее.

Комната отдыха была переполнена. Она была набита курсантами до отказа, как корзинка с котятками. Мэтт отстранил рукой чей-то ботинок, норовивший влезть ему в левый глаз, и попытался пробиться к одному из панорамных иллюминаторов. Усиленно работая коленями и локтями, а также не обращая ни малейшего внимания на правила расхождения при встрече, Мэтт сумел добраться до второго или третьего ряда курсантов, уставившихся в иллюминатор. Он положил руку на плечо курсанта впереди себя и постарался отодвинуть его в сторону. Возмущенный юноша обернулся.

— Эй, послушай! Ты чего это толкаешься? А, это ты, Мэтт. Здравствуй!

— Привет, Текс. Как дела?

— Вроде, в порядке. Жаль, что тебя не было здесь несколько минут назад. Мы пролетали мимо спутника связи, совсем рядом. Ты бы только видел, с какой скоростью наш корабль промчался мимо него. Спутник только показался и тут же исчез за кормой. Я даже не успел как следует рассмотреть его. К тому же он был от нас милях в десяти.

— А Землю видно? — поинтересовался Мэтт, двигаясь поближе к иллюминатору.

— Конечно. — Текс отодвинулся в сторону, и Мэтт занял его место.

Угол иллюминатора прорезал середину южной Атлантики. Мэтт видел дугу, простирающуюся почти от Северного полюса до экватора. Над Атлантикой царил полдень. За ней Мэтт видел Британские острова, Испанию и металлический отблеск песков Сахары, залитых ярким солнечным светом. Коричневые и зеленые цвета суши резко контрастировали с темно-пурпурным океаном. Еще резче выделялись ослепительно-белые обла-

ка. Взгляд Мэтта переместился к отдельной выпуклой дуге горизонта. Там все детали как-то смывались, казались слегка расплывчатыми и создавали впечатляющий стереозффект глубины, трехразмерной выпуклости — планета действительно была круглой! И не только круглой, но также зеленой и такой прекрасной! Мэтт заметил, что у него захватило дыхание. Чувство тошноты бесследно исчезло.

Кто-то потянул его за ногу.

— Эй, послушай, ты что, весь день хочешь здесь оставаться? Дай нам тоже посмотреть.

С чувством сожаления Мэтт уступил место другому курсанту. Он повернулся, оттолкнулся от иллюминатора, выплыл в середину отсека и потерял при этом ориентировку. В беспорядочной толпе тел Мэтт не мог отыскать Текса.

Тут он почувствовал, что его схватили за лодыжку.

— Я здесь, Мэтт. Давай уйдем отсюда.

— Хорошо, Текс.

Они сумели доплыть до люка и переместились на следующую палубу. Поскольку здесь не было иллюминаторов, она оказалась почти пустой. Мэтт с Тексом медленно проплыли до стены и схватились за поручни.

— Ну вот мы и в космосе, — заметил Мэтт. — Как ты себя здесь чувствуешь?

— Подобно рыбе в аквариуме. И у меня стремительно развивается косоглазие, оттого что я все время пытаюсь определить, где верх. Как у тебя с желудком? В порядке?

— Нет. — Мэтт осторожно проглотил слюну. — Давай не будем говорить об этом. Где ты был вчера? Я заходил к тебе пару раз, но твой сосед по комнате сказал, что не видел тебя после ужина.

— А, ты об этом... — На лице Текса появилось смущенное выражение. — Я был у мистера Динковски. Между прочим, Мэтт, ну и шутку ты со мной выкинул!

— Какую шутку?

— Помнишь, ты посоветовал мне обратиться к мистеру Динковски, чтобы он дал свое распоряжение относительно кофе в письменном виде, раз у меня воз-

никли сомнения в его правоте. Ты даже не представляешь, в каком дурацком положении я оказался!

— Одну минуту, Текс, я ничего тебе не советовал; просто обратил твое внимание на то, что устав позволяет тебе потребовать это.

— Все равно, ты завел меня.

— Да ничего не заводил! Мой интерес был чисто теоретическим. Ты мог поступать, как считал нужным.

— Ну ладно, забудем про это.

— Так что же произошло?

— Вчера за ужином я заказал на десерт пирог. Взял его в руку, я делал так всегда, с того самого момента, как подрос, и мама устала шлепать меня по рукам, и принялся есть его, откусывая большие куски и засовывая их в рот, счастливый, как щенок на клумбе. Динко приказал мне прекратить это безобразие и есть пирог вилкой.

— Вот как? И что было дальше?

— Я ответил, что мне нужно его письменное распоряжение.

— После этого он отстал от тебя?

— Ничуть! Он ответил: «Как вам угодно, мистер Джермэн», самым спокойным голосом, достал записную книжку, написал, что предложил мне есть пирог вилкой, поставил отпечаток большого пальца, вырвал страницу и вручил ее мне.

— И ты стал есть пирог вилкой. Верно?

— Разумеется. Но это всего лишь начало истории. Динко тут же написал второе распоряжение и передал мне, попросив прочитать его вслух. Я так и поступил.

— Что там говорилось?

— Одну минуту... Где-то оно у меня в кармане. — Текс достал листок бумаги из сумки. — Вот оно — читай.

«Курсанту Джермэну, — прочел Мэтт, — немедленно после ужина явиться к вахтенному офицеру, захватив с собой первое письменное распоряжение, которое я ему передал. Объяснить вахтенному офицеру обстоятельства, которые привели к появлению этого распоряжения, и узнать у офицера, насколько законны устные распоряжения такого рода. Подпись — С. Динковски, курсант Академии, завершивший курс обучения».

— Вот это да! — присвистнул Мэтт. — Как развивались события дальше?

— Я кончил есть пирог — вилок, как и приказал Динко, хотя к этому времени у меня пропал аппетит. Нужно заметить, что Динко был крайне вежлив. Он даже улыбнулся и сказал: «Вы уж не обижайтесь на меня, мистер Джермэн. Я поступил так, как требует устав». После этого поинтересовался, кто подал мне такую мысль — потребовать от него письменное распоряжение.

Мэтт покраснел.

— Ты сказал ему, что это был я?

— Ты что, за дурака меня принимаешь? Я просто ответил, что один из курсантов обратил мое внимание на параграф номер девятьсот семь.

— Спасибо, Текс, — облегченно вздохнул Мэтт. — Ты — настоящий друг.

— О чем ты говоришь? Но он попросил меня передать этому курсанту одну фразу.

— Какую же?

— «Больше не надо».

— Что — «не надо»?

— Не знаю. Просто передать — «Больше не надо», вот и все. Добавил, что курсанты, увлекающиеся космической юриспруденцией, часто кончают тем, что их вышибают из Патрульной Службы.

— А-а.— Мэтт задумался. — Ну и как развивались события дальше? После того как ты явился к вахтенному офицеру?

— Я прибыл на мостик, и дежурный курсант разрешил мне войти в рубку. Я отсалютовал вахтенному офицеру, назвал фамилию и показал оба письменных распоряжения. — Текс замолчал и уставился куда-то вдаль.

— Ну? Да продолжай ты, ради Бога, не томи.

— Вахтенный офицер самым вежливым образом сделал мне выволочку. Даже мой дядя Боди не справился бы с этой задачей лучше него. — Текс снова замолчал, как будто воспоминание о случившемся причиняло ему мучительную боль. — После этого вахтенный офицер успокоился и объяснил мне, стараясь выбирать самые простые, доступные даже кретину выражения,

что параграф девятьсот семь касается исключительно нештатных ситуаций, и что курсанты-новички обязаны подчиняться старшим курсантам при любых обстоятельствах и по всем вопросам, если только устав не запрещает это.

— Да неужели? Но послушай, это значит, что мы обязаны выполнять все их распоряжения практически по любому поводу. Ты хочешь сказать, будто старший курсант может диктовать мне, как делать пробор в моей прическе?

— Совершенно точно: ты произнес именно те слова, которые выбрал для иллюстрации лейтенант фон Риттер. Старший курсант не имеет права приказывать тебе нарушить устав — он не может приказывать ударить капитана и не может приказывать тебе покорно стоять, чтобы ему было удобно дать тебе по физиономии. Но его права ограничиваются всего лишь этим. Лейтенант фон Риттер пояснил, что старший курсант обязан руководствоваться здравым смыслом и благоразумием, и что правила поведения за столом относятся, несомненно, к этой категории. Затем приказал мне явиться к Динко и доложить ему.

— Динко торжествовал?

— Ничуть. — Текс наморщил лоб и посмотрел на Мэтта озадаченным взглядом. — И вот что странно. Динко отнесся к этому случаю, будто преподавал мне урок геометрии. Он сказал, что теперь, когда я убедился в законности его распоряжений, он хочет объяснить мне, почему счел необходимым научить меня правильно есть пирог. Динко даже сказал, что понимает, почему я могу рассматривать этот приказ как недозволенное вмешательство в мою личную жизнь. Я ответил, что у меня больше нет личной жизни. На это Динко возразил, сказав, что личная жизнь у меня есть, просто некоторое время она будет микроскопической.

Затем он принялся объяснять причину, побудившую его заняться моим поведением за столом. Офицер Патрульной Службы, по его словам, может общаться с представителями самых разных слоев общества; если

хозяйка дома, куда пригласили офицера, ест с ножа, тогда и офицер должен поступать так же.

— Ну что ж, это понятно.

— Далее он сказал, что кандидаты приезжают в Хэйуорт Холл отовсюду. Некоторые из них воспитаны в семьях и обществах, где хорошие манеры требуют, чтобы все ели из одного блюда, пальцами... как это принято у мусульман. Однако существуют общепринятые правила, которые считаются нормальными среди высших слоев общества.

— Глупости! — возразил Мэтт. — Я сам видел, как губернатор Айовы закусывал, держа в одной руке сосиску, в другой — кусок пирога.

— Наверняка это был не официальный банкет, — отмахнулся Текс. — Нет, Мэтт, мне кажется, что Динко прав. Он говорил, что само по себе поведение за столом — или то, как я ем пирог, — не так уж важно, однако это все складывается в общее воспитание, умение держать себя: например, нельзя говорить о смерти на Марсе или в разговоре с марсианином.

— Неужели? — удивился Мэтт.

— По крайней мере, так сказал Динко. Он добавил, что со временем я научусь, как он выразился, «есть пирог вилкой» при самых разных обстоятельствах и на любой планете. И на этом наш разговор закончился.

— Значит, он занимался нравоучениями весь вечер?

— Ну что ты, минут десять.

— Тогда почему я не мог тебя найти? Я зашел в твою комнату перед самым отбоем, и ты все еще не вернулся.

— Я все еще сидел в комнате Динко.

— Чем же ты занимался?

— Видишь ли, — Текс выглядел смущенным, — я писал. Динко попросил меня написать фразу «я всегда буду есть пирог вилкой» две тысячи раз.

Текс и Мэтт решили осмотреть весь корабль и действительно побывали на всех палубах, открытых для посещения. Однако машинное отделение было закрыто, и вооруженный часовой не пустил их в штурманскую рубку. Они попытались снова заглянуть в иллюминаторы комнаты отдыха, но обнаружили, что

там был уже установлен порядок: сержант, стоящий у входа на эту палубу, спрашивал у каждого курсанта, является ли это посещение комнаты отдыха первым, и если тот отвечал, что уже смотрел через иллюминаторы, сержант не позволял ему задерживаться в отсеке.

Что касается пассажирских палуб, юноши быстро увидели, что одна ничем не отличается от другой. Бортовые освежители заинтересовали их своей необычной и хитроумной конструкцией, необходимой для нормального функционирования в космическом пространстве. Однако четыре часа — это слишком много, чтобы потратить их на осмотр душей и сантехники; через некоторое время друзья отыскивали спокойное место и в первый раз испытали наиболее характерную черту космических полетов — их монотонность.

Наконец из корабельных динамиков донеслось: «Приготовиться к ускорению, которое начнется через десять минут».

Юноши, вытянувшиеся на поролоновых матах и пристегнутые ремнями к палубе, почувствовали продолжительные толчки включенных тяговых двигателей, затем последовало длительное ожидание и, наконец, едва заметный толчок.

— Это нас присоединили к причальному тросу, — заметил сержант, расположившийся недалеко от Мэтта. — Теперь они подтянут нас к себе. Ждать придется недолго.

Еще через десять минут последовала громкая команда: «Попалубно, одна за другой, посадить пассажиров».

— Отстегнуться! — скомандовал сержант и встал у люка.

Переход пассажиров с одного корабля на другой — длительный процесс, потому что они были соединены всего одним шлюзом. Группа курсантов, в которой находился Мэтт, ждала, пока перейдут на борт учебного корабля четыре палубы, расположенные перед ними, и лишь после этого поднялись по лестнице на седьмую палубу. Там был открыт люк, но за ним, вместо пустоты космического пространства, виднелась гофрированная труба шести футов в диаметре. По ее середине

был протянут трос. Вдоль троса, быстро перебирая руками, двигались курсанты, в невесомости напоминающие обезьян.

Когда пришла его очередь, Мэтт схватился за трос и потянул себя вперед. В пятидесяти футах за воздушным шлюзом гофрированная труба внезапно открывалась в другой отсек, и Мэтт оказался внутри своего нового дома, ПРК «Рэндольф».

Чтение, письмо и арифметика

Патрульный ракетный корабль «Рэндольф» был в свое время мощным и современным космическим крейсером. Его длина составляла 900 футов, а диаметр — 200. Теперь, будучи учебным кораблем, его масса — шестьдесят тысяч тонн — была достаточно скромной.

«Рэндольф» висел в космическом пространстве на расстоянии десяти миль от станции Терра и двигался по одной орбите со станцией. Если бы «Рэндольф» оставался под влиянием их взаимного притяжения, он начал бы медленно двигаться по орбите вокруг космической станции, масса которой была в десять раз больше; однако в целях безопасности кораблей, то и дело подлетающих к станции и покидающих ее, учебный корабль удерживался на постоянном расстоянии от станции.

Осуществить это было несложно. Масса Земли составляет шесть билионов триллионов тонн; масса космической станции Терра — одна стомиллионбиллионная от массы Земли — всего шестьсот тысяч тонн. «Вес» учебного корабля «Рэндольф», расположенного в десяти милях от космической станции, по отношению к ней равнялся приблизительно одной тридцатой унции, что соответствует на Земле весу масла на половине бутерброда.

Оказавшись внутри «Рэндольфа», Мэтт осмотрелся по сторонам. Отсек, в котором он находился, был клиновидной формы и ярко освещенным. Группы молодых курсантов направлялись к выходу из отсека в сопровождении старших с черными повязками на рукавах. Один старший курсант двигался к Мэтту с непринужденной грацией человека, чувствующего себя в невесомости как рыба в воде.

— Девятнадцатый взвод! Кто из вас командир?

— Я, сэр, — поднял руку Мэтт. — Я командир взвода.

Старший курсант остановил его рукой, держась второй за трос, вдоль которого двигался Мэтт.

— Я освобождаю вас от исполнения обязанностей командира, сэр, — сказал он. — Но пока прошу оставаться рядом и помочь мне собрать курсантов взвода. Вы, наверно, знаете всех в лицо?

— Думаю, что да, — ответил Мэтт не очень уверенно.

— Не сомневаюсь в этом — у вас было достаточно времени.

Мэтт с чувством зависти увидел, что через несколько минут новый командир взвода — курсант Лопес — запомнил все имена курсантов в списке взвода, тогда как Мэтту приходилось то и дело заглядывать в листок бумаги, который он держал в руке. Мэтт еще не осознал, что необходимый порядок обеспечивался тщательной подготовкой; его поразила легкость и непринужденность в поведении Лопеса. Мэтт показывал на членов взвода, а Лопес нырял в середину отсека и вылавливал, подобно коршуну, заблудившихся курсантов. Скоро девятнадцатый взвод был собран у одного из выходов, где они повисли, держась за поручни, как летучие мыши.

— Следуйте за мной, — скомандовал Лопес, — и не отставайте. Додсон, вы будете замыкающим.

— Слушаюсь, сэр.

Они двигались по бесконечным коридорам, держась руками за натянутый трос, через один за другим отсеки, через бесчисленные люки, опускаясь и поднимаясь. Мэтт чувствовал, что совсем заблудился. Наконец кур-

сант, двигавшийся перед ним, остановился. Мэтт увидел, что взвод собрался в каком-то отсеке.

— Это — ваша столовая. Обед через несколько минут, — объяснил Лопес.

За спиной Лопеса к стенке были прикреплены столы и скамейки.

— Я не голоден, — заметил один из курсантов, отворачиваясь в сторону.

— В это трудно поверить, — возразил Лопес. — Прошло больше пяти часов после вашего завтрака. Мы в той же временной зоне, как и Хэйуорт Холл на Терре. Тогда почему же вы не голодны?

— Не знаю, сэр. При одной мысли о пище у меня пропадает аппетит.

Лопес внезапно улыбнулся, и его лицо сразу стало таким же юным, как и у молодых курсантов.

— Я просто пошутил, парни. Как только мы отделимся от «Боливара», главный механик придаст кораблю вращение вокруг продольной оси. Тогда вы сможете сесть за столы на свои мягкие задницы и утихомирить свои стонущие желудки в мире и спокойствии. У вас сразу появится аппетит. А пока отдохните.

В отсеке появилось еще два взвода. Пока курсанты ждали, повиснув в воздухе, Мэтт спросил Лопеса:

— А какова скорость вращения, сэр?

— У наружной обшивки корабля сила тяжести будет равна земной. Для этого потребуется два часа, — может быть, чуть больше; однако мы примемся за обед, как только сила тяжести позволит вам, наземным космонавтам, разместиться за столами и приняться за суп, не рискуя облить им себя и остальных.

— И все-таки, с какой скоростью будет вращаться корабль?

— Вы в состоянии справиться с простой математикой?

— Да, сэр. Думаю, что в состоянии.

— Так вот. «Рэндольф» имеет диаметр в двести футов и будет вращаться вокруг главной продольной оси. Квадрат скорости на внешней обшивке корабля, деленный на его радиус, — сколько оборотов в минуту?

На лице Мэтта появилось отсутствующее выражение.

— Господи, да не напрягайтесь вы так! — улынулся Лопес. — Представьте себе, мистер Додсон, что вы на борту корабля, падающего на поверхность планеты. Если вы не успеете сделать необходимые расчеты, корабль разобьется. Итак, каков ответ?

— Боюсь, что мне трудно произвести эти вычисления в уме, сэр.

Лопес оглянулся вокруг.

— Ну кто из вас может ответить на этот вопрос? — Молчание. Лопес скорбно покачал головой. — И вам, ребята, скоро придется делать астрогационные расчеты. Почему вы решили стать космонавтами, а не студентами сельскохозяйственных колледжей? Ну ладно, — скорость вращения корабля составит примерно пять и четыре десятых оборота в минуту. В результате создается сила тяжести, равная земной, — специально для женщин и маленьких детей. После этого скорость вращения будет постепенно уменьшаться — день за днем, — и через месяц мы будем снова в состоянии невесомости. Так что вы сможете привыкнуть к свободному падению постепенно или смириться с тем, что придется покинуть Патрульную Службу.

— Но для этого потребуются огромная мощность! — воскликнул кто-то.

— Вы что, шутите? — удивился Лопес. — Вращение корабля начинается при электрическом торможении маховиков, расположенных на главной продольной оси. На валу установлены электрические обмотки; главный механик включает систему в режиме генератора, и взаимодействие между маховиком и массой корабля приводит «Рэндольф» во вращение. При этом вырабатывается электричество, накапливаемое аккумуляторами. А когда нужно замедлить или прекратить вращение, в обмотки поступает электрический ток, и система начинает работать в режиме двигателя. Таким образом, никаких потерь; ну, может быть, очень незначительные. Усekli?

— Да, сэр.

— Зайдите в корабельную библиотеку, мистер Додсон, сделайте чертеж электрической схемы и покажите мне после ужина.

Мэтт молчал.

— В чем дело, мистер? — резко бросил Лопес. — Вы что, не слышали?

— Да, сэр. Так точно, сэр.

— Вот это другое дело.

Курсанты очень медленно подплыли к продольной переборке, оттолкнулись от нее и начали скользить к переборке, к которой были прикреплены столы и скамейки. К тому времени, когда они достигли переборки, скорость вращения корабля была уже достаточной, чтобы начала ощущаться сила тяжести. Курсанты встали на палубу, столы и скамейки оказались в привычном положении рядом с ними, а люк, через который они попали в отсек, стал всего лишь квадратным отверстием в потолке.

Мэтт заметил, что чувство головокружения отсутствует; он ощущал всего лишь возрастающую силу тяжести. Ему все еще казалось, что он легок как пушинка, но и этого веса было достаточно, чтобы он сел за стол и удержался на скамейке; шли минуты за минутами, и Мэтт чувствовал, что становится тяжелее.

Он посмотрел на поверхность стола, надеясь увидеть кнопки, с помощью которых можно выбрать блюда. На столе были углубления и зажимы, применявшиеся, как подумал Мэтт, в невесомости, но ничего больше.

Лопес резко постучал по столу.

— Вы не в санатории, джентльмены. Рассчитаться вокруг стола! — Он подождал, когда закончился расчет, и продолжил. — Запомните свои номера и порядок, как вы сидите. Номера один и два займутся сегодня подносом калорий. Завтра эта честь выпадет следующей паре, и так далее.

— А где получать пищу, сэр?

— Откройте глаза! Вон там.

«Вон там» находилась дверца, за которой проплывала лента конвейера. Курсанты с других столов уже собрались вокруг нее. Двое из девятнадцатого взвода, которым было суждено сегодня играть роль официантов, отправились к дверце и скоро вернулись с большим подносом, на котором стояло двадцать порций, упакованных в пластик. К каждой порции были при-

креплены ложка, нож и вилка, а также трубки для питья.

Мэтт развернул свою порцию и увидел, что внутри находятся тарелки с твердой пищей, накрытые крышками, которые закрывались сразу после того, как ложка с пищей подносилась ко рту. Жидкая пища содержалась в контейнерах, снабженных клапанами, через которые просовывались трубки для питья. Ему еще ни разу не приходилось видеть столовые приборы, приспособленные для принятия пищи в невесомости, и Мэтт с восхищением смотрел на тарелки и стаканы. Правда, пока «Рэндольф» вращается, искусственная сила тяжести позволит пользоваться обычными земными приборами.

На обед подали горячий ростбиф с картошкой, салат, лимонный шербет и чай. Во время обеда Лопес непрерывно расспрашивал курсантов, однако к Мэтту не обращался. Через двадцать минут металлический поднос перед Мэттом был отполирован до блеска. Сытый, он с удовлетворением откинулся на спинку стула, решив, что Патрульная Служба отлично кормит тех, кто в ней служит, а учебный корабль «Рэндольф» — настоящий дом для курсантов.

Перед тем как отпустить своих подчиненных, Лопес объяснил, что им предстоит сегодня. Мэтта разместили в каюте А-5197. Все жилые помещения находились на палубе «А», примыкающей вплотную к изолированной наружной оболочке корабля. Лопес даже снизошел до того, что рассказал курсантам про систему нумерации различных помещений на «Рэндольфе» и отпустил их. Судя по его поведению, было трудно предположить, что, после прибытия сюда год назад, он сам блуждал по кораблю целый день.

Мэтт, разумеется, сразу заблудился.

Выйдя из столовой, он попытался пройти через внутреннее отсеки корабля, послушавшись совета космического пехотинца, который встретился ему по пути. Скоро он оказался рядом с продольной осью корабля, где господствовала невесомость. Выбравшись из внутренних отсеков «Рэндольфа», Мэтт направился к наружной обшивке корабля, руководствуясь возрастающей силой тяжести. Наконец он добрался до наружной

обшивки, встретил курсанта с черной повязкой на руке и взмолился о помощи. Через несколько минут Мэтт оказался в третьем коридоре и отыскал свою комнату.

Текс был уже там.

— Привет, Мэтт, — воскликнул он. — Как тебе нравится наша небесная каюта?

Мэтт положил на палубу свой рюкзак.

— Вроде неплохо, но в следующий раз, когда мне понадобится выйти куда-нибудь, я привяжу конец шнура к койке и буду разматывать клубок по дороге, чтобы не заблудиться на обратном пути. А где иллюминатор?

— Может быть, тебе нужен и балкон?

— Нет, на балкон я не надеялся. Просто думал еще раз посмотреть на Землю. — Он принялся ходить по маленькой каюте, заглядывая в углы и открывая дверцы. — Где тут освежитель?

— Принимайся разматывать свой шнур. Освежитель в конце коридора.

— Да, здесь примитивная сантехника. Ну что ж, справимся как-нибудь. — Мэтт продолжил осмотр. Каюта представляла собой общую комнату размером пятнадцать на пятнадцать футов. По обеим сторонам находились две дверцы, ведущие в еще более крохотные помещения. — Послушай, Текс, — заметил Мэтт, заглянув во все четыре комнатухи, — наша каюта рассчитана на четырех человек.

— Обратись к старшине класса.

— Интересно, кто будет жить с нами?

— И мне тоже. — Текс показал на лист бумаги с напечатанными правилами. — Здесь сказано, что курсанты могут — по взаимному согласию — поменяться каютами до завтрашнего ужина. У тебя есть предложения, Мэтт?

— Нет, Текс. Я вообще ни с кем не знаком, кроме тебя. Неважно, кто поселится с нами, лишь бы не храпел. И, конечно, мне не хотелось бы жить с Берком.

Стук в дверь прервал их разговор. Текс крикнул:

— Входите!

В каюту просунулась светлая голова Оскара Йенсена.

— Заняты чем-нибудь?

— Нет, заходи.

— Видите ли, ребята, у нас возникла проблема. Нас поселили — меня и Пита — в одной из таких же четырехместных кают, а наши соседи просят нас уступить место двум их товарищам. У вас уже есть товарищи по каюте?

Текс взглянул на Мэтта, который кивнул.

— Можешь расцеловать меня, Оскар, — Текс повернулся к Йенсену, — считай, что вы поселились у нас.

Еще через час четверка юношей удобно разместилась в своей каюте. Пит был в отличном настроении.

— «Рэндольф» — это именно то, о чем я мечтал, — заявил он. — Мне здесь нравится. Всякий раз, когда у меня начинают болеть ноги, я перехожу на палубу «С», и мне начинает казаться, что я у себя дома. Еще бы, ведь на этой палубе мой вес составляет треть земного!

— Да, ты прав, — согласился Текс. — Вот если бы в Академии существовало смешанное обучение...

— Нет, это не для меня, — покачал головой Оскар. — Ненавижу женщин.

— Бедняжка! — грустно усмехнулся Текс. — Возьми, например, моего дядю Боди. Он тоже считал себя женоненавистником, но однажды...

Мэтт так и не узнал, как преодолел свой недостаток дядя Боди. Из динамика, установленного в центральном помещении каюты, донеслось, что его приглашают в каюту В-121. Он прибыл туда, сделав всего пару ошибочных поворотов, как раз в тот момент, когда из каюты выходил другой молодой курсант.

— Для чего нас вызывают? — спросил Мэтт курсанта.

— Заходи, сам узнаешь, — ответил тот. — Еще один вид подготовки.

Мэтт вошел в каюту и увидел офицера, сидящего за столом.

— Курсант Додсон, сэр, — доложил Мэтт. — Прибыл по вызову.

— Садитесь, — улыбнулся офицер. — Я — лейтенант Вонг. Назначен вашим наставником.

— Моим наставником, сэр?

— Наставником, воспитателем, называйте это как угодно. Мне поручено следить за тем, чтобы вы,

Додсон, и еще десяток курсантов учились должным образом. Представьте себе, что я стою у вас за спиной с кнутом из бычьей кожи. — Он засмеялся.

Мэтт тоже улыбнулся. Лейтенант Вонг сразу понравился ему.

Вонг взял со стола папку.

— Это ваше досье. Давайте разработаем курс обучения. Я уже знаю, что вы умеете печатать на машинке, логарифмической линейкой владеете, справляетесь с дифференциальным калькулятором, знаете стенографию. Это хорошо. Какие языки, кроме английского, вам знакомы? Между прочим, можете не говорить на бейсике; я владею английским языком. Сколько времени вы говорите на бейсике?

— Э-э, видите ли, сэр, я не знаю других языков. Бейсик преподавали нам в средней школе, но я не думаю на нем, хотя и говорю. Мне приходится подбирать слова.

— Я включу вас в число тех, кто будет изучать венерианский, марсианский языки и торговый диалект Венеры. Ваш словописец... Вы уже осмотрели оборудование в своей комнате?

— Всего лишь взглянул на него. Там стоял письменный стол и проектор на нем.

— В верхнем правом ящике стола находится кассета с инструкциями. Просмотрите ее, когда вернетесь к себе в каюту. Словописец, вмонтированный в ваш стол, — отличная модель. Он может записывать и транскрибировать не только на основе словарного запаса бейсика, но и специального запаса технических слов и терминов Патрульной Службы. Если вы овладеете этим словарным запасом, то увидите, что он настолько широк, что на нем можно писать даже любовные письма...

Мэтт взглянул на лейтенанта Вонга — но нет, лицо офицера было совершенно бесстрастным; Мэтт решил воздержаться от смеха.

— ...таким образом, время, которое вы затратите на совершенствование своих знаний языка бейсик, не пропадет даром и пригодится даже для светских бесед. Однако, если вы произнесете слово, которого нет в словарном запасе аппарата, он начнет жалобно «бипбипать», пока вы не придете ему на помощь. Теперь

относительно математики: вижу, у вас трудности с тензорным исчислением.

— Совершенно верно, сэр. В нашей средней школе его не проходили.

Вонг печально покачал головой.

— Иногда мне кажется, что современное образование направлено на то, чтобы помешать развитию юноши. Если бы курсанты приходили к нам, уже овладев основами того, что следует знать молодому поколению, куда меньше парней отчислялось бы из Патрульной Службы. Ну ладно, мы займемся тензорным исчислением немедленно. Нельзя изучать ядерную энергетику, не зная ее языка. Скажите, Додсон, вы учились в обычной школе? Декламация, ежедневные домашние задания и так далее?

— Более или менее. Наш класс был разбит на три группы.

— Вы были в какой из них?

— В группе быстрого обучения, сэр, по большинству предметов.

— Это хорошо, но далеко не достаточно. Боюсь, сынок, вас это может потрясти. У нас нет классных комнат и учебных курсов. Если не считать занятий в лаборатории и совместных тренировок, вы будете работать один. Я понимаю, что приятно сидеть в классной комнате, мечтая о чем-то, пока учитель задает вопросы другому курсанту, но у нас это не принято. Слишком многому вам нужно научиться. Вот хотя бы обучение другим языкам; вам приходилось учиться под воздействием гипноза?

— Нет, сэр.

— Тогда примемся за это сейчас же. Выйдя от меня, вы пойдете в отдел психологического преподавания и пройдете первый урок венерианского языка. В чем дело, Додсон, вы чем-то недовольны?

— Извините меня, сэр, но... разве так уж необходимо обучаться под воздействием гипноза?

— Совершенно необходимо. Все, что можно изучить таким образом, вы будете учить в состоянии гипноза, чтобы у вас осталось время для более важных предметов.

— Понимаю, сэр. Для таких, как астрогация.

— Ну что вы, Додсон! Астрогация не относится к таким предметам. Десятилетний мальчик может научиться прокладывать курс космического корабля, если у него есть способности к математике. Это предмет для детского сада, Додсон. Управление космическим кораблем и ведение военных действий являются наименее важной частью обучения в Академии. Гораздо важнее познать окружающий вас мир, планеты и их обитателей — инопланетную биологию, историю, культуру, психологию, законодательство и органы управления разных планет, соглашения и конвенции, планетарную экологию, межпланетную экономику, законы экстерриториальности, сравнительные религиозные обычаи, космическую юриспруденцию — это я упомянул всего лишь часть предметов.

— Боже мой! — Мэтт уставился на лейтенанта широко раскрытыми глазами. — Сколько же времени потребуется для овладения всем этим?

— Вам придется продолжать обучение до ухода в отставку. Но даже эти предметы не являются целью вашего обучения в Академии. Это всего лишь основа. Настоящая ваша задача состоит в том, чтобы научиться думать, — а это значит, что нужно познать основополагающие предметы: эпистемологию, или теорию познания, научную методологию, семантику, структуру языков, основы этики и морали, логику, мотивационную психологию и тому подобное. Наш метод образования основывается на том, что человек, способный правильно мыслить, неизбежно будет придерживаться морального поведения или того, что мы называем «моральным». Что такое моральное поведение для патрульного офицера, Мэтт? Друзья зовут вас Мэтт, правда?

— Так точно, сэр. Моральное поведение для патрульного офицера...

— Ну-ну, продолжайте.

— Мне кажется, что это, значит, исполнение своих обязанностей, присяги... ну и все такое.

— А почему офицер Патрульной Службы должен придерживаться этих принципов?

Мэтт молчал. На его лице появилось упрямое выражение.

— Объясните мне, почему вы должны исполнять эти обязанности, когда в результате вас может постигнуть смерть, часто мучительная? Ладно, можете не отвечать. Наша главная задача заключается в том, чтобы вы поняли, как функционирует ваше собственное сознание. Если нам удастся воспитать человека, который может справляться с обязанностями офицера Патрульной Службы, поскольку его сознание, когда он узнает, как оно действует, готово выполнять эти обязанности, — ну что ж, отлично! Этот курсант становится офицером Космического Патруля. Если же он не может мыслить самостоятельно, приходится избавляться от него.

Мэтт так долго молчал, что Вонг наконец спросил его:

— В чем дело, юноша? Я хочу, чтобы вы были со мной совершенно откровенны.

— Видите ли, сэр, я готов работать и не жалеть сил, чтобы заслужить право производства в офицеры. Но, судя по вашим словам, это выходит за пределы моих возможностей, не зависит от меня. Начнем с того, что мне нужно овладеть массой предметов, о которых я никогда не слышал. Затем, когда я справился бы с этим, кто-то придет к выводу, что мое сознание не функционирует должным образом. По-видимому, такая работа под силу только супермену.

— Вроде меня, — усмехнулся Вонг и напряг мускулы. — Может быть, ты и прав, Мэтт, однако в мире нет суперменов, так что приходится браться за таких парней, как ты. Ладно, хватит об этом; давай составим список кассет, которые тебе понадобятся.

Список оказался длинным. С чувством приятного удивления Мэтт обнаружил, что в него входят и кассеты с записями литературных произведений. Он обратил внимание Вонга на кассету, которая озадачила его: «Введение в лунную археологию».

— Не понимаю, зачем мне это — Патрульная Служба не имеет дела с селенитами, ведь они вымерли миллионы лет назад.

— Это расширит твой кругозор, Мэтт. Вместо лунной археологии я мог бы предложить тебе современную французскую музыку. Офицер Патрульной Службы

не должен ограничивать свое образование лишь теми предметами, которые обязательно ему пригодятся. Итак, я помечаю здесь те предметы, которые понадобятся тебе в первую очередь; теперь отправляйся в библиотеку, заberi кассеты и сразу в психологическую лабораторию на первый сеанс гипноза. Примерно через неделю, когда освоишь весь этот материал, приходи ко мне, и мы поговорим.

— Вы хотите сказать, что мне предстоит выучить все, записанное на эти кассеты, за одну неделю?

— Совершенно верно. Разумеется, работать придется только в неслужебное время. Днем ты будешь занят тренировками и лабораторными занятиями. Так что приходи через неделю, и мы увеличим объем. Ну, за дело!

— Но... Есть, сэр, будет исполнено!

Мэтт разыскал отдел психологического обучения, и через несколько минут усталый специалист отдела, одетый в форму штабного управления космической пехоты, провел его в крохотную комнатку.

— Устраивайтесь поудобнее в этом кресле, — сказал он. — Откиньте голову на спинку. Это ваше первое занятие?

Мэтт признался, что первое.

— Вам у нас понравится. Есть парни, которые приходят к нам, чтобы отдохнуть: они уже освоили больше, чем следует. Так какова цель вашего прихода?

— Введение в венерианский язык.

Специалист что-то произнес в микрофон, стоящий на столе.

— Недавно у нас произошел забавный случай, — заметил он. — Месяц назад пришел курсант-выпускник, которому хотелось освежить свои знания в области электроники. Техник что-то напутал, и теперь курсант приобрел массу ненужных ему знаний в области патологии желудка. Вытяните левую руку. — Специалист направил пучок обеззараживающих лучей на кожу у локтя и сделал инъекцию. — Теперь ложитесь и следите за раскачивающейся лампочкой. Расслабьтесь... расслабьтесь... закройте глаза... расслабьтесь... вам... приятно... засыпаете...

Кто-то стоял перед ним, держа в руке шприц.

— Все. Я ввел вам противодействующее лекарство.

— Как? — ничего не понимая, спросил Мэтт. — Что случилось?

— Посидите, не двигаясь, пару минут и после этого можете идти.

— Что, гипноз не подействовал?

— Что — не подействовал? Не знаю, какое у вас было задание, я только что заступил на смену.

Мэтт вернулся к себе в каюту. Настроение у него было подавленным. Он побаивался гипноза, но теперь, когда он понял, что его организм не поддался обучению под гипнозом, Мэтт чувствовал себя еще хуже. Он подумал, что ему вряд ли удастся выполнить такой объем учебной работы, если он будет пользоваться одними привычными методами, особенно при изучении языков.

«Ничего не поделаешь — нужно снова сходить завтра к лейтенанту Вонгу и рассказать обо всем», — решил он.

В каюте он нашел одного Оскара, который пытался вбить крюк в стенку. Рядом, у стула, на котором он стоял, была картина в рамке.

— Привет, Оскар, — поздоровался Мэтт.

— Привет, Мэтт, — ответил Оскар и на мгновение повернулся к нему; и тут же дрель, которой он сверлил отверстие в переборке, соскользнула и царапнула его по ладони. Оскар принялся ругаться на странном, шепелявом языке: — Пусть мои проклятия преследуют эту мерзость до самого дна всемирного ила!

Мэтт неодобрительно покачал головой:

— Приглуши свой голос, о ты, нечестивая рыба!

Оскар изумленно посмотрел на него:

— А я и не знал, Мэтт, что ты знаешь венерианский!

У Мэтта отвисла челюсть. Он закрыл рот, снова открыл его и произнес:

— И я тоже — до этого момента!

Превращение в космонавта

Сержант повис в воздухе, поджав ноги к груди.

— На счет «раз» займите исходное положение, причем ваши ступни должны быть в шести дюймах от переборки. На счет «два» упритесь ступнями в переборку и оттолкнитесь, вот так! — Он уперся ногами в стальную переборку и полетел через отсек, не переставая объяснять. — Продолжаете считать до четырех, на счет «пять» поворачиваетесь, — его тело свернулось в клубок и сделало полуоборот, — прекращаете вращение, — тело выпрямилось, — и на счет «семь» касаетесь ногами противоположной переборки. — Его носки коснулись стенки, и он продолжил объяснения: — После касания мягко сгибаете ноги в коленях, гася инерцию движения таким образом, чтобы все время сохранять контакт с переборкой и не отскочить от нее. — Сержант согнул колени и, как пустой мешок, застыл в воздухе рядом с точкой, которой коснулись его ступни.

Тренировки проводились в огромном цилиндрическом отсеке диаметром футов в пятьдесят, расположенном в самом центре корабля. Отсек был установлен на подшипниках и непрерывно вращался в направлении, противоположном вращению корабля, причем с такой же угловой скоростью; таким образом отсек оставался неподвижным по отношению к окружающей-

му пространству. Войти в него можно было только через люк в центре вращения.

Это был крохотный островок «свободного падения» — гимнастический зал для тренировок в состоянии невесомости. Дюжина курсантов висела, уцепившись за длинный поручень, протянувшийся вдоль стены отсека от носа в сторону кормы, и следила за сержантом. Мэтт был одним из них.

— А теперь, джентльмены, попробуем снова. Начинаем считать — один, два, три...

К счету «пять», когда все курсанты должны были одновременно повернуться в воздухе, легко и грациозно, исчез даже малейший намек на порядок. Курсанты сталкивались друг с другом; двое, потеряв инерцию, после того как задели друг друга в полете, беспомощно и медленно плыли к дальнему углу отсека, а один даже забыл отпустить поручень и остался на месте. На лицах курсантов, дрейфующих к дальнему углу, застыло выражение озадаченное и беспомощное, как у собаки, пытающейся зацепиться когтями за гладкий лед. Они безуспешно размахивали руками и ногами, стараясь остановиться.

— Да нет же, нет! — в отчаянии завопил сержант, закрыв ладонями лицо. — Глаза бы мои на вас не смотрели. Джентльмены, пожалуйста! Ну хоть немного координации! Не бросайтесь к противоположной переборке, подобно эрдель-терьеру, рвущемуся в драку. Медленный, уверенный толчок — вот так! — Сержант оттолкнулся от переборки, пролетел наискось, подхватил по пути двух дезертиров и с помощью своей инерции медленно проплыл к поручню. — Хватайтесь за него и займите свои места, — скомандовал он курсантам. — А теперь, джентльмены, еще раз. Приготовились! Считаю: плавный толчок, мягкое касание — раз!

Через несколько секунд сержант твердо заявил, что научить кошку плавать куда легче.

Мэтт не обижался. Ему удалось достичь дальней переборки и остаться у нее. Совсем без грации, даже неуклюже, не у того места, куда он рассчитывал попасть, но все-таки после десятка неудач ему удалось достичь желанной цели. Начиная с этого момента Мэтт считал себя космонавтом.

После того как сержант отпустил их, Мэтт поспешил к себе в каюту, поставил в проектор кассету с уроком по марсианской истории и принялся за работу. Искушение остаться в тренировочном зале и продолжить упражнения в невесомости было велико; ему очень хотелось обрести «космические ноги» — сдать экзамен по акробатике в состоянии невесомости, подобно тем, кто уже успешно сдал его, получил право на работу в открытом космосе в космических скафандрах, а также разрешение на увольнение — раз в месяц — на космическую станцию Терра.

Однако несколько дней назад у Мэтта состоялась беседа с лейтенантом Вонгом. Беседа была короткой, но даже за те минуты, пока она продолжалась, лейтенант прямо и недвусмысленно сказал ему, что Мэтт плохо использует время, имеющееся в его распоряжении.

Мэтту не хотелось повторения подобной беседы — и не из-за пяти отрицательных баллов, которые будут занесены в его учебную ведомость. Он откинул голову на спинку своего кресла и сконцентрировал внимание на повествовании, одновременно глядя на цветные стереофотографии, проносящиеся перед ним на экране и иллюстрирующие с беспристрастной красотой страницы невероятно богатой истории древней планеты.

Проектор очень походил на аппарат, которым Мэтт пользовался во время учебы у себя дома, только здесь он был более совершенным, воспроизводил на экране объемное изображение и подключался к словописцу. Подобная учебная аппаратура экономила время курсанта и способствовала более глубокому усвоению материала. Мэтт мог, например, прервать лекцию, доносящуюся к нему через наушники, продиктовать краткое содержание услышанного им и прочитать сделанную им запись на экране проектора.

Стереопроектор приносил немалую пользу и при изучении технических предметов.

— Сейчас вы входите в рубку универсальной ракеты типа А-6, — звучал в наушниках голос невидимого преподавателя, — и начинаете отрабатывать посадку на Луну, где полностью отсутствует атмосфера. — Курсант видел на экране, как перед ним появлялся

вход в рубку, панель управления, и дальше видеокамера занимала место, где находится голова пилота, перед которым на экране возникала реалистичная картина полета к Луне и посадки.

Или же это могла оказаться кассета о космических скафандрах.

— Перед вами скафандр типа «М», рассчитанный на четырехчасовое пребывание в космосе, — звучал голос, — и пользоваться этим скафандром можно где угодно, за исключением орбиты Венеры. В ранце скафандра находится ракетный двигатель с небольшой мощностью тяги, способный менять скорость движения массы до трехсот фунтов за период в пятьдесят секунд. Вмонтированное радио позволяет осуществлять двустороннюю связь на расстоянии до пятидесяти миль. Нагрев и охлаждение производится... — К тому времени, когда наступит время тренировок в космических скафандрах, Мэтт будет уже знать о них все, что можно освоить без практических занятий.

Его очередь наступила после того, как Мэтт сдал экзамен на владение телом в состоянии невесомости. Он еще не закончил курс тренировок при свободном падении — оставались упражнения групповых тренировок, рукопашной борьбы в невесомости, применения личного оружия и другие тонкости, — но экзаменаторы пришли к выводу, что он уже достаточно умело владеет телом. Таким образом, Мэтт получил доступ к тем видам спорта, которые особенно успешно развивают координацию и остроту реакции при невесомости, — борьбе, теннису, гандболу и нескольким другим, тогда как раньше он мог заниматься одними шахматами. Мэтт выбрал космическое поло, игру, совмещающую элементы водного поло с рукопашной борьбой, и начал играть в низшем дивизионе местной лиги космического поло — дивизионе «расквашенных носов».

Он был вынужден пропустить первое практическое занятие по обращению с космическими скафандрами, потому что во время одной из тренировок ему разбили нос, в результате чего Мэтту пришлось дышать ртом, тогда как респиратор космического скафандра типа «М» требует, чтобы вдох делался через нос, а выдох — через рот. Но уже на следующей неделе он был готов

к практическим занятиям и сгорал от нетерпения. Инструктор приказал курсантам своей группы надеть скафандры безо всяких предварительных объяснений, поскольку считалось само собой разумеющимся, что они внимательно изучили кассеты, рассказывающие об устройстве и функционировании скафандра.

Вращение корабля, создававшее искусственную силу тяжести, было остановлено несколько дней назад. Мэтт, свернувшись в клубок, плавал в невесомости перед скафандром, наконец расстегнул его. Надеть скафандр — вернее сказать, влезть в него — оказалось непростым делом; вскоре Мэтт обнаружил, что пытается сунуть обе ноги в одну штанину скафандра. Он вылез наружу и сделал новую попытку. На этот раз ему не удалось попасть головой в шлем.

Большинство курсантов было уже готово к выходу в космос. Инструктор подплыл к Мэтту и недовольно спросил его:

— Вы сдали испытания по владению телом в невесомости?

— Да, — ответил Мэтт несчастным голосом.

— Трудно поверить. Ваши судорожные движения напоминают черепаху, упавшую на спину. Придется помочь вам, — и инструктор взялся руками за скафандр, удерживая его; со стороны это выглядело, будто он одевал малыша в зимний комбинезон. Мэтт сгорал от стыда.

Затем инструктор проверил основные функции скафандров — давление в цилиндре, давление воздуха внутри скафандра, уровень топлива в ракетном двигателе, подачу кислорода, содержание кислорода в крови (оно измерялось фотоэлектрическим датчиком, закрепленным на мочке уха) и, наконец, надежность радиосвязи между скафандрами. Убедившись, что все в порядке, он сделал жест в сторону воздушного шлюза.

По мере того как давление воздуха в шлюзе уменьшалось, скафандр становился более жестким. Двигать руками и ногами становилось труднее.

— Пристегнуть страховочные тросы! — скомандовал инструктор.

Мэтт приготовил свой трос с карабином на конце и ждал своей очереди.

Из крошечных динамиков в шлемах были слышны доклады: «Номер один готов! Номер два готов!»

— Номер три готов! — отрапортовал Мэтт в микрофон шлема и защелкнул карабин на поясе, стоящего перед ним курсанта.

Когда все курсанты были пристегнуты друг к другу, подобно связке альпинистов, инструктор пристегнул свой трос и открыл наружную дверь шлюза. Перед курсантами открылась безбрежная пустота, усыпанная мириадами звезд.

— Закрепитесь на поверхности корабля! — послышалась команда инструктора; он первым шагнул вперед, и его ботинки пристали к стальной обшивке. Мэтт сделал то же самое и почувствовал, как магниты, находящиеся внутри подошв ботинок, притянули их к стальной стенке. — Следуйте за мной и не отставайте друг от друга!

Инструктор прошел по стене шлюза и присел у края, осторожно поставив одну ногу на наружную обшивку корабля. Один ботинок все еще оставался внутри шлюза, носком внутрь, а вторым инструктор пошарил снаружи и наконец закрепил его на внешней поверхности. После этого инструктор оторвал подошву ботинка от стенки шлюза и почти исчез из вида. Теперь он стоял перпендикулярно к обшивке, удерживаясь на корабле лишь силой магнитного притяжения сапог космического скафандра. Следуя за курсантом, идущим впереди, Мэтт подошел к самому краю шлюза. Поворот на девяносто градусов, чтобы сделать шаг наружу и поставить один сапог на внешнюю обшивку корабля, показался ему слишком рискованным; ему пришлось схватиться руками за край наружного люка. И все-таки Мэтт сумел выбраться наружу и встать, притянутый к стальной обшивке магнитными подошвами сапог. Вернее, здесь не было понятия «верх» и «низ»; курсанты по-прежнему находились в невесомости, прижавшись к обшивке корабля. Мэтту показалось, что они висят подобно мухам, расхаживающим по потолку комнаты.

Он сделал пару осторожных шагов. Казалось, Мэтт идет, погружаясь ногами в вязкую глину; подошвы его сапог прилипали к обшивке корабля, затем, когда он тянул ногу к себе, внезапно отделялись от нее. «При-

выкнуть ходить в таких условиях будет непросто», — подумал Мэтт.

Курсанты со своим инструктором вышли из шлюза на «темной» стороне корабля. Солнце, Луна и Земля находились на противоположной стороне, прямо под ногами. Не было видно даже космической станции Терра.

— Пошли вперед, — послышался в шлемах курсантов металлический голос инструктора. — Не отставайте. — Инструктор двинулся по изгибающейся поверхности корабля.

Курсант, замыкающий связку, попытался оторвать магнитные подошвы своих сапог от корабельной обшивки, причем обе одновременно. Наконец это ему удалось: он присел, подпрыгнул и оторвался от корабля — и теперь уже не мог вернуться обратно. Курсант медленно плыл в бездонную пустоту космоса, пока его страховочный трос, пристегнутый к поясу курсанта, стоящего впереди него в связке, и трос другого курсанта, самого последнего в ней, не натянулись. Один из этих курсантов как раз оторвал одну ногу, чтобы шагнуть вперед, и неожиданный рывок нарушил его равновесие. Он отчаянно замахал руками, попытался коснуться магнитной подошвой стальной обшивки, не достал до нее и тоже отделился от корабля. Тяга двух тел преодолела силу магнитного притяжения третьего курсанта, и он поплыл в пустоту за своими товарищами.

Остальные курсанты продолжали стоять на поверхности корабля, потому что попеременные рывки страховочных тросов амортизировали инерцию не слишком энергичного прыжка первого курсанта, и все-таки трое неудачников висели теперь в космическом пространстве, неуклюже извиваясь и дергаясь на страховочном тросе.

Уголком глаза инструктор заметил нештатную ситуацию и сразу присел. Он тут же нашел то, что искал, — стальное кольцо, закрепленное в крохотной нише, и защелкнул на нем свой страховочный трос. Убедившись в том, что теперь связка надежно держится на поверхности корабля и ей не угрожает опасность улететь в космос, инструктор отдал приказ:

— Номер девять, тяните их к себе. Плавно, очень плавно. Осторожно, они могут сорвать и вас!

Через несколько секунд бродяги коснулись стальной обшивки, и намагниченные подошвы их сапог прилипли к ней.

— А теперь, — голос инструктора звучал угрожающе, — кто из вас несет ответственность за подобную глупость? — Виновники молчали. — Да не молчите же вы, — резко бросил инструктор, — я ведь знаю, что это не было случайностью; невозможно оторвать обе ноги от стальной обшивки просто так — для этого нужно подпрыгнуть. Признавайтесь, или я отправлю всех вас к коммодору!

После упоминания этого ужасного слова послышался робкий голос:

— Это я, сержант.

— Поднимите руку, чтобы я увидел вас. Вы что, за провидца меня принимаете?

— Варгас, сэр, номер десять. — Провинившийся курсант поднял руку.

— О'кей. Пошли обратно к шлюзу, всей группой, медленно и осторожно. Держитесь вплотную друг к другу.

Когда связка была у шлюза, сержант скомандовал:

— Вернитесь внутрь корабля, мистер Варгас. Отстегните страховочный трос, защелкните его за скобку внутри шлюза и ждите нашего возвращения. Вам придется снова попробовать выход в космос — примерно через месяц.

— Но сержант...

— Молчать! Не смейте спорить, а то я доложу, что вы пытались уйти в самоволку — спрыгнуть с корабля.

Варгас молча исполнил распоряжение инструктора. Сержант наклонился, заглянул в шлюз, убедился, что курсант надежно закреплен страховочным тросом, и выпрямился.

— За дело, джентльмены, начнем сначала. И больше без фокусов! Это работа, а не вечер танцев.

— Сержант Ханако... — обратился Мэтт.

— Да? Кто это?

— Додсон, сэр. Номер три. А если бы мы все оторвались от корабля?

— Нам пришлось бы возвращаться с помощью ранцевых ракетных двигателей.

— Предположим, у нас бы не было ранцевых ракет? — спросил Мэтт.

— Тоже ничего страшного в данной ситуации. Вахтенный офицер знает, что у нас тренировка за пределами корабля; радиорубка слушает наши переговоры. Они просто следили бы за нами с помощью радара, затем послали бы к нам шаттл и доставили обратно на борт. И все-таки слушайте — надеюсь, меня все слышат? То, что за вами постоянно следят и беспокоятся о вашем драгоценном здоровье, совсем не значит, что вы можете вести себя подобно школьникам на лужайке. Это самая страшная, самая мучительная смерть — задохнуться от недостатка кислорода, в одиночку, внутри космического скафандра. — Он помолчал. — Однажды я видел труп космонавта, погибшего таким образом; его нашли и доставили обратно на борт.

После того как они обошли выпуклый борт корабля, над их металлическим горизонтом показалась огромная сфера Земли, и внезапно вынырнул ослепительный диск Солнца.

— Осторожно, берегите глаза! — раздался возглас сержанта Ханак.

Поспешным движением Мэтт опустил козырек шлема и затемнил прозрачное стекло на максимальную степень защиты. Он не пытался взглянуть на Солнце; вот уже несколько раз его сверкающие лучи ослепляли Мэтта, когда он смотрел через иллюминаторы каюты отдыха, стараясь точно закрыть диаметр светила металлической монетой, которую он то отодвигал от себя, то придвигал поближе. Ему хотелось увидеть протуберанцы и вырывающиеся на миллионы миль языки пламени, однако Мэтт так и не добился успеха. Обычным результатом его наблюдений была головная боль и круги, плавающие перед глазами.

Но зрелище родной Земли никогда не утомляло Мэтта, на нее он был готов смотреть все время.

Планета висела прямо перед ним, огромная, прекрасная и многоцветная; отсюда, с наружной поверхности корабля, она почему-то казалось более реальной, чем из иллюминатора. Земля почти закрывала созвездия

дие Водолея; она была такой огромной, что, будь она в созвездии Ориона, скрыла бы гигантского охотника от Бетельгейзе до Ригеля.

Прямо перед ними виднелся Мексиканский залив. Выше распростерся Северо-Американский континент, украшенный на макушке сверкающими льдами Северного полюса, как поварским колпаком. При затухающем освещении позднего северного лета полярные льды по-прежнему ярко освещены. Линия восхода Солнца уже прошла через американский континент, за исключением западного края Аляски; но центральная часть Тихого океана все еще затянута покровом ночи.

— А что это за яркая точка в середине Тихого океана? Гонолулу? — спросил кто-то.

Мэтт не проявил никакого интереса к Гонолулу; как обычно, он пытался найти Де-Мойн; на этот раз, однако, долину Миссисипи закрыли облака, и ему не удалось увидеть его. Иногда, когда над Айовой было безоблачное небо, ему случалось видеть Де-Мойн невооруженным глазом. Если же в Северной Америке была ночь, он всегда мог определить, какое ожерелье сверкающих огней является его родным городом; или думал, что может определить.

Сейчас они смотрели на Землю таким образом, что Северный полюс казался курсантам «наверху». Далеко справа, на расстоянии ширины корабля от Земли, почти закрывая Регул в созвездии Льва, виднелось Солнце, а примерно на полпути между Солнцем и Землей, в созвездии Девы, висела ущербная Луна. Подобно Солнцу, Луна казалась ничуть не больше, чем с поверхности Земли. Сверкающая металлическая обшивка космической станции Терра, видимой между Солнцем и Луной, в девяноста градусах от Земли, светилась ярче Луны. Станция, находящаяся в десяти милях от «Рэндольфа», по своим видимым размерам была раз в шесть больше ее.

— Ладно, хватит глазеть по сторонам, — скомандовал Ханako. — Давайте походим. Вам нужна тренировка.

Курсанты двинулись вперед, осматривая корабль и лишь теперь понимая, какой он огромный. И тут сержант остановил их.

— Еще несколько шагов, и мы будем грохотать своими сапогами прямо над головой коммодора. Не исключено, что он прилег отдохнуть.

Связка повернулась и направилась в сторону кормы. Ханако разрешил курсантам подойти к самому краю корабля и посмотреть на зияющие отверстия его гигантских ракетных дюз, но через несколько секунд отвел их назад.

— Хотя «Рэндольф» не включал своих двигателей уже несколько лет, этот участок корабля все еще горячий — я имею в виду радиоактивный, — а вы не защищены от излучения реактора, расположенного за девяносто третьим кормовым шпангоутом. Теперь вперед!

Сержант подвел курсантов к средней части корабля, отстегнул страховочный трос курсанта, следующего за ним, от своего пояса и закрепил его за скобу на корпусе корабля.

— Номер двенадцать, — скомандовал он, — пристегнуться к скобе запасным тросом!

Чтобы овладеть искусством передвижения в космосе с помощью ранцевого двигателя, — начал Ханако, — нужно научиться балансировать своим телом на ракетной струе — тяга двигателя должна проходить через ваш центр тяжести. Если допустите ошибку и тут же не скорректируете ее, ваше тело начнет кувыркаться, вы будете напрасно тратить ракетное топливо, и придется потратить чертовски много времени, чтобы остановить вращение тела. Это ничуть не сложнее, чем балансировать тростью на кончике пальца, но при первой попытке и это может показаться сложным.

Для начала надо установить прицел, — продолжил сержант и нажал на кнопку у себя на поясе; примерно в ярде от его шлема появилось маленькое металлическое кольцо на тонком стержне. — Выбирайте звезду поярче или любую отдаленную цель, в направлении которой вы собираетесь двигаться. Затем займите исходное положение. Нет! Еще рано! Сначала я продемонстрирую вам, как это делается.

Он присел, оперся руками о поверхность корабля, медленно и осторожно оторвал магнитные подошвы сапог от стальной обшивки и нацелился на одного из

курсантов. Затем сержант повернулся и вытянулся во весь рост так, что теперь он плыл спиной к кораблю, вытянув руки и ноги. Ракетная дюза, выглядывающая из его ранцевого двигателя, была направлена от поясницы сержанта прямо в сторону корабля; прицел торчал перед шлемом с противоположной стороны.

— Держите пусковую кнопку ракетного двигателя наготове в правой руке, — продолжал он. — А теперь, ребята, вспомните: вам приходилось видеть пару танцоров в балете, исполняющих адажио? Вы понимаете, о чем я говорю: мужчина в леопардовой шкуре и девушка, одетая в нечто еще меньшее? Видели, как они танцуют на сцене, причем мужчина подхватывает девушку?

Донесся нестройный хор утвердительных голосов.

— Тогда вы знаете, что я имею в виду. В конце они всегда исполняют один и тот же номер — девушка прыгает и мужчина поднимает ее над головой, удерживая на одной руке. Он держит ее, упершись в поясницу, а она артистически откидывается назад, балансируя на его ладони.

Именно так и нужно балансировать на ракетной струе. Тяга толкает вас в поясницу, и вам нужно сохранять равновесие. Только в этом случае равновесие должно быть совершенно безукоризненным: если толчок не будет направлен точно в ваш центр тяжести, ваше тело начнет кувыркаться. Вы сразу заметите это, следя за намеченной целью через прицел.

В этом случае нужно сразу ввести коррекцию, не ожидая дальнейшего развития событий. Для этого вы смещаете свой центр тяжести, подтягивая к себе руку или ногу, расположенную на той стороне, в которую вас начало разворачивать. Весь фокус состоит в том, чтобы...

— Одну минуту, сержант, — послышался чей-то голос, — вы все перепутали. Вы хотели, наверно, сказать — вытянуть руку или ногу на противоположной стороне, верно?

— Кто это говорит?

— Лэтроп, сэр... номер шесть.

— Я сказал именно то, что хотел, мистер Лэтроп.

— Но...

— Знаете, мистер Лэтроп, не будем тратить времени на теоретические споры. Попробуйте двигаться и управлять полетом на основе своих принципов, а мы посмотрим, что из этого получится. Есть вопросы? Отлично. Сейчас я покажу вам общепринятый метод — совершу демонстрационный полет. Отойдите на несколько шагов.

Курсанты, выстроившиеся полукругом, сделали пару шагов назад. Дальше они не могли — их удерживали натянувшиеся страховочные тросы. Из ранцевого двигателя сержанта хлестнул ярко-оранжевый язык пламени, и сержант двинулся прямо от корабля, или «вверх», сначала медленно, затем с нарастающей скоростью. Его радиоканал оставался открытым, и Мэтт слышал приглушенный рев ракетного двигателя и отсчет секунд, который вел сержант: «И раз, и два... и три...» На счете десять отсчет прекратился, и пламя исчезло.

Инструктор находился в пятидесяти футах «над» ними и продолжал удаляться спиной к курсантам. Он не прекращал объяснения.

— Независимо от того, как искусно вы балансируете своим телом на оси тяги ракетного двигателя, вы обязательно будете поворачиваться — хотя бы чуть-чуть. Когда вам захочется изменить направление движения, сожмитесь в клубок... — Сержант подтянул к груди ноги и руки — ...для ускорения поворота и распрямитесь, достигнув желаемого направления. — Он мгновенно вытянул руки и ноги, и курсанты увидели, что теперь сержант развернулся в их сторону. — Снова включайте двигатель и балансируйте на оси его тяги, чтобы удержаться на выбранном вами направлении, иначе вас развернет дальше.

Сержант, однако, не включил свой ракетный двигатель и продолжал удаляться от корабля. Его медленно разворачивало в сторону. Он продолжал свою лекцию:

— У вас всегда существует возможность повернуться — хотя бы на долю секунды — в нужную вам сторону и в этот момент включить двигатель. Например, мне нужно добраться до космической станции...

В этот момент станция Терра находилась, по крайней мере, под углом в девяносто градусов от направления, в котором двигалось тело сержанта. Ханак про-

делал несколько телодвижений, напоминающих судороги обезьяны, умирающей от мучительных конвульсий, и вдруг вытянулся, неожиданно для курсантов, в направлении к станции, хотя и продолжал очень медленно поворачиваться, не меняя оси вращения.

— Но мне не надо на станцию; я хочу вернуться на корабль. — Новые конвульсии, по окончании которых сержант вытянулся в направлении к группе курсантов. На этот раз он включил двигатель и снова начал считать до десяти. Он повис в пространстве, неподвижный по отношению к кораблю и группе своих учеников, на расстоянии около четверти мили от них. — Сейчас я подлечу к вам и совершу посадку, чтобы сберечь время. — В космосе вспыхнуло пламя ракетного двигателя и не гасло в течение двадцати секунд; сержант быстро приближался к кораблю.

К тому моменту, когда он был на расстоянии двухсот футов, сержант ловко перевернулся в полете, оказался ногами к «Рэндольфу» и включил двигатель в сторону, противоположную направлению полета. Через десять секунд пламя снова погасло. В результате этих маневров сержант находился теперь на расстоянии пятидесяти футов и приближался к кораблю со скоростью десяти футов в секунду. Затем он расслабился и подтянул к себе согнутые в коленях ноги.

Через пять секунд магнитные подошвы его сапогов мягко коснулись стальной обшивки, и он присел, смягчая толчок при посадке.

— Но ваш полет будет протекать по-другому, — продолжал объяснять сержант. — В моем ранце больше топлива, чем у вас: запас топлива для ваших ракетных двигателей рассчитан на пятьдесят секунд непрерывной работы, причем каждую секунду будет происходить изменение скорости движения в одну фут-секунду; но это для массы в триста футов; некоторые из вас весят вместе со скафандром меньше — вы пока худышки, так что их скорость будет выше.

Итак, вот как будет протекать ваш полет: десять секунд включенного двигателя при непрерывном счете секунд. Затем поворачиваетесь как можно быстрее и включаете двигатель на пятнадцать секунд, возвращаясь обратно. Это значит, что вы коснетесь обшивки

корабля на скорости пяти футов в секунду. Даже ваша бабушка, страдающая от ревматизма, сможет совершить посадку, не отскочив от обшивки. Лэтроп! Отстегните трос — вы будете первым.

Когда курсант подошел к нему, сержант пристегнулся к обшивке корабля двумя страховочными тросами и снял с пояса бухту очень длинного и тонкого троса. Один конец Ханako пристегнул к поясу курсанта, другой — к своему. Лэтроп смотрел на происходящее с отвращением.

— Вы считаете это необходимым, сержант?

Инструктор посмотрел на него холодным взглядом.

— Прошу прощения, коммодор, таковы правила.

Курсант молча повернулся и отделился от корабля, подталкиваемый вперед языком пламени, растущим из-за его спины. Сначала он двигался по прямой, затем начал поворачиваться. Курсант попытался скорректировать отклонение, подтянул ногу — и тут же перевернулся вверх ногами.

— Лэтроп, выключайте двигатель! — рявкнул Ханako. Оранжевое пламя исчезло, однако фигура в космическом скафандре продолжала удаляться, все время кувыряясь. Ханako травил длинный страховочный трос. — У меня на крючке здоровая рыбина, ребята, — добродушно пробормотал он. — Как вы думаете, сколько она весит? — Наконец он потянул за трос, Лэтроп развернулся в другую сторону и запутался в тросе. Когда он освободился, сержант подтянул его к себе.

Лэтроп встал на обшивку, и магнитные подошвы с легким щелчком притянули его к стальной поверхности.

— Вы были правы, сержант, — раздался его голос. — Позвольте мне попробовать еще раз, следуя вашим указаниям.

— Ничего не поделаешь, придется обождать. В правилах говорится, что для этого упражнения требуется полный запас топлива в баке; нужно ждать его пополнения. — Ханako заколебался. — Хорошо, внесите свою фамилию в завтрашнюю группу: я возьму вас с собой.

— Спасибо, сержант, — прозвучал радостный голос.

— Не стоит. Номер один!

Следующий курсант отделился от корабля плавно, не теряя равновесия, однако при возвращении отклонился в сторону, и сержант был вынужден подтянуть его к кораблю страховочным тросом перед тем, как курсант сумел поставить магнитные подошвы своих сапог на стальную обшивку корабля. А вот курсанту, отправившемуся в космос следом, совсем не повезло. Ему не удалось удержаться на курсе, он потерял ориентацию и начал удаляться от корабля в направлении созвездия Дракона. Он так и летел бы в открытый космос до скончания мира, но сержант осторожно потянул за трос, скользящий по его перчаткам, плавно развернул курсанта, и когда голова неудачника оказалась направленной в сторону корабля, командовал: «Десять секунд работы двигателя, а я буду направлять ваш полет». Выбираемый Ханакос трос удерживал курсанта в нужном направлении до самого касания обшивки корабля.

— Номер три! — вызвал инструктор.

Мэтт сделал шаг вперед. Волнение переполняло его, но юноша сдерживал себя.

Сержант пристегнул страховочный трос к его поясу.

— Все ясно? Включите двигатель, когда будете готовы.

— Есть, сэр. — Мэтт присел, плавным толчком оторвал сапоги от обшивки корабля. Прямо перед ним в необъятном небе распростерлись северные созвездия. Он выбрал Полярную звезду в качестве цели и нажал на стартовую кнопку ракетного двигателя. — И... раз! — Мэтт почувствовал легкое непрерывное давление в районе поясицы. Ракетный двигатель обеспечивал тягу чуть меньше десяти футов. Полярная звезда, казалось, вибрировала в такт работе крохотного двигателя, затем медленно поплыла влево, за пределы кольца прицела.

Он подтянул к себе правую руку и правую ногу. Звезда начала отклоняться еще быстрее, на мгновение остановилась и вернулась обратно в центр прицела. Мэтт осторожно вытянул в сторону правую руку и ногу и чуть не забыл выключить двигатель на счет «десять».

Корабль остался где-то позади. Справа, в бархатной тьме, плыла Земля. Тишина и одиночество, никогда ранее не испытанные Мэттом, окружали его.

— Начинайте разворот, — слышался голос сержанта.

— О-о... — произнес Мэтт, подтянул колени к груди и обнял их руками. Звезды стремительно понеслись вокруг него. Он заметил, что корабль оказался в поле зрения, но было уже слишком поздно. Мэтт попытался остановить вращение, широко расставив руки и ноги, и все-таки не сумел сохранить направление на корабль.

— Не волнуйтесь, все хорошо, — посоветовал сержант. — Не надо сворачиваться в такой тесный клубок, и в следующий раз вытягивайтесь чуть раньше. У нас много времени.

Мэтт опять свернулся в клубок, но на этот раз не прижимал колени к груди. Корабль снова показался в поле зрения, хотя и гораздо дальше. На этот раз он выпрямился до того, как шлем скафандра был на одной линии с кораблем. Фигуры на его поверхности казались совсем крохотными и продолжали уменьшаться. Расстояние превышало триста футов. Мэтт выбрал чей-то шлем в качестве цели, включил двигатель и начал отсчет.

В первые секунды ему показалось, что он неподвижно висит в пространстве, и его охватило беспокойство. Фигурки на поверхности корабля не увеличивались и начали медленно отходить в сторону. Ему захотелось снова включить двигатель, но объяснения Ханакэ были совершенно ясными — и он удержался.

Корабль исчез из поля зрения; Мэтт собрался в клубок, чтобы побыстрее завершить разворот. Когда корабль снова показался в поле зрения, он был гораздо ближе, и Мэтт почувствовал облегчение. Два небесных тела — корабль и космонавт — сближались со скоростью пяти футов в секунду, что равняется скорости медленно идущего пешехода.

Прошло чуть больше минуты после того, как Мэтт выключил ракетный двигатель. Мэтт согнулся, приподнял колени и совершил мягкую посадку в десяти футах от инструктора.

Цокая магнитными подошвами, Ханako подошел к Мэтту, прижал свой шлем к его шлему, чтобы можно было говорить с глазу на глаз, не включая радио.

— Молодец, парень. Мне понравилось, как ты сохранял самообладание, когда увидел, что промахнулся в первый раз. Итак, я перевожу тебя в группу более опытных курсантов.

Мэтт едва не забыл выключить радио.

— Спасибо, сержант! — воскликнул он, не скрывая восторга.

— Меня-то за что благодарить — ведь это ты справился с задачей, а не я. — Сержант включил радио. — Продолжаем тренировку. Номер четыре!

Мэтту хотелось поскорее вернуться обратно, отыскать Текса и с гордостью рассказать о своем успехе, но оставалось еще семь курсантов. Несколько человек справились с заданием, остальных сержанту пришлось подтаскивать на страховочном тросе.

Последний курсант превзошел всех остальных. Он не выключил ракетный двигатель, несмотря на неоднократные команды сержанта Ханako. Курсант летел прочь от корабля по кривой и начал кувыркаться; сержант травил и травил страховочный трос, пытаясь остановить вращение курсанта и повернуть его к кораблю. Прошло пятьдесят долгих секунд, и двигатель выключился из-за того, что кончилось топливо; к этому моменту курсант был уже в тысяче футов и продолжал быстро удаляться от корабля.

Сержант отлавливал курсанта подобно рыболову, борющемуся с барракудой; наконец ему удалось медленно и осторожно — потому что скорость курсанта была уже велика, а прочность троса тоже имела пределы — подтянуть неудачника к поверхности корабля.

Когда наконец курсант встал на обшивку корабля, и магнитные подошвы его сапог надежно прилипли к стали, сержант закрепил его коротким страховочным тросом и устало вздохнул.

— Вот это да! — заметил он. — Я уже подумал, что придется лететь за ним и буксировать обратно... — Он подошел к курсанту, прижал свой шлем к его шлему и выключил радио.

Курсант, однако, не догадался выключить свой передатчик, и остальные курсанты отчетливо слышали его объяснения.

— Не знаю, сержант, — растерянно отвечал курсант. — Со стартовой кнопкой все в порядке — я просто не мог заставить себя пошевелиться. Отчетливо слышал ваши команды, но не мог даже двинуть пальцем.

Вместе со всей группой Мэтт вернулся в шлюз; его настроение было уже не таким восторженным, как раньше. Судя по всему, думал он, за ужином будет еще один свободный стул. Начальник Академии — коммодор Аркрайт — считал, что отчисленного курсанта нужно отправлять с «Рэндольфа» как можно быстрее. Мэтт не имел намерения оспаривать справедливость действий коммодора, но его неприятно поразила неумолимая жесткость в их осуществлении; он почувствовал, что холодный ветер неудачи пролетел совсем рядом.

Но как только сержант отпустил курсантов, Мэтт снова прибодрился. Он быстро снял свой скафандр, осмотрел его и повесил в шкафчик, как этого требовали правила, и сразу помчался в свою каюту, отталкиваясь на поворотах от стенки движениями, совсем не предусмотренными уставом.

Мэтт влетел в каюту и принялся стучать в дверь комнатухи Текса. Ответа не последовало — Текса не было в каюте. Не оказалось дома и Пита с Оскаром. Расстроенный, Мэтт забрался в свою каютку и включил учебную кассету.

Не прошло и двух часов, Текс ворвался в каюту в тот самый момент, когда Мэтт собирался на обед, и закричал:

— Эй, Мэтт! Поздравь космонавта!

— Что случилось?

— Я только что успешно сдал экзамен по основам маневрирования в космосе. Сержант сказал, что это был лучший первый полет, который он когда-либо видел!

— Вот как?

— Точно. Да ты понимаешь: меня теперь пустят в увольнение на космическую станцию Терра!

Станция Терра

— Увольняющимся с корабля пройти на борт шаттла!

Мэтт застегнул молнию космического скафандра и поспешно проверил его. Оскар и Текс, стоявшие у двери, торопили его, потому что курсанты, получившие разрешение на увольнение, уже проходили через двери воздушного шлюза. Старший курсант, исполняющий обязанности вахтенного офицера, быстро осмотрел Мэтта и закрыл дверь шлюза позади него.

Воздушный шлюз представлял собой длинный коридор, закрывающийся с обеих сторон герметическими дверями. Он вел в ангар, углубленный в борту «Рэндольфа»: там стояли ракетные шаттлы. Давление в коридоре начало понижаться и наконец сравнялось с наружным. Дверь, ведущая в ангар, открылась; перехватывая руками натянутый трос, Мэтт попал внутрь шаттла и обнаружил, что для него, последнего из всей группы, не осталось свободного места.

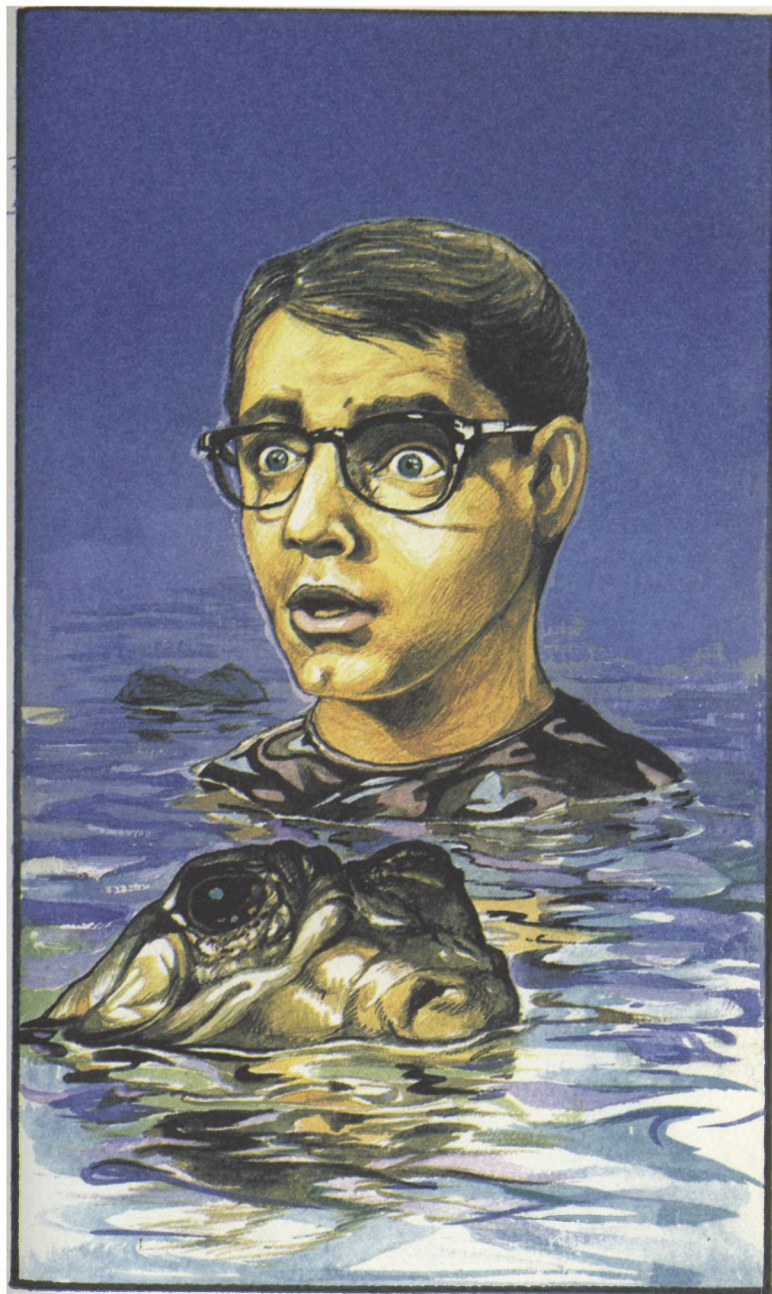
Выпускник, сидящий в кресле пилота, поманил его к себе. Мэтт пробрался к нему и прижал свой шлем к его шлему.

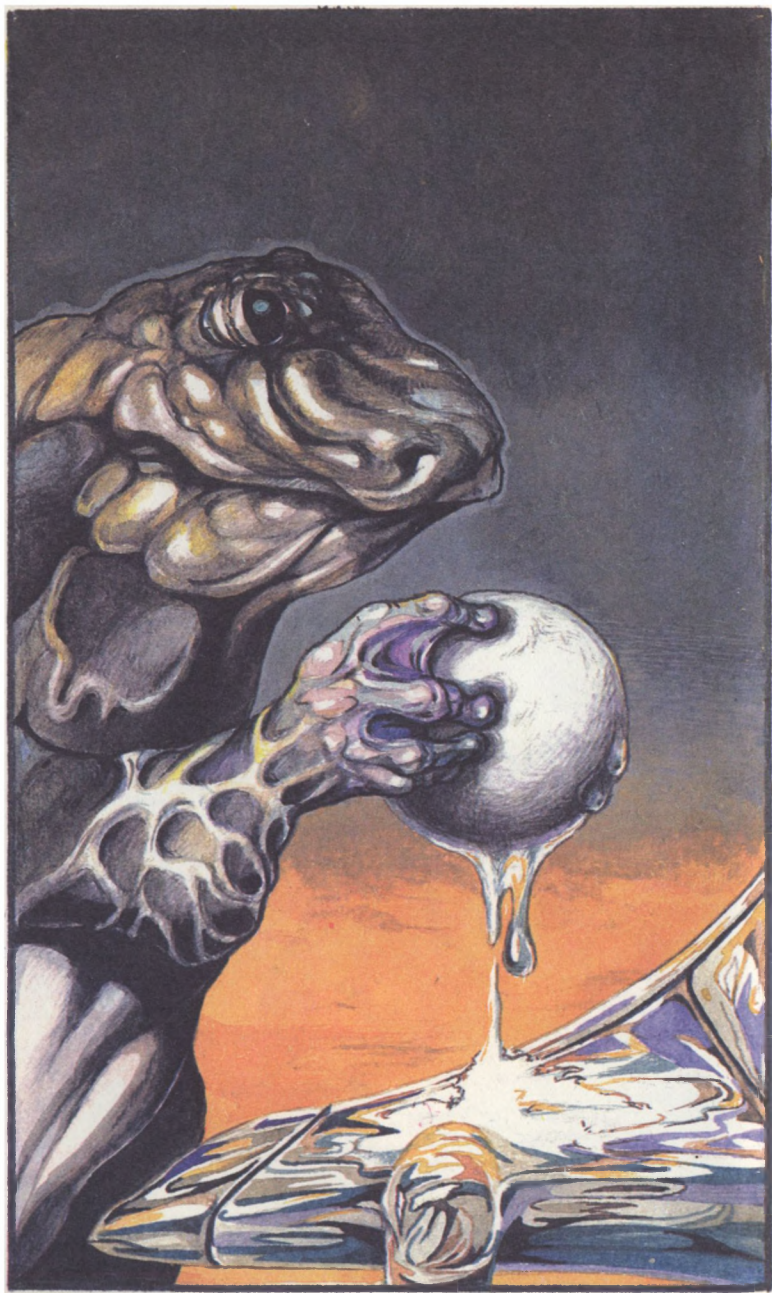
— Мистер, — спросил пилот, — вы умеете управляться с инструментами?

Полагая, что речь идет о несложной контрольной панели шаттла, Мэтт ответил:

— Да, сэр.

— Тогда садитесь в кресло второго пилота. Какова ваша масса?

— Двести восемьдесят семь фунтов, сэр, — Мэтт сообщил пилоту общую массу своего тела и космического скафандра.

Он быстро пристегнулся, затем посмотрел по сторонам, стараясь найти Текса и Оскара. Ему казалось, что он получил весьма ответственное задание, хотя, если говорить по правде, шаттлу нужен второй пилот, как свинье — запасной хвост.

Пилот ввел массу своего нового второго пилота в компьютер, который сделал необходимые поправки в расположение центра тяжести и инерционный момент, задумчиво посмотрел на экран и бросил Мэтту:

— Попросите Д-3 поменяться местами с Б-2.

Мэтт включил радио и отдал приказ. После толкотни, длившейся несколько секунд, крупный и рослый курсант поменялся местом с невысоким щуплым юношей. Затем пилот сделал знак курсанту, управляющему механизмами ангара; шаттл был выведен из корабля удерживающей его механической рукой и оказался в космосе.

Шаттл представляет собой пассажирскую ракету в своей первобытной простоте, и его можно описать, как ракетный двигатель с закрепленными на нем фермами, к которым пристегиваются пассажиры. Поскольку шаттл летает только в безвоздушном пространстве, ему не требуется обшивка и обтекаемая форма.

Сам ракетный двигатель ничем не прикрыт. Закрепленные вокруг него фермы с пристегнутыми к ним пассажирами не имеют никакого сходства с самым примитивным кораблем, обладающим герметическим корпусом. Да здесь он и не требуется. Ведь шаттл нужен всего лишь для коротких перелетов между «Рэндольфом» и космической станцией Терра. Лишь пилоты сидят в чем-то, напоминающем кресла.

Когда механическая рука вынесла шаттл за пределы ангара, курсант, руководящий стартом, с помощью гидравлических устройств развернул шаттл в сторону космической станции Терра.

Пилот нажал на кнопку включения двигателя, и шаттл сорвался с места, выбрасывая из дюз двигателя языки пламени. Пилот не сводил глаз с экрана радиолокатора. Когда расстояние между шаттлом и космической станцией начало сокращаться со скоростью восьмидесяти восьми футов в секунду, он выключил двигатель.

— Свяжитесь со станцией, — приказал он Мэтту.

Мэтт повернул тумблер и вызвал станцию.

— Шаттл номер три с «Рэндольфа», полет по расписанию. Прибываем через девять минут, плюс или минус минута, — передал Мэтт и мысленно поздравил себя с тем, что потратил немало времени на изучение кассеты с инструкцией по управлению малых пассажирских ракет.

— Принято, — ответил женский голос, затем добавил, — заходите на посадочную платформу «Б».

— Понятно, платформа «Б», — повторил Мэтт. — Есть другие транспортные средства вблизи?

— На внешних орбитах — нет. «Крылатая победа» — на внутренней орбите, в процессе стыковки.

Мэтт доложил результаты радиопереговоров пилоту.

— Значит, никого на внешней орбите, — повторил старший курсант. — Мистер, я пока вздремну. Разбудите меня, когда мы приблизимся на полторы мили.

— Будет исполнено, сэр.

— Вы считаете, что сумеете подвести шаттл к станции?

— Постараюсь, сэр, — с трудом выдавил Мэтт.

— Обдумайте свои маневры, пока я сплю, — и в следующее мгновение пилот закрыл глаза, удерживаемый ремнями в состоянии невесомости, будто он удобно расположился на своей койке в каюте «Рэндольфа».

Мэтт следил за показаниями приборов на контрольной панели. Через семь минут он разбудил пилота, который открыл глаза и сразу спросил:

— Какой маневр вы собираетесь использовать?

— Ну, э-э, если мы продолжим полет не меняя направления, то пролетим мимо станции с внешней стороны. Я не стал бы менять курс. После сближения на четыре тысячи футов включу двигатель и доведу относительную скорость сближения до десяти футов в

секунду, после этого буду управлять полетом вручную, не включая радиолокаторы.

— Вижу, вы потратили немало времени на подготовку, — улыбнулся пилот.

— Вы считаете, я упустил что-то? — спросил Мэтт обеспокоенным голосом.

— Нет. Берите управление на себя. Действуйте. — Пилот взглянул на экран, чтобы убедиться в том, что шаттл действительно летит по курсу, пролегающему мимо станции.

Мэтт следил за тем, как сокращается расстояние. Радостное волнение переполняло его. Он мельком взглянул на гигантский сверкающий цилиндр космической станции и тут же отвел взгляд. Через несколько секунд он нажал на кнопку включения двигателя, и перед ними выплеснулся яркий язык пламени.

Шаттл имел двигатели на обоих концах; оба двигателя получали топливо из одних баков, топливо перекачивалось одним насосом через систему соединяющихся трубопроводов. Управляют шаттлами обычно на глаз, без сложных математических расчетов. Являясь, по сути дела, простейшими транспортными средствами при полетах в космосе, шаттлы представляют собой незаменимое средство обучения курсантов полетам на ракетных кораблях.

По мере приближения к станции Мэтта охватило тревожное чувство — вечный вопрос пилотов-ракетчиков: правильно ли он рассчитал курс и не случится ли столкновения? Беспокойство не покидало его, хотя Мэтт и был уверен, что, следуя по проложенному им курсу, шаттл минует край гигантской станции. С чувством непередаваемого облегчения Мэтт снял палец с кнопки включения двигателя.

— Вы узнаете платформу «Б», когда мы будем рядом с ней? — спросил пилот.

— Нет, сэр, — покачал головой Мэтт. — Это мой первый полет на станцию Терра.

— Первый полет? И я позволил вам управлять шаттлом! Вот она, эта платформа — третья снизу. Начините торможение.

— Слушаюсь, сэр.

Шаттл летел вдоль борта станции на расстоянии около ста ярдов от нее, со скоростью быстро идущего

пешехода. Мэтт дал возможность шаттлу еще немного приблизиться к платформе «Б» и включил тормозной двигатель на несколько секунд. Ему показалось, что шаттл почти не замедлил движения, поэтому Мэтт снова включил двигатель, на этот раз чуть дольше.

Несколько минут спустя шаттл замер в пространстве рядом с выделенной ему платформой. Мэтт повернул голову к пилоту и посмотрел на него вопросительным взглядом.

— Мне приходилось видеть маневры куда хуже, — буркнул пилот. — Передайте им, чтобы нас подтащили к станции.

— «Рэндольф», номер три, готовы к стыковке, — сообщил по радио Мэтт.

— Видим вас, — послышался в наушниках женский голос. — Принимайте трос.

Трос, выстреленный специальным устройством, полетел от станции к шаттлу по идеально прямой траектории и попал точно в кольцо на корпусе шаттла.

— Я сменяю вас, сэр, — сказал пилот Мэтту. — Лезьте к кольцу и закрепите трос.

Через несколько минут шаттл подтянули к стыковочной платформе «Б», и курсанты начали входить в шлюз платформы. Мэтт нашел Текса и Оскара в раздевалке, где они снимали космические скафандры.

— Как вам понравился полет и стыковка? — с напускной небрежностью поинтересовался Мэтт.

— По-моему, неплохо, — ответил Текс. — А почему ты спрашиваешь?

— Я управлял шаттлом.

— Ты? — Оскар с любопытством взглянул на Мэтта. — Молодец!

— Пилот разрешил тебе управлять сближением и стыковкой? — на лице Текса появилось изумленное выражение. — Во время твоего первого полета?

— А почему бы и нет? Ты что, не веришь?

— Нет, верю, просто удивлен. Можно, я потрогаю тебя за руку? Не дашь ли автограф?

— Ладно, кончай кривляться!

Курсанты находились, разумеется, в той части станции, где господствовала невесомость. Уложив в шкафчики космические скафандры, они поспешили во

вращающуюся часть станции, где прогуливалась публика. Оскар был знаком — более или менее — со станцией, потому что во время перелета на базу Академии ему пришлось совершить здесь посадку. Он провел их к двери рядом с осью вращения — единственному месту, где можно было перейти из зоны невесомости в зону, на внешней части которой царила нормальная сила тяжести.

От центральной оси курсанты спустились на несколько уровней, мимо служебных кабинетов и кают к одному из первых уровней, отведенных для посетителей. Фактически этот уровень ничем не отличался от широкой, ярко освещенной улицы с высоким потолком и движущимися тротуарами по сторонам. Слева и справа вдоль улицы выстроились рестораны и магазины. Движущиеся тротуары исчезали вдаль, поворачивая вверх и в сторону, потому что широкий коридор опоясывал всю станцию.

— Это, — сообщил друзьям Оскар, — Райская улица.

— Понимаю, почему ее так называли, — присвистнул Текс.

Курсанты смотрели в ту же сторону, что и он. Высокая стройная блондинка, одетая в короткое голубое платье, которое закрывало такую малую часть ее тела, что простора для воображения почти не оставалось, стояла у витрины ювелирного магазина.

— Не увлекайся, Текс, — предостерег Оскар. — Она выше тебя.

— Такие высокие мне особенно нравятся, — бросил Текс. — Смотрите!

Юноша небрежными шагами подошел к молодой особе. Мэтт и Оскар не слышали фразы, с которой Текс обратился к женщине, но она не почувствовала себя оскорбленной, потому что рассмеялась. Затем она окинула Текса взглядом с ног до головы, внимательно и чуть насмешливо, и заговорила. Ее голос был отчетливо слышен даже на расстоянии.

— Я замужем и, по крайней мере, на десять лет старше вас. И не в моих привычках знакомиться с курсантами.

Текс на глазах у своих приятелей съежился и вернулся, подобно побитой собаке, поджав хвост. Он начал сердитым голосом:

— Ну и что, по крайней мере, я сделал попытку...

И в этот момент женщина обратилась ко всем троим:

— Подождите, юноши! Да-да, вы — трое! — Она подошла к ним и улыбнулась Мэтту и Оскару. — Вы ведь совсем новые курсанты, верно?

— Действительно, мадам, мы стали курсантами совсем недавно, — ответил Оскар.

Женщина открыла свою сумочку, усыпанную драгоценными камнями, и что-то достала оттуда.

— Если вам хочется повеселиться и встретиться с молодыми девушками, приходите по этому адресу, — и она вручила Оскару визитную карточку.

Оскар взял карточку и удивленно посмотрел на женщину.

— Спасибо, мадам.

— Не стоит благодарности. — Женщина повернулась и исчезла в толпе.

— Что там написано? — с любопытством спросил Мэтт.

Оскар посмотрел на визитную карточку, затем передал ее Мэтту.

— На, читай.

На квадратике белого картона было написано:

ПЕРВАЯ БАПТИСТСКАЯ ЦЕРКОВЬ СТАНЦИИ ТЕРРА

ПАСТОР — ДОКТОР ТЕОЛОГИИ Р. СМАЙЛИ
ЗАЛ ВСТРЕЧ

Тел. 2437, уровень «С»

— Вот видите, никто не сможет сказать, что моя попытка оказалась совершенно неудачной, — усмехнулся Текс.

Разгорелся спор. Мэтт и Текс хотели отправиться в зал встреч немедленно, тогда как Оскар настаивал, что проголодался и хочет поесть по-человечески. Чем доволь-

ше продолжался спор, тем разумнее казались аргументы Оскара. Наконец Текс присоединился к Оскару, и Мэтту пришлось согласиться с мнением большинства.

Уже через несколько минут, увидев цены блюд в ресторанном меню, Мэтт пожалел о своей уступчивости. Ресторан, куда зашли юноши, обслуживал преимущественно туристов и представлял собой роскошный зал с примыкающим к нему баром. Вместо автоматически обслуживаемых столов, здесь работали настоящие официанты; соответственно высокими были и цены.

Текс увидел, как помрачнел Мэтт.

— Не расстраивайся, — сказал он, — Я угощаю — мой старик прислал чек.

— Нет, я не могу согласиться на это.

— Ты что, хочешь поссориться?

— Нет, только не из-за этого. Я согласен, — улыбнулся Мэтт.

— Насколько тяжелым должно быть твое наказание, Текс? — спросил Оскар. — В объеме чая с бутербродами?

— Нет, ребята, заказывайте что угодно. Давайте отпразднуем по-настоящему. Между прочим, нужно заказать выпивку.

— Что? — удивился Оскар. — Чтобы нас задержал военный патруль? Нет уж, спасибо?

Мэтт тоже начал возражать, но Текс уже встал.

— Положитесь, ребята, на дядю Джермэна. Уже давно пора вам, бедным недоразвитым иностранцам, попробовать настоящий мятный коктейль с чистым виски! — И он направился в бар. Оскар беспомощно пожал плечами.

Перед тем как войти в помещение бара, Текс произвел тщательную разведку. В баре, разумеется, не было курсантов; еще более важным оказалось то, что там не было офицеров, военного патруля или космических пехотинцев. В это раннее время бар выглядел покинутым. Текс подошел прямо к бармену.

— Вы можете приготовить мятный коктейль? — спросил он.

— Иди, гуляй, — посмотрел на него бармен. — Мне запрещено продавать курсантам спиртные напитки.

— Я ведь не спрашиваю, запрещено это или нет. Так вы умеете готовить мятный коктейль? — и с этими словами Текс сунул бармену банкноту. — И не один, а три.

Бармен уставился на деньги, затем сделал едва заметное движение рукой — и банкнота исчезла.

— Идите к себе за стол, — сказал он.

— Понятно! — удовлетворенно ответил Текс.

Через несколько минут официант поставил на стол перед тремя курсантами чайный прибор, но в чайнике был не чай, а нечто иное. Текс аккуратно разлил по чашкам содержавшийся в чайнике напиток, следя за тем, чтобы каждому досталось равное количество.

— Ну, за нас, друзья, выпьем за наш успех.

Мэтт осторожно попробовал напиток.

— Похоже на лекарство, — сообщил он.

— Лекарство? — запротестовал Текс. — Этот благородный эликсир? Южанин не в силах вытерпеть такого оскорбления; встретимся на рассвете, сэр, кофе и пистолеты на двоих.

— А мне все равно кажется, что это лекарство. Как ты думаешь, Оскар?

— Можно терпеть.

Мэтт решительно отодвинул свою чашку в сторону.

— Ты что, действительно отказываешься от своей порции? — спросил Текс.

— Спасибо, Текс, я просто боюсь, что мне будет нехорошо. Можешь считать меня маменькиным сынком.

— Ничего не поделаешь, не пропадать же добру. — Текс взял его чашку и вылил половину в свою. — Тебе налить, Оскар?

— Нет. Пей сам.

— Если ты настаиваешь, — и Текс вылил себе остальное.

Когда подали обед, у Текса пропал аппетит. Мэтт и Оскар накинулись на мясо, а Текс пытался убедить их спеть хором.

— Ну давай, Оскар, не ломайся! Я научу тебя словам песни.

— У меня нет голоса.

— Есть, не ври. Я слышал, как ты пел в сопровождении оркестра Свинячьего закоулка. Сделаем так: я спою куплет, потом все захлопаем в ладоши и исполним припев: «В самом... сердце... Техаса». Вот так.

— Сейчас же замолчи, Текс, — предостерег его Оскар, — а то окажешься, в самом деле, перед крупными неприятностями!

— Ну и человек! Не хочет повеселиться! Давай с тобой, Мэтт.

— Я не могу петь с набитым ртом.

— Слушай, Мэтт, — прошептал Оскар. — Мне не изменяет зрение?

Мэтт повернул голову и увидел лейтенанта Вонга в дальнем углу ресторана. Офицер подошел к столу, сел, оглянулся по сторонам, заметил курсантов, кивнул и принялся изучать меню.

— Боже мой, — выдохнул Мэтт.

— Если уж вы не хотите петь «В самом сердце Техаса», — настаивал Текс, — я согласен на «О, Айова!» Мы, Джермэны, — люди широкого кругозора.

— Мы ничего не будем петь. Ради Бога, Текс, заткнись! В ресторан только что вошел офицер.

— Где он? — воскликнул Текс. — Пригласим и его. Я не такой человек, чтобы затаить на кого-нибудь злобу. Все они — хорошие парни, мерзавцы.

Мэтт осторожно повернул голову и взглянул на лейтенанта Вонга. В это время офицер посмотрел на него и поманил к себе пальцем.

Мэтт встал и подошел к лейтенанту.

— Додсон...

— Слушаю вас, сэр

— Идите обратно и убедите Джермэна успокоиться, пока мне не пришлось подойти к вашему столу и поинтересоваться его именем.

— Будет исполнено, сэр!

Когда он вернулся к столу, Текс уже утихомирился и вроде протрезвел, но казался крайне озадаченным. Лицо Оскара, обычно спокойное и улыбающееся, покраснело от гнева.

— Каким будет приговор?

Мэтт рассказал ему о словах лейтенанта.

— Понятно. Вонг — хороший парень, на него можно положиться. А сейчас нужно увести отсюда этого идиота. — Оскар подозвал официанта, расстегнул сумку Текса и расплатился. — Пошли, — сказал он, поднимаясь из-за стола. — Соберись с силами, Текс, а то я сломаю тебе шею!

— Куда мы пойдем? — спросил Мэтт.

— Нужно найти освежитель.

Через несколько минут им удалось найти освежитель, никем не занятый. Оскар подвел Текса к раковине, заставил его наклониться и приказал сунуть в рот два пальца.

— Зачем? — удивился Текс.

— Потому что, если ты не выплунешь всю эту гадость, мне придется сунуть тебе в пасть свои пальцы. Слушай-ка, Мэтт, займись им. Я сейчас вернусь.

Прошло целых двадцать минут, прежде чем Оскар вернулся с литровым картонным контейнером горячего черного кофе и несколькими таблетками. Он заставил Текса выпить горячее кофе и проглотить полдюжины таблеток.

— Что это за таблетки? — спросил Текс слабым голосом.

— Хлористый тиамин.

— Кто научил тебя всему этому?

— Видишь ли... — Оскар наморщил лоб. — Венера мало похожа на Землю. Это все еще дикая, малоосвоенная планета. Там можно встретиться с чем угодно. Хватит болтать, Текс, допивай кофе.

— Слушаюсь, сэр. Как вам угодно, сэр.

— Посмотри, Оскар, у него испачкан комбинезон на груди, — заметил Мэтт.

— Действительно. Жаль, что мы не подумали об этом раньше. Нужно было сначала раздеть его.

— Что же теперь делать? Если он вернется на «Рэндольф» в таком виде, нас начнут расспрашивать, причем самым подробным образом.

— Дай подумать. — Наконец Оскар повернулся к Тексу. — Иди вон туда, — сказал он, показывая на одну из кабин освежителя, — и сними комбинезон. Дай его нам, а сам запишись внутри. Мы скоро вернемся.

Текс, казалось, понимал, что с ним обращаются как с ребенком, но у него не осталось сил для сопротивления. Он вошел в кабину, и через несколько минут Мэтт и Оскар вышли из освежителя. Под мышкой у Оскара был туго свернутый курсантский комбинезон.

Они объехали на движущейся дорожке половину станции, обгоняя толпы прекрасно одетых, смеющихся людей, мимо мелькали роскошные, ярко освещенные витрины магазинов. Мэтт наслаждался невиданным зрелищем.

— Говорят, — заметил Оскар, — что так выглядели большие города до наступления периода Беспорядков.

— Да, это мало похоже на Де-Мойн.

— И ничуть не напоминает Венеру, — согласился Оскар.

Наконец он заметил место, которое они искали, — автоматическую прачечную, скрытую в узком коридоре, рядом с залом ожидания для эмигрантов. Пришлось довольно долго ждать, однако они получили безупречно выстиранный и отглаженный комбинезон, завернутый в аккуратный пакет. Поскольку прачечная находилась на космической станции Терра, стоимость услуг здесь была астрономической. Мэтт с унынием подсчитал, сколько у него осталось денег.

— Чего уж тут жадничать, — сказал он и купил на всю оставшуюся мелочь фунт вишен в шоколаде. После этого они поспешили обратно.

Текса расстроило их долгое отсутствие и он был такой счастливый, когда друзья наконец вернулись, что Мэтт в приступе щедрости передал ему коробку конфет.

— Это наш подарок тебе, несуразное ты существо.

Текс был глубоко тронут таким жестом; впрочем, это был действительно всего лишь жест, потому что конфеты и другие подарки делились, по древней традиции, между всеми курсантами, живущими в одной каюте.

— А теперь одевайся побыстрее, Текс. Шаттл отправляется через тридцать две минуты.

Через двадцать пять минут одетые в космические скафандры друзья вошли в шлюз станции. Текс прижмал локтем коробку с конфетами.

Перелет к «Рэндольфу» прошел без приключений, если не считать маленького происшествия: Мэтт забыл предупредить Текса, что для коробки конфет требуется герметичная упаковка. Еще перед тем, как Текс пристегнулся к ферме шаттла, коробка раздулась. К тому моменту, когда шаттл состыковался с «Рэндольфом», вся передняя и боковая сторона его космического костюма оказалась покрыта пенящейся липкой массой, состоящей из вишневого сиропа, сока, жидкого сахара и коричневого шоколада, потому что шоколадные конфеты с жидкой начинкой закипели и расширились в безвоздушном пространстве. Текс собрался было с отвращением выбросить бесполезную теперь коробку, если бы не старший курсант, пристегнутый к ферме рядом, который напомнил ему о суровом наказании за засорение мусором пространства, где постоянно летают пассажирские и транспортные корабли.

Курсант, отвечающий за порядок в ангаре, с презрением посмотрел на испачканный скафандр Текса.

— Почему вы не сунули коробку внутрь скафандра? — недоуменно спросил он.

— Как-то не пришло в голову, сэр.

— Хм-м! Надеюсь, в следующий раз это все-таки придет вам в голову. Зайдите к вахтенному офицеру и сообщите о моем замечании за «поразительную неопрятность при ношении формы». И не забудьте как следует вычистить свой скафандр.

— Будет исполнено, сэр.

Когда они вернулись в каюту, Пит уже ждал их. Он вышел навстречу из своей комнатухи.

— Ну что, хорошо повеселились? Жаль, что я был на дежурстве и не смог отправиться с вами.

— Не расстраивайся, ты мало что потерял, — успокоил его Оскар.

Текс посмотрел на друзей виноватым взглядом.

— Извините меня, ребята, что я испортил ваше первое увольнение.

— Ничего страшного, — успокоил его Оскар. — Станция Терра никуда не денется и через месяц.

— Совершенно верно, — согласился Мэтт. — Вот только скажи честно, Текс. Это был первый коктейль в твоей жизни, верно?

— Да, — покраснел Текс. — Все мои родные — трезвенники, если не считать дядю Боди.

— Забудь про дядю Боди. Если я еще раз поймаю тебя за коктейлем, тут же и ухлопаю тебя бутылкой.

— А-а, перестань, Мэтт!

Оскар посмотрел на Мэтта скептически.

— Ты уж полегче с подобными заверениями, дружище. Такое могло случиться и с тобой.

— Могло, не отрицаю. Когда-нибудь, возможно, вам придется вести меня под руки, и я узнаю, как чувствуют себя пьяные. Но только не в общественном месте.

— Договорились.

— Послушайте, ребята, — воскликнул Пит, переводя взгляд с одного на другого. — Я не понимаю, что там с вами случилось?

Тяжелая работа

Жизнь на борту «Рэндольфа» носила странный отпечаток «вневременности» или, вернее, невозможности следить за проходящими днями. На борту учебного корабля не менялась погода, да и время года постоянно казалось одним и тем же. Даже деление суток на «ночь» и «день» было произвольным и постоянно нарушалось ночными вахтами и занятиями в лабораториях, которые проводились в любое время, для того чтобы до предела использовать ограниченные возможности. Кормили курсантов через каждые шесть часов крутые сутки, и в час «ночи» столовая была обычно наполнена не меньше, чем в семь «утра».

Мэтт научился спать всякий раз, когда выдавалась возможность; и «дни» быстро шли один за другим. Ему казалось, что времени, необходимого для овладения предметами учебной программы, никогда не будет хватать.

Математика, астрогация и особенно ядерная физика превратились в путало; он замечал, что ему приходилось заниматься прикладной математикой еще до того, как он овладел основами ее теории.

Перед тем как стать курсантом, Мэтт считал себя математическим гением; он, наверное, и выделялся математическим талантом, но в обычных условиях. Ему никогда не приходило в голову, что он может оказаться

одним из членов группы молодых людей, где каждый обладал исключительными способностями в какой-нибудь из наук.

Мэтт занялся более глубоким изучением математики и работал больше, чем когда-либо в жизни. Дополнительные усилия помогали ему избегать провалов, но не больше.

Невозможно постоянно подгонять себя, заставляя работать и при этом не сломаться, однако окружение помогало Мэтту с честью выйти из этого положения и не переутомиться, даже когда он подходил вплотную к опасной черте.

Коридор номер пять на палубе «А», где находилась каюта Мэтта, в которой он жил с друзьями, получил название «Свинячьего закоулка» и прославился бесшабашностью своих обитателей еще перед тем, как здесь поселился Текс со своими незаурядными способностями в этой сфере.

В настоящее время «Мэром Свинячьего закоулка» был курсант, заканчивающий Академию, по имени Билл Аренса. Он был фантастически талантлив и усваивал любую учебную кассету после первого же просмотра и все-таки находился на «Рэндольфе» необычно длительное время, что объяснялось огромным количеством набранных им штрафных очков.

Однажды вечером, после ужина, Мэтт и Текс расположились у себя в каюте и попробовали музицировать вместе. Мэтт вооружился гребешком и полоской тонкой бумаги, а Текс взялся за гармонику. И тут же из коридора донесся вопль: «Немедленно откройте дверь! Эй вы, молодежь, выходите в коридор!»

Текс и Мэтт поспешно исполнили приказ. Мэр Свинячьего закоулка внимательно осмотрел их.

— Никаких следов крови, — недоуменно заметил он. — Мне показалось — я даже готов поклясться, — что в каюте кого-то режут. Берите свои шумовые инструменты и пошли со мной.

Аренса привел их к себе в каюту, которая была уже переполнена гостями. Он махнул рукой в их сторону:

— Познакомьтесь с Форумом Свинячьего закоулка — сенатор Мямля, сенатор Болтун, сенатор Кожаный Мешок, доктор Благодетель и маркиз де Сад.

Джентльмены, разрешите представить вам комиссара Несчастливца и профессора Мудреца. — Закончив представление, Аренса скрылся в своей комнатухе.

— Как вас зовут, мистер? — спросил один из курсантов, обращаясь к Тексу.

— Джермэн, сэр.

— А вас?

— У нас нет времени для таких мелочей, — заявил Аренса, выходя из комнатухи с гитарой в руках. — Ну-ка, джентльмены, вспомните мелодию, которую вы исполняли; давайте попробуем еще раз. Приготовились; начинаем по моему сигналу... раз, два и три!

Так появился на свет оркестр Свинячьего закоулка. Постепенно он вырос до семи инструментов и начал работать над репертуаром, который можно было продемонстрировать на корабельном празднике. Мэтт был вынужден отказаться от участия в оркестре, как только он попал в команду по космическому поло: времени для участия и в том и в другом не хватало, но его ухода из оркестра остальные музыканты даже не заметили.

И тем не менее Мэтт остался одним из друзей старшего курсанта. Аренса принял всех четырех под свое крыло, потребовав, чтобы они время от времени заходили к нему, и следил за их жизнью. В отличие от других старших курсантов, он никогда не жаловался на них офицерам. Сравнивая свои впечатления с впечатлениями других новичков, Мэтт пришел к выводу, что ему и его друзьям повезло. Они посещали частые заседания «Форума» — сначала по настоянию Аренсы, потом из интереса. Обычным развлечением на борту «Рэндольфа», как и во всех школах-интернатах, были споры. Их темы затрагивали самые разные вопросы, а замечания Аренсы, необычные и часто радикальные, придавали особый интерес.

И все-таки, какой бы вопрос не обсуждался сначала, постепенно темой обсуждения становились девушки. Через некоторое время споры заканчивались стандартным заявлением: «А какой смысл вообще о них говорить? На «Рэндольфе» нет девушек. Пошли лучше спать».

Не менее интересным был семинар на тему «Сомнение», включенный в учебное расписание. Этот предмет

появился на свет по инициативе коммодора, который пришел к выводу, на основании собственного опыта, что все военные организации, причем Патрульная Служба не являлась исключением, имеют общую слабость. Свойственная им военная иерархия по своей природе консервативна и полагается на тупую исполнительность, основывающуюся на законе прецедента; оригинальное и нестандартное мышление считается у военных наказуемым. Инициатива наказуема — гласит один из общепринятых военных принципов. Коммодор Аркрайт понял, что подобные тенденции неизбежны и тесно связаны с природой военных формирований; он надеялся изменить эти тенденции, мало-помалу дав им толчок в направлении, следовать которому невозможно без оригинальных и нестандартных идей.

Были созданы дискуссионные группы, составленные из молодых курсантов, старших курсантов и офицеров. Руководитель семинара задает тон спорам, выдвинув положение, противоречащее общепринятой аксиоме. Начиная с этого момента, можно было говорить что угодно.

Мэтт не сразу овладел искусством участия в таком семинаре. Во время первого заседания руководитель семинара выдвинул такое предположение: «Патрульная Служба приносит вред и должна быть распущена». Мэтт не верил своим ушам.

Выступающие заявляли один за другим, что в течение стабильного мира, существующего последние сто лет вследствие неослабной бдительности Патрульной Службы, нанесен ущерб человеческой расе, что резкое увеличение числа мутаций, вызванное атомными войнами, благоприятно влияет на непоколебимые законы эволюции, что ни человеческая, ни любая другая раса, населяющие Солнечную систему, не могут рассчитывать на вечное существование, если они намеренно откажутся от войн, и что, наконец, Патрульная Служба составлена из самодовольных глупцов, принимающих внушенные им предрассудки за законы природы.

В течение первой дискуссии такого рода Мэтт не произнес ни единого слова.

На семинаре, который проводился на следующей неделе, он услышал, как под сомнение была поставлена

материнская любовь и любовь к матери. Ему хотелось ответить, но, как он ни старался, ему не приходили в голову сколько-нибудь веские аргументы, если не считать обычного: «А потому!» Затем последовали нападки на монотеизм как желательную форму религии, на разумность научного подхода и на право большинства в решении спорных вопросов. Мэтт понял, что здесь разрешается выражать как ортодоксальные, так и неортодоксальные точки зрения, и постепенно начал принимать участие в дебатах, защищая некоторые из своих любимых идей.

И тут же он увидел, что его бессознательные предположения, скрывающиеся за выражаемыми им точками зрения, подвергаются безжалостным нападкам; скоро Мэтту пришлось вернуться к упрямому, хотя и невыраженному вслух доказательству: «А потому!»

Мэтт начал привыкать к методам споров и аргументации и быстро обнаружил, что можно, задавая невинные вопросы, разрушить цепь чьих-то доказательств.

Мэтт начал получать особое удовольствие от участия в семинарах, после того как в его группе появился Жерар Берк. Он терпеливо выжидал, пока Жерар не выскажет какую-нибудь определенную точку зрения, затем задавал вопрос; это всегда был вопрос и никогда — определенное заявление. По каким-то причинам, не понятным для Мэтта, точки зрения Берка всегда были ортодоксальными. Чтобы опровергнуть их, Мэтту приходилось выдвигать нестандартные идеи.

Один раз после окончания семинара он спросил Берка:

— Послушай, Берк, мне всегда казалось, что у тебя необычные суждения по всем вопросам.

— Да, я так считаю.

— Но во время семинара «Сомнение» ты умело их скрываешь.

На лице Берка появилась хитрая улыбка.

— Ты считаешь, что мне следует говорить именно то, о чем я действительно думаю?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты полагаешь, наши начальники так уж интересуются новыми мыслями? Послушай, юноша, ты когда-нибудь научишься распознавать ловушки?

Мэтт задумался.

— Мне кажется, ты не в своем уме, — ответил он наконец. Однако слова Берка заставили его размышлять о целях семинара.

Шли дни. Нагрузка была настолько велика, что скучать не оставалось времени. Мэтт разделял общее убеждение всех курсантов, что «Рэндольф» — это сумасшедший дом, непригодный для нормальных людей; металлолом, заброшенный в космос, и тому подобное. Но, по правде говоря, у него не сформировалось своей точки зрения относительно учебного корабля — он был слишком занят учебой. Сначала его мучила тоска по дому; с течением времени она отступила. Его дни были наполнены занятиями, учебой, тренировками, снова учебой, лабораторными работами, сном, едой и опять учебой.

Однажды он возвращался с ночной вахты в отделе космической связи. Из каюты Пита доносились звуки. Сначала Мэтт предположил, что его товарищ решил не спать, а заняться учебой, и просматривает кассеты на проекторе. Он хотел уже постучать в дверь и пригласить Пита отправиться в столовую — выпросить у дежурного по камбузу чашку какао, но вдруг понял, что слышит не шум проектора.

Мэтт осторожно приоткрыл дверь. С койки доносились сдавленные рыдания. Он тихо прикрыл дверь и постучал. Через несколько секунд послышался голос Пита:

— Заходи.

Мэтт вошел в комнатушку.

— Привет, Пит. У тебя нет чего-нибудь поесть?

— Пирожки в столе.

— Что с тобой, Пит? — спросил Мэтт, улетая пирожок. — Ты выглядишь больным.

— Нет, я здоров.

— Не вешай мне лапшу на уши. Говори, в чем дело.

— Ты не сможешь мне помочь. Я хочу домой.

— О-о, — перед мысленным взором Мэтта появились зеленые просторы и холмы Айовы. Усилием воли он подавил видение. — Да, парень, это тяжелое дело. Поверь мне, я тебя понимаю.

— Да как ты можешь понять меня, Мэтт? Ведь ты практически дома — стоит подойти к иллюминатору, и ты видишь родину.

— Ну это малоутешительно.

— К тому же для тебя не прошло столько времени вдали от дома. А мне потребовалось два года, чтобы попасть на Терру; и никто не знает, смогу ли я когда-нибудь побывать дома. — В глазах Пита появилось отсутствующее выражение; голос зазвучал почти лирично. — Ты не представляешь, Мэтт, как прекрасна моя планета. Недаром говорят: «У каждого цивилизованного человека две родные планеты: своя и Ганимед».

— Кто же говорит так?

Пит даже не обратил внимания на этот вопрос.

— Юпитер висит у тебя над головой, заполняя половину неба... — Он помолчал. — Как там прекрасно, Мэтт! Ничто в мире не сравнится с Ганимедом.

Перед мысленным взглядом Мэтта снова мелькнула панорама Де-Мойна летним вечером, незадолго до наступления осени... светлячки кружатся в небе, цикады стрекочут среди деревьев, а воздух так ароматен и густ, что его можно черпать горстями. Внезапно его охватило чувство ненависти к окружающей их стальной оболочке с постоянной невесомостью, очищенным воздухом и искусственным освещением.

— Зачем только мы поступили в Патрульную Службу, Пит!

— Не знаю, Мэтт. Не знаю!

— А ты не собираешься обратиться с просьбой об увольнении из Академии, Пит?

— Не могу. Отцу пришлось занять крупную сумму, чтобы оплатить мой проезд в оба конца; если я уйду из Патрульной Службы по своему желанию, он не сможет погасить долг.

Вошел Текс, широко зевая и почесываясь:

— Чего вы разговаривали, ребята? Вам что, спать надоело? Тогда пожалейте других — дайте поспать.

— Извини, Текс.

— Вы оба выглядите так, будто у вас умерли любимые собаки, — внимательно посмотрел на них Текс. — Что случилось?

— Ничего особенного, — буркнул Мэтт. — Тоска по дому.

— Не совсем так, — вступился Пит, стараясь защитить друга. — Это я расчувствовался, а Мэтт пытался утешить меня.

— Ничего не понимаю, — озадаченно заметил Текс. — Какое это имеет значение, где вы находитесь, если вдали от Техаса?

— Текс, ради Бога, перестань! — рассердился Мэтт.

— Что такого я сказал? — Текс удивился еще больше. — Пит, вот ты действительно далеко от дома, согласен с тобой. Но знаешь что, как только нам дадут отпуск, едем со мной в Техас. У нас ты сможешь сосчитать, сколько ног у лошади.

— И познакомиться с твоим дядей Боди? — слабо улыбнулся Пит.

— Ну конечно! Дядя Боди расскажет, как однажды ему пришлось скакать на мустанге — без седла. Ну как, договорились?

— Если пообещаешь побывать у меня на Ганимеде. И ты, Мэтт.

— Решено! — Юноши дружно пожали руки.

Последствия ностальгического приступа прошли бы бесследно, но скоро случилось еще одно событие. Мэтт направился по коридору в каюту Аренсы, собираясь попросить о помощи в решении сложной астронавтической задачи. Выпускник укладывал вещи. Он месяц назад сдал выпускные экзамены и получил назначение на космическую службу.

— Заходите, сенатор, — пригласил Аренса. — Нестой в дверях. Хочешь что-нибудь сказать?

— Да ничего, просто так зашел. Вас назначили на корабль, сэр?

— Нет. — Аренса взял пачку бумаг, просмотрел их и разорвал. — Я улетаю. Совсем.

— О-о!

— Не надо деликатничать, юноша. Никто не увольнял меня — я подал заявление об отставке.

— О-о!

— Перестань смотреть на меня телячьими глазами и говорить «О-о!» Неужели в желании уволиться есть что-то странное?

— Нет. Ничего странного.

— А ведь ты думаешь, почему это он решил подать в отставку? Верно, Мэтт? Ну что ж, отвечу на невысказанный вопрос. Я устал, вот и все. Прошел весь курс от начала до конца и понял, что это не для меня. Потому, юноша, что у меня нет желания быть суперменом. Мой нимб давит мне голову, и я решил сбросить его. Неужели непонятно?

— Понятно. Я и не собирался критиковать ваше решение.

— Критикуешь, только не вслух. А вот ты, сенатор, оставайся. Такие серьезные молодые парни нужны Патрульной Службе. Что касается меня, то я не архангел и не собираюсь носиться по небу, размахивая пылающим мечом. Тебе когда-нибудь приходило в голову, что значит подвергнуть город атомной бомбардировке? Ты задумывался над этим?

— Нет, не задумывался. Но с того самого момента, когда воцарились безопасность и мир благодаря деятельности Патрульной Службы, в этом не было необходимости. И я не думаю, что такая необходимость может возникнуть.

— Но ты дал присягу на верность Патрульной Службе, правда? Именно в этом и состоит твой долг, юноша. — Он замолчал и взял гитару. — Ладно, хватит об этом. Итак, что мне делать с ней? Хочешь, продам тебе по дешевке, за земную цену?

— Сейчас у меня нет денег даже на такие покупки.

— Тогда возьми ее в качестве подарка. — Аренса бросил гитару в руки Мэтта. — Оркестр Свинячьего закоулка не может обойтись без гитары, а я куплю себе другую. Через тридцать минут я буду на космической станции Терра, а спустя еще шесть часов — среди землян, маленьких людишек, которые не умеют изображать богов и не хотят заниматься этим!

Мэтт не знал, что ответить.

Непривычно будет не слышать громоподобный голос курсанта Аренсы в коридоре, но Мэтту не пришлось долго раздумывать над этим. Учебная группа Мэтта Додсона была послана на Луну для освоения посадки при отсутствии атмосферы.

Группа освоила полеты на шаттле и начала тренироваться на транспортной ракете типа А-6, специально

оборудованной для обучения курсантов. Трюм ПРК «Трясучка» — так презвали его курсанты, хотя в списках «Рэндольфа» ракетный корабль был внесен как учебный корабль № 106, — был заполнен дюжиной контрольных рубок, ничем не отличавшихся от настоящей контрольной рубки, вплоть до последнего инструмента, прибора и переключателя. Приборы и экраны учебных контрольных рубок регистрировали те же данные, что и в настоящей контрольной рубке, с одним важным отличием: когда курсант касался ручек управления в учебных рубках, это никак не отражалось на маневрах корабля, зато регистрировалось на магнитной ленте.

Действия пилота также записывались, поэтому каждый курсант после тренировок мог сравнить свои действия с маневрами пилота, узнавая таким образом, как следовало ему поступать в условиях, полностью идентичных с полетными.

Группа научилась всему, чему могла, на практических занятиях на «Рэндольфе» и во время перелетов на станцию Терра. Теперь ей требовались более рискованные маневры у настоящей планеты. Двухдневный перелет от «Рэндольфа» на Лунную базу был совершен на «Трясучке» в условиях, лишь немного уступающих полетам переселенцев в другие миры.

Мэтт и его товарищи по группе не имели возможности ознакомиться с Лунными колониями. Им не было разрешено увольнение; они разместились в подземных казармах на Лунной базе и каждое утро отправлялись на космодром для тренировок в искусстве посадок, которые проводились сначала в учебных контрольных рубках «Трясучки», а затем в рубках ракетных кораблей А-6, оборудованных двойным управлением.

Мэтт совершил свой первый самостоятельный полет с посадкой в конце недели. У него оказалось природное чувство настоящего пилота, и корабль повиновался всем его командам. Пилотировать ракетный корабль для Мэтта было так же просто, как сложно производить астрогационные расчеты.

После первого полета, который оказался таким успешным, у него выдалось немного свободного времени. Мэтт осмотрел базу, а потом совершил прогулку в

космическом скафандре по выжженной поверхности Луны. Курсантов разместили в углу казармы космических пехотинцев, так что Мэтт получил возможность следить за их жизнью и беседовать со многими из них.

Ему понравилась четкость и дисциплина космических пехотинцев, их небрежная самоуверенность. Нет более внушительного зрелища в Солнечной системе, чем сержант — ветеран космической пехоты в парадной форме с нашивками, знаками отличия и сединой на висках, гармонирующей с серебряными лучами, исходящими из центра звезды — эмблемы космической пехоты. В своем скромном светло-сером комбинезоне без нашивок и украшений Мэтт выглядел чуть ли не бедняком рядом с пехотинцем в сверкающей форме.

Ему нравилось наблюдать за их частыми парадными построениями. Сначала Мэтту казалось странным слышать их поверки без упоминания фамилий знаменитой Четверки — Дальквиста, Риверы, Мартина и Уилера, но у космической пехоты были свои традиции, причем более впечатляющие.

Не изменяя своему намерению овладеть астронавтикой во что бы то ни стало, Мэтт привез на Лунную базу учебник, содержащий задачи по этому предмету, и ежедневно, как только выдавалась свободная минута, работал над ними. Без особой охоты он взялся за одну из них. Задача гласила: «Дано: вылет с орбиты Деймоса, спутника Марса, не раньше 12 по Гринвичу 15 мая 2087; двигатели космического корабля работают на химическом топливе, скорость выброса газов 10 тысяч метров в секунду; место назначения — супрастратосферная орбита вокруг Венеры. Требуется рассчитать: наиболее экономичный курс полета к месту назначения при наименьшей затрате времени, соотношения массы, а также время вылета и прибытия. Подготовить полетный план и вычислить точки коррекции, используя звезды второй величины или более яркие. Вопросы: можно ли сберечь время и топливо, пролетев рядом с парой планет Терра — Луна, и получить от их гравитационного поля дополнительное ускорение? Предвидится ли пересечение метеоритных потоков и какие меры по уклонению от столкновения с метеоритами будут приняты? Все ответы должны соответствовать прави-

лам космических полетов, а также принципам космической баллистики».

Задачу нельзя было решить за короткий отрезок времени без помощи компьютера. Тем не менее Мэтт мог подготовить соответствующие уравнения и затем, если повезет, уговорить офицера, руководящего вычислительным центром Лунной базы, разрешить ему воспользоваться баллистическим интегратором. Мэтт принялся за работу.

Раздался пронзительный звук горна — сигнал смены караула. Мэтт не обратил на него внимания.

Он сидел, увлекшись предварительными расчетами, когда снова послышался зов горна — на этот раз на проверку. Почему-то этот сигнал полностью нарушил поток его мыслей. «Проклятая задача! — подумал Мэтт. — Отчего в учебнике содержатся такие глупые задачи? Патрульная Служба не использует корабли, работающие на химическом топливе, и не рассчитывает наиболее экономных орбит. Этим занимается космический торговый флот».

Он встал и вышел из комнаты. Через пару минут Мэтт наблюдал за тем, как караул космической пехоты выстраивается в главном зале под казармами. Когда оркестр исполнил марш «Пока не остынет солнце и не потемнеет небо...», у Мэтта перехватило дыхание от избытка эмоций.

Он остановился у караульного помещения, не торопясь возвратиться к математическим расчетам. Новый начальник караула оказался знакомым Мэтта — старший сержант Маклеод.

— Заходите, молодой человек, и садитесь. Я заметил, вы наблюдали смену караула.

— Да. Впечатляющее зрелище.

— Разделяю ваши чувства. Служу в космической пехоте вот уже двадцать лет и всякий раз испытываю восхищение, как будто снова став молодым рекрутом. Ну как жизнь? Ни единой свободной минуты?

— Да вот решил оторваться от занятий. — Мэтт сконфуженно улыбнулся. — Вообще-то, нужно заниматься астрогацией, но она смертельно мне надоела.

— В этом вас трудно обвинить. И у меня от цифр голова болит.

Мэтт почувствовал, что ему хочется поделиться с пожилым сержантом своими сомнениями. Маклеод слушал юношу, кивая сочувственно головой.

— Знаете, мистер Додсон, — заметил сержант, — я вижу, вам не слишком нравятся все эти заумные предметы. Почему бы не бросить все это?

— То есть как — бросить?

— Вам нравится космическая пехота?

— Да.

— Тогда почему вы не хотите заняться делом, достойным настоящего мужчины? Вы — крепкий и здоровый юноша с отличным образованием. В космической пехоте вам гарантировано быстрое продвижение — через год я буду вытягиваться перед вами. Вы не задумывались над этим?

— Откровенно говоря, нет.

— Тогда самое время подумать о моем предложении. Я вижу, вы человек действия, и вам будет трудно ужиться с Профессорами; вы, наверно, не знаете, что так мы называем Патрульную Службу?

— Приходилось слышать.

— Вот как? Ну что ж, мы служим Профессорам, но принадлежим к другому роду войск. Мы... впрочем, вы сами все видели. Подумайте об этом.

Мэтт задумался над словами сержанта и думал так напряженно, что вернулся на «Рэндольф» с нерешенной задачей о перелете с Марса на Венеру.

Из-за того что прошло порядочно времени, задача не стала проще, да и другие, более сложные задачи оставались такими же, несмотря на мысли, которые мучили Мэтта. Ему казалось все более очевидным, что совсем не обязательно утруждать себя высшей математикой, для того чтобы стать космонавтом. Мысленно Мэтт уже видел себя в блестящей парадной форме космической пехоты.

Наконец он обратился за советом к лейтенанту Вонгу.

— Итак, вы хотите просить о переводе в космическую пехоту?

— Да. Я думаю об этом.

— Почему?

Мэтт объяснил сомнения относительно своих способностей в сфере ядерной физики и астрогации.

— Я так и предполагал, — кивнул Вонг. — Однако мы этого ждали, поскольку вы прибыли к нам с недостаточной подготовкой по этим предметам. Мне не нравится ваша неряшливость при математических расчетах, особенно после того, как вы вернулись с Луны.

— Я делаю все, что от меня зависит, сэр.

— Нет, это неправда. Но вы можете овладеть этими предметами, и я позабочусь о том, чтобы ваши усилия были успешными.

Мэтт объяснил едва слышным голосом, что у него просто нет особого желания. Впервые лейтенант Вонг посмотрел на Мэтта с раздражением.

— Вы все еще настаиваете на своем? Если вы подадите рапорт с просьбой о переводе, я не поддержу вас, и можете быть уверены в том, что начальник Академии тоже откажет.

— Это ваше право, — произнес Мэтт, сжав зубы.

— Черт побери, Додсон, это не мое право; скорее, это мой долг. Из вас никогда не получится космический пехотинец; говорю так, потому что хорошо знаком с вашими возможностями. Но вы будете хорошим офицером Патрульной Службы.

— Почему вы считаете, что я не могу служить в космической пехоте? — удивился Мэтт.

— Это окажется для вас слишком простым делом, настолько простым, что вы неизбежно потерпите неудачу.

— Как?

— Перестаньте говорить «как». Разброс в коэффициенте умственного развития между офицером и подчиненными не должен превышать тридцать очков. Вы опережаете этих старых сержантов намного больше — только не подумайте, что я к ним отношусь с презрением; это — хорошие люди и отличные воины. Но вы-то мыслите совершенно по-другому. — Вонг подумал, затем продолжил: — Вы никогда не задумывались над тем, почему в Патрульной Службе одни офицеры или курсанты, будущие офицеры?

— Нет, сэр.

— Вполне естественно. Мы никогда не задумываемся над тем, что считаем естественным. Строго говоря, Патрульная Служба не является военной организацией.

— То есть как?

— Да, я знаю: вас учат владеть оружием, исполнять приказы, вы носите форму. Однако вашим предназначением является не война, а меры, направленные на то, чтобы предупредить ее всеми возможными средствами. Патрульная Служба не ведет боевых действий; ей поручено оружие, слишком опасное, обладающее слишком большой разрушительной силой, чтобы его можно было доверить военным.

После того как в прошлом столетии появились средства массового уничтожения, война стала чисто наступательной, против современного оружия нет защиты. Страна может нанести ужасающий по силе удар, но она не в состоянии защитить даже свои ракетные базы. А потом появились космические корабли.

С военной точки зрения космический корабль является идеальным средством доставки к цели ядерного, бактериологического и химического оружия. Нападение из космоса нельзя предотвратить, и в то же время космический корабль недоступен для атаки с земной поверхности.

— Сила притяжения Земли, — кивнул Мэтт.

— Совершенно верно, земное тяготение. Люди на поверхности Земли беззащитны перед лицом угрозы из космоса; бороться с космическими кораблями с поверхности Земли так же бессмысленно, как бросать камни в противника со дна колодца. Человек, стоящий у края колодца, обладает неоспоримым преимуществом — на его стороне сила тяжести.

В результате могла бы возникнуть самая прочная, практически нерушимая тирания. Однако человеческой расе повезло, и в мире восторжествовала вместо этого демократия. Задача Патрульной Службы и состоит в том, чтобы такая счастливая ситуация не была нарушена.

Но Патрульная Служба не может применить ядерное оружие лишь потому, что какой-то новоявленный Гитлер попытался захватить власть и когда-нибудь, имея достаточно времени и средств, начнет строить космический флот и средства массового уничтожения. Оружие, доверенное Патрульной Службе, слишком мощное, слишком неразборчивое. Использовать его — все равно что пытаться наводить порядок в детском саду с помощью заряженного ружья вместо выключателя света.

Космическая пехота и есть такой выключатель. Это самые отборные...

— Извините меня, сэр...

— Да?

— Мне хорошо известно, для чего создана космическая пехота. Она играет активную роль в поддержании порядка внутри Солнечной системы; именно поэтому я и хочу перейти в ее состав. Космическая пехота...

— ...самые отчаянные, самые заметные войска. И космическим пехотинцам не приходится заниматься изучением предметов, от которых устал Мэттью Додсон. А теперь молчите и слушайте; вы очень мало знаете о космической пехоте, иначе не просили бы о переводе.

Мэтт замолчал.

— Человечество подразделяется на три основные психологические группы с совершенно различными мотивациями. Существует группа, в состав которой входят люди, побудительными мотивами в деятельности которых являются экономические факторы — деньги... А есть другая группа, представители которой стремятся к самоутверждению, ими руководит самолюбие или гордость. К этому типу людей принадлежат транжиры, драчуны, спортсмены, хвастуны, любители азартных игр. Они стремятся к власти и хотят прославиться. А вот третья группа — профессионалы, старающиеся следовать законам чести и морали, а не просто стремиться к деньгам и славе; среди представителей этой группы — священники, учителя, ученые, врачи, некоторые художники и писатели. Они исходят из того, что человек должен посвящать свою жизнь чему-то более важному, чем удовлетворению собственных потребностей. Вы понимаете меня?

— Да... думаю, что понимаю.

— Имейте в виду, Додсон, что я говорю об этом в предельно упрощенной форме. И не пытайтесь применять эти правила к инопланетянам — к ним человеческие законы неприменимы. Марсиане имеют свои законы, равно как и венериане.

Теперь переходим к самому главному, — продолжал лейтенант. — Патрульная Служба состоит исключительно из представителей третьего типа людей, тех, кто хочет посвятить свою жизнь службе человечеству.

Все те, кто служат в космической пехоте, начиная от солдата и кончая генералом, стремятся к славе, руководствуются гордостью и самолюбием.

— Понятно...

Лейтенант Вонг помолчал, давая ему возможность усвоить новые для него понятия.

— Это видно по форме, которую они носят. Офицеры Патрульной Службы одеты в скромные, ничем не выделяющиеся мундиры, тогда как космические пехотинцы носят яркую, бросающуюся в глаза форму с нашивками, медалями и знаками отличия. В Патрульной Службе главным является присяга, служение человечеству. У космических пехотинцев основное внимание обращают на славу их рода войск, гордость, историю и традиции, верность товарищам, мужество и достоинство солдата. Говоря это, я не пытаюсь преуменьшить заслуги космической пехоты; просто указываю на то, что им наплевать на политические институты Солнечной системы. Космические пехотинцы преданы только своему роду войск.

Но вы, Мэтт, не подходите к этой категории. Я уверен в этом, потому что знаю вас лучше, чем вы сами. Я изучил результаты ваших психологических тестов. Космический пехотинец из вас не получится.

Офицер замолчал. Тишина длилась так долго, что Мэтт не выдержал и робко спросил:

— Это все, сэр?

— Почти. Вам необходимо овладеть астрогацией. Если бы для выполнения задач Патрульной Службы понадобилось научиться нырять, вам пришлось бы овладеть и этим искусством. Но основой является управление космическим кораблем. Я составил для вас напряженный курс занятий. В течение нескольких ближайших недель вы будете заниматься только астрогацией. Вам нравится мое предложение?

— Нет, сэр.

— Я так и думал. И все-таки, когда мы с вами закончим курс обучения, вы сможете ориентироваться в Солнечной системе с закрытыми глазами. Итак, посмотрим...

Следующие несколько недель были смертельно монотонными, однако успехи Мэтта стали очевидны. И у

него оказалось немало времени для размышлений, если он не сидел, согнувшись, над компьютером. Оскар и Текс отправились на Луну вместе; Пит проводил ночи на дежурстве в машинном отделении. Мэтт работал с мрачным упрямством и думал. Он дал себе обещание не сдаваться до тех пор, пока лейтенант Вонг не признает, что Мэтт выполнил поставленную перед ним задачу. Ну а затем... затем наступит время отпуска. Если Мэтт все-таки примет решение бросить Патрульную Службу — ну что ж, немало курсантов не возвращается из своего первого отпуска.

Тем временем ему удалось добиться сдержанной похвалы лейтенанта Вонга.

Наконец Вонг разрешил ему вернуться к обычным занятиям. Мэтт начал погружаться в монотонность ежедневной работы, когда ему дали дополнительное поручение. Выполняя его, он прибыл к вахтенному офицеру, выслушал инструктаж, запомнил список фамилий и получил черную наручную повязку. Затем Мэтт отправился к главному корабельному шлюзу и стал ждать.

Наконец из дверей шлюза выплыла группа испуганных бледных юношей. Когда наступила очередь Мэтта, он продвинулся вперед и спросил:

— Группа номер семь! Кто командир седьмой группы?

Мэтт собрал группу вместе, поручил курсанту, исполнявшему обязанности командира группы, быть замыкающим и повел юношей медленно и осторожно на палубу «А». Добравшись до места назначения, он с удовольствием отметил, что никто из курсантов не потерялся по дороге.

— Это — ваша столовая, — сказал он. — Сейчас будем обедать.

Выражение, появившееся на лице одного из новичков, показалось Мэтту забавным.

— В чем дело, мистер? — спросил он юношу. — Вы что, еще не проголодались?

— Э-э, нет, сэр.

— Не падайте духом — скоро проголодаетесь.

Кто будет сторожить сторожей?

Курсант Академии Космической Патрульной Службы Мэттью Додсон сидел в зале ожидания станции запуска на пике Пайкс и смотрел на часы. До посадки на космический корабль «Новая Луна» оставался еще час; тем временем он ждал прихода своих товарищей.

«Все-таки это был неплохой отпуск», — подумал он; ему удалось сделать все, что он запланировал, за исключением поездки на ранчо Джермэна в самом конце отпуска. Но мать подняла шум и уговорила его остаться еще на пару дней дома.

Несмотря ни на что, отпуск прошел хорошо. Лицо Мэтта, обожженное космическим загаром и начавшее покрываться морщинами, выглядело озадаченным. Он никому не рассказывал о своем намерении оставить Патрульную Службу после окончания отпуска. Теперь он пытался вспомнить, когда и почему это желание исчезло.

Его временно назначили помощником астрогатора ПРК «Нобель» на период обычного патрулирования и проверки ракетных ядерных бомб, летающих по околоземным орбитам. Мэтт взошел на борт корабля во время его пребывания на Лунной базе и после завершения срока патрулирования, когда «Нобель» совершил посадку на базе Терра для осмотра и текущего ремонта, получил разрешение провести отпуск со своей семьей

перед возвращением на «Рэндольф». Мэтт сразу отправился домой.

Вся семья ждала его на космодроме, и они полетели домой на вертолете. Мать всплакнула, а отец крепко пожал ему руку. Мэтт с удивлением заметил, как вырос его младший брат. Очень приятно снова оказаться среди родных. Мэтт хотел было занять привычное место в кресле пилота вертолета, однако младший брат Билли сразу сел перед панелью управления.

Дом был отремонтирован и покрашен, куплена новая мебель. Мать, разумеется, ожидала хвалебных слов в свой адрес, и Мэтт не поскупился на них, но перемены ему не понравились. Дом стал не таким, как раньше. К тому же комнаты казались меньше. Он решил, что такое впечатление было от перемен в доме — не могло же здание уменьшиться в размерах!

Комната, в которой раньше жил Мэтт, была заполнена теперь вещами Билли, хотя младшего брата временно перевели обратно в его старую комнату, ставшую после отъезда Мэтта комнатой отдыха. Новое распределение помещений было разумным, но вызывало раздражение у Мэтта.

Раздумывая над этим, Мэтт пришел к выводу, что перемены в доме не имеют никакого отношения к его решению остаться в Патрульной Службе. Нет, разумеется, не имеют! То же самое можно сказать и про замечания отца, касающиеся походки Мэтта, хотя они и были для него неприятными...

Отец и Мэтт находились в гостиной перед обедом, и Мэтт ходил взад-вперед, оживленно и, как ему самому казалось, интересно рассказывая о своем первом самостоятельном полете. Отец воспользовался моментом, когда Мэтт замолчал, и сказал:

— Ну-ка, остановись, сынок.

— Что? — не понял Мэтт.

— Ты сутулишься и как будто хромаешь. У тебя все еще болит нога?

— Нет, с ногой все в порядке.

— Тогда распрямись и расправь плечи. У тебя должен быть гордый вид. Неужели в Академии не обращают внимание на вашу походку?

— А что такого с моей походкой?

Билли вошел в гостиную как раз в тот момент, когда отец поднял этот вопрос.

— Смотри, Мэтти, — вмешался он, — ты ходишь вот так. — Билли пригнулся и начал ходить по комнате намеренно искажая грациозную и небрежную походку космонавта. В исполнении младшего брата походка Мэтта напоминала движения шимпанзе. — Ты ходишь вот так!

— Да не валяй ты дурака!

— Точно, ты просто не замечаешь этого.

— Билл, — сурово заметил отец, — пойдй умойся перед обедом. И не смей больше так разговаривать со старшим братом! Иди! — Когда Билли вышел из гостиной, отец повернулся к Мэтту и сказал извиняющимся голосом: — Я думал, что мы говорим с глазу на глаз, Мэтт. Твоя походка совсем не такая уж карикатурная, как изображает ее Билли, хотя она достаточно неуклюжая.

— Но... послушай, папа, я хожу, как все космонавты. Мы просто привыкли двигаться в состоянии невесомости, когда день за днем передвигаешься пригнувшись, готовясь в любой момент оттолкнуться от переборки или схватиться за скобу. Так что вернувшись в мир, где царит сила тяжести, мы тем не менее двигаемся так, как привыкли в космосе. Мы называем такую походку «кошачьи лапы».

— Пожалуй, невесомость действительно может оказывать такое влияние на человека, — произнес отец, подумав. — А ты не считаешь, что было бы неплохо ежедневно практиковаться в обычной ходьбе, просто чтобы не терять форму?

— При свободном падении? Но... — Мэтт замолк, видя, что объяснить состояние невесомости человеку, никогда не бывавшему в космосе, невозможно.

— Ладно, папа. Не обращай на это внимания. Пошли обедать.

Как всегда, пришлось присутствовать на торжественных обедах, организованных дядями и тетями Мэтта. Каждый раз его просили рассказать про Академию, о том, как чувствует себя человек, оказавшись в космическом пространстве. Но по какой-то странной причине создавалось впечатление, что их не слишком заинтересо-

вали ответы Мэтта. Взять, например, двоюродную бабушку Дору.

Бабушка Дора была семейным матриархом. Раньше она вела очень активную жизнь, занималась благотворительностью и делами церкви, но вот уже три года оказалась прикованной к кровати. Мэтт навестил ее, потому что семья очень хотела этого.

— Она часто жалуется, что ты ей не пишешь, Мэтт, и поэтому...

— Мама, послушай, у меня нет времени писать письма, ты хорошо это знаешь!

— Да-да, знаю. Но она так гордится тобой, Мэтт. Она хочет задать тебе тысячу вопросов. Обязательно надень форму — ей это понравится.

Бабушка Дора не задала Мэтту тысячу вопросов — всего лишь один. Она спросила: «Почему Мэтт так долго не навещал ее?» После этого ему пришлось выслушать в мельчайших подробностях информацию о недостатках нового пастора, о матримониальных планах нескольких отдаленных родственников, о состоянии здоровья более пожилых родственников, о большинстве из которых он даже не подозревал.

Когда, наконец, ему удалось унести ноги, сославшись на давно намеченную встречу, у Мэтта кружилась голова.

Да, не исключено, что именно визит к бабушке Доре убедил его, что не стоит уходить из Патрульной Службы и возвращаться в Де-Мойн. Это, а не Марианна. Марианна была той девушкой, которой он дал обещание регулярно писать, и он исполнил свое обещание. Более того, он писал ей чаще, чем она ему. Мэтт заранее сообщил ей, что приезжает в отпуск, и Марианна организовала в честь этого события пикник, который прошел очень весело. Мэтт встретился со старыми друзьями и с удовольствием отметил, что на него смотрят с уважением, как на героя. Среди гостей оказался молодой человек, года на три или четыре старше Мэтта, который пришел без спутницы. Не сразу Мэтт понял, что Марианна и этот молодой человек строят кое-какие планы на будущее.

Впрочем, это ничуть не взволновало его. Марианна была девушкой, так и не научившейся отличать звезду

от планеты. Раньше Мэтт как-то не замечал этого, но когда они встретились с глазу на глаз, ему стало очевидным и это, и многое другое. К тому же Марианна назвала его курсантскую форму «прелестной».

После встречи с Марианной он начал понимать, почему большинство офицеров Патрульной Службы не женятся до выхода в отставку — лет до тридцати пяти.

Настенные часы показывали, что до отлета осталось полчаса. Мэтт начал беспокоиться о своих друзьях. «Уж не повлияла ли бесшабашность Текса и на них?» — подумал он. И тут он заметил всю тройку, пробиравшуюся через толпу. Мэтт схватил свой рюкзак и пошел к ним.

Он подобрался к ним сзади и произнес хриплым голосом прямо за спиной Текса:

— Мистер, немедленно прибыть к коммодору!

Текс от неожиданности подпрыгнул, обернулся и узнал Мэтта.

— Черт побери, Мэтт! Не смей так пугать меня, паршивый конокрад!

— Это в тебе говорит нечистая совесть. Привет, Пит! Привет, Оскар!

— Как провел отпуск, Мэтт?

— Отлично.

— Мы тоже, — и они пожали друг другу руки.

— Ну что, пойдём на корабль?

— Пошли.

Курсанты предъявили пропуска, на которые поставили штампы, взвесили их багаж и разрешили выйти на площадку космодрома, где «Новая Луна» уже была установлена в люльке катапульты. Широко расставленные могучие крылья корабля простирались далеко по сторонам. Стюардесса проводила юношей к их креслам.

Когда прозвучал сигнал десятиминутной готовности, Мэтт сказал, что собирается пройти в кабину управления и наблюдать за взлетом корабля.

— Никто не хочет пойти со мной? — спросил Мэтт.

— Я собираюсь поспать, — покачал головой Текс.

— И я тоже, — поддержал его Пит. — У них в Техасе никогда не спят. Я едва передвигаю ноги.

Оскар решил отправиться вместе с Мэттом. Они поднялись в рубку управления и обратились к командиру корабля.

— Курсанты Додсон и Йенсен, сэр, — разрешите наблюдать за взлетом.

— Ладно, не возражаю, — пробормотал капитан. — Только пристегнитесь как следует.

Рубка управления любого космического корабля была открыта для сотрудников Патрульной Службы, но командиры космических кораблей, летающих по маршруту: Терра — космическая станция, устали, что вполне естественно, от присутствия наблюдателей.

Оскар занял кресло инспектора; Мэтту пришлось разместиться на поролоновом матрасе, откуда ему открывалась отличная возможность наблюдать за работой второго пилота и штурмана, склонившихся над приборами. Если, после того как мощная катапульта выбросит корабль вверх, ракетный двигатель по какой-то причине не включится, долг второго пилота перевести корабль в режим планирования и посадить его на равнине Колорадо.

Капитан сидел за контрольной панелью ракетных двигателей. Он поговорил с центром управления катапульты и включил сирену. Через несколько секунд корабль мчался вверх по желобу катапульты, проложенному вдоль крутого горного склона, с ускорением в шесть «g», прижимавшим всех, находившихся на его борту, к палубе. Ускорение длилось всего десять секунд; затем корабль был вышвырнут прямо в небо со скоростью в 1300 миль в час.

Они взлетали вверх в состоянии невесомости. Казалось, что капитан не спешит включить ракетные двигатели; на мгновение сердце в груди курсанта замерло — ему почудилось, что вынужденная посадка неизбежна. Но в следующую секунду раздался рев раскаленных газов, вырывающихся из дюз корабля.

После того как корабль вышел на околоземную орбиту, и ракетные двигатели смолкли, Мэтт и Оскар поблагодарили капитана и вернулись в свои кресла. Текс и Пит спали; Оскар тут же последовал их примеру. Глядя на друзей, Мэтт пришел к выводу, что он

много потерял, не поддавшись на уговоры Текса, который приглашал в Техас и его.

Мысли вернулись к вопросу, который столько времени не давал ему покоя. В том что Мэтт решил остаться в Патрульной Службе, то обстоятельство, что его отпуск прошел относительно спокойно, не играло никакой роли; он никогда не рассматривал жизнь своей семьи, как что-то вроде ночного клуба или карнавала.

Однажды вечером, после ужина, отец попросил Мэтта рассказать о том, чем занимался корабль Патрульной Службы «Нобель» на своей околоземной орбите. Мэтт попытался объяснить.

— После взлета с Лунной базы мы направились к Терре по эллиптической орбите. По мере приближения к Земле мы постепенно гасили лишнюю скорость и перевели корабль на низкую кольцевую орбиту вокруг полюсов.

— А почему вокруг полюсов? Ведь орбита могла пролегать и вдоль экватора.

— Видишь ли, папа, ракеты, несущие ядерные бомбы, вращаются вокруг планеты по полярным орбитам. Таким образом, поскольку ось Земли наклонена, они пролетают над всей планетой. Только следуя по полярной орбите, они могут своими витками охватить всю Землю. Если бы они вращались вокруг экватора...

— Это мне понятно, — прервал его отец, — но ты говорил, что целью вашего патрулирования было осмотреть ракеты с ядерными бомбами. Находясь на экваториальной орбите, вы просто ждали бы, когда эти ракеты будут пролетать мимо.

— Возможно, тебе это и понятно, — вмешалась мать, обращаясь к отцу, — но не мне.

Мэтт перевел взгляд с одного на другого, думая о том, кому ответить и как.

— Спрашивайте, но только по одному, — попросил он. — Папа, мы не в состоянии перехватывать ракеты с ядерными зарядами, которые пролетают мимо; нам нужно лететь рядом с ними, по одной и той же орбите, уравнивая скорость. Затем бомбу вводят в грузовой отсек и там подвергают осмотру.

— В чем заключается осмотр?

— Одну минуту, папа. Мама, посмотри сюда. — Мэтт взял апельсин из вазы, которая стояла на середине стола. — Ракеты летают по своим полярным орбитам, одна за другой, совершая оборот вокруг планеты каждые два часа. Тем временем Земля поворачивается вокруг своей оси, совершая один оборот за двадцать четыре часа. — Мэтт медленно поворачивал апельсин, быстро водя указательным пальцем правой руки, как бы демонстрируя полет ракеты с ядерным зарядом на борту. — Это значит, что если ядерная бомба пролетает над Де-Мойном сейчас, то ее следующая орбита будет пролегать над Тихими океаном. За двадцать четыре часа она покрывает всю территорию земного шара.

— Боже мой! Мэттью, прошу тебя, не говори про атомную бомбу, летающую над Де-Мойном, даже в шутку.

— В шутку? — Мэтт озадаченно посмотрел на мать. — Между прочим... сейчас подсчитаю; мы находимся примерно на сорок втором градусе северной широты и девяносто четвертом западной долготы... — Он взглянул на часы, вмонтированные в перстень на пальце, и задумался. — «Джей-3» будет пролетать минут через семь — да, совершенно точно, она будет прямо у нас над головой к тому времени, когда ты закончишь пить кофе.

Бесконечные недели на борту «Нобеля», во время которых Мэтт занимался расчетами и следил за экраном радиолокатора, сделали из него отличного вычислителя; он помнил данные всех орбит, по которым летали вокруг Земли ракеты с ядерными зарядами лучше, чем жена фермера помнит, сколько у нее цыплят. Для Мэтта орбита ракеты «Джей-3» была не простым набором цифр, а чем-то вроде старого знакомого, все привычки которого навсегда запечатлелись у него в памяти.

Мать смотрела на него с ужасом. Затем она повернулась к мужу и обратилась к нему, словно надеясь, что он сможет что-то предпринять.

— Джон... я боюсь. Ты слышишь меня? Я боюсь! А вдруг она упадет?

— Глупости, Кэтрин, ракета не может упасть.

— Мама не знает даже причины, по которой Луна держится в космосе! — хихикнул младший брат.

— А ты чего встречаешь в разговор, молокосос? — рывкнул Мэтт. — Тебе что, кнопку нажали? Ты-то, уж конечно, знаешь, почему Луна держится в космосе?

— Конечно, благодаря силе тяготения.

— Не совсем так. Попробуй объяснить получше, с помощью чертежей.

Билли попытался объяснить, рисуя диаграммы на листе бумаги; его усилия оказались не слишком успешными. Мэтт сделал знак, чтобы он замолчал.

— Астрономию ты знаешь хуже древних египтян. Не надо смеяться над старшими. Послушай, мама, не расстраивайся. «Джей-3» действительно не может упасть на Землю. Она находится на свободной орбите, которая не пересекается с земной, и в одном прав этот умник — «Джей-3» не может упасть, подобно тому, как не может упасть Луна. Для того чтобы подвергнуть бомбардировке какой-нибудь город, нужно подать команду ракете еще за две тысячи миль до намеченной цели, ввести в ее бортовой компьютер координаты цели и направление на нее, и в нужный момент включится ракетный двигатель. Поэтому Патрульная Служба не сможет направить «Джей-3» на Де-Мойн именно по той причине, что ракета вот-вот пролетит над нашими головами. Таким образом, ей придется выбрать для этой цели какую-нибудь другую ракету с ядерным зарядом на борту, скажем... — Мэтт на мгновение задумался, — «Ай-1» или, может быть, «Эйч-2». — Он что-то вспомнил и улыбнулся. — Как раз из-за «Эйч-2» у меня были неприятности.

— Какие? — с интересом спросил младший брат.

— Мэтт, мне кажется, ты совсем не успокоил свою мать такими объяснениями, — сухо произнес отец. — Давай не будем говорить об атомной бомбардировке городов.

— Но я и не собирался... Извини, папа.

— А ты, Кэтрин, не должна опасаться этого, ведь ты не испытываешь страха перед местным полицейским? Мэтт, ты хотел рассказать нам о том, как производится осмотр ракет. Зачем их нужно осматривать?

— Папа, пусть Мэтти расскажет, почему у него были неприятности!

Мэтт подмигнул брату.

— Пожалуй, я действительно должен рассказать Билли о случившемся, потому что это связано с осмотром ракет, папа. Значит, дело было так: когда нам потребовалось взять ракету на борт для осмотра и профилактического обслуживания, я плохо рассчитал момент сближения и был вынужден включить ранцевый двигатель, чтобы повторить все сначала.

— Я не совсем понимаю, Мэттью.

— Он хочет сказать, что...

— Помолчи, Билли. Когда нам нужно взять ракету на борт, то посылают космонавта в скафандре, чтобы присоединить к ней трос и затем подтянуть вплотную к кораблю. Это поручили мне. Я ошибся в расчетах и пролетел мимо ракеты, которая находилась ярдах в ста от «Нобеля». Пришлось развернуться, включить двигатель, установленный в ранце скафандра, вернуться на корабль и повторить маневр сближения с ракетой.

— Мэттью! Мне эти полеты в космосе, вне корабля, кажутся опасными! — Судя по всему, мать все еще не преодолела своих страхов.

— Никакой опасности, мама. Ведь и я не могу упасть, так же как ракета или корабль, мы все движемся по орбите. Но когда не подлетаешь к ракете с первой попытки, чувствуешь себя неловко. Со второго захода я закрепил трос и подтянул ракету к кораблю.

— Ты хочешь сказать, что летел рядом с ракетой, внутри которой скрывается атомная бомба?

— Да, мама, но и здесь мне ничто не угрожало. Расщепляемые материалы, находящиеся в бомбе, надежно изолированы и не выделяют опасного излучения. К тому же я находился рядом с бомбой всего пару минут.

— А если она взорвется?

— Она не может взорваться. Для этого бомба должна врезаться в землю с достаточной скоростью, чтобы субкритические массы соединились в одно целое — словно под воздействием взрывного механизма, или нужно дать команду по радио, и сработает взрывное устройство, которое пошлет несколько субкритических

масс навстречу друг другу. Более того, в соответствии с правилами, сразу после сближения с ракетой я ввел в действие предохранительное устройство — всего лишь нечто вроде маленького металлического лома, но этого вполне достаточно, чтобы предупредить даже случайную детонацию взрывного механизма. Лом, вставленный в соответствующее место ракеты, не даст субкритическим массам сблизиться.

— Вот что, Мэтт, давай оставим этот разговор. Мать начинает нервничать из-за него.

— Папа, это ведь мама сама спросила меня.

— Да, я знаю. Лучше расскажи нам, как вы осматриваете ракету.

— Для начала производится осмотр наружной поверхности самой бомбы, но еще не было случая, чтобы с ней что-нибудь произошло. Кроме того, я еще не получил допуска для осмотра внутреннего механизма бомбы — для этого нужно иметь диплом физика-ядерщика. Особенно очень внимательно мы осматриваем ракетный двигатель и замеряем запас топлива. Иногда его приходится пополнять: бывают случаи, когда часть топлива испаряется через клапаны. Но нашей главной задачей является проверка баллистики и контуров управления.

— Проверка баллистики?

— Конечно, теоретически мы должны быть готовы определить координаты любой из бомб в любой момент на протяжении следующих тысячелетий. Однако на практике бывают отклонения. Их вызывают самые незначительные причины — приливные течения, то обстоятельство, что сама Земля не является идеальным шаром, и тому подобное. Из-за этого орбита ракеты может немного отклониться от расчетной. После того как ее берут на борт корабля и заканчивают осмотр, корабль ложится точно на курс, по которому должна следовать ракета, и ее выталкивают из грузового отсека. Затем направляемся к следующей. Отыскать ее не составляет никакого труда — она редко удаляется далеко от расчетной орбиты.

— Теперь понятно. Значит, осмотр ракет и коррекция орбит должны производиться достаточно часто?

По-видимому, корабль постоянно летает от одной ракеты к другой?

— Нет, папа, осмотр производится чаще, чем это требуется. Поэтому команда корабля не страдает от безделья и монотонности космического полета из-за частых осмотров.

— Мне кажется, что это просто напрасная трата средств налогоплательщиков.

— Папа, ты не понимаешь, — наша главная задача заключается не в том, чтобы осматривать ракеты и осуществлять коррекцию их орбит. Патрульный корабль находится на околоземной орбите для того, чтобы он мог по переданной ему команде нанести атомный удар, если в этом возникнет необходимость. Именно поэтому корабль патрулирует околоземное пространство до тех пор, пока ему на смену не придет другой. И чтобы не тратить времени даром, производится осмотр ракет и коррекция их орбит. Если говорить начистоту, ядерный удар может быть нанесен и с Лунной базы, но при наведении с патрульного корабля атака будет более точной и не принесет вреда невинным людям.

— Мы опять вернулись к вопросу бомбардировки Земли, Мэтт, — с упреком заметил отец.

— Я всего лишь отвечаю на вопросы, папа.

— Боюсь, что я не должен был задавать тебе такие вопросы. Дело в том, что твоя мать не может беспристрастно относиться к таким проблемам. Кэтрин, уверяю тебя, нет ни малейшей опасности бомбардировки Северо-Американского Союза. Скажи ей, Мэтт, мать поверит тебе.

Мэтт молчал.

— Ну говори же, Мэтт. Послушай, Кэтрин, ведь это наша Патрульная Служба. Большинство офицеров Космического Патруля — американцы. Ведь это правда, Мэтт?

— Раньше мне не приходило в голову задумываться над этим.

— Хорошо. Понимаешь, Кэтрин, разве можно представить себе, что Мэтт согласится участвовать в атомной бомбардировке Де-Мойна? Да скажи ей это, Мэтт!

— Но, папа, ты просто не понимаешь, о чем говоришь!

— Что? Что это значит, молодой человек?

— Я... — Мэтт беспомощно посмотрел по сторонам, внезапно встал из-за стола и вышел в коридор.

Через некоторое время отец вошел к нему в комнату.

— Мэтт?

— Да, папа.

— Извини, Мэтт, этот разговор зашел слишком далеко. Я признаю свою вину и не сержусь на тебя. Все дело в твоей матери. Мне нужно было успокоить ее.

— Ты ни при чем, папа. Прости меня за то, что я ушел из столовой. Мне следовало вести себя сдержаннее.

— Давай забудем о случившемся, Мэтт. Мне хотелось только задать тебе один вопрос. Я знаю, что ты предан Патрульной Службе и ее идеалам. Твои чувства достойны уважения. Однако ты еще слишком молод и не в состоянии понять политические аспекты этой проблемы. И все-таки ты не можешь не знать, что Патрульная Служба никогда не подвергнет атомной бомбардировке Северо-Американский Союз.

— Разумеется, если в этом не будет необходимости.

— Но как может возникнуть такая необходимость? Вздор! Даже если такая необходимость возникнет, ты никогда не согласишься бомбить свой народ — и твои сослуживцы тоже.

В голове Мэтта боролись противоречивые мысли. Он вспомнил капитана Риверу — одного из знаменитой Четверки, носителя гордых традиций Патрульной Службы, вспомнил, как Ривера, когда его послали на Землю, в столицу его собственной страны, для переговоров с ее президентом, не нарушил клятву офицера. Подозревая, что его могут захватить и удерживать в качестве заложника, Ривера распорядился, чтобы удар был нанесен, если только он лично не вернется на корабль и не отменит свое решение. Ривера, чье тело превратилось в радиоактивную пыль, но чье имя произносилось на каждой проверке всех подразделений Патрульной Службы...

— Разумеется, Патрульная Служба обязана следить за соблюдением законов на нашем континенте, точно так же как она следит за их соблюдением на всех планетах Солнечной системы, — продолжал отец. —

В противном случае, это произвело бы неблагоприятное впечатление, верно?

— Мне не хочется говорить на эту тему, папа.

Мэтт посмотрел на часы и увидел, что корабль скоро состыкуется с космической станцией Терра. Ему хотелось бы заснуть, как это сделали остальные. Теперь он знал, что именно повлияло на его решение остаться в Патрульной Службе.

В течение нескольких недель после возвращения из отпуска Мэтт был так занят, что ему некогда было размышлять. Нужно было снова впрячься в работу — так много требовалось усвоить и так мало времени для этого. Теперь ему приходилось участвовать в несении вахтенной службы и подменять офицеров, а также накопился большой объем лабораторной работы в области электроники и нуклеоники. К тому же вместе с другими старшими курсантами он помогал в воспитании юных курсантов, только что прибывших на «Рэндольф». До отпуска по вечерам Мэтт обычно был свободен и посвящал это время учебе, но теперь ему приходилось три раза в неделю обучать молодых курсантов астронавигации.

Мэтт начал уже подумывать о том, что ему придется отказаться от космического поло, но в это время его выбрали капитаном команды Свинячьего закоулка, и нагрузка стала еще больше. Мэтт не задумывался над абстрактными проблемами, пока не встретился с лейтенантом Вонгом.

— Добрый вечер, — произнес его наставник. — Как успехи в обучении новичков астронавигации?

— Ну видите ли... кажется странным обучать других, вместо того чтобы учиться самому, и постоянно проваливаться во время испытаний.

— Именно поэтому вам и поручили вести основы астронавигации — вы все еще помните, что было самым трудным и почему.

— Пожалуй... наверно, я кое-что понимаю в этом предмете, но Эйнштейном мне не стать.

— Я был бы в этом случае невероятно изумлен. Ну а как у вас дела вообще?

— Неплохо, пожалуй. Вы знаете, мистер Вонг, когда я отправлялся в отпуск, думал, что не вернусь обратно.

— Я тоже думал, что ваша мысль о переходе в космическую пехоту была ничем иным, как попыткой ускользнуть от решения проблем, стоящих перед вами.

— Да? Скажите, мистер Вонг, вы настоящий офицер Патрульной Службы или психиатр?

— Я — обычный офицер, — на лице Вонга промелькнула едва заметная улыбка, — но закончил специальные курсы, необходимые для выполнения своей работы.

— Понятно. Так от чего я старался ускользнуть?

— Не знаю. Думаю, вам это куда понятнее.

— С чего же начать?

— Расскажите о своем отпуске, Мэтт. У нас достаточно времени.

— Хорошо, сэр, — кивнул Мэтт. Он рассказал Вонгу все, что смог припомнить. — Как видите, — закончил он, — это был самый обычный отпуск. Ничего серьезного. Вот только... я был дома, но казался себе гостем. Мы вроде бы говорили на разных языках.

Вонг засмеялся.

— Нет, не думайте, что я смеюсь над вашим рассказом, — извинился он. — Все совсем не смешно. Нам всем пришлось пройти через это. Неизбежно узнаем, что вернуться обратно невозможно. Это болезнь роста, однако для космонавта такой процесс является особенно мучительным и тяжелым.

— Даже мне это стало понятно, — кивнул Мэтт. — Что бы ни случилось, я не смогу вернуться, по крайней мере, не смогу вернуться навсегда. Может быть, перейду в космический торговый флот, но останусь космонавтом.

— На этом этапе вы уже вряд ли потерпите неудачу.

— Может быть. Но я все еще не уверен, что хочу сделать Патрульную Службу целью своей жизни. И это беспокоит меня.

— Попробуйте объяснить, в чем конкретно причина вашего беспокойства.

Мэтт попытался рассказать о своем разговоре с отцом, о том, что его рассказ о полете «Нобеля» расстроил мать.

— Короче говоря, дело в следующем: в случае крайней необходимости мне придется нанести ядерный удар по моему родному городу. Я не уверен, что справлюсь с таким заданием. Может быть, Патрульная Служба все-таки не для меня.

— Не думаю, Мэтт, что вам будет дано такое задание. Ваш отец совершенно прав.

— Боюсь, вы не понимаете меня, мистер Вонг. Если офицер Патрульной Службы предан своему делу только в том случае, если ему это безразлично, то вся организация развалится.

Вонг задумался и начал говорить, взвешивая каждое слово.

— Если бы ситуация, при которой вам придется бомбить свой собственный город, свою семью, оставила вас равнодушным, я принял бы все меры, чтобы немедленно убрать вас с этого корабля, — вы стали бы тогда исключительно опасным человеком. Патрульная Служба не рассчитывает на божественное совершенство своих офицеров. Поскольку люди несовершенны, наша Служба основана на принципе разумного риска. Вероятность того, что Солнечной системе будет угрожать опасность из вашего родного города, очень невелика, по крайней мере, в течение продолжительности жизни человека. Еще меньше вероятность того, что именно вам будет поручено нанести атомный удар — в этот момент вы можете быть на Марсе. Если обе эти вероятности взять вместе, шансы равны практически нулю.

Но если все-таки такое случится, ваш командир распорядится запереть вас в каюте или в ином, более надежном месте, чтобы не рисковать всей операцией.

Обеспокоенное выражение не покидало лица Мэтта.

— И это объяснение вас не удовлетворяет? — удивился Вонг. — Видите ли, Мэтт, вы страдаете от болезни молодости — полагаете, что моральные проблемы можно решить просто и недвусмысленно, что они бывают черные и белые, без полутонов. Знаете, что я предлагаю? Перестаньте беспокоиться и позвольте мне думать о том, сумеете вы или нет справиться с трудностями, которые могут возникнуть у вас на пути. Не

сомневаюсь, что наступит момент, когда вы окажетесь в сложной ситуации и рядом не будет никого, кто мог нужно определить, сумеете вы найти этот выход или нет, причем я даже не знаю, какой будет эта ситуация! Ну что, хотите поменяться со мной местами?

— Пожалуй, нет, сэр, — робко улыбнулся Мэтт.

Патрульный ракетный корабль «Триплекс»

Оскар, Мэтт и Текс перед обедом находились в общей комнате своей каюты, когда в дверь влетел Пит. Буквально влетел — ударился о притолоку и отскочил в середину комнаты, крича:

— Эй, ребята!

Оскар успел схватить его за руку до того, как Пит врезался в переборку.

— Выключи двигатель и успокойся. В чем дело?

Пит перевернулся в воздухе и посмотрел на них.

— Там висит новый список выпускников!

— Кто в их числе?

— Не знаю, мне только что сказали об этом. Пошли!

Курсанты устремились следом за Питом. Текс поравнялся с Мэттом и бросил:

— Не знаю, зачем я так спешу. Уж меня-то в списке точно нет.

— Пессимист!

Они вылетели из Свинаячьего закоулка, поднялись вверх на три уровня и увидели группу курсантов рядом с рубкой вахтенного офицера. Четверка присоединилась к ним.

Пит сразу увидел свою фамилию.

— Смотрите! — воскликнул он.

В начале списка значилось: «Арманд, Пьер — временно назначен на ПРК «Чарльз Уэйн»; маршрут — космическая станция Терра, место назначения — Леда, Ганимед, там ждать распоряжений».

— Ребята, смотрите! — радостно воскликнул Пит. — Меня посылают домой!

— Поздравляю, Пит. Просто великолепно, — Оскар похлопал его по плечу. — А теперь не соизволишь ли убраться с дороги? Нам из-за тебя ничего на видно...

— Я тоже нашел свою фамилию! — заявил Мэтт.

— Куда тебя назначили?

— На ПРК «Триплекс».

Оскар повернулся к Мэтту.

— Как ты сказал?

— ПРК «Триплекс».

— Мэтт, но и меня назначили туда же! Полетим вместе, дружище!

Расстроенный Текс отвернулся от списка, скрывая свое разочарование.

— Как я и говорил, в списке нет Джермэна. Я буду на «Рэндольфе» пять лет, десять, пятнадцать — старый и седой. Обещайте писать мне каждый год в день рождения.

— Текс, неужели тебя нет в списке? — радость Мэтта сразу уяла.

— Послушай, Текс, а ты посмотрел вторую половину списка выпускников? — поинтересовался Пит.

— Где? Какую вторую половину?

Пит ткнул пальцем в лист бумаги на стене рядом. Текс тут же нырнул к нему. Через мгновение он появился рядом с друзьями.

— Эй, ребята! Вы не поверите! Я в списке!

— Наверно, потому что не решились подвергнуть твоему влиянию еще одно поколение новичков. На какой корабль?

— ПРК «Окридж». А как вам с Оскаром удалось попасть на один корабль? Как его название — «Триплекс»?

— Да уж так. Решили, что лучших курсантов нужно держать вместе.

— Чистейшая дискриминация, вот что. Пошли, можем опоздать на обед.

В коридоре они столкнулись с Жераром Берком.

— Можешь не торопиться, Вонючка. Тебя нет в списке, — любезно сообщил ему Текс.

— В каком списке? А-а, ты имеешь в виду список выпускников! Не беспокойтесь обо мне, молокососы, вы говорите со свободным артистом!

— Да ну? Неужели они наконец поумнели и выгнали тебя?

— Вот уж нет! Я обратился с просьбой об увольнении, и просьбу удовлетворили — с сегодняшнего дня я сам себе хозяин.

— Будешь строить космический металлолом? Да, тебе не позавидуешь.

— Нет, мы с отцом решили открыть грузовую линию. Займемся экспортом. В следующий раз при встрече не забудьте обращаться с прибавлением титула «капитан». Привет, парни! — и Берк исчез за углом.

— Еще чего не хватало — «капитан»! — пробормотал Текс. — Уверен, что он подал рапорт по просьбе коммодора.

— Напрасно ты так думаешь, — задумчиво произнес Мэтт. — Берк — ловкий парень. Ну что ж, по крайней мере, теперь мы от него избавились.

— И Слава Богу.

Сразу после обеда Текс исчез и появился в каюте почти через два часа.

— Все, ребята, дело в шляпе. Пожмите руку новому члену экипажа «Триплекса»!

— Неужели? Врешь, Текс!

— Чистая правда. Сначала я пошел к Двораку и объяснил, что ему гораздо удобнее быть в экипаже корабля, летающего на околоземной орбите, — он сможет чаще встречаться со своей девушкой. Потом апеллировал к коммодору Аркрайту и обратил его внимание на то, что вы двое привыкли обращаться ко мне за советами, и вам будет трудно без меня. Вот и все. Коммодор сразу увидел всю мудрость моего предложения и не возражал против таких перемен.

— Если он согласился, то уж не по этой причине, — покачал головой Мэтт, хотя в его голосе слышалась нескрываемая радость. — Думаю, он решил поручить мне и дальше присматривать за тобой.

— А ведь знаешь, Мэтт? — Текс посмотрел на него странным взглядом. — Ты чуть не попал в точку!

— Брось трепаться, Текс, я просто пошутил.

— Коммодор сказал, что, по его мнению, курсант Йенсен благотворно влияет на меня. Ну как, Оскар?

— Если коммодор считает, что я могу оказывать на кого-то благотворное влияние, — фыркнул Оскар, — пора заводить новые дурные привычки!

— Не сомневайся, дружище, можешь всегда рассчитывать на меня.

— Да ни к чему мне твоя помощь: дядя Боди — вот кто поможет мне в этом деле!

Три недели спустя Оскар, Мэтт и Текс устраивались в своей новой каюте на борту ПРК «Триплекс». Мэтт чувствовал себя не в своей тарелке: накануне он провел шумный вечер с друзьями в «Тихо Колони», и они едва успели на последний шаттл, вылетающий на Лунную базу.

Загудел зуммер бортового телефона; Мэтт поднял трубку.

— Курсант Додсон слушает.

— Говорит вахтенный офицер. Йенсен и Джермэн тоже с вами?

— Так точно, сэр.

— Всем немедленно явиться к капитану.

— Слушаюсь, сэр!

Мэтт положил трубку телефона и посмотрел на Оскара встревоженным взглядом.

— Что же мне делать, Ос? Все мои форменные комбинезоны в мастерской базы — портной обещал быстро перешить их. А этот выглядит так, будто я спал в нем.

— Ты действительно забыл его снять вчера. Возьми мой.

— Спасибо, но твой комбинезон сидит на мне, словно носки на петухе. Как ты думаешь, я успею сбежать в прачечную?

— Вряд ли.

— Кроме того, нужно побриться. — Мэтт уныло поскреб щетинистую щеку.

— Слушай, — заметил Оскар, — если я что-нибудь понимаю в капитанах, гораздо лучше явиться к нему

голым и с бородой до колен, чем заставить его ждать. Пошли.

Дверь приоткрылась, и в щели появилась голова Текса.

— Ребята, нас вызвали к старику?

— Да, Текс, а у тебя нет чистого комбинезона?

Текс кивнул. Мэтт поспешно юркнул в его крошечную каюту и переоделся. Он потуже затянул ремень, расправил складки на спине и вместе с друзьями отправился к капитану, надеясь, что тот не обратит внимания на покрой комбинезона.

— Хорошо, что мы идем вместе, — заметил Текс. — Я нервничаю.

— Успокойся, — посоветовал Оскар. — Говорят, что капитан Мак-Эндрюс — очень добродушный человек.

— Разве ты ничего не знаешь, Оскар? — удивился Текс. — Мак-Эндрюс в госпитале — сломал лодыжку. Перед самым вылетом Департамент назначил капитана Енси командиром экспедиции.

— Енси! — присвистнул Оскар. — Вот это да!

— Ты что, Оскар, знаком с ним? — спросил Мэтт.

— Мой отец с ним работал. Он получил контракт на поставку продуктов в космопорт Нью-Окленда, когда Енси — лейтенант Енси — был там зрителем.

— Отлично! Значит, у тебя будет покровитель.

— Как раз наоборот. Отец не ладил с ним.

— Интересно, — мрачно произнес Текс, — зачем я так старался уйти с «Окриджа» и попасть сюда?

— Слишком поздно думать об этом. Ничего не подделаешь, теперь... — Оскар замолчал.

Дверь, перед которой они остановились, неожиданно распахнулась, и курсанты увидели перед собой командира корабля. Капитан Енси был высоким мужчиной с широкими плечами и узкими бедрами и таким красивым лицом, что напоминал кинозвезду в роли офицера Патрульной Службы.

— В чем дело? — холодно спросил он. — Вы что это разговаривали, стоя у двери моей каюты! Заходите!

Курсанты молча вошли внутрь. Капитан Енси сел за письменный стол и окинул их взглядом.

— В чем дело, джентльмены? — поинтересовался он. — Неожиданно онемели?

— Курсант Джермэн явился по вашему приказанию, сэр, — отрапортовал Текс, взяв себя в руки.

Взгляд капитана переместился на Мэтта.

— Курсант Додсон, сэр, — с трудом выговорил Мэтт.

— Курсант Йенсен прибыл по вашему приказанию, сэр.

Капитан резко повернул голову в сторону Оскара и заговорил с ним по-венериански.

— Неужели мои уши слышат звуки речи Прекрасной Планеты?

— Это так, о старый и мудрый вождь.

— Откровенно говоря, мне никогда не нравилось говорить на этом странном языке, — заметил капитан, переходя на бейсик. — Не буду спрашивать, с какой вы планеты, но позвольте поинтересоваться — ваш отец не занимался поставками свежих продуктов?

— Мой отец — оптовый торговец продуктами, сэр.

— Я так и думал. — Капитан еще несколько мгновений смотрел на Оскара, затем повернулся к Мэтту.

— Объясните мне, мистер, зачем вам понадобился этот маскарад? Вы походите на пассажира корабля для переселенцев.

Мэтт попытался сказать что-то в свое оправдание, но капитан оборвал его.

— Оправдания меня не интересуют. Я строго слежу за дисциплиной и порядком на своем корабле. Запомните это.

— Слушаюсь, сэр.

Капитан откинулся на спинку кресла и закурил.

— Не сомневаюсь, джентльмены, вас интересует, почему я вызвал вас. Должен признаться, что мне было любопытно увидеть, какую продукцию выпускает Академия. В мое время главное внимание обращали на дисциплину. Теперь, как мне стало известно, всем правят психологи, и порядки изменились. — Он наклонился вперед и посмотрел прямо в глаза Мэтту. — Но на моем корабле порядки остались прежними. Их никто не менял, джентльмены. — Все молчали. Енси сделал паузу и продолжил: — В соответствии с правилами, вы

обязаны представиться своему командиру в течение двадцати четырех часов после прибытия на корабль или базу. Будем считать, что процедура знакомства началась. Садитесь, джентльмены. Мистер Додсон, слева от вас кофейник и чашки. Не будете ли вы так любезны?

Через сорок минут курсанты вышли из каюты своего командира, ничего не понимая. Енси дал понять, что он — гостеприимный хозяин, и проявил чувство юмора, а в заключение даже рассказал пару забавных анекдотов. Мэтт пришел к выводу, что Енси ему понравился.

Однако, когда курсанты направились к выходу из каюты, капитан Енси посмотрел на часы и сказал:

— Зайдите ко мне, мистер Додсон, через пятнадцать минут.

— Что ему надо от тебя, Мэтт? — удивленно спросил Текс, когда друзья закрыли за собой дверь капитанской каюты.

— Неужели не догадываешься? — бросил Оскар. — Слушай, Мэтт, я побежал в мастерскую за твоей формой, иначе ты не успеешь переодеться и побриться за пятнадцать минут.

— Спасибо, Ос, ты спасаешь мне жизнь!

Через тринадцать часов ПРК «Триплекс» взлетел с Лунной базы по траектории, которая выводила его на эллиптическую орбиту, своим дальним краем проходящую через пояс астероидов. «Триплексу» был поручен поиск пропавшего ПРК «Пэтфайндер». Исчезнувший корабль занимался составлением радиолокационных карт одного из секторов астероидного пояса для уранографического отдела Патрульной Службы. Выполняя свое задание, ПРК «Пэтфайндер» находился за пределами радиосвязи; и тем не менее он должен был связаться по радио еще шесть месяцев назад, в момент сближения с Марсом. Однако станция на Деймосе, спутнике Марса, сообщила, что «Пэтфайндер» на вызовы не ответил; в Департаменте пришли к выводу, что с кораблем что-то случилось.

Возможное местонахождение «Пэтфайндера» было в пределах движущейся зоны в космосе, определенных

с помощью баллистики, геометрии, данных корабля, поставленной перед ним задачи, а также последних переданных им координат, курса и скорости. Эта зона была разделена на четыре сектора, и «Триплексу» было поручено обследовать один из них, а еще три патрульных ракетных корабля занялись поисками в остальных трех секторах. Операция по розыску пропавшего корабля получила в штабе название «Операция «Самаритянин»; однако каждый из четырех кораблей действовал в пределах выделенного ему сектора независимо от других, поскольку корабли находились слишком далеко друг от друга, чтоб их действия можно было координировать.

Ведя поиски пропавшего корабля, все четыре спасателя продолжали радиолокационную съемку астероидного пояса.

Помимо командира корабля и трех курсантов, экипаж «Триплекса» состоял из Хартли Миллера — помощника командира и астрогатора, лейтенанта Новака — старшего механика, лейтенанта Турлова — бомбардира, лейтенанта Брюнна — офицера связи, и трех младших лейтенантов: Петерса, Гомеса и Клири, исполнявших обязанности механика и вахтенных офицеров. Кроме того, на борту корабля находился доктор Пикеринг, начальник корабельной санчасти, посланный на «Триплекс» для того, чтобы оказать медицинскую помощь уцелевшим космонавтам, если таковых удастся обнаружить.

На «Триплексе» не было космической пехоты, если не считать доктора Пикеринга, который принадлежал к административному штабу корпуса космической пехоты и не был офицером Патрульной Службы. Все необходимые функции на корабле выполнялись курсантами и офицерами. Вспоминали время, когда самому младшему офицеру пехотного полка прислуживал собственный ординарец, однако слуги оказались непозволительной роскошью, чтобы возить их миллионы миль, расходуя лишнее топливо, припасы и кубатуру. К тому же исполнение мелких хозяйственных обязанностей отвлекает ум космонавтов от тягостной монотонности космических полетов; даже такая не слишком приятная работа, как уборка освежителя, выполнялась по очере-

ди всеми членами корабельного экипажа, за исключением командира, его помощника и врача.

Капитан Енси назначил лейтенанта Турлова воспитателем курсантов, а лейтенант, в свою очередь, распределил среди них обязанности помощника астрогатора, младшего вахтенного офицера, помощника механика и помощника бомбардира, организовав смены для исполнения этих совершенно излишних обязанностей. Кроме того, лейтенант Турлов следил за тем, чтобы курсанты как можно чаще пользовались единственным учебным проектором, находившимся на борту корабля.

Помощник командира распределил среди курсантов исполнение других обязанностей, не имеющих прямого отношения к учебному процессу. Мэтт, например, был назначен корабельным «фермером». Поскольку гидропонические ванны обеспечивали корабль кислородом и овощами, ему было поручено следить за составом воздуха и вместе с лейтенантом Брюнном снабжать камбуз продуктами.

Теоретически все продукты, взятые на борт корабля для продолжительного космического полета, заранее поделены на порции, подвергнуты обработке и готовы к употреблению; лишь нескольких секунд требуется для того, чтобы достать их из морозильника и разогреть в высокочастотной печи. На самом же деле, многие офицеры Патрульной Службы считают себя искусными поварами и не упускают возможности продемонстрировать это. Лейтенант Брюнн был одним из таких мастеров; говоря по правде, результаты оправдывали его заявления, и пища на борту «Триплекса» всегда была очень вкусной.

Скоро Мэтт понял, что лейтенант Брюнн ждет от корабельной «фермы» не только элементарной очистки воздуха, при которой зеленые растения поглощают двуокись углерода и заменяют ее кислородом; нет, заведующий корабельной столовой хочет, чтобы гидропонические ванны снабжали его зеленым луком, свежими помидорами, брюссельской капустой и картофелем. Мэтт нередко думало о том, что было бы куда проще остаться в Айове и заняться выращиванием кукурузы.

Когда Мэтт взялся за контроль состава корабельной атмосферы, он не знал даже, как измерить содержание углекислого газа в воздухе, но скоро приобрел опыт и проверял состав растворов в гидропонических ваннах, добавляя туда капсулы с солями, с уверенностью ветерана — благодаря советам лейтенанта Брюнна и учебной кассете № 62-А-8134 «Основы гидропоники для космических кораблей с диаграммами роста и формулами микроэлементов», которую он взял в корабельной библиотеке.

До тех пор пока люди не откажутся от привычки принимать пищу, космические корабли для продолжительных космических полетов вынуждены брать запасы продовольствия на борт из расчета семисот фунтов в год на человека. Растения в гидропонических ваннах позволяют до некоторой степени преодолеть эти ограничения, поскольку растения потребляют те же самые материалы по схеме замкнутого цикла — воздух, углекислый газ и вода — с очень небольшими добавками таких солей, как азотнокислый калий, фосфат кальция и селитра.

Хорошо сбалансированная жизнедеятельность на корабле напоминает жизнедеятельность на планете; для того чтобы один цикл приходил на смену другому, нужна энергия, однако сырье используется то же самое, раз за разом. Поскольку бифштексы и многие другие виды продовольствия нельзя производить на борту обычного космического корабля, их приходится брать с собой, поэтому накапливаются отходы, помой, бумага и тому подобное. Теоретически все это можно переработать и использовать снова, однако на практике подобные процессы оказываются слишком сложными.

Однако любая масса на борту космического корабля с атомным двигателем может быть использована в качестве реактивной массы. Расщепляемые материалы реактора расходуются очень медленно; вместо этого они нагревают другие материалы до исключительно высоких температур и затем выбрасывают их из ракетного «пара».

Несмотря на то что для создания реактивной массы могут быть использованы зелень репы и тому подобное, основное назначение «фермы» — извлекать из

воздуха углекислый газ. Для этого на борту корабля должно находиться примерно десять квадратных футов зеленой поверхности на каждого человека. Лейтенант Брюнн, все время требующий разнообразия фруктов и овощей, заставлял Мэтта выращивать все больше и больше зелени; в результате воздух становился слишком «свежим», слишком насыщенным кислородом, и растения начинали вянуть из-за недостатка углекислого газа. Мэтту приходилось внимательно следить за его содержанием в атмосфере корабля и время от времени компенсировать недостаток углекислого газа, сжигая ненужную бумагу или ветки растений.

В каюте лейтенанта Брюнна хранился большой запас самых разнообразных семян; однажды Мэтт пошел в его каюту за семенами персидских дынь, намереваясь посадить их. Брюнн показал, где хранятся семена, и разрешил ему выбрать те, что больше устраивают Мэтта. Курсант принялся копать в сотнях пачек, затем воскликнул:

— Вы только посмотрите на это, мистер Брюнн!

— Что случилось? — Офицер посмотрел на пакет семян в руке Мэтта.

На поверхности пакета было напечатано: «Семена дыни, персидская разновидность, особенно крупные, № 12-К-4728а»; Мэтт извлек из пакета конверт с семенами — там стояла надпись: «Семена анютиных глазок, гигантская разновидность».

Брюнн покачал головой.

— Пусть это будет вам уроком, Додсон, никогда не полагайтесь на складских клерков, иначе на полпути к Плутону вы обнаружите, что вместо бланков космических карт вам погрузили полторы сотни медных плевателейниц.

— Так что вы посоветуете посеять вместо дынь? Канталупы?

— Давайте вырастим арбузы — старик обожает арбузы.

Мэтт вышел из каюты с семенами арбуза в руке, но прихватил с собой и пакет с семенами анютиных глазок.

Через восемь недель он построил нечто вроде вазы из кухонной миски, обвернутой в лист пористой целлюлозы, которая использовалась в гидропонике, чтобы

жидкость не вылетала из ванн при невесомости. После этого Мэтт наполнил «вазу» водой, поставил туда свой новый урожай и торжественно поместил «вазу» в центре стола перед обедом.

Увидев веселые цветки анютиных глазок, капитан Енси не удержался от улыбки.

— Bravo, джентльмены, — захолопал он в ладоши, — какой приятный сюрприз! Чувствуешь себя как дома! — Он повернулся к Мэтту. — Наверно, нам следует благодарить за это вас, мистер Додсон?

— Да, сэр. — Мэтт покраснел от удовольствия.

— Великолепная мысль. Господа, предлагаю лишить мистера Додсона плебейского титула, который он носит теперь, и вместо «фермера» называть его «ученым агрономом». Кто за это, прошу поддержать.

Раздалось девять выкриков «да» и один громкий «нет», автором которого был помощник командира Миллер. Сразу было выдвинуто еще одно предложение старшим механиком, после которого Миллер был изгнан из-за стола и отправился доедать обед в камбуз.

Лейтенант Брюнн поведал о неприятности, которая случилась с запасом семян, что и было непосредственной причиной появления цветника в середине стола. Капитан Енси нахмурился.

— Надеюсь, вы проверили остальные пакеты с семенами, мистер Брюнн?

— Э-э, нет, сэр.

— Тогда займитесь этим. — Лейтенант Брюнн немедленно встал. — После обеда, — добавил капитан, и Брюнн снова сел.

— Это напомнило мне о случае, который произошел, когда я был «фермером» на старом «Персивале Лоуэлле» — не на этом, а до него, — продолжал капитан Енси. — Мы совершили посадку у Южного полюса Венеры и каким-то образом занесли внутрь корабля вирусную инфекцию, какую-то ржавчину. Не смотрите на меня так высокомерно, мистер Йенсен, и с вами такое может случиться, особенно на новой для вас планете!

— Я, сэр? Я совсем не смотрел на вас высокомерно.

— Неужели? Значит, вы улыбнулись, глядя на анютины глазки?

— Совершенно верно, сэр!

— Гм! Так вот я и говорю, занесли внутрь корабля какую-то ржавчину, и через десять дней мой огород напоминал огород эскимоса зимой. Я тщательно обработал гидропонические ванны, провел стерилизацию, сделал новую посадку. Тот же результат. Инфекция захватила весь корабль, и я не мог избавиться от нее. Мы закончили полет, питаюсь всухомятку, и меня заставили есть в камбузе до самого приземления. — Он улыбнулся, вспоминая прошлое, и крикнул в сторону камбуза: — Как там у тебя дела, Хартли?

Помощник командира появился в дверях, держа в одной руке ложку, а в другой — закрытое пластиком блюдо.

— Отлично, — произнес он с полным ртом. — Я съел ваш десерт, капитан.

— Эй! Командир, прикажите ему прекратить есть! — воскликнул лейтенант Брюнн. — Эти ягоды предназначались для завтрака!

— Слишком поздно. — Миллер вытер губы.

— Капитан?

— Слушаю вас, мистер Додсон.

— Как вы очищали воздух?

— Хороший вопрос. А как бы поступили вы, мистер, в подобном случае?

Мэтт задумался.

— Я нашел бы способ, сэр, избавиться от CO₂.

— Совершенно точно. Я выпустил из одного герметического отсека воздух, надел скафандр, вошел в отсек и просверлил два отверстия, соединяющих отсек с пустотой за бортом корабля. Затем соорудил что-то вроде самогонного аппарата со змеевиком на темной стороне корабля и начал сперва замораживать воду, затем — углекислый газ. Проклятый змеевик то и дело замерзал, и мне приходилось все время заниматься им. Но воздух очищался исправно, и мы сумели благополучно вернуться на Землю. — Енси поднялся из-за стола. — Хартли, если вы уже поели, давайте глянем на план метеоритного поля. У меня возникла мысль.

Корабль приближался к орбите Марса и скоро должен был войти в относительно опасную зону пояса астероидов и космической пыли, сопровождавшей их.

Мэтт, к этому времени, уже был сменен на своем предыдущем посту и стал теперь помощником астрогатора, но по-прежнему выполнял обязанности «фермера», или, как теперь его прозвали, «агронома».

Один раз к нему в отделение гидропоники заглянул Текс.

— Привет!

— Привет, Текс.

— Ты уже вспахал южные сорок акров? Похоже, будет дождь. — Текс сделал вид, что внимательно смотрит вдаль, глядя на мигающие лампочки, ускоряющие развитие растений. — Впрочем, я пришел к тебе по делу. Старик просит зайти к нему в каюту.

— Так бы и сказал, вместо того чтобы шлепать губами.

Мэтт прекратил работу и начал поспешно одеваться: из-за высокой температуры и влажности в гидропоническом отсеке Мэтт работал голым — как для удобства, так и с целью сбережения форменной одежды.

— Курсант Додсон, сэр. Явился по вашему приказанию.

— Вижу. — Енси поднял руку с листом бумаги. — Додсон, я написал рапорт в Департамент. Он будет передан, как только мы установим радиосвязь. Рапорт содержит рекомендацию, чтобы на всех кораблях Патрульной Службы, совершающих дальние полеты, выращивали цветы в качестве средства поддержания настроения экипажа. Я назвал вас автором этого предложения.

— Спасибо, сэр.

— Не за что. Все, что помогает рассеять скуку, монотонность пребывания на корабле и поднять настроение экипажа, представляет большой интерес для Патрульной Службы. Ну хватит об этом, у меня к вам вопрос.

— Слушаю, сэр.

— Мне хочется понять, почему вы тратили напрасно время, выращивая анютины глазки, вместо того чтобы наверстывать отставание в учебе?

Мэтт не знал, что ответить.

— Я просматривал отчеты лейтенанта Турлова и обратил внимание, что мистер Йенсен и мистер Джер-

мэн опережают вас. За последние недели ваше отставание увеличилось. Приятно заниматься своим хобби, но ваша главная задача — учиться.

— Так точно, сэр.

— Я пометил отчет о вашей учебе за последние недели оценкой «неудовлетворительно». В следующей четверти нужно ликвидировать отставание. Между прочим, вы уже решили, каким будет следующий ход?

Мэтт не сразу понял, что капитан говорит уже о шахматах; Енси и он боролись за первое место в корабельном чемпионате.

— Да, сэр. Беру вашу пешку.

— Я так и думал. — Енси протянул руку за спину; Мэтт услышал, как он переставляет фигуры, выдергивая их штифты из углублений на шахматной доске. — Скоро увидите, что станет с вашим ферзем! — На лице капитана мелькнула зловещая улыбка.

Астероиды, космическая пыль, камни и осколки скал, наполняющие пространство между Марсом и Юпитером, движутся с различной скоростью — от пятнадцати миль в секунду недалеко от Марса до восьмидесяти миль рядом с Юпитером. Орбиты этих космических отбросов имеют самый произвольный наклон к плоскости эклиптики, но в среднем он составляет около девяти градусов.

Из этого следует, что космический корабль, двигающийся по кольцевой орбите на «восток» — или в одном с ними направлении — должен быть готов к возможности скользящего столкновения на относительных скоростях порядка двух миль в секунду, а также к очень маловероятному, но все-таки возможному столкновению под значительно более тупым углом и скорости, вдвое превышающей две мили в секунду.

Две мили в секунду — это скорость, всего лишь в три раза выше, чем скорость пули, вылетевшей из винтовочного ствола. ПРК «Триплекс» был построен таким образом, что наружная броня его корпуса могла выдержать удары космического песка и крохотных осколков, но более крупные частицы космической пыли, не говоря уже об астероидах, легко разобьют эту броню. Задолго до входа в опасную зону космонавты надели скафандры, вышли в космическое пространство

и закрепили массивные стальные щиты над корабельными иллюминаторами. Теперь их кварцевые стекла также были защищены от мелких осколков. Незащищенными остались только линзы астрогационных приборов и радиолокационные антенны.

Однако эти меры не могли защитить корабль от крупных осколков скал и астероидов. Чтобы избежать опасности столкновения, капитан Енси организовал круглосуточное наблюдение, гораздо более внимательное, чем во время обычного космического полета. Восемь радиолокационных антенн неустанно обшаривали пространство вокруг корабля — как впереди, так и позади него. Енси исходил из того, что столкновение становится неизбежным, если пеленг на какой-нибудь предмет остается постоянным — здесь излишни сложные вычисления. Для того чтобы избежать столкновения, необходимо изменить курс или скорость, причем совершенно необязательно менять курс или скорость резко или на значительные величины. Полет через пояс астероидов — единственный участок их полета, где не требуется искусство пилотирования: нужно всего лишь внимание, неослабная бдительность.

Миллер, помощник командира, разделил всех курсантов и младших офицеров на вахты круглосуточного наблюдения за экранами радиолокаторов. Экраны дальнего радиолокационного предупреждения не только следят за пространством вокруг всего корабля, но и, строго говоря, не требуют постоянного наблюдения. Даже если человеческий глаз не успеет обнаружить постоянный пеленг на любой сближающийся с кораблем крупный осколок, это сделает сам радиолокатор и немедленно подаст сигнал тревоги — и тогда вахтенный офицер должен тут же, не теряя времени, включить реактивный двигатель на полную мощность!

К тому же не следует забывать, что пояс астероидов представляет собой достаточно свободное от космической пыли пространство; вероятность столкновения даже с песчинкой ничтожна. Поэтому перемены в жизни на борту ПРК «Триплекс» — если не считать более длительных вахт в дополнение ко всем остальным обязанностям — заключались только в необходимости пристегиваться ремнями безопасности во время сна, вместо

того чтобы свободно и расслабленно плавать посреди-
не каюты, чтобы неожиданное ускорение не привело к
серьезным травмам.

На ПРК «Триплекс» находилось два шаттла, покоя-
щихся в своих ангарах — углублениях в корпусе ко-
рабля. Это были самые обычные ракетные корабли с
двигателями, работающими на химическом топливе, и
небольшого радиуса действия. Единственным их отли-
чием от шаттлов, совершающих полеты на околозем-
ных орбитах, был мощный поисковый радиолокатор,
такой же, как и на основном корабле. После достиже-
ния района поиска шаттлы вылетали и начинали проче-
сывать этот район. На каждом из них находился пилот
и второй пилот, а также сменный экипаж, потому что
шаттлы не прекращали свой поиск в течение несколь-
ких недель, работая круглые сутки.

Пилотами капитан Енси назначил лейтенантов Брюн-
на, Турлова и Новака, а также младшего лейтенанта
Петерса. Курсанты были поставлены в пары с лейте-
нантами, а младший лейтенант Гомес попал в одну
команду с младшим лейтенантом Петерсом.

Обязанности повара взял на себя доктор Пикеринг.
Младший лейтенант Клири остался «на подхвате», на
него легло все остальное — очевидная невозможность
выполнить, потому что ему по-прежнему приходилось
следить за экранами противометеорной защиты. Поэто-
му было решено: сменные команды шаттлов останутся
на корабле и будут нести вахту.

Каждый понедельник ракетные шаттлы занимали
свою позицию в пространстве, и три корабля старались
прочесать как можно более широкую часть космоса,
настолько широкую, что зоны их действия едва пере-
крывали одна другую. Корабль-носитель сам доставлял
шаттлы в районы их действия с тем, чтобы у маленьких
ракетных кораблей оставались полные топливные баки
на тот случай, если их не успеют вовремя подобрать, и
тогда шаттлы смогут самостоятельно добраться до од-
ной из внутренних планет и ждать помощи, выйдя на
орбиту вокруг нее.

ПРК «Пэтфайндер»

Во время своего первого полета на шаттле Мэтт собирался напряженно учиться, поэтому захватил с собой целую кучу кассет, намереваясь просматривать их на крошечном проекторе маленького корабля. Возможности для этого оказались ограниченными, потому что четыре часа из каждых восьми ему приходилось проводить у экранов поискового радиолокатора, не сводя с них глаз. На протяжении остальных четырех часов Мэтту предписывалось спать, есть, выполнять остальные обязанности и, если удастся, продолжать учебу.

К тому же лейтенант Турлов любил поговорить.

Бомбардир готовился к переводу на Землю после завершения экспедиции.

— И вот я никак не могу принять окончательное решение, Мэтт. Остаться на службе и заниматься физикой в свободное время или уйти из Патруля и посвящать жизнь исследовательской работе?

— Это решение можете принять лишь вы один.

— Твой совет шаблонный, но верный. Вообще-то, мне хочется стать ученым, но после нескольких лет Патрульная Служба становится для тебя и отцом, и матерью. Не знаю, не знаю. Эта скала быстро сближается с нами — ее уже видно через иллюминатор.

— Сближается? — Мэтт наклонился вперед и тоже увидел небольшой обломок, уже давно выделяющийся на экране радиолокатора. Обломок скалы имел неправильные очертания, от резких краев которых на него падала черная тень. — Мистер Турлов, — воскликнул Мэтт, — посмотрите в середине обломка. Вам не кажется, что это полосы?

— Возможно. В космосе были подобраны обломки, несомненно созданные осадочными породами. Это и было первым доказательством того, что астероиды когда-то представляли собой планету.

— Вот как? Мне казалось, что первым доказательством были интегральные расчеты Гудмана.

— Нет, ты все перепутал. Гудман проверил свои расчеты лишь после того, как на космической станции Терра был построен огромный баллистический компьютер.

Ну конечно, Гудман дал теоритическое обоснование такому предположению. Теория, утверждающая, что астероиды когда-то представляли собой планету, находившуюся между Марсом и Юпитером, не признавалась на протяжении многих лет, потому что орбиты астероидов не имели интеррелации, то есть, если бы планета взорвалась, образовавшиеся осколки имели бы пересекающиеся орбиты в месте взрыва. Профессор Гудман, пользуясь гигантским, работающим в невесомости компьютером, доказал, что это обстоятельство объясняется возмущениями от многовекового воздействия других планет на астероиды.

По его расчетам, взрыв безымянной планеты произошел почти полмиллиарда лет назад, и основная масса ее осколков покинула пределы Солнечной системы. Оставшиеся осколки — теперешние астероиды — составляют не более одного процента ее массы.

Лейтенант Турлов замерил угловую ширину осколка, его расстояние от шаттла по данным радиолокатора и вычислил общую массу. Как ни велик был обломок, его размеры оказались недостаточными для того, чтобы тратить время и силы на расчеты орбиты; он был просто включен в список космических объектов, засоряющих поле астероидов рядом с орбитой Марса. Осколки еще меньшего размера автоматически фиксировались спе-

циальным электронным счетчиком, соединенным с корпусом корабля, после касания ими его обшивки.

— Ты знаешь, Мэтт, что больше всего беспокоит меня в вопросе относительно ухода из Патрульной Службы? — продолжал Турлов. — Ты думал о том, что отличает офицеров Патруля от всех остальных?

— Ну конечно!

— Что?

— Что отличает офицеров Патрульной Службы от всех остальных людей? Ну во-первых, мы космонавты, а они — нет. Отсюда видно, насколько велик окружающий мир.

— Отчасти это верно. Однако не следует увлекаться одними размерами. Сто миллионов квадратных миль пустого пространства ничего не значит — это всего лишь пустота. Разница гораздо глубже. Мы обеспечили сто лет мира, и сейчас никто этого не вспоминает. Те, кто родился в течение этого столетия, воспринимают мир и спокойствие, как нечто само собой разумеющееся. Но это не так. За спиной человека миллионы лет опасностей, голода и смерти; сто лет мира — всего одно мгновение в человеческой истории. Однако лишь Патрульная Служба, по-видимому, осознает это.

— Вы за отмену Космического Патруля?

— Разумеется, нет! Что ты, дружище! Но мне хотелось бы, чтобы люди поняли, как недалеко они от джунглей. И вот еще что... — Турлов робко улыбнулся, — жаль, ведь они не совсем понимают, что мы собой представляем. Многие считают нас наемниками, работающими за деньги налогоплательщиков.

— Действительно, они принимают нас за полицейских, регулирующих движение, — кивнул Мэтт. — В моем родном городе живет мужчина, который торгует вертолетами; он спросил меня, по какому праву офицеры Патруля получают пенсию после окончания срока службы. Он объяснил, что ему никто не платил пособие, когда ему исполнилось тридцать пять лет, и он не понимает, почему должен содержать кого-то, кто уходит на пенсию в этом возрасте. — На лице Мэтта появилось недоуменное выражение. — И в то же самое время он обожествляет офицеров Патрульной

Службы — хочет, чтобы его сын стал одним из них. Странно!

— Совершенно верно. Мы для них ничто иное, как дорогая, но бесполезная игрушка, принадлежащая им. Они не понимают, что мы не продаемся. Охранник, которого можно купить, ничуть не лучше жены, приобретаемой за плату.

На следующей неделе Мэтт нашел время, чтобы заглянуть в корабельную библиотеку: ему хотелось подробнее узнать о взорвавшейся планете. Сведений, однако, было немного: сухие статистические данные о размерах астероидов, осколков и космических частиц, расчетные данные орбит, вычисления Гудмана. И ни единого слова о том, как все это произошло — никаких описаний, одни научные теории.

В следующий раз, когда он с Турловым прочесывал отведенный им участок в поисках исчезнувшего «Пэт-файндера», Мэтт спросил об этом лейтенанта.

— А что ты надеялся найти, Мэтт? — пожал плечами Турлов.

— Не знаю, но куда больше, чем нашел.

— Наши представления о времени — временной масштаб — не позволяют узнать многое. Предположим, ты возьмешь одну из учебных кассет, с которыми работаешь, скажем, вот эту. — Офицер поднял в руке кассету, озаглавленную «Социальные структуры марсианских аборигенов». — Возьмешь эту кассету и посмотришь пару снимков в середине. Скажи, ты сможешь на основе двух этих снимков воссоздать тысячи и тысячи предыдущих кадров, руководствуясь одной логикой?

— Разумеется, нет!

— В этом все дело. Если человечеству удастся уцелеть в течение нескольких лет, вот тогда, может быть, кое-что будет для нас более ясным. А пока мы даже не знаем, о чем спрашивать.

Это объяснение не удовлетворило Мэтта, однако ему было нечего ответить.

— Может быть, — продолжал Турлов, нахмурившись, — мы так и не сможем задать соответствующие вопросы. Ты ведь знаком с марсианским понятием «двойного мира»...

— Конечно, но так и не смог разобраться в нем.

— А кто смог? Давай отбросим обычное предположение, что марсианин пользуется религиозной символикой, когда утверждает, что мы живем только на «одной стороне», тогда как он живет на «обеих сторонах». Будем основываться на том, что он исходит из совершенно реальных понятий, что он действительно живет в двух мирах в одно и то же время, и тот мир, в котором живем мы, он считает незначительным и не заслуживающим внимания. Если согласиться с этим, то поведение марсианина, не проявляющего желания говорить с нами или объяснить нам ясные ему вещи, становится понятным. Он совсем не высокомерен, просто рассуждает разумно — со своей точки зрения. Ты бы стал зря тратить время, объясняя радуго дождевому червю?

— Это совсем не одно и то же.

— Для марсианина — одно и то же. Дождевой червь не имеет органов зрения, не говоря уже о цветовом ощущении. Если ты не согласен с реальным существованием понятия «двойного мира», то для марсианина ясно, что у нас нет соответствующих органов чувств, необходимых для того, чтобы задавать правильно сформулированные вопросы. Зачем тратить на нас время?

Из динамика донесся сигнал вызова. Турлов посмотрел на него и сказал:

— Кто-то вызывает нас, Мэтт. Узнай, кто это, и скажи, что мы заняты.

— Ясно. — Мэтт переключил радио на прием: — Шаттл-1, «Триплекс», мы вас слушаем.

— Это «Триплекс», — послышался голос младшего лейтенанта Клири. — Приготовьтесь, сейчас вас поднимут на борт.

— Что? Перестань шутить — мы всего лишь три дня, как покинули корабль.

— Приказание капитана — приготовиться к подъему на борт корабля. Шаттл-2 нашел «Пэтфайндер».

— Неужели? Вы слышали, мистер Турлов? Вы слышали, что он сказал?

Оказалось, что это действительно правда; Петерс и Гомес наткнулись на исчезнувший корабль чуть ли не

случайно. «Пэтфайндер» стоял, пришвартовавшись к небольшому астероиду — не больше мили диаметром. Поскольку астероид был включен в список небесных тел — 1987-СД, — команда шаттла не обратила на астероид никакого внимания, пока он не повернулся к шаттлу другой стороной, и они увидели «Пэтфайндер».

После здравого размышления капитан Енси принял решение поднять на борт шаттла с Турловым и Додсоном, прежде чем отправляться к другому шаттлу. Поставив шаттл-1 в ангар, ПРК «Триплекс» приблизился к астероиду 1987-СД и уравнивал относительные скорости. Младший лейтенант Гомес также рискнул потратить часть драгоценного топлива и поравнялся с «Триплексом».

Мэтт не находил себе места, пока поднимали на борт шаттл-2. Через иллюминаторы, закрытые броневыми щитами, ничего не было видно, а Мэтт в эту минуту не выполнял никаких обязанностей. С тщательностью, приводящей Мэтта в исступление, капитан Енси пришвартовал свой корабль к «Пэтфайндеру», послав младшего лейтенанта Гомеса с тросом к его борту. Экипаж корабля собрался в рубке управления. Текс и Мэтт воспользовались случаем и расспросили Петерса.

— Да я и сам мало что знаю, — объяснил младший лейтенант. — На первый взгляд, «Пэтфайндер» выглядит целым и невредимым, вот только открыт наружный люк шлюза.

— Есть надежда, что кто-нибудь из экипажа уцелел?

— Возможно, хотя и маловероятно.

Капитан Енси посмотрел в их сторону.

— Да замолчите же! — скомандовал он. — Это рубка управления, а не профсоюзное собрание.

Закончив швартовку, командир приказал Петерсу и Гомесу одеть скафандры; скоро три космонавта покинули «Триплекс».

Они возвратились через час. Еще через несколько минут, сняв космический скафандр, капитан Енси собрал экипаж в столовой.

— Мне очень жаль, но ни один из наших товарищей не перенес катастрофы, — сообщил он, глядя на палубу. — Вряд ли приходится сомневаться в ее причинах.

Наружный бронированный люк корабля был открыт и не поврежден. Внутренний люк шлюза пробит метеоритом размером с кулак, что вызвало взрывную декомпрессию в близлежащих отсеках. Судя по всему, по совершенно невероятному стечению обстоятельств метеорит влетел внутрь корабля именно в тот момент, когда наружный люк оказался открытым.

— Одну минуту, капитан, — возразил Миллер. — Неужели все воздухонепроницаемые двери внутри корабля оказались открытыми? Один камень не может причинить таких разрушений!

— Мы не смогли проникнуть в кормовую часть корабля — она все еще под давлением, и двери герметически закрыты. Но нам удалось восстановить картину происшедшего, потому что мы пересчитали тела погибших — семь человек, вся команда корабля. Они стояли рядом с внутренним люком воздушного шлюза без скафандров; лишь один человек был в скафандре, и он находился внутри шлюза, но его скафандр был пробит осколком. Остальные собрались, по-видимому, встретить космонавта, отправившегося на разведку. — Енси посмотрел на помощника. — Хартли, думаю, нам нужно подготовить рекомендацию по управлению операциями вне корабля: относительно того, чтобы при работах за пределами корабля члены экипажа находились в его разных отсеках, и несчастный случай с воздушным шлюзом не вывел из строя весь экипаж.

— Пожалуй, вы правы, капитан, — нахмурился Миллер. — Трудно будет выполнить это, особенно в больших кораблях.

— Трудно дышать при отсутствии воздуха... Теперь состав комиссии по расследованию катастрофы: ты, Хартли, будешь председателем, Новак и Брюнн — членами комиссии. Всем остальным оставаться на борту корабля, пока комиссия не завершит работу. Когда комиссия закончит и заберет с «Пэтфайндера» все необходимые доказательства, я дам всем вам достаточно времени, чтобы вы могли побывать на борту найденного корабля и удовлетворить любопытство.

— Как относительно врача, капитан? Он понадобится мне в качестве эксперта.

— Хорошо, Хартли. Доктор Пикеринг, отправляйтесь вместе с комиссией.

Курсанты собрались в каюте Мэтта и Оскара.

— Представляете такое невероятное совпадение, такое неудачное стечение обстоятельств? — воскликнул Текс. — Метеорит влетает в открытый наружный люк шлюза, пробивает внутренний, а там собралась вся команда без скафандров? И теперь нам придется сидеть здесь целую неделю или даже десять дней, ожидая, пока комиссия не закончит работу и не измерит, с точностью до микрона, величину отверстия, пробитого в люке!

— Перестань трепыхаться, Текс, — посоветовал Оскар. — Думаю, старик просто не хотел, чтобы ты нацарапал свои инициалы на переборке «Пэтфайндера», или боялся, что ты унесешь пробитый люк в качестве сувенира.

— Не говори глупостей!

— Хватит дергаться. Капитан ведь обещал, что ты сможешь ползать по кораблю, сделать фотографии и, вообще удовлетворить свое омерзительное любопытство, как только закончится работа комиссии. Тем временем наслаждайся роскошью восьмичасового сна.

— Слушай, Оскар, а ведь ты совершенно прав! — воскликнул Текс. — Я даже не подумал об этом! Какой смысл нести вахту и следить за приближением осколков, когда мы накрепко привязаны к астероиду и все равно не сможем увернуться!

— Как это уже стало ясно команде «Пэтфайндера».

На следующий день проводилась последняя поверка для экипажа найденного корабля. Тела погибших были заперты в одном из отсеков «Пэтфайндера», и поверка проводилась в кают-компании «Триплекса». Она длилась довольно долго — потребовалось прочитать молитвы по погибшим, которые принадлежали к различным вероисповеданиям. Наконец капитан закончил церемонию прощанием Патрульной Службы: «А теперь мы направляем наш курс к дому...»

Оказалось, что на борту «Триплекса» едва хватало членов экипажа, чтобы принять участие в последней поверке. Команда «Пэтфайндера» состояла из семи человек — шести офицеров Патрульной Службы, од-

ного гражданского планетолога и еще Четверки, которая присутствует на каждой поверке. Капитан Енси выкликивал фамилии членов экипажа «Пэтфайндера», и на них откликались все, один за другим, начиная с помощника капитана Миллера и кончая Тексом. Все это время из динамиков доносились звуки «Длинной вахты», тихие, подобно реквиему.

Мэтт с трудом ответил, когда была произнесена одна из фамилий. По щекам Текса текли слезы, и он даже не скрывал этого.

На протяжении двух дней работы комиссии источником информации был лейтенант Брюнн. Он рассказал, что «Пэтфайндер» — в хорошем состоянии, если не считать пробитого люка. На третий день он внезапно замолчал.

— Капитан приказал не обсуждать информацию, полученную комиссией, до тех пор, пока не изучит ее, — объяснил Брюнн.

Мэтт передал слова Брюнна остальным курсантам.

— В чем дело? — удивился Текс. — Что секретного может быть в поврежденном корабле с погибшим экипажем.

— Откуда я знаю?

— А у меня появилась мысль, — сообщил Оскар.

— Ну? Да не томи же!

— Капитан хочет доказать, что невозможно уметь от любопытства. Для этого он выбрал именно тебя, Текс, ты идеальный подопытный кролик.

— О-о, пойдй постучи головой о переборку!

На следующий день капитан снова собрал всю команду.

— Джентльмены, благодарю вас за проявленное терпение. Я не хотел, чтобы велись разговоры о работе комиссии до тех пор, пока не приму решения о том, как поступить с вещами, найденными на борту «Пэтфайндера». И вот что нам стало известно: планетолог, находившийся на погибшем корабле, профессор Торвальд, пришел к неопровержимому выводу, что взорвавшаяся планета была населена.

Раздались взволнованные голоса.

— Прошу тишины! На «Пэтфайндере» обнаружены образцы пород с окаменевшими ископаемыми; но, по-

мимо них, там находятся предметы, являющиеся, по мнению профессора Торвальда — доктор Пикеринг и мы с Миллером тоже убеждены в этом, — результатом деятельности человеческих рук.

Уже одного этого, — продолжал капитан, — достаточно, чтобы послать в астероидный пояс десяток космических кораблей. Думаю, это самое важное открытие в исследовании прошлого Солнечной системы наравне с раскопками на Луне. Однако профессор Торвальд пришел и к другому, еще более поразительному выводу. С помощью корабельного бомбардира, используя метод радиоактивного анализа, он высказал предположение, что планета — профессор назвал ее планетой Люцифер — погибла в результате взрыва ядерного устройства, созданного ее обитателями. Иными словами, жители планеты сами взорвали ее.

Тишину, царившую в кают-компании, нарушало лишь слабое жужжание вентиляторов кондиционирования воздуха.

— Но, капитан, этого не может быть! — внезапно воскликнул Турлов.

— Вам известны ответы на все вопросы, молодой человек? — посмотрел на него капитан Енси. — Мне — нет.

— Извините меня, сэр.

— На вашем месте я не делал бы скоропалительных выводов. Я признаюсь, что не обладаю знаниями, необходимыми для категоричных заявлений. Тем не менее, джентльмены, если это соответствует действительности, — а профессор Торвальд придерживается именно такой точки зрения, — вряд ли следует напоминать, что у нас еще больше оснований гордиться Патрульной Службой, офицерами которой мы являемся, а наша ответственность еще больше, чем считалось раньше.

А теперь за дело. Я не хочу оставлять здесь «Пэтфайндер». Не говоря уже о причинах чисто морального характера, не следует забывать, что это — космический корабль Патрульной Службы, и его строительство обошлось во много миллионов. Думаю, мы сумеем отремонтировать «Пэтфайндер» и доставить его обратно.

Возвращение домой

Мэтт принимал участие в ремонте пробитого люка и проверке герметичности отсеков «Пэтфайндера», причем старший механик не сводил глаз со своих помощников. Если не считать отверстия в люке, пробитого метеоритом, внутри корабля повреждений почти не было. Огромная энергия метеорита была затрачена на то, чтобы пронзить массивный внутренний люк воздушного шлюза; понадобилось только залатать одну переборку и выровнять несколько вмятин в других местах. Наружный бронированный люк ничуть не пострадал; было совершенно ясно, что метеорит-убийца влетел внутрь корабля именно в тот момент, когда открылся наружный люк.

Растения в гидропонических ваннах погибли из-за недостатка углекислого газа и ухода. Пока остальные члены экипажа занимались почти бесконечной работой, проверяя каждую электрическую цепь и каждый контакт, Мэтт взялся за восстановление корабельной растительности, необходимой для снабжения атмосферы кислородом и поглощения углекислого газа.

Оскар и Мэтт выделили час, оторванный от своего сна, чтобы осмотреть астероид 1987-СД. Для этой экспедиции понадобились навыки альпинистов и космонавтов, привыкших работать в невесомости и пользоваться ракетными двигателями для передвижения в космосе. У астерои-

да было, разумеется, гравитационное поле, но масса даже такой космической скалы ничтожна по сравнению с силой тяготения на планете. Курсанты даже не чувствовали притяжения; их мышцы, привыкшие бороться с мощным гравитационным полем Терры, не ощущали едва заметного притяжения астероида.

Наконец «Пэтфайндер» отошел от астероида, и новая команда, состоящая из капитана Енси в рубке управления и лейтенанта Новака, находящегося в машинном отсеке, провела испытание реактивного двигателя. ПРК «Триплекс» расположился в нескольких милях от «Пэтфайндера», подождал, пока не закончится испытание двигателя, и затем пришвартовался к отремонтированному кораблю. Капитан Енси и старший механик вернулись на борт «Триплекса».

— Передаю вам этот корабль, Хартли, — объявил капитан. — Проведите испытания сами, затем отправляйтесь в путь, когда сочтете себя готовыми.

— Если вы проверили корабль, я полностью полагаюсь на вас, капитан. С вашего разрешения, я переведу на «Пэтфайндер» свой экипаж.

— Хорошо. Капитан, принимайте командование и выполняйте поставленную задачу. Внесите в бортовой журнал, мистер, — бросил через плечо вахтенному офицеру капитан Енси.

Спустя тридцать минут экипаж «Пэтфайндера», отобранный из команды «Триплекса», вошел внутрь корабля через воздушный шлюз. ПРК «Пэтфайндер» вернулся в строй.

На борту «Триплекса» остались капитан Енси, лейтенант Турлов, исполняющий теперь обязанности помощника командира и астрогатора, младший лейтенант Петерс — старший механик, курсанты Джермэн и Додсон — вахтенные офицеры, курсант Йенсен, назначенный офицером связи, а также доктор Пикеринг — врач.

Бывший помощник капитана «Триплекса» Миллер стал капитаном «Пэтфайндера», и в составе его команды было на одного человека меньше. Зато все его офицеры обладали немалым опытом.

Вообще-то, капитан Енси был готов принять на себя командование «Пэтфайндером», чтобы не перепоручать

другому офицеру это задание, не лишенное риска, но этому помешало одно обстоятельство — закон запрещал ему оставлять свой корабль. Капитан Енси имел право назначить временного командира из числа своих подчиненных, однако вблизи не было ни одного вышестоящего начальника, который имел право освободить капитана Енси от командования своим кораблем — он оказался жертвой своего собственного уникального положения, поскольку являлся командиром корабля, действующего в одиночку.

В соответствии с первоначальным планом экспедиции «Пэтфайндер» должен был продолжать полет в космопорт спутника Марса Деймос и прибыть туда в тот момент, когда Марс, движущийся по своей орбите, обгонит его и окажется в выгодном для корабля положении. Задержка на несколько месяцев, вызванная трагедией, происшедшей с экипажем «Пэтфайндера», полностью нарушила эти планы; Марс оказался теперь очень далеко от намеченной точки встречи. Помимо этого, капитану Енси хотелось как можно быстрее доставить поразительные доказательства открытия, сделанного экипажем «Пэтфайндера» на Землю; лететь к отдаленному космопорту на спутнике Марса не имело смысла.

Соответственно реактивная масса была перекачана с громадного «Триплекса» на уступающий ему по размерам «Пэтфайндер» и заполнила его топливные баки. Затем рассчитана самая короткая, хотя и малозкономичная орбита, ведущая корабль прямо на один из земных космодромов. ПРК «Триплекс», оставшийся с полупустыми баками, будет двигаться по экономичной орбите Хохманна, которая значительно длиннее, пройдет через орбиту Марса, пересечет земную орбиту (в этот момент Земля будет очень далеко), обогнет Солнце и, повернув вокруг него, совершит посадку на Землю почти через год после «Пэтфайндера». У «Триплекса» оставалось достаточно реактивной массы, чтобы вернуться на Землю даже после перекачки значительной части в топливные баки «Пэтфайндера», но ему придется лететь по очень вытянутой орбите, тратя намного больше времени, но сберегая топливо. Обычно по таким орбитам двигались космические корабли тор-

гового флота — патрульные корабли избегали лишних затрат времени.

Мэтт, выполняя одну из своих многочисленных обязанностей в качестве помощника астрогатора, обратил внимание на особенность их орбиты и сообщил о ней Оскару.

— Эй, Ос, ну-ка посмотри сюда: проходя перигелий на той стороне орбиты, что за Солнцем, мы промчимся прямо над твоим родным городом! Видишь?

Оскар взглянул на элементы орбиты.

— А ведь верно! Какой будет самая ближняя точка?

— Меньше сотни тысяч миль, может быть, даже чуть ближе — старик обожает совершенно точные орбиты. Нет желания сбегать в самоволку?

— Боюсь, скорость слишком высока, — сухо заметил Оскар.

— Ну вот, а где же дух первооткрывателя? Успеешь улететь в одном из шаттлов, прежде чем тебя хватятся.

— Боже мой, как мне хочется побывать дома! — вздохнул Оскар. — Жаль, что у нас не будет увольнения. — Он печально покачал головой и снова посмотрел на звездную карту.

— Знаю, почему ты не хочешь воспользоваться такой редкой возможностью: с тех пор как стал начальником службы, у тебя выросло чувство ответственности. Наверно, приятно быть одним из сильных мира сего?

— Да-да, Ос, расскажи нам, — поддержал Текс, войдя в рубку.

— Перестаньте подначивать, ребята, — покраснел Оскар. — Разве я виноват в этом?

— Ладно, больше не будем. А кроме шуток, ребята, — продолжал Мэтт, — нам очень повезло! Мы исполняем обязанности офицеров во время полета, который должен был проходить в учебной обстановке. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Что?

— Если мы справимся со своими обязанностями и постараемся показать себя с лучшей стороны, нам всем могут присвоить офицерские звания!

— Ну да, — с сомнением покачал головой Текс, — капитан Енси сделает меня офицером? Свежо предание!

— Ну тогда уж Оскара, точно! В конце концов, он — начальник службы связи.

— Уверяю вас, ребята, это не имеет никакого значения, — запротестовал Оскар. — Действительно, я отвечаю за связь — вот только связываться-то не с кем! Мы находимся за пределами дальности радиосвязи, если не считать «Пэтфайндера», да и тот быстро удаляется от нас.

— Но ведь не вечно нам быть за пределами радиосвязи!

— Что из этого? Разве вы не замечаете, что старик не позволяет мне — да и никому из нас — делать что-нибудь самостоятельно? Все время стоит рядом и наблюдает. К тому же зачем нам офицерские звания? Представляете себе — возвращаемся на Землю, а их не утверждают! Какое унижение!

— Я готов рискнуть! — заявил Текс. — Только так и можно стать офицером! Другой возможности мне не представится.

— Перестань изображать несчастного сироту. Подумай только, что скажет дядя Боди, если услышит такие разговоры.

По правде говоря, атмосфера на корабле заметно изменилась, хотя капитан и лейтенант Турлов действительно наблюдали за действиями курсантов очень внимательно. Капитан Енси начал обращаться к ним по именам в неслужебное время и перестал упоминать звание «курсант». Иногда, говоря о команде корабля, он говорил «офицеры моего экипажа», явно имея в виду всех — как офицеров, так и курсантов. Но он ни разу не коснулся вопроса присвоения офицерского звания.

После выхода из пояса астероидов, за пределами дальности радиосвязи и в состоянии продолжающегося свободного падения, обязанности команды не представляли особой сложности. У курсантов было немало свободного времени, которое они посвящали учебе, спорам и игре в карты. Мэтт догнал своих друзей и ликвидировал, таким образом, отставание в учебе. Те-

перь он все чаще бывал в корабельной библиотеке, стараясь узнать как можно больше по интересующим его вопросам.

Капитан начал серию регулярных семинаров отчасти для того, чтобы заполнить остающееся у него время, отчасти в качестве помощи в учебной подготовке курсантов. Темой его семинаров была роль офицеров Патрульной Службы в качестве дипломатов. Енси умел рассказывать; кроме того, скоро курсанты поняли, что его можно увлечь и тогда он погружался в воспоминания. В течение своей продолжительной карьеры офицера Патруля Енси неоднократно сталкивался с трудными ситуациями, и его объяснения были интересны и приносили курсантам немало пользы.

Наконец ПРК «Триплекс» оказался в пределах радиосвязи с Венерой — там их ждало много сообщений, гонявшихся за ними по всей Солнечной системе. Официальная радиограмма из Департамента выражала благодарность капитану и всей команде за активное участие в восстановлении и отправке на Землю патрульного ракетного крейсера «Пэтфайндер». Кроме того, капитан Енси получил личное послание от Хартли Миллера, в котором говорилось, что «Пэтфайндер» благополучно вернулся на Землю, что ученые сразу набросились на доставленные данные и теперь громят корабль так, что он трещит по всем швам.

Кроме писем из дома, Мэтта ждало приглашение от Марианны — приглашение на свадьбу. Он так и не понял, за кого она вышла замуж, за того молодого человека, который присутствовал на пикнике? Мэтт не мог вспомнить его имени — все происшедшее казалось ему таким далеким... Кроме того, курсантов ждало послание от Пита — на письме было помечено «Леда, Ганимед». Там говорилось о том, как радостно его приняли дома.

— Ну и повезло же парню! — прокомментировал Текс.

Оскар обратил внимание на то, что капитан Енси уже не так внимательно следит за выполнением им обязанностей офицера связи, но это ничуть не удивило его. Оскар действительно превратился в начальника

службы связи и уже забыл, что был когда-то совсем другим.

Он понял, что его считают офицером связи, после того как принял шифровку — первую из радиogramм, посланных в адрес «Триплекса» не клером, а шифром. Оскару пришлось обратиться к капитану с просьбой дать шифровальную машинку, хранившуюся в сейфе. Капитан открыл сейф и вручил Оскару машинку безо всяких колебаний.

Оскар взял радиogramму, расшифровал ее, и у него глаза полезли на лоб. Радиogramма гласила:

«ТРИПЛЕКС — ПРОСИМ РАССЛЕДОВАТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРОИСШЕСТВИЯ ЭКВАТОРИАЛЬНОМ РАЙОНЕ ВЕНЕРЫ ТОЧКА ОТДЕЛ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ».

Оскар тут же отнес радиogramму капитану Енси.

Капитан прочитал расшифрованный текст.

— Передайте помощнику, что я прошу его зайти ко мне. И не обсуждайте ни с кем содержание шифровки!

— Слушаюсь, сэр!

Турлов вошел в капитанскую каюту с недоумением на лице.

— Что-нибудь случилось, капитан?

Вместо ответа Енси вручил ему шифровку. Лейтенант прочитал ее и покачал головой.

— Вы считаете, что мы сможем выполнить это распоряжение? — спросил капитан.

— Но вы и сами знаете, капитан, сколько у нас осталось реактивного топлива. Мы сумеем выйти на круговую орбиту, но у нас не хватит топлива для посадки и последующего взлета.

— Я того же мнения. Полагаю, придется ответить отказом и объяснить причину. Черт побери, я не люблю отказываться от выполнения приказов! Почему выбрали именно нас? По крайней мере, полдюжины кораблей находится в более благоприятном положении.

— Вряд ли, капитан. Думаю, мы оказались единственным кораблем в этом секторе Солнечной системы. Вы следите за расположением патрульных крейсеров?

— Не так уж внимательно. А почему вы спрашиваете?

— Вообще-то, этим следовало заняться «Томасу Пэйну», но он совершил посадку в Нью-Окленде для срочного ремонта двигателей.

— Понятно. Надо бы постоянно иметь патрульный корабль на орбите вокруг Венеры; когда-нибудь так и произойдет. — Капитан Енси задумчиво почесал подбородок. Он выглядел мрачным.

— У меня есть предложение, капитан.

— Да?

— Если мы изменим курс прямо сейчас, все может обойтись без излишних затрат реактивного топлива. Совершив посадку при включенном двигателе, сбросив скорость в результате торможения при вхождении в плотные слои атмосферы.

— Гм... каков допустимый предел погрешности?

В глазах лейтенанта Турлова появилось отсутствующее выражение — он решал уравнения четвертого порядка в уме. Капитан Енси также застыл с беззвучно двигающимися губами.

— Практически никакого, капитан. После выхода на кольцевую орбиту нам придется сразу нырнуть в глубь атмосферы и подвергнуться атмосферному торможению на пределе возможной скорости — или близкой к ней — перед тем как начать торможение реактивным двигателем.

Енси покачал головой.

— Нырнуть на предельной скорости в атмосферу Венеры? Тогда уж надежнее летать на метле в Вальпургиеву ночь! Нет, мистер Турлов, придется дать ответную радиogramму и сообщить, что мы не можем выполнить их распоряжение.

— Одну минуту, капитан. Они знают, что у нас нет на борту космической пехоты?

— Конечно.

— Тогда никто и не собирается требовать от нас вооруженных действий. В этом случае можно послать на поверхность Венеры один из наших шаттлов!

— Я все время ждал, мистер Турлов, когда же наконец вам придет в голову эта мысль. Согласен. Расследование происшествия поручается вам. Делаю это с неохотой, но у меня нет другого выхода. Вы еще ни разу не вели самостоятельного расследования?

— Нет, сэр.

— Ну что ж, вам придется заняться этим в начале вашей карьеры. Принимайтесь за подготовку, а я запрошу отдел космических операций о подробностях. Меняйте курс сразу после окончания расчетов.

— Слушаюсь, капитан. Вы сами выберете курсанта, который отправится со мной, или поручите мне?

— Берите не одного, а всех троих. Это нужно для того, чтобы кто-то все время находился внутри шаттла, а вам понадобится вооруженный спутник на время расследования. Экваториальная зона Венеры — трудно предсказать, с чем вы там столкнетесь.

— Но ведь тогда у вас останется на борту один Петерс, сэр, не считая врача.

— Мистер Петерс и я отлично управимся одни. Петерс превосходно играет в крибидж.

Отдел космических операций не смог прояснить ситуацию на Венере — у них просто не было никаких подробностей. Им известно одно — транспортный космический корабль «Гэри» запросил о помощи, заявив, что подвергся нападению со стороны туземцев. Успели передать координаты, затем радиоконтакт прервался.

Капитан Енси решил все-таки прибегнуть к атмосферному торможению, чтобы сберечь реактивное топливо на будущее. Экипаж корабля был вынужден провести пятьдесят шесть часов в тесной рубке управления «Триплекса», пока сам корабль окунался и нырял в плотные венерианские облака, с каждой кольцевой орбиты погружаясь чуть глубже. Обшивка нагрелась до предела, и времени, проводимого в невесомости, пока корабль выныривал из облаков и летел в ледяной пустоте космоса, было недостаточно, чтобы охладить

ее. Почти все отсеки «Триплекса» стали невыносимо жаркими, потому что вся мощь аппарата охлаждения воздуха использовалась для поддержания нормальной температуры в рубке управления и отсеке с гидропоническими ваннами. В пустоте космоса избавиться от ненужного тепла можно лишь путем его излучения в пространство, и кинетическая энергия, образующаяся при переходе с орбиты сближения на кольцевую орбиту вокруг Венеры, поглощалась кораблем и затем излучалась в космос.

Однако по истечении этих пятидесяти шести часов трое вспотевших и усталых юношей в сопровождении еще одного, чуть старше, приготовились к переходу в шаттл-2. Несмотря на усталость, они испытывали волнение на пороге неизвестности.

Внезапно Мэтт что-то вспомнил.

— Доктор, доктор Пикеринг! — позвал он врача.

Пикеринг провел эту спокойную — с медицинской точки зрения — экспедицию за рукописью монографии, озаглавленной «Некоторые заметки относительно сравнительных патологий населенных планет», и сейчас не знал, что делать с избытком свободного времени. На период отсутствия Мэтта его назначили «фермером».

— Да, Мэтт?

— Это новые кусты томатов, через три дня нужно провести их перекрестное опыление. Вы не забудете?

— Нет, Мэтт, не забуду.

— Забудьте о своей ферме, Додсон! — расхохотался капитан Енси. — Мы как-нибудь позаботимся о ней. А теперь, джентльмены... — Он обвел глазами стоящую перед ним четверку. — Постарайтесь остаться в живых. Сомневаюсь, что эта миссия заслуживает того, чтобы потерять жизни четырех офицеров Патрульной Службы.

В шлюзе Текс ткнул Мэтта локтем в бок.

— Ты слышал? Он сказал: «Четырех офицеров Патрульной Службы!»

— Слышал. И не только это. Вспомни, о чем еще он говорил.

Турлов поправил сумку на ремне. В ней лежали распоряжения, касающиеся порученной им миссии. Распоряжения были простыми: следовать к точке с координатами два градуса семь минут широты и двести двенадцать градусов долготы; отыскать «Гэри» и расследовать обстоятельства, связанные с переданным по радио сообщением о восстании туземцев. Принять все меры для поддержания мира.

Лейтенант сел в кресло пилота и посмотрел на свой экипаж.

— Держитесь покрепче, ребята. Вперед!

Туземцы кажутся мирными

Шаттл оторвался от борта «Триплекса» и ринулся вниз. За контрольной панелью сидел лейтенант Турлов, в кресле второго пилота — Мэтт. Начальная скорость шаттла чуть превышала четыре мили в секунду — скорость «Триплекса» на низкой круговой орбите вдоль экватора Венеры. Лейтенант намеревался постепенно снизить скорость торможением в атмосфере и затем, прямо над местом посадки, опуститься на поверхность с включенным двигателем, балансируя на столбе раскаленных газов. Поскольку у шаттла не было крыльев, приходилось совершать посадку на ракетном двигателе.

И все это было необходимо сделать с абсолютной точностью, сберегая топливо. Отчасти в этом ему помогло вращение планеты с запада на восток — скорость вращения, равная 940 милям в час, позволила командир шаттла отнять эту скорость от скорости полета его маленького космического корабля. Наиболее трудным было найти точное место посадки. Момент вылета из ангара «Триплекса» был выбран таким образом, чтобы весь спуск шаттла проходил на дневной стороне планеты и можно было использовать Солнце для ориентировки по долготе; отыскать соответствующую широту следовало с помощью тщательного выбора курса.

Солнце является единственным небесным телом, которым можно пользоваться для ориентировки вблизи

Венеры, и даже оно перестает быть видным невооруженным глазом, как только корабль скрывается в пелене облаков, плотно окутывающих Венеру. Мэтт следил за Солнцем, не отводя глаз от окуляра инфракрасного октанта, и сообщал лейтенанту Турлову о необходимой коррекции курса. Перед вылетом с «Триплекса» было решено, что посадка будет совершаться вручную, а не автопилотом — слишком пока мало было пока известно о плотности и течениях в венерианской атмосфере.

Как только Мэтт доложил пилоту, что по данным радиолокатора шаттл находится на высоте тридцати миль от поверхности планеты и приближается к назначенной долготе, определенной по инфракрасному изображению Солнца в окуляре октанта, лейтенант Турлов направил маленький корабль вниз, к воображаемой точке посадки, все ниже и ниже, наконец, включил тормозные ракеты. Шаттл опускался к поверхности Венеры по параболе, еще более крутой из-за сопротивления атмосферы.

Вокруг проносились сплошные венерианские облака, настолько плотные, что иллюминатор перед сидением пилота был совершенно ненужным. Мэтт не сводил глаз с поверхности, видимой на экране инфракрасного локатора.

Турлов следил за своим радарным высотомером, все время сверяясь с полетным планом.

— Если нам понадобится искать место посадки — на случай необходимости маневрирования, — нужно делать это сейчас, — тихо произнес он, обращаясь к Мэтту. — Что ты видишь на экране?

— Поверхность относительно ровная. Более определенно сказать ничего не могу.

Турлов рискнул и на мгновение отвел взгляд от высотомера.

— По крайней мере, под нами не водная гладь и не лес. Пожалуй, нужно садиться.

Ракетный корабль начал опускаться кормой вперед. Из ракетных дюз вырывалось ослепительное оранжевое пламя. Мэтт так и впился глазами в экран локатора, готовый предупредить пилота, если внизу покажется болото, тогда Турлов мгновенно включит ускорительные бустеры.

Пилот снизился еще немного и выключил двигатель. Члены экипажа почувствовали толчок, будто корабль рухнул вниз с высоты нескольких дюймов. Все, совершена посадка. Шаттл-2 — на поверхности Венеры.

— Фью! — присвистнул лейтенант Турлов и вытер пот со лба. — Не хотелось бы мне совершать подобные посадки каждый день!

— Хорошо сделано, капитан! — произнес Оскар откуда-то сзади.

— Это уж точно, — поддержал его Текс.

— Спасибо, ребята. А теперь опустим опорные ноги, — и Турлов нажал на кнопку перед собой.

Подобно многим космическим кораблям, у шаттла после посадки выдвигались три гидравлические опоры, помогающие вертикально стоящему кораблю сохранять равновесие. Мощные гидравлические насосы вдавливали опоры глубоко в грунт, пока они не упирались во что-нибудь твердое. Сразу после этого насосы автоматически выключались и опоры надежно удерживали ракетный корабль в вертикальном положении.

Турлов подождал, пока рядом с кнопкой не зажглись три крохотных зеленых огонька, затем отключил гироскопы-стабилизаторы. Шаттл стоял не двигаясь. Лейтенант Турлов расстегнул пристежные ремни и встал.

— За работу, ребята. Посмотрим, где мы совершили посадку. Мэтт и Текс, оставайтесь внутри. Оскар, поскольку это твоя родная планета, представь меня ей.

— Слушаюсь! — Оскар также отстегнулся, встал и поспешил к воздушному шлюзу.

В контроле состава атмосферы не было нужды, ведь Венера населена многочисленными колонистами, а все офицеры Патрульной Службы, включая курсантов, получили прививки против смертельно опасного венерианского грибка.

Турлов последовал за ним. Мэтт тоже отстегнул ремни, удерживающие его в кресле, и сел рядом с Тексом в кресло для пассажиров, которое только что освободил Оскар.

Оскар посмотрел в иллюминатор рядом с люком шлюза. Снаружи все было затянуто туманом.

— Ну как, приятно оказаться дома? — спросил Турлов.

— Очень! Какой прекрасный, какой великолепный день!

Лейтенант улыбнулся, глядя в затылок Оскару, и сказал:

— Вот опустим лестницу и посмотрим, где это мы оказались.

Внешний люк шлюза был на пятьдесят футов выше стабилизаторов шаттла, и конструкция корабля не предусматривала ничего, вроде лифта.

— Сейчас, — ответил Оскар, протиснулся рядом с лейтенантом, и в это мгновение шаттл накренился, на мгновение замер, затем начал падать на бок.

— Гироскопы! — панически крикнул Турлов, — Мэтт, включай гироскопы! — и сам бросился к панели управления, но столкнулся с Оскаром и упал вместе с ним. В этот момент шаттл опрокинулся, с силой грохнувшись на грунт.

Мэтт попытался выполнить распоряжение пилота, но он не был готов к этому, потому что сидел в кресле, вытянув ноги и расслабившись. Он схватился руками за ручки кресла, хотел было встать, чтобы вернуться в кресло пилота, в это время корабль начал падать; Мэтт выскользнул из кресла и рухнул на бок. Шаттл лежал теперь на грунте в горизонтальном положении.

Первое, что увидел Мэтт, поспешно встав на ноги, были тела Оскара и Турлова, распростертые на переборке, ставшей теперь палубой. Оскар, лежавший на лейтенанте, начал подниматься и вдруг болезненно вскрикнул.

— Что с тобой, Ос?

— Рука... — пробормотал Оскар, встал, опираясь на правую руку, и осмотрел левую. — Растяжение или перелом. — Он попытался пошевелить ею. — Да, перелом.

— А что с капитаном? — спросил Текс.

Оскар и Мэтт одновременно повернулись и посмотрели на лейтенанта Турлова. Офицер лежал, не пытаясь встать. Глаза у него были закрыты. Текс подошел к нему и наклонился.

— Потерял сознание, — заметил он.

— Брызни на него холодной водой.
— Нет, не надо. Лучше... — Корабль снова вздрогнул.

— Я думаю, нам нужно выбраться отсюда как можно быстрее, — обеспокоенно произнес Оскар.

— Но что делать с лейтенантом Турловым?

Оскар не ответил и начал карабкаться к открытому люку шлюза, оказавшемуся теперь в десяти футах над головами курсантов. С трудом, подавляя стоны и ругаясь по-венериански, он выбрался наружу и исчез из вида.

— Что это с ним? — удивился Текс. — Уж не чокнулся ли он?

— Пусть поступает, как считает нужным. Нам надо позаботиться о нашем командире. — Юноши снова внимательно осмотрели Турлова. Видимых повреждений они не обнаружили, но сознание к нему не возвращалось.

— Может быть, ударился при падении шаттла, — предположил Мэтт. — Сердце бьется нормально.

— А что это, Мэтт? — Текс показал ему на затылок офицера.

Мэтт осторожно провел рукой по голове Турлова.

— Шишка — и порядочная. Да, сильно ударился головой. Думаю, он скоро придет в себя.

— Жаль, что с нами нет доктора Пикеринга.

— Ну разумеется. А если бы у рыб выросли крылья, они стали бы птицами. Давай оставим его в покое — пусть полежит и придет в себя сам.

В открытом люке показалась голова Оскара.

— Эй, ребята! Выбирайтесь оттуда — и побыстрее!

— Зачем? — удивился Мэтт. — Да мы и не сможем — лейтенант не приходит в сознание.

— Тогда тащите его наверх! Вы что, не понимаете? Корабль погружается!

Текс открыл рот, пытаясь ответить, стиснул зубы и бросился к одному из шкафчиков. Через мгновение у него в руках была бухта крепчайшего троса, который применяли для притягивания одного корабля к другому при швартовке.

— Приподними его, осторожнее, а я просуну трос под мышки.

— Нужно бы что-нибудь подложить под трос — он может затянуться...

— У нас нет времени! — крикнул сверху Оскар. — Быстрее!

Мэтт стремительно вскарабкался к люку, опираясь на растяжки и стойки, еще до того, как Текс закрепил трос, обмотанный вокруг груди лейтенанта Турлова, надежным узлом. Выглянув наружу, Мэтт сразу понял, что опасения Оскара не были безосновательными; шаттл лежал на боку, погрузившись в желтую глину. Кормовые стабилизаторы покоились на твердом грунте, тогда как нос корабля быстро исчезал в болоте, простиравшемся до самого горизонта.

У Мэтта не было возможности оглянуться по сторонам — жидкая глина почти достигла люка.

— Текс, ты готов?

— Да. Сейчас поднимусь к вам.

— Не надо. Оставайся внизу и помоги мне поднять лейтенанта. Думаю, мы сами здесь справимся.

Турлов весил сто сорок земных фунтов; на Венере его вес составлял около ста семнадцати. Мэтт сел на край люка и вытянул конец троса.

Текс поднял расслабленное тело лейтенанта Турлова, и Мэтт начал тянуть трос. Через несколько секунд офицер лежал на обшивке корабля рядом с люком.

Корпус шаттла опять содрогнулся: стабилизаторы начали соскальзывать с крошечного пятка твердого грунта.

— Пора уходить отсюда, ребята, — озабоченно произнес Мэтт. — Ты сможешь сойти вниз без нашей помощи, Ос?

— Смогу.

— Тогда не теряй времени. Мы пока не будем развязывать трос, и ты возьмешь с собой конец. Держи его здоровой рукой. Даже если лейтенант окажется в болоте, мы вытянем его на сушу.

Оскар пошел вдоль лежащего корабля к хвостовым стабилизаторам, держа в руке трос. Не доходя фута до верхнего стабилизатора, он повернулся и прыгнул на твердую почву.

Мэтт с Тексом без особого труда пронесли потерявшего сознание лейтенанта по обшивке шаттла, однако

опустить его вниз, на грунт, оказалось куда сложнее. Им пришлось остановиться у дюз ракетного двигателя, все еще раскаленных почти докрасна. Наконец Оскар подхватил Турлова здоровой рукой, Мэтт спрыгнул вниз, и тело лейтенанта положили на траве. И тут же Мэтт вскарабкался обратно на корпус корабля.

— Что ты делаешь, Мэтт? — встревоженно крикнул Оскар.

— В корабле осталось наше оружие и припасы. Сейчас выброшу их вам через люк и тут же вернусь.

— Немедленно вернись! Ты посмотри на край люка.

Мэтт посмотрел вниз. Слизкая желтая грязь уже достигла края и стекала, подобно патоке, внутрь шатла. В следующее мгновение корпус заметно осел и повернулся на четверть оборота. Мэтт сделал огромный прыжок и оказался на суше. Когда он встал и оглянулся, люк уже исчез в болоте. Из корабля вырвался огромный пузырь и лопнул.

— Спасибо, Ос! — Мэтт с признательностью взглянул на друга.

Курсанты стояли и смотрели, как погрузился нос корабля, затем с края суши соскользнули стабилизаторы. От раскаленных дюз взвился пар; нос погружался быстрее, и через несколько секунд хвост поднялся вертикально вверх. Наконец весь корабль скрылся в болоте. О его существовании напоминали только пузыри и быстро затягивающаяся воронка на зеленой поверхности.

— Ну почему я отошел от панели управления! — Голос Мэтта дрожал. — Я успел бы включить систему гироскопной стабилизации!

— Перестань расстраиваться. В том, что произошло, нет ни капли твоей вины. Это дело пилота — следить за устойчивостью корабля. Если бы у лейтенанта были хоть какие-нибудь сомнения, ему следовало не отключать гироскопы и осмотреть корабль снаружи. Сейчас нам не до сожалений. Нужно позаботиться о командире.

— Пожалуй, ты прав, Ос. — Мэтт наклонился и проверил пульс у лейтенанта. Он был равномерным, хорошего наполнения. — Сердце бьется нормально. Думаю, нужно дать ему отдохнуть. А сейчас осмотрим твою руку.

— Хорошо — только осторожнее. Ой!

— Извини, Ос. Я не хотел причинить тебе боль, но мне еще никогда не приходилось заниматься переломами.

— А мне приходилось — и не раз, — вмешался Текс. — На пастбищах и не такое бывало. Ну-ка, Ос, ложись на спину. И приготовься — будет больно.

— Мне казалось, что в Техасе пострадавших просто пристреливают. — На лице Оскара появилась слабая улыбка.

— Только лошадей. Людей мы стараемся вылечить. Мэтт, подготовь пару лубков. А ты, Оскар, сними куртку.

С помощью Текса удалось снять куртку, не разрезая рукава. Затем Текс уперся ногой в бок Оскара, схватил руками левую кисть курсанта и начал тянуть.

Оскар вскрикнул.

— Думаю, все в порядке. Мэтт, давай побыстрее лубки.

Через несколько минут левая рука Оскара была уложена в лубки, сделанные из отрезков растения, напоминающего бамбук, и перебинтована полосами, нарезанными из куртки.

— С Оскаром все в порядке, — удовлетворенно заявил Текс, опускаясь на сырую траву. — Но командир так и не пошевелился. Значит, его обязанности выполняешь ты, Оскар. И знаешь, хорошо бы поесть, я проголодался.

— Я тоже, — кивнул Оскар и обеспокоенно оглянулся. — Давайте сначала выясним, что у нас в карманах.

Мэтт положил на траву свой нож. В карманах и сумке Оскара ничего не оказалось. Текс достал гармону.

— Да, ребята, мы изрядно подзазлетели. Как вы считаете, имею ли я право заглянуть в сумку лейтенанта?

— Думаю, что имеешь; я еще никогда не видел, чтобы человек потерял сознание на такое длительное время, — заметил Текс.

— Я тоже так думаю, — согласился Мэтт. — По-видимому, у него сотрясение мозга, и в ближайшее время ожидать помощи лейтенанта не приходится. Вали, Оскар.

В сумке лейтенанта, помимо документов, находился еще один складной нож, в ручку которого был вделан компас.

— Слава Богу, я начал уже беспокоиться, как мы отыщем место посадки без помощи туземцев. Ведь наша задача состоит в том, чтобы как-то вытащить шаттл из болота и установить радиосвязь с «Триплексом» — он летает где-то у нас над головами. В противном случае, нам суждено провести в этом болоте остаток жизни.

— Ну вот, Оскар! А я надеялся, что ты, оказавшись у себя дома, без труда выведешь нас обратно к цивилизации.

— Ты просто не понимаешь, что говоришь. Может быть, это ты в состоянии прошагать пять или шесть тысяч миль по болотам, пескам и зарослям тростника — для меня это невозможно. Не забудь, что все плантации и человеческие поселения расположены на расстоянии, не превышающем пятисот миль от каждого из полюсов. Ты не можешь не знать, что Венера — практически еще не исследованная планета, я знаком с ее экваториальным поясом так же, как ты с Тибетом.

— Тогда почему здесь оказался «Гэри»?

— Откуда мне знать?

— Послушайте, ребята! — встрепнулся Текс. — Может быть, мы найдем убежище на борту «Гэри»?

— Вполне возможно, но сначала надо найти «Гэри». А если это не удастся, наше единственное спасение состоит в том, чтобы вытащить шаттл из болота.

— Нашими маленькими ручками? — спросил Текс. — А как относительно выполнения приказа? Что-то не заметно, чтобы мы умирляли мятеж, наводили порядок и примиряли враждующие стороны.

— Нет, Текс, Оскар прав, — возразил Мэтт. — Нам нужно найти «Гэри» и выполнить приказ. А уже потом будем думать о том, как вернуться обратно на «Триплекс».

— Мне следовало остаться в Техасе и пасти коров, — уныло покачал головой Текс. — Ну хорошо. Каковы твои распоряжения, Оскар?

— Прежде всего тебе и Мэтту нужно смастерить носилки для командира. Нам придется искать ближай-

шее озеро, и мне не хотелось бы оставлять кого-нибудь здесь, рядом с лейтенантом.

Носилки удалось соорудить из того же бамбука, который пошел на лубки. Семифутовые отрезки бамбука продели через рукава двух курток, сделали поперечные отрезки у каждого из концов, и получились легкие, хотя и неуклюже выглядывшие носилки. Лейтенант так и не пришел в сознание. Его положили на носилки и отправились в путь. Впереди шел Оскар, то и дело поглядывая на компас.

Почти час юноши пробирались через высокую траву. За ними летели тучи насекомых, их лица и руки покрылись воддырями. Наконец Мэтт окликнул Оскара:

— Ос, мы устали. Пора отдохнуть.

Йенсен обернулся.

— Привал, все равно дальше идти некуда. Впереди озеро.

Текс и Мэтт бережно опустили носилки на траву и подошли к Оскару. Перед ними простиралась водная гладь. «Озеро или пруд», — подумал Мэтт. Насколько велики его размеры, сказать было трудно: дальние берега исчезали в тумане.

Оскар подошел к самой воде и начал шлепать ладонью по поверхности.

— И что дальше?

— Будем ждать, надеяться. Слава Богу, что обычно туземцы мирно настроены.

— Думаешь, они согласятся помочь?

— Если захотят, то смогут вытащить шаттл из болота и очистить корабль до блеска за три дня.

— Ты уверен? Я знаю, что венерианцы — мирный народ, но по силам ли им такая работа?

— Ты их недооцениваешь. Этот Маленький Народ не похож на нас, но он многое умеет.

Мэтт сел на корточки и принялся отгонять насекомых от неподвижного лица лейтенанта. Шли минуты. Оскар снова подошел к воде и пошлепал по ней ладонью.

— Наверно, никого нет дома, Ос.

— Надеюсь, что ты ошибаешься, Текс. Почти вся Венера населена, вот только это место может оказаться по какой-то причине запретным районом — табу.

И в этот момент в десяти футах от берега из воды показалась треугольная голова размером с голову шотландской овчарки. Текс вздрогнул от неожиданности. Венерианец смотрел на людей сверкающими любопытными глазами. Оскар встал.

— Привет тебе, чья мать была подругой моей матери. Венерианец посмотрел на Оскара.

— Пусть твоя мать живет счастливо и долго. — Голова исчезла в воде без малейшего всплеска.

— Хорошо, что все обошлось! — с облегчением вздохнул Оскар. — Конечно, утверждают, что на всей планете господствует один язык, но я впервые испытал это предположение на практике.

— А почему он вдруг исчез?

— Отправился сообщить о нас, наверно? И не говори «он», Мэтт, говори «она».

По истечении времени, показавшегося курсантам бесконечным из-за влажной жары и бесчисленных укусов насекомых, с десятков голов одновременно показались из воды. Одна из амфибий легко вскарабкалась на берег и подошла к людям. Ростом она была по плечо Мэтту. Оскар обратился к ней с приветствием. Амфибия посмотрела на него.

— Моя мать сказала мне, что не знает тебя.

— Наверно, она просто забыла, будучи занята гораздо более важными делами.

— Возможно. Давай отправимся к моей матери, чтобы она обнюхала тебя.

— Это очень приятно для нас. Ты не могла бы помочь моей сестре? — Оскар показал на Турлова. — Она больна и не сможет закрыть рот под водой.

Венерианка кивнула. Она позвала одну из своих спутниц, и вместе с Оскаром они начали оживленно разговаривать. Оскар показал, как следует закрыть рот лейтенанта Турлова и сжать его ноздри, потому что в противном случае «вода возвратит мою сестру к матери моей матери». Вторая венерианка немного поспорила, но затем согласилась.

Текс наблюдал за происходящим с нескрываемым изумлением.

— Послушай, Мэтт, — взволнованно обратился он к другу на бейсике, — неужели они собираются вести нас под водой?

— И тебе придется согласиться на это, разумеется, если не хочешь, чтобы тебя заживо съели насекомые. Впрочем, мне это тоже не очень нравится.

— Да бросьте вы, ребята, я побывал в первом для меня венерианском доме еще в девять лет. Не впадайте в панику, расслабьтесь, и они потащат вас за собой. Только не забывайте делать глубокий вдох перед каждым погружением, которое может продлиться несколько минут.

— Мы все понимаем, Оскар, и все-таки лучше передать их предводительнице, что для нас это внове.

— Ну что ж, попытаюсь.

Амфибия, однако, несколькими словами заверила их, что никакая опасность людям не угрожает. Тут же она подала команду, по две амфибии встали рядом с каждым курсантом, а оставшиеся три подняли лейтенанта Турлова и погрузились с ним в воду. Одной из этой тройки была та амфибия, которая участвовала в разговоре с Оскаром.

Мэтт глубоко вдохнул и нырнул. Вода была теплой и чистой. Он открыл глаза, увидел поверхность озера и тут же оказался над ней. Маленькие руки обхватили его с боков и повлекли вперед. Мэтт решил, что лучше всего будет повиноваться всем движениям амфибий.

Через некоторое время ему стало даже приятно, когда он понял, что странные создания не собираются погружаться с ним под воду. Однако он помнил советы Оскара и старался быть наготове к возможному погружению. К счастью, он заметил, как погрузилась впереди плывущая пара, тянущая Текса, и успел глубоко вдохнуть.

Они погружались все глубже и глубже, пока у него не заболели барабанные перепонки. Когда начался подъем к поверхности, боль в груди стала почти невыносимой. Ему хотелось открыть рот и вдохнуть воду, настолько сильна была эта боль. И тут они снова вынырнули на поверхность.

Мэтту пришлось перенести еще три подводных рывка, разрывающих легкие; когда они вынырнули последний раз, он понял, что над ним уже не небо.

Пещера, если это была пещера, была около ста футов длиной и вдвое меньше в ширину. В центре виделось отверстие, через которое они попали сюда. Оно было освещено сверху какими-то светящимися оранжевыми гроздьями.

Все это Мэтт заметил, после того как выбрался на берег. Первое, что он увидел, — толпу венерианок, окружавших подземное озеро. Судя по всему, они проявляли большое любопытство к своим гостям и шептались о чем-то между собой. Мэтт прислушался и разобрал несколько слов, причем одна фраза — «...рождение слизи» — ему совсем не понравилась.

Из глубины вынырнула тройка, поддерживающая лейтенанта. Мэтт вырвался из рук своих помощниц и помог втащить на берег тело командира. Сначала ему не удалось отыскать пульс, и Мэтт чуть было не пришел в отчаяние; затем он заметил частые и неравномерные сокращения бьющегося сердца.

Турлов открыл глаза и взглянул на него.

— Мэтт включи гироскопы... — прошептал он.

— Все в порядке, командир, успокойтесь.

— Как у него дела, Мэтт? — спросил Оскар, стоявший рядом.

— Вроде приходит в себя.

— Может быть, купание пошло командиру на пользу.

— А вот мне на пользу оно не пошло, — вмешался Текс. — Во время последнего ныряния я проглотил галлон воды. Эти маленькие жабы такие неловкие.

— Они больше походят на тюленей, — возразил Мэтт.

— Это не жабы и не тюлени, а разумные существа. А теперь постарайтесь установить с ними дружеские отношения. Это относится и ко мне. — Оскар повернулся, стараясь отыскать старшую среди амфибий.

Толпа расступилась, и по образовавшемуся коридору к ним направилась амфибия в сопровождении трех других. Оскар посмотрел на нее.

— Приветствую тебя, почтенная мать многих.

Амфибия внимательно осмотрела его с ног до головы и ответила, но не ему.

— Я так и думала. Уведите их.

Оскар начал протестовать, но безуспешно. Их окружили четыре маленьких существа.

— Ну как, Оскар? Задать им как следует? — выкрикнул Текс.

— Нет! — резко скомандовал Оскар. — Не смейте сопротивляться!

Через несколько минут их втокнули в маленькую комнатку, мрак в которой нарушала лишь одна светящаяся сфера, висящая на потолке. Положив на пол бесчувственное тело Турлова, амфибии вышли, задвинув за собой что-то вроде занавеса. Текс оглянулся по сторонам, пытаясь разглядеть хоть что-то в тусклом освещении.

— Уютно, как в могиле. Напрасно, Ос, ты запретил нам сопротивляться. Мы запросто победили бы их.

— Не говори глупостей, Текс. Предположим, нам это удалось, я сомневаюсь в этом, но предположим; каким образом мы сумели бы проплыть обратно?

— А я не стал бы и пытаться. Прокопали бы туннель к поверхности — ведь у нас два ножа.

— Ну ты, конечно, так бы и поступил, а вот я бы не рискнул. Дело в том, что Маленький Народ обычно сооружает свои города под дном озер.

— Об этом я как-то не подумал. Да, это плохо. — Текс взглянул на потолок, будто ожидая, что он вот-вот обвалится. — Ты знаешь, Ос, мне кажется, что мы не под озером — стены нашей темницы совершенно сухие.

— Маленький Народ обладает немалым опытом в подобных вещах.

— Ну... ну хорошо, они поймали нас; ты не думай, Ос, что я ворчу, но, мне кажется, лучше бы нам было остаться на лужайке.

— Ради Бога, Текс, замолчи! У меня и так тошно на душе! Если не хочешь ворчать, то не ворчи.

Наступила тишина.

— Извини меня, Ос, — слышался голос Текса. — Это все мой длинный язык.

— Да и мне не следовало терять самообладание. Рука разболелась.

— А! Ты думаешь, я неправильно ее вправил?

— Нет, по-моему, все в порядке, вот только больно. И дьявольски чешется под повязкой. Ты что это, Мэтт?

Проверив состояние лейтенанта, которое оставалось прежним, Мэтт подошел к двери и принялся рассматривать занавес, сделанный из какого-то жесткого, эластичного материала, пристегнутого по краям. Он как раз пробовал разрезать его ножом, когда услышал голос Оскара.

— Нож не берет, — ответил Мэтт на вопрос Оскара.

— Тогда успокойся и сядь. Мы ведь не собираемся выбираться отсюда, по крайней мере, пока.

— Это почему?

— Об этом я и говорил с Тексом. Я не утверждаю, что это санаторий, но здесь все-таки намного лучше, чем там, где мы были пару часов назад.

— Ты так считаешь?

— Тебе никогда не приходилось задумываться о том, что значит провести ночь в венерианских джунглях под открытым небом? Когда темнеет и из слизи выползают огромные черви, которые начинают щипать тебя за ноги? Нам, может быть, удалось бы провести невредимыми ночь, даже две, если бы нашли в себе силы все время двигаться и если бы нам очень, очень повезло, но как быть с ним? — Оскар показал на неподвижное тело лейтенанта. — Именно поэтому я и решил прежде всего отыскать туземцев. Здесь мы в безопасности, хотя и не на свободе.

Мэтт вздрогнул от отвращения. Венерианские черви, живущие в слизи болот, не имеют зубов; вместо них они выделяют кислоту, растворяющую все, что служит для них пищей. Средняя длина таких червей около семи футов.

— Ты убедил меня, Оскар, — пробормотал Мэтт.

— Жаль, что с нами нет дяди Боди, — донесся голос Текса.

— Это верно. По крайней мере, он не дал бы тебе болтать. Мне кажется, нам не следует пробовать выбраться отсюда, пока нас не накроют. Да и поспать не

мешало бы. Возможно, к этому времени командир очнется и примет решение.

— Почему ты считаешь, что они будут кормить нас?

— Я не утверждаю, просто мне так кажется. Если этот Маленький Народ похож на туземцев, живущих в приполярных районах, нас накормят. Морить голодом живых существ, которых они же и заперли, — такое им в голову не придет. — Оскар замолчал, стараясь отыскать нужные слова. — Не знаю, поймете ли вы меня, но у Маленького Народа нет такой жестокости, как у людей.

— Да, я слышал, что их считают мягкой, не способной на войну расой, — согласился Мэтт. — Не думаю, что они понравятся мне, но просматривая учебные кассеты, я пришел к выводу, что это — добродушные существа.

— Ну это ты брось. В тебе говорят расовые предрассудки. Жители Венеры нравятся мне куда больше, чем многие люди.

— Ос, ты несправедлив, — запротестовал Текс. — У Мэтта, как и у меня, нет расовых предрассудков. Возьми лейтенанта Петерса: разве для нас имеет какое-нибудь значение то, что он черен, как туз пик?

— Неудачное сравнение; жители Венеры — это существа совершенно иного порядка. Думаю, чтобы воспринимать их как нечто само собой разумеющееся, нужно вырасти рядом с ними. Но у них все не такое, как у нас, например, мы еще ни разу не встречали венерианца мужского пола. Всюду одни женщины.

— Как ты считаешь, Ос, почему? Существуют венерианцы-мужчины или это просто суеверие?

— Существуют, разумеется. Маленький Народ, вне всякого сомнения, двуполые существа. Но амфибий мужского пола до сих пор обнаружить не удалось. Те, кто утверждает обратное, как правило, обманщики. В их рассказах нет достоверности.

— Почему они так чувствительны к этому?

— Откуда мне знать? Скажи, почему индусы не едят мясо? Совсем не обязательно искать какую-то причину. Я согласен с общепринятой теорией: венерианцы мужского пола маленькие и слабые, нуждаются в защите.

— Хорошо, что я — не венерианец, — заметил Мэтт.

— А вот мне кажется, что им неплохо живется, — возразил Текс. — Вот если бы кто-нибудь защитил и обогрел меня сейчас.

Оскар оказался прав. Им принесли пищу. Кто-то отбросил в сторону занавес, на пол поставили поднос, и занавес снова задвинулся. Курсанты подошли поближе; там стояла тарелка с какой-то массой неопределенного цвета и формы, и рядом лежал предмет, похожий на яйцо страуса. Оскар поднял тарелку, обнюхал ее, отщипнул кусочек и попробовал.

— Вполне съедобно, — объявил он. — Можно есть.

— А что это? — поинтересовался Текс.

— Это... впрочем, неважно. Ешь. Это не причинит тебе вреда и снабдит нужным количеством калорий.

— И все-таки? Я хочу знать, что ем.

— Знаешь, Текс, мне хочется напомнить тебе, что ты либо съешь то, что нам принесли, либо останешься голодным. Если я скажу тебе, что это такое, твои предрассудки лишат тебя аппетита. Сделай вид, что это помой, но их нужно съесть, чтобы не умереть с голода.

Оскар принялся за пищу, и быстро прикончил свою порцию. Посмотрев на лейтенанта, он неохотно заметил:

— Ему тоже нужно оставить.

Мэтт осторожно попробовал незнакомую пищу.

— Ну что это, Мэтт? — обеспокоенно спросил Текс.

— Ты знаешь, съедобно. Похоже на пюре из соевых бобов. Слишком соленое — хочется пить.

— Тогда пей, — предложил Оскар.

— Пей? Но что? Из чего?

— Из пузыря для питья, разумеется, — и Оскар передал ему «страусиное яйцо».

Несмотря на очевидное сходство с яйцом, предмет оказался мягким. Мэтт держал его в руке, не зная, что делать дальше.

— Не знаешь, как пользоваться? Смотри... — Оскар взял пузырь, нашел нужный конец и поднес его к губам. — Бери! — Он передал Мэтту пузырь и вытер

губы. — Только не нажимай сильно, иначе все выльется на тебя.

Мэтт последовал его примеру и напился. Казалось, он пьет из бутылочки с соской.

— Он сделан из желудка рыбы, — объяснил Оскар. — Гладкий снаружи и похожий на губку внутри. Не будь таким брезгливым, Текс! Он совершенно стерилен!

Текс попытался выпить воды, не смог справиться с собой и взялся за пищу.

После еды курсанты устроились поудобнее, чувствуя себя намного лучше.

— Здесь неплохо кормят, — заявил Текс, — но знаете, что мне сейчас хочется? Горячих оладий, мягких и золотистых...

— Заткнись, Текс!

— ...на сливочном масле и политых сиропом. Ну хорошо, хорошо. Если хотите, могу и заткнуться. — Он расстегнул сумку и достал оттуда гармонику. — Вы только посмотрите! — удивленно воскликнул он. — Совершенно сухая!

Он взял несколько нот, затем исполнил мелодию «Косоглазый летчик».

— Перестань, Текс, — попросил Оскар. — Мы в одной комнате с больным — как-то неловко.

— Думаешь, он слышит нас? — Текс с беспокойством посмотрел на офицера.

— Не думаю. Наверно, нужно дать ему напиться.

Оскар приложил пузырь к губам Турлова и нажал, причем так осторожно, что почти не пролил воду. Лейтенант, не приходя в сознание, пошевелил губами и начал втягивать в себя жидкость, потом остановился.

— Значит, ты считаешь, что ему нужно оставить немного пищи? — спросил Текс, глядя на тарелку.

— Лучше доест. Давай, Текс, ешь, пока она не испортилась. Через несколько часов, после того как... в общем, может протухнуть.

— Знаешь, мне что-то расхотелось, — признался Текс.

Они спали в течение длительного времени, пока внезапно их не разбудил шум — звуки человеческого голоса.

— Эй, не толкайте! Я требую, чтобы меня отвели к твоей матери!

Голос раздавался у самого входа.

— Придержи свой язык!

А вот это был явно голос амфибии; занавес распахнулся, кого-то втолкнули в комнату и снова задвинули занавес.

— Привет, незнакомец! — воскликнул Оскар.

Человеческая фигура, едва различимая в полумраке, резко повернулась.

— Люди! Здесь люди! — и человек зарыдал.

— Здравствуй, Вонючка! — произнес Текс. — А ты как здесь оказался?

Перед ними стоял Жерар Берк.

В комнате воцарился бедлам. Берк рыдал и дрожал всем телом. Мэтт, сонный, не мог понять, что происходит, и все говорили одновременно.

— Тишина! — скомандовал наконец Оскар. — Давайте выясним главное. Берк, насколько я понимаю, ты прилетел сюда на «Гэри»?

— Да, я капитан «Гэри».

— Вот как? Черт побери, мы ведь знали, что имя капитана — Берк, но никому не пришло в голову, что это и есть Вонючка-Берк. Так кто этот безумец, который доверил тебе космический корабль?

— Это мой собственный корабль, вернее, моего отца. И прошу называть меня не Вонючкой, а «капитаном Берком».

— Слушаюсь, капитан Вонючка.

— Но как он оказался здесь? — недоуменно спросил Мэтт.

— Он только что объяснил, — заметил Текс. — Именно этот доблестный капитан и обратился с мольбой о помощи. Вот как его появление отразится на нашей судьбе? Это все равно, что раздать карты при игре в бридж и получить тринадцать пик.

— Не знаю, — пожал плечами Оскар. — Это действительно совпадение, хотя и не такое уж невероятное. Он прилетел на космическом корабле, обратился с просьбой о помощи, и Патрульная Служба, естественно, отреагировала на эту просьбу. Совершенно случайно именно нас послали ему на помощь.

— Одну минуту, — вмешался Берк. — Значит, вас послали мне на помощь?

— Конечно.

— Слава Богу, мою просьбу услышали, хотя и послали таких недотеп, что сами попали в ловушку. А теперь я хочу знать, насколько велика спасательная экспедиция и как она вооружена? С местными туземцами нелегко справиться.

— Что? О чем ты говоришь, Вонючка? Ты видишь перед собой всю экспедицию, в полном составе.

— Что? Мне не до шуток. Я потребовал полк космической пехоты, снаряженный для военных действий как на суше, так и на воде.

— Мало ли что ты потребуешь. Перед тобой те, кто высланы в ответ на твой запрос. Командир группы — лейтенант Турлов, но он сильно ударился при посадке, так что я временно заменяю его. Рассказывай, что там приключилось?

Услышанное потрясло Берка. Он замер, глядя перед собой широко открытыми глазами.

— Прекрати спектакль, Вонючка, — резко бросил Оскар. — Для того чтобы разработать план действий, нам необходима конкретная информация.

— Значит, все напрасно, — прошептал Берк и повернулся к Оскару. — Они убили весь мой экипаж. Убьют и меня. А затем вас.

Есть пирог нужно вилкой

— Хорошо, — кивнул Оскар. — Все понятно. А теперь расскажи о том, что случилось с твоим экипажем.

Транспортный космический корабль «Гэри», построенный на верфях корпорации «Реакторз Лимитед» и переданный для эксплуатации фирме «Систем Энтерпрайзиз», принадлежащей семье Берка, был приспособлен для операций на поверхности Венеры и полетов вокруг этой планеты. Старший Берк назначил командиром корабля своего сына и дал ему в помощь опытный экипаж. Целью экспедиции была проверка сообщения о крупном месторождении трансурановых элементов.

Информация подтвердилась; трансурановые элементы, или, вернее, руды трансурановых элементов, были обнаружены в огромном количестве. Берк-младший начал переговоры с местными венерианскими властями об оформлении на имя фирмы права эксплуатации исключительно ценного месторождения, до того как придут другие экспедиции; не приходилось сомневаться в том, что они придут и очень скоро.

Ему не удалось заинтересовать «мать многих» местного племени и добиться разрешения; она дала понять Берку, что болото, в районе которого находилось месторождение, было запретной территорией, «табу». Берк, однако, сумел заманить ее на корабль. Когда она оказа-

лась на «Гэри», Берк снова попытался убедить ее, но безуспешно. И тогда он отказался отпустить ее с корабля.

— Значит, ты похитил ее, — заметил Мэтт.

— Ничего подобного. Она вошла на борт «Гэри» добровольно. Просто, когда ей захотелось уйти, я не открыл перед ней люк и продолжал убеждать ее.

— Неужели? — язвительно отозвался Оскар. — И как долго ты убеждал ее.

— Нельзя сказать, чтобы очень долго.

— А точнее? Нечего скрывать от меня, я все равно узнаю от туземцев.

— Ну ладно. Сутки, не больше. Что в этом преступного?

— Я не знаю, является ли это преступлением по местным законам. На Марсе, как нас учили в Академии, я уверен, что и тебе это известно, наказание заключается в том, что тебя привяжут к столбу и оставят в пустыне точно на такой же срок.

— Но, черт побери, я не причинил ей никакого вреда! Ты что, за дурака меня принимаешь? Мне просто нужно было заручиться ее согласием.

— И чтобы добиться согласия, ты прибегнул к силе. Обращаюсь к юридическим терминам, ты удерживал ее на корабле, заманив обманом, и требовал выкупа в виде согласия на разработку рудного месторождения. Ну хорошо, ты удерживал ее в течение суток. Что произошло, когда ты все-таки решил отпустить ее?

— Именно это я и пытаюсь объяснить. Я просто не успел сделать этого. Разумеется, я собирался, однако...

— Да неужели?

— Не надо сарказма. На следующее утро они напали на мой корабль. Тысячи, буквально тысячи этих зверей!

— И тогда пришлось отпустить ее?

— Я испугался. Мне казалось, что пока она у нас, с нами ничего не случится. Но я ошибся — они облили люк какой-то жидкостью, которая мгновенно разъела металл, и туземцы ворвались внутрь корабля, прежде чем мы успели остановить их. Они перебили экипаж, буквально задавили нас огромным численным превос-

ходством, и все-таки нам удалось убить, по крайней мере, в два раза больше!

— А почему не убили тебя?

— Я заперся в рубке и послал сигнал бедствия. Меня нашли только после того, как туземцы обыскали весь корабль, отсек за отсеком. Я, должно быть, потерял сознание от ядовитых паров, потому что очнулся уже здесь.

— Понятно. — Оскар задумался, глядя вдаль и упершись локтями в колени. — Скажи, Вонючка, ты впервые на Венере?

— Ну, в общем-то, да.

— Я так и думал. Совершенно ясно, что ты не имеешь представления, какими упрямыми становятся местные жители, когда их пытаются принудить к чему-то.

— Теперь-то я понимаю это, — кивнул Берк. — Именно поэтому я и потребовал, чтобы сюда прислали полк космических пехотинцев. Просто не понимаю, о чем думал Департамент, когда послал вместо них трех курсантов и вахтенного офицера. Подумать только, насколько велика тупость военных! Ну ничего, мой отец устроит им колоссальный скандал, как только я вернусь обратно и расскажу ему о случившемся.

— Неужели ты считаешь, что Патрульная Служба существует для того, чтобы спасать таких кретин, как ты? — презрительно фыркнул Текс.

— Ах ты...

— Замолчи, Берк. Текс, не поддавайся на провокационные замечания. Мы ведем расследование происшествия, а не занимаемся философскими спорами. Разве тебе не известно, Берк, что Патрульная Служба никогда не посылает космическую пехоту до тех пор, пока не будут закончены переговоры?

— Разумеется, известно! Именно поэтому я и потребовал космическую пехоту, чтобы покончить с бюрократической волокитой и добиться конкретных действий.

— Ты обманываешь себя, Берк. К тому же бессмысленно говорить о том, что произойдет после твоего возвращения. Мы не знаем, сумеем ли вообще выбраться отсюда.

— Ты прав. — Берк задумчиво пожевал нижнюю губу. — Послушай, Йенсен, я знаю, что во время учебы у нас были не самые лучшие отношения. Теперь, однако, это не имеет значения — мы все в одной лодке и должны выбираться отсюда вместе. У меня есть предложение. Ты знаешь этих жаб лучше меня...

— Разумных существ, а не жаб.

— Хорошо, хорошо. Ты знаком с туземцами и местными обычаями. Если тебе удастся уладить дело, договориться с туземцами относительно эксплуатации месторождения и помочь мне выбраться отсюда, я возьму тебя в долю...

— Думай, о чем говоришь, Берк!

— Перестань заноситься, Йенсен. Выслушай мое предложение, ладно? В конце концов, я имею право свободно выражать свое мнение, верно?

— Пусть говорит, Ос, — посоветовал Текс. — Мне нравится его утонченная манера выражаться.

— Я отнюдь не собираюсь предложить что-то, способное бросить тень на твою девственно чистую репутацию. В конце концов, вас послали сюда, чтобы спасти меня; разве я не имею права предложить вознаграждение за это? В этом болоте, право на эксплуатацию которого я хочу получить, находится огромное количество трансурановых элементов — от элемента 97 до элемента 104. Думаю, тебе не надо объяснять, что это значит: элементы 101 и 103 входят в состав жаростойких сплавов для ракетных двигателей, 100 — для лечения рака и так далее; я не говорю об использовании этих элементов как катализаторов. Только при использовании их в качестве катализаторов можно заработать миллионы! Я не хочу загрести все это несметное богатство себе; каждому из вас выделю долю, скажем, по десять процентов.

— Это и есть твое предложение?

— Не совсем. В случае, если ты сумеешь добиться, чтобы нас освободили и не мешали отремонтировать «Гэри», чтобы уже во время первого полета мы смогли доставить на Землю полный трюм урановых руд, я дам каждому по двадцать процентов от прибыли. Тебе понравится мой корабль; «Гэри» — самый лучший транспортный корабль в Солнечной системе. Но, если это

тебе не удастся, и вы доставите меня на Землю на своем корабле, все равно получите по десять процентов.

— Закончил?

— Да.

— Если бы я не знал, от кого исходит такое предложение, то почувствовал бы себя оскорбленным. Думаю, что выражаю наше общее мнение.

— Ну хорошо, пятнадцать процентов. Перестань лезть в бутылку, Йенсен; ведь вам все равно поручено спасти меня.

— Как ты думаешь, Ос, — спросил Мэтт, — нам действительно нужно выслушивать эту чепуху?

— Нет, больше не нужно, — решил Йенсен. — Он уже сказал все, что хотел. Итак, Берк, постараюсь быть беспристрастным. Ты знаешь, что нельзя подкупить Патрульную Службу. Далее...

— Я и не собирался подкупать вас; просто хотел выразить свою благодарность, вот и все.

— Не перебивай, Берк. Мы выслушали тебя, правда? Так вот, далее, у нас нет корабля, по крайней мере, сейчас.

— Нет корабля? — Берк выглядел потрясенным.

Оскар коротко рассказал ему о том, что произошло сразу после посадки. На лице Берка отразилось изумление и ужасное разочарование.

— Надо же было мне встретиться с такими идиотами! Я забираю обратно свое предложение — вы не можете за него расплатиться.

— А мы и не принимали его. Думаю, что это лучше и для тебя самого. Мне только хотелось бы напомнить тебе, что мы не рискнули бы совершить посадку в джунглях, если бы такой кретин, как ты, не запросил помощь. И все-таки я надеюсь вытащить шаттл из болота, если мне удастся загладить твоё преступление, а это, поверь мне, будет совсем не просто.

— Вот как? Если вам удастся уладить неприятности и вытащить корабль, мое предложение остается в силе.

— Я еще не кончил. Ты знаешь, как действуют офицеры Патрульной Службы. Находясь в отдаленных местах Системы и не имея возможности установить связь с Департаментом, офицер должен полагаться на

законы и здравый смысл, выполняя порученное ему задание. Поэтому мне нужно кое-что узнать от тебя. Скажи, Маленький Народ встречался с Землянами до встречи с тобой?

— Ну... разумеется, они слышали о людях. И здесь побывал Стивенс.

— Кто этот Стивенс?

— Геолог, работает в компании, принадлежащей моему отцу. Это он провел здесь короткое обследование и проинформировал отца о трансурановых рудах. Вместе с ним был и пилот его разведывательного корабля.

— Ты считаешь, это были те люди, с которыми встречались туземцы до прилета «Гэри»?

— Да, насколько я знаю.

— Ты и твой отец потревожили осиное гнездо. После того как новости, касающиеся месторождения ценных руд, распространятся по планетам Солнечной системы, сюда начнут прилетать экспедиции. Ты продемонстрировал туземцам, что ждет их после появления людей, поэтому отношения будут ухудшаться до тех пор, пока здесь не начнется партизанская война между людьми и местным населением. Волнения могут охватить всю планету, вплоть до полюсов. Задача Патрульной Службы — не допустить подобного развития событий, уладить трения еще до того, как они перейдут допустимые границы. Я считаю, что в этом и состоит наша миссия, а вовсе не в том, чтобы спасти Берка, виновного в происшедшем. Мне придется пойти к местной повелительнице и попытаться сгладить первое неблагоприятное впечатление, оставшееся у нее от встречи с людьми.

— Давай, Йенсен. Ты можешь даже сделать вид, что арестовал меня. Между прочим, отличная мысль! Я не буду возражать, лишь бы спастись отсюда.

— Я могу арестовать тебя, если она пожелает, — покачал головой Оскар. — Не хочу, однако, вселять в тебя напрасные надежды: ты совершил преступление, нарушил местные законы и подлежишь не мнимому, а настоящему аресту.

— Перестань болтать!

— Я не болтаю, а информирую тебя о положении вещей. Ты сам признался в преступлении, за которое должен понести ответственность по законам любой планеты. Если сй все равно, тебя будут судить на Terre. Но для меня это не имеет значения. Наказание преступников — не дело Патрульной Службы.

— Но ведь ты не оставишь меня здесь?

— Лейтенант Турлов может очнуться в любую минуту, и ты сможешь обсудить с ним эти проблемы. Что касается меня, то я не собираюсь подвергать опасности задачу, поставленную передо мной, только ради того, чтобы спасти тебя от наказания за убийство, да-да, ты сам признался в этом.

— Но... — Берк оглянулся по сторонам, ища поддержку. — Текс! Мэтт! Неужели вы позволите ему встать на сторону этого жабьего народца? Оставьте в беде человека?

Мэтт промолчал, не сводя с Берка холодного взгляда.

— Заткнись, Вонючка, — ответил Текс.

— Совершенно верно, — кивнул Оскар, — и ложись спать. У меня болит рука и нет желания больше разговаривать с тобой.

В комнате сразу наступила тишина, хотя никто из них не заснул сразу. Мэтт лежал и думал о том, сможет ли Оскар убедить «мать многих» в честности их намерений, и в который раз винил себя за то, что не сумел предотвратить катастрофу с шаттлом. Наконец уснул и он.

Громкий стон разбудил его. Мэтт вскочил и подбежал к лейтенанту.

— Где пузырь с водой? Нужно дать командиру напиться, — Мэтт приложил сосок пузыря к губам лейтенанта, тот напился и снова погрузился в сон.

— Вот что, ребята, — заметил Оскар. — Вы спите, а я постараюсь поговорить с охранником, когда он снова принесет нам пищу. Нужно договориться о встрече с «матерью многих». Кроме того, присмотрю за лейтенантом.

— Хочешь, Оскар, я подежурю, — предложил Мэтт.

— Нет, лучше отдохни, Мэтт. Я все равно не смогу уснуть. Рука чешется, и это сводит меня с ума.

— Ладно.

Мэтт еще не успел заснуть, как раздались шаги и чья-то рука откинула в сторону занавес. Оскар сидел посреди комнаты, скрестив ноги, и как только охранник отодвинул занавес, чтобы поставить на пол поднос с едой, Оскар просунул руку в образовавшуюся щель.

— Убери свою руку, — произнес охранник.

— Выслушай меня, — настаивал Оскар. — Мне надо поговорить с твоей матерью.

— Убери свою руку!

— Ты передашь мою просьбу?

— Убери свою руку!

Оскар повиновался, и занавес задвинулся.

— Что-то не похоже, чтобы они хотели вступить в переговоры с нами, — заметил Мэтт.

— Не беспокойся, — сказал Оскар. — Завтрак подан. Буди остальных.

На тарелке лежала та же неаппетитная серая смесь, что и раньше.

— Раздели завтрак на пятерых, Текс. — скомандовал Оскар. — Лейтенант может прийти в себя и захочет есть.

— Мне не хочется есть, — Берк с отвращением посмотрел на пищу.

— Отлично. Тогда на четверых.

Текс кивнул и выполнил распоряжение.

Курсанты принялись за еду; наконец Мэтт откинулся назад, рыгнул и задумчиво произнес:

— Сейчас неплохо бы выпить апельсинового сока и кофе, но, в общем, пища не так уж плоха.

— Я не рассказывал вам о том, как дядя Боди попал в мексиканскую тюрьму в Хуареце? Разумеется, по ошибке.

— Разумеется, — согласился Оскар. — И что было дальше?

— В тюрьме их кормили кашей из мексиканских прыгающих бобов. Дядя...

— И у него испортилось пищеварение?

— Ничуть. Он ел тарелку за тарелкой, спустя неделю перепрыгнул через четырехметровую стену и отправился домой, в Техас.

— Поскольку мне довелось встречаться с твоим дядей Боди, я вполне этому верю. Как бы он поступил при таких обстоятельствах, в которых оказались мы?

— У меня нет никаких сомнений в том, что он стал бы любовником их старушки и через три дня отдавал бы приказы направо и налево.

— Знаете, я тоже проголодался, — объявил Берк.

— Оставь эту порцию, она для лейтенанта, — предупредил его Оскар. — Тебе предложили, но ты отказался.

— Ты не имеешь права распоряжаться мной.

— Неужели? Имею, и по двум причинам.

— Что это за причины?

— Мэтт, Текс!

— Врезать ему как следует, командир? — Текс встал.

— Пока не надо.

— Ну вот! — разочарованно вздохнул Текс.

— Кроме того, — заметил Мэтт, — в списке моя фамилия стоит выше твоей, так что тебе придется подождать очереди.

— Замолчите, ребята, — рявкнул Оскар. — Ни один из вас не врежет ему, если только он не схватит порцию лейтенанта.

У входа послышался шум и занавес приоткрылся.

— Моя мать согласилась увидеть тебя. Пошли.

— Меня одного или со всеми сестрами?

— Всех вместе. Идем.

Они направились к выходу, но когда Берк попытался выйти, две амфибии оттолкнули его и держали до тех пор, пока еще четверо не подняли лейтенанта Турлова и не вынесли его в коридор. После этого группа отправилась по извилистым коридорам.

— Жаль, что у них нет обычая освещать коридоры, — пожаловался Текс, споткнувшись в очередной раз.

— Освещение им не требуется, — заметил Оскар. — Для них здесь достаточно светло.

Их ввели в большую комнату. Это не был зал при входе, куда людей привели в первый раз — здесь не было бассейна. Амфибия, которая беседовала с ними при первой встрече и потом распорядилась увести их,

сидела на возвышении в дальнем углу комнаты. Один Оскар сумел узнать ее; для его спутников она ничем не отличалась от других амфибий.

Оскар ускорил шаги и поравнялся с сопровождающими.

— Приветствую тебя, старая и мудрая мать многих.

Амфибия выпрямилась и пристально взглянула на него. В комнате царила тишина. У каждой ее стены выстроились представители Маленького Народа, переводя взгляд с Землян на свою предводительницу, затем снова на Землян. Мэтт почувствовал, что ее ответ будет решающим для их судьбы.

— Приветствую. — Амфибия отказалась взять на себя инициативу в переговорах, поскольку никак не назвала Оскара. — Ты хотел говорить со мной? Можешь говорить.

— Что это за город, в который я попал? Может быть, я приехал в такую даль лишь затем, чтобы оказаться в городе, где не соблюдают обычаи? — Венеринское слово «обычаи» имело гораздо более широкое значение, чем обычно, и охватывало все обязательные правила поведения, при которых старшие и более сильные охраняют младших и слабых.

Туземцы, услышав слова Оскара, зашевелились. Мэтт подумал: «А не слишком ли увлекся Оскар?» Выражение на лице амфибии изменилось, но Мэтт не мог понять, что оно значит.

— Мой город и мои сестры всегда соблюдали обычаи... — В устах повелительницы земноводных это слово охватывало еще более широкий круг правил и традиций, включая все табу и другие действия, обязательные к исполнению, равно как и закон помощи... — И я никогда не слышала раньше, чтобы нас обвиняли в невыполнении обычаев.

— Я слышу тебя, о благородная мать многих, но твои слова приводят меня в замешательство. Мы прибыли сюда, мои сестры и я, в поисках помощи как для нас, так и для нашей матери, которая серьезно больна. Я тоже ранена и не могу защитить своих младших сестер. И как нас приняли в твоём доме? Ты лишила нас свободы; наша мать лежит безо всякого ухода и ее

здоровье ухудшается. Более того, нам даже не предложили отдельных комнат для приема пищи!

Из толпы присутствующих донесся вздох, который Мэтт правильно истолковал как возмущенный возглас. Теперь он не сомневался, что Оскар перешел границу разумного риска.

Однако он продолжал говорить, и подозрения Мэтта нашли новое подтверждение.

— Разве мы рыбы, чтобы с нами так обращались? Или таковы обычаи твоих дочерей?

— Мы следуем обычаям и никогда их не нарушаем, — ответила амфибия; гнев в ее голосе был настолько очевиден, что это заметили даже Мэтт с Тексом. — Мне казалось, что у твоего рода исчезло всякое приличие. Это будет исправлено. — Она что-то сказала одной из своих сопровождающих; маленькая фигурка тут же исчезла. — Что касается твоей свободы, то я поступила по закону, потому что должна защищать своих дочерей.

— Защищать своих дочерей? От кого? От моей больной матери? Или от меня со сломанной рукой.

— Твоя сестра, не знающая обычаев, лишила тебя свободы.

— Я слышу твои слова, о мудрая мать, но их смысл ускользает от меня.

Амфибия недоуменно посмотрела на Оскара. Она спросила насчет Берка, называя его земным именем «капитан-Берк», произнося как одно слово. Оскар заверил ее, что Берк не является «дочерью» «матери» Оскара или даже «матери матери» Оскара.

Амфибия-мать многих задумалась.

— Если мы вернем тебя в верхние воды, ты обещаешь покинуть нас?

— Но что будет с моей матерью? — спросил Оскар. — Неужели ты просто выкинешь ее наверх, больную и слабую, чтобы она умерла и была уничтожена существами, которые придут из слизи? — На этот раз Оскар постарался избежать венерианского выражения, хоть как-нибудь связанного по смыслу с «была съедена».

«Мать многих» распорядилась, чтобы лейтенанта перенесли на возвышение, где сидела она, и положили рядом. Несколько представительниц Маленького Наро-

да собрались вокруг и осмотрели его, обмениваясь мнениями пронзительными шепелявыми голосами. Наконец сама амфибия-мать многих присоединилась к осмотру и повернулась затем к Оскару.

— Твоя мать спит.

— Это — нездоровый сон. Ее сильно ударило по голове.

Оскар подошел к группе, окружающей лейтенанта, и показал на опухоль, образовавшуюся на голове Турлова. Амфибии сравнили очертания головы лейтенанта с головой Оскара, с любопытством проводя по ним мягкими лапками. Снова обмен мнениями; Мэтт с трудом понимал, о чем они говорят: многие слова были ему незнакомы.

— Мои ученые сестры считают, что было бы слишком рискованно разобрать голову твоей матери на составные части, потому что боятся, что не сумеют снова поставить все на свои места, — заявила наконец «мать многих».

— И слава Богу! — облегченно вздохнул Текс.

— Ос все равно не допустил бы этого, — шепнул Мэтт.

Предводительница распорядилась о чем-то, четверо амфибий подняли бесчувственное тело лейтенанта и понесли его из комнаты.

— Послушай, Ос, — ты считаешь, с ним ничего не случится? — обеспокоенно спросил Текс.

— Нет, не расстраивайся, — ответил Оскар и тут же объяснил амфибии-матери многих: — Моя сестра беспокоится о безопасности нашей матери.

Старая амфибия сделал жест, внезапно напомнивший Мэтту о его двоюродной бабушке Доре, — она презрительно фыркнула.

— Передай ей, что она может не опасаться.

— Старая дама посоветовала тебе не вздрагивать по-пустому, Текс.

— Я так и понял. Ну что ж, ты командир, — ответил Текс.

Когда четыре амфибии с телом лейтенанта Турлова исчезли в коридоре, их повелительница повернулась к людям.

— А сейчас отдыхайте, и пусть ваши сны будут о дочерях.

— Пусть же и твои сны будут не менее прекрасны, о благородная мать.

— Мы еще поговорим. — Произнеся это, амфибия-мать многих величественно встала на все четыре лапы и вышла из комнаты.

После ее ухода эскорт земноводных повел курсантов по другому коридору. Наконец они остановились перед входом в комнату. Старшая амфибия пожелала им всего доброго, точно повторив формулу, произнесенную старейшей. Курсанты вошли в помещение, занавес задвинулся, но остался чуть-чуть приоткрытым. Мэтт сразу обратил на это внимание. Он повернулся к Оскару.

— Я восхищен тем, как убедительно ты говорил с Маленьким Народом, Оскар. Если тебе когда-нибудь надоест Патрульная Служба, тебя ждет великолепная карьера — будешь продавать снег эскимосам. С твоими способностями это не составит для тебя никакого труда.

— Мэтт совершенно прав, — согласился Текс. — Ты был просто великолепен, Оскар. Мой дядя Боди не смог бы втереться в доверие к старушке лучше тебя.

— Спасибо, Текс, это действительно лестное сравнение. Честно говоря, я испытываю чувство огромного облегчения. Если бы Маленький Народ не был таким честным и доверчивым, у меня ничего бы не вышло.

Мэтт лишь сейчас обратил внимание на то, что из комнаты, в которой они находились, несколько входов вело в крошечные комнатухи, закрытые занавесками.

— Что это, Оскар? — недоуменно спросил он.

— Это наши комнаты для приема пищи.

— Знаешь, Ос, я только что вспомнил. Когда ты заговорил о еде, я решил, что все кончено. Но тебе удалось провести все это удивительно успешно.

— Дело совсем не в удаче, я заговорил о том, что нам не разрешают есть в уединении, совершенно намеренно.

— Почему?

— Видишь ли, мне нужно было как-то потрясти их, показать, что амфибии ведут себя по отношению к нам

неприлично. Это продемонстрировало им, что мы тоже «люди» — с их точки зрения. Теперь, когда Маленький Народ признал в нас «людей», надо вести себя крайне осторожно. Мне тоже не слишком нравится есть в этих темных комнатухах, однако нельзя рисковать. Даже задвигать за собой занавеску — и то совершенно необходимо: на случай, если кто-то из них заглянет в этот момент к нам. Не забывайте, что процесс еды у Маленького Народa требует абсолютного уединения. Никто не должен присутствовать при нем или наблюдать.

— Понятно, — кивнул Текс. — Пирог нужно есть вилкой.

— Что?

— Ладно, не обращай на меня внимания. Это болезненное воспоминание моей юности. Можешь не сомневаться, мы с Мэттом не забудем твое предупреждение.

Космический корабль «Астарта»

На следующее утро Оскара опять пригласила к себе повелительница Маленького Народа, и он принял осторожно и не спеша закладывать основание для установления дипломатических отношений. Оскар начал с того, что выслушал ее версию происшедшего с кораблем «Гэри» и его капитаном. Она почти не отличалась от того, что рассказал Берк, хотя и была изложена с другой точки зрения.

Затем он постарался выяснить причину, по которой болото было запретной зоной. Его беспокоило, что основанием для запрета могли быть религиозные соображения, и все-таки Оскар понимал, что узнать о причинах необходимо: можно было не сомневаться, что скоро здесь высадутся другие экспедиции, привлеченные слухами о гигантских залежах трансурановых элементов. Для того чтобы предотвратить вероятность будущих столкновений, Патрульная Служба должна расследовать все до конца.

Амфибия-старейшина без колебаний ответила:

— Болото объявлено «табу», потому что глина, содержащая руды, ядовитая.

Оскар почувствовал неслыханное облегчение. Вполне естественно, что руды, содержащие трансурановые элементы, считаются ядовитыми; но условные или практические запреты уже не раз преодолевались Патруль-

ной Службой после длительных переговоров — требовалось всего лишь терпение.

Во время одной из последующих встреч Оскар спросил старую амфибию о том, слышала ли она о существовании Патрульной Службы. Она ответила, что слышала, и прибегнула при этом к тому термину, который использовался туземцами приполярных районов: Патрульную Службу называли «хранителями обычаев» или «стражами законов».

С большим интересом Оскар выслушал это определение, поскольку ему не удалось объяснить повелительнице земноводных, что задачей Патрульной Службы было не допустить войны; понятие «война» оказалось совершенно непостижимым для старой амфибии.

Лишь после этого, обсудив спорные проблемы, Оскар заговорил о том, что им нужно вернуться обратно. Он упомянул о существовании космического корабля «Гэри».

— Ну и что ответила тебе старушка? — с любопытством спросил Текс, когда Оскар вернулся после одной из бесед. — Она не заговорила о том, что у Берка могут возникнуть другие соображения?

— Дело в том, что она не рассматривает его как одного из... ну, одного из людей, хотя внешне он походит на нас. Берк не соблюдает обычаев, следовательно, не принадлежит к понятию «люди». Маленький Народ рассматривает его как опасное животное, хищного зверя, которого нужно или держать в заключении или уничтожить. Вроде акулы или волка — их можно бояться, но нельзя ненавидеть. Итак, завтра мы отправимся к «Гэри».

Им пришлось вынести очередное подводное путешествие, вроде того, каким они прибыли в подземный город. На этот раз сама «мать многих» отправилась с ними.

«Гэри» полностью соответствовал описанию, которое дал ему Берк, — прекрасно оснащенный космический корабль с атомным двигателем.

Но «Гэри» оказался абсолютно не пригоден для возвращения на Землю.

Сам корпус был в полной сохранности, если не считать наружного люка, который подвергся воздействию исключительно высокой температуры или неверо-

ятно едкой жидкости, а может быть, и тому и другому. Мэтт так и не смог понять, какова природа такого поразительно мощного воздействия на специальную сталь наружной обшивки, и еще раз напомнил себе, что амфибии, населяющие Венеру, совсем не тюленеобразные существа, как их часто изображают на Земле.

На первый взгляд, и внутренние помещения корабля выглядели нормально, пока курсанты не вошли в рубку управления. Амфибии, которые обыскивали корабль, не сразу поняли назначение люков и дверей и поэтому просто прожигали их своим загадочным составом. Эта участь постигла и тот корабельный отсек, где находились компьютер и гироскопы. Нервный центр корабля представлял собой массу расплавленного и искореженного металла. Отремонтировать все это было невозможно — требовалась полная замена, осуществить которую можно только на космических верфях Земли.

Оскар тут же, не теряя времени, сообщил обо всем старой амфибии и попросил ее доставить их к месту посадки шаттла. Там, разумеется, не осталось и следа от небольшого корабля, поглощенного болотом, — только выжженное пятно и еще не полностью затянувшаяся впадина.

Повелительница земноводных обсудила проблему со своими помощницами и тут же дала команду о возвращении в подземный город: приближалась ночь, и даже амфибии не решались оставаться в джунглях Венеры после наступления темноты.

Прошло несколько дней. Наконец «мать многих» пригласила курсантов посетить место посадки шаттла. Изменения, которые произошли за это время, поразили их. В болоте был вырыт колоссальный котлован, и на дне его лежал шаттл. Вокруг шаттла суетились бесчисленные амфибии, напоминающие муравьев. Какое-то неведомое вещество надежно закрепило откосы, и мокрая глина больше не сползала вниз. Шаттл был очищен не только снаружи; из открытого люка то и дело появлялись фигурки амфибий, выносивших изнутри окаменевшую глину.

Наконец их пригласили внутрь корабля. Было трудно поверить, что совсем недавно рубка управления была заполнена желтой глиной. Мэтт сел в кресло

пилота и внимательно осмотрел контрольную панель. Все в порядке. Он привычно щелкнул рубильником, приводившим в действие приборы на панели. Ни одна стрелка не шевельнулась, ни одна.

Мэтт наклонился к приборной доске. Теперь он заметил небольшие царапины и трещины, ткнул в одну из них пальцем, и в панели появилось небольшое отверстие. Мэтт все понял.

— Эй, Текс, подойди сюда. Я тут кое-что обнаружил.

— Лучше ты сам подойди. Тут и без слов все понятно, — донесся приглушенный голос Текса.

Мэтт встал и подошел к нему. Текс снял крышку с отсека, где были установлены гироскопы.

— После того что мы обнаружили на «Гэри», я решил сначала заглянуть сюда. Ты видел что-нибудь подобное?

В герметический отсек просочилась глина. Массивные гироскопы, хотя и отключенные, продолжали стремительно вращаться в тот момент, когда шаттл опрокинулся набок и погрузился в болото. Когда вязкая желтая глина заполнила отсек, гироскопы остановились — их обмотки полностью перегорели.

Они выбрались из корабля и позвали Оскара. После короткого осмотра стало ясно, что гироскопы вышли из строя, а все электронные приборы источены какой-то неизвестной силой. Недоумевая, Оскар обратился за помощью к ближайшей амфибии, указав на одно из крошечных отверстий в панели. Она осмотрела отверстие, затем подняла с пола кусок глины и размазала его по стене. В тонком слое размазанной глины виднелся какой-то шнурок длиной в пару дюймов.

— Что это, Ос?

— Похоже на червя; я никогда не видел такого. Впрочем, не удивительно — в приполярных районах нет ничего похожего.

— Раз здесь водятся черви, съедающие металл, нужно сообщить нашей старушке, чтобы работы прекратили. Напрасный труд.

— Нет, зачем торопиться? Может быть, все-таки удастся отремонтировать шаттл.

— Напрасно тешишь себя надеждой, Оскар. Не только гироскопы вышли из строя — полетели все подшипники.

— Пожалуй, ты прав. А если попытаться из уцелевшего электронного оборудования собрать передатчик? Впрочем, что я говорю, какой передатчик, после того как все приборы были погружены в воду.

— Может быть, соберем хотя бы консервы?

Дальнейший осмотр показал, однако, что все банки были продырявлены таинственными червями; более того, баки с топливом — жидким водородом и жидким кислородом, — изолированные от космической радиации, опустели, когда вездесущая глина просочилась и проела их. В шаттле не осталось топлива.

Возвращение в подземный город было грустным. Оскар отказался от ужина, даже Текс лишь поковырял свою порцию и не дотронулся до гармоники. Мэтт провел вечер, сидя у постели все еще бесчувственного лейтенанта.

Амфибия-старейшина послала за ними на следующее утро. После обмена приветствиями она обратилась к Оскару:

— Маленькая мать, это правда, что твой «Гэри» тоже мертв, как и другой «Гэри»?

— Да, это правда, о благородная мать многих.

— И теперь без «Гэри» ты не можешь вернуться к своему народу?

— Да, это так, мудрая мать, мы погибнем в джунглях.

Старая амфибия замолчала и сделала знак одной из своих приближенных. Та подошла к ней со свертком, размер которого был всего лишь в половину меньше ее роста. Мать многих положила пакет на возвышение рядом с собой и пригласила курсантов подойти ближе, затем начала разворачивать его. Сверток был окутан таким количеством тряпок, что ему могла позавидовать и египетская мумия. Наконец, закончив работу, старая амфибия протянула что-то Оскару.

— Это твое?

Курсанты увидели какую-то большую книгу. На обложке крупными золотыми буквами было вытеснено:

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ «АСТАРТЫ»

— Великий всемогущий Господь! — прошептал Текс, оцепеневший от изумления. — Этого не может быть!

— Значит... значит, они не потерпели неудачу, они все-таки достигли цели! — воскликнул Мэтт.

Оскар молча смотрел на бортовой журнал.

— Это твое? — нетерпеливо повторила старая амфибия.

— Что? Да, конечно! О, извини, мудрая и благородная мать многих, эта вещь принадлежала матери моей матери. Мы — ее дочери.

— Тогда я передаю это тебе.

Дрожащими руками Оскар взял бортовой журнал и раскрыл его на первой ветхой странице.

— Ты только посмотри на это! — выдохнул Текс. — Конец прошлого века.

Они начали перелистывать страницы. После первой записи: «Взлет. Вышли на орбиту» шла страница за страницей стандартных отметок: «Состояние невесомости», «Полет в соответствии с планом», «Выключены маршевые двигатели». Они наткнулись на запись: «Рождение. Пели гимны».

Но курсанты спешили найти записи, сделанные в бортовом журнале после посадки. Видя, что старая амфибия начинает подавать признаки нетерпения, они поспешно перелистывали страницы: «...климат мало отличается от тропического на Земле во время сезона дождей. Основная форма жизни — крупные земноводные. Планета словно создана для поселения на ней жителей Терры».

«...земноводные обладают значительными умственными способностями и умеют разговаривать друг с другом. Мирно настроены, и мы готовимся сделать попытку установить отношения, научиться их языку».

«...Харгрейвс заболел. Инфекционное заболевание, вызванное, по-видимому, местным грибком. Симптомы проказы. Врач пытается найти лекарство».

«...после похорон капитана Харгрейвса его каюта подвергнута стерилизации при температуре в 400 °»

Вскоре после этой записи почерк изменился.

«...состояние Джонсона продолжает ухудшаться. Туземцы оказывают всяческое содействие...»

«...левая рука слабеет. Я принял решение покинуть корабль и поселиться с туземцами. Бортовой журнал

беру с собой и буду заносить новые сведения, по мере возможности».

Почерк, однако, оставался четким и разборчивым; просто глаза курсантов, наполнившиеся слезами, мешали им различать буквы.

Повелительница Маленького Народа тут же распорядилась, чтобы их вывели по подводному туннелю из города. Ей не хотелось выслушивать расспросы людей; судя по всему, она решила, что им лучше самим побыть на месте.

— Послушай, Ос, — спросил Текс, как только они вышли из воды, — ты считаешь, что старушка хочет отвести нас к «Астарте»?

— Наверное.

— А может быть, что корабль сохранился?

— Нет. Ни малейшей надежды. Во-первых, в топливных баках не осталось топлива. Ты же видел, что случилось с шаттлом. Так какая же судьба постигла «Астарту» за целое столетие?

— Пожалуй, ты прав, — кивнул Мэтт. — Скорее всего, вместо корабля мы увидим гору ржавчины, поросшую лианами.

— И все-таки для нас это великое событие, — отметил Оскар, — «Астарта» не сможет доставить нас обратно к людям, но представьте историческое значение этого!

— Думай, как тебе хочется, — покачал головой Текс. — А вот я — оптимист. Мне хочется выбраться отсюда как можно быстрее.

Экспедиция поднялась на один из редких здесь холмиков, высотой не меньше десяти футов. Курсанты раздвинули заросли тростника.

Перед ними возвышался огромный корпус космического корабля «Астарта», весь сверкающий, будто покрытый слоем прозрачного лака.

Блины на завтрак

Старая амфибия подошла к наружному люку «Астарты» у ее правого крыла. Двое земноводных что-то делали у люка, брызгая на его края жидкостью из эластичных пузырей. Там, куда попадала таинственная жидкость, лак исчезал. Амфибии схватили край прозрачного слоя и начали отдирать его — как шкурку от сосиски.

— Оскар, а ты представляешь, что это может значить? — взволнованно спросил Текс, смахивая какого-то назойливого комара.

— Еще раньше тебя понял. Только не надо строить никаких планов, ведь прошло больше ста лет.

Маленькие работницы столкнулись с трудностями. Верхний край люка был вне пределов их досягаемости; они попытались взобраться на плечи друг друга, но, поскольку у них не было плечей, попытка не удалась.

— Может быть, поможем? — предложил Текс.

— Пойду спрошу, — и Оскар направился к предводительнице.

— А ты можешь вырастить себе новую руку, если старая отвалится? — поинтересовалась старая амфибия.

Оскар покачал головой.

— Тогда не вмешивайся в дело, которое не понимаешь.

Наконец маленьким работницам удалось снять с люка весь слой лака. Люк был не заперт и хотя с трудом, но открылся. Курсанты поспешно влезли в воздушный шлюз.

— Подождите, — прошептал Мэтт. — Откуда мы знаем, что вирус, погубивший экипаж, больше не опасен?

— Глупости, — прошептал в ответ Текс. — Если бы наши прививки не действовали, нам уже давно была бы крышка.

— Текс прав. И не надо шептать. Призраки нас не слышат.

— А ты откуда знаешь это, Оскар? — возразил Текс. — Ты что, доктор призракологии?

— Просто не верю в призраков.

— А вот я верю. Однажды мой дядя Боди остался на ночь...

— Слушай, Текс, дай передохнуть своему дяде, а? Пошли лучше внутрь корабля.

Коридор за воздушным шлюзом был темным, если не считать света, проникающего сюда через открытый люк. Воздух внутри корабля имел какой-то странный запах, не затхлый, нет, а безжизненный — старый.

Контрольная рубка была освещена сумрачным светом, который проникал сюда через кварцевое стекло иллюминатора, покрытого снаружи слоем прозрачного лака. Отсек показался курсантам тесным. Они привыкли к просторным отсекам современных космических кораблей; «Астарта» производила внушительное впечатление благодаря своим огромным крыльям, а внутри она оказалась меньше шаттла.

— Подумать только! — с изумлением оглянулся вокруг Текс. — И на этом крошечном корабле они долетели до Венеры! А пульт управления! Насколько все было примитивно! И все-таки космонавты пошли на риск. Тут поневоле задумаешься о Колумбе и его «Сан-та Марии».

— Или о ладьях викингов, — заметил Оскар.

— Ведь они даже не знали, куда летят: никто раньше не высаживался на Венере. Просто взлетели с Земли и направились в темную пустоту космоса, полагаясь на счастье и не надеясь вернуться обратно.

— Стойте, ребята! — вдруг вспомнил Оскар. — А где наша старушка? Пойду проверю.

Через несколько минут он вернулся в сопровождении старой амфибии.

— Она стояла у входа и ждала, когда ее, наконец, пригласят войти, — произнес Оскар на бейсике. — Помогите мне умаслить ее величество.

Старая амфибия сразу продемонстрировала свою власть. Поскольку коридоры оказались слишком темными даже для нее, она подошла к наружному люку и что-то скомандовала. Ей принесли оранжевую сферу, которая не могла заменить электрический фонарик, но все-таки освещала темные помещения напоподобие свечи.

Все отсеки корабля были в полном порядке, лишь покрыты тонким слоем пыли.

— Что бы ты ни говорил, Оскар, — заметил Мэтт, — но у меня пробуждается надежда. Думаю, все механизмы «Астарты» в исправности. Оглянитесь вокруг: создается впечатление, что экипаж только что вышел отсюда на прогулку!

— Брось, Мэтт, я согласен с Оскаром. Лететь на таком корыте? Уж лучше рискнуть жизнью, спустившись с Ниагарского водопада в бочке.

— Но ведь они прилетели сюда, — возразил Мэтт.

— Верно. Но это были герои, и я снимаю перед ними шляпу. Чтобы лететь в таком примитивном гробу, нужно действительно быть героями, а я не принадлежу к ним.

Старая амфибия заскучала и вышла наружу. Текс взял у нее оранжевую сферу и отправился осматривать корабль, а Мэтт с Оскаром пошли в двигательный отсек.

Наконец послышался возглас Оскара:

— Текс, пора идти. Ее величество проявляет нетерпение.

— Да вы посмотрите, ребята, что я нашел! Пищу!

— Ну что ты отыскал? Консервированную говядину?

— Да, откуда ты знаешь? — пристыженно ответил Текс. — Но я открыл банку и тут же выбросил все остальные. А вот это испортиться не может. — И Текс показал консервную банку с надписью: «Блинная мука».

— Отлично! Хочу попробовать поскорее! Но что за блины без сиропа?

— Ага! А это что? — Текс торжественно протянул Оскару банку, на которой красовалась надпись: «ПОДЛИННЫЙ КЛЕНОВЫЙ СИРОП ИЗ ВЕРМОНТА».

Текс хотел унести запас консервов с собой, но Оскар не разрешил как из практических, так и из дипломатических соображений. Тогда Текс предложил остаться на корабле и не возвращаться в подводный город.

— Мы так и поступим, Текс, — согласился Оскар. — Но не сейчас. Ты забываешь о лейтенанте Турлове.

— Знаешь, Ос, ты упомянул лейтенанта, — вмешался Мэтт. — И мне пришла в голову мысль. Он не притрагивается к местной пище. Что если мы будем давать ему сахарный сироп с водой?

— Ты прав, Мэтт. Вреда лейтенанту от сиропа не будет, а пользу может принести. Возьмем с собой несколько банок.

После того как экспедиция вернулась в подводный город, Мэтт напоил Турлова сиропом. Тот выпил и снова заснул. Курсанты принялись обсуждать, как поступить с «Астартой».

— Мэтт, ты проверил топливные баки? — спросил Оскар.

— Да.

— И что обнаружил?

— Баки пусты.

— И все-таки, я думаю, ребята, что на «Астарте» можно улететь. Да и в любом случае нужно попытаться привести его в порядок. Тогда прилетевший патрульный корабль — вы ведь не сомневаетесь, что рано или поздно за нами прилетят? — обнаружит, что мы не сидим без дела, а занимаемся работой, как и подобает офицерам Патрульной Службы.

— Пожалуй, ты прав, Оскар. Придется и мне встать в ряды героев, хотя и с большой неохотой. А сейчас лучше отдохнуть. Боюсь, что нам придется попотеть.

Попотеть им действительно пришлось. Туземцы помогали людям, как могли, и все-таки главную работу по ремонту и переоборудованию корабля взяли на себя

курсанты. С согласия старой амфибии Оскар перенес их место жительства на «Астарту», хотя лейтенант Турлов остался в подземном городе под наблюдением «дочерей».

Текс приспособился жарить блины на чем-то вроде печки, топливом для которой служил рыбий жир. Его блины были намного хуже земных, потому что за сотню лет блинная мука утратила свои качества и вкус и почти не поднималась, но все-таки это были блины. Курсанты поливали их кленовым сиропом и уплетали за обе щеки.

Им удалось спасти кое-какое электронное оборудование как с «Гэри», так и с шаттла и перенести его на «Астарту». Наступило утро, когда ремонт корабля был закончен. Текс жарил блины и угощал ими товарищей.

— Мне кажется, — заметил он, — что мы готовы к полету в Нью-Окленд; вот только нет топлива. Слушай, Ос, не увлекайся сиропом — это последняя банка.

Оскар остановился и посмотрел на друзей извиняющимся взглядом.

— Простите, ребята. Текс, давай я вылью тебе мою порцию.

— Не надо, Ос. К тому же я выпалил это чисто механически. По правде говоря, блины с сиропом мне до смерти надоели. Ведь мы едим их ежедневно вот уже две недели, причем такая монотонность нарушается всего лишь местным пюре.

— Ты прав, Текс. Просто раньше я не мог сказать об этом — как-то неловко, ведь ты был поваром. А теперь я даже доволен, что сироп кончился.

— Но ведь он не... — и Мэтт замолчал.

— Ты что-то хотел сказать?

— Нет.

— Тогда не мешай заниматься делом. Какое топливо понадобится тебе для «Астарты», Оскар?

— **Лучше всего одноатомный водород. Если его нет, то спирт и жидкий кислород.**

— Великолепно! Вы с Мэттом занимайтесь поисками жидкого кислорода, а я сооружу самодельный перегонный аппарат и начну гнать спирт!

— Как ты думаешь, Текс, сколько времени понадобится тебе, чтобы приготовить несколько тонн чистого этилового спирта на своем кухонном агрегате?

— А-а, в этом-то вся прелесть моей задумки! Когда прибудет спасательный корабль, все увидят, что я работаю не покладая рук, как настоящий самогонщик. Между прочим, я рассказывал о том, как дядя Боди попал к самогонщикам? Он...

— Послушай, Текс, — перебил его Мэтт. — А ты не мог бы перегнать прямо сейчас немного кленового сиропа?

— Сиропа? Зачем? Эти блины с сиропом и так всем надоели!

— Мне тоже. Но вот что я вспомнил только сейчас. Ты сказал, что у нас кончился сироп, а в комнате лейтенанта Турлова его полным-полно!

— Ничего удивительного в этом я не вижу, — заметил Оскар. — Туземцы вполне могут приготовить сироп: из местных растений извлекают сахар, а в приполярных областях растет нечто вроде сахарного тростника.

— Да нет, Ос, это настоящий кленовый сироп!

— Да ты что-то путаешь, Мэтт! Со вкусом у тебя не в порядке.

— Уверяю тебя, настоящий кленовый.

— Ну хорошо, какое-то подобие кленового сиропа они могли изготовить.

— Точно! И я готов побиться об заклад, что туземцам не составит большого труда перегнать чистый этиловый спирт в любом количестве.

— Гм... Не исключено... У них действительно большие способности в этой области. Вспомните вещество, которое они прибавляли к жидкой глине, чтобы связать ее, или растворитель, используемый ими для очистки «Астарты». Бытовая химия, вот что это.

— А вдруг химия, но не бытовая? Промышленная? Надо всего лишь правильно сформулировать вопросы и задать их «матери многих». Тогда мы получим топливо для «Астарты»!

— Боюсь, ты ошибаешься, Мэтт, — с сожалением покачал Оскар. — Никто не уважает Маленький Народ так, как я, но во всех видах топлива для ракетных

кораблей одним из компонентов является жидкий газ. Возможно, они даже поймут, что мы хотим от них, но у земноводных не может быть необходимого оборудования для этого.

— Почему ты так уверен в этом, Ос?

— Разве ты не знаешь, Мэтт, что при изготовлении жидких газов, даже жидкого воздуха, требуется огромная энергия, высокое давление и соответствующие прочные сосуды для промежуточных операций? У Маленького Народа нет нужды в большом количестве энергии, и амфибии почти не пользуются металлами.

— А что, если они пошли по совершенно иному пути и не нуждаются в мощностях, прочных контейнерах и тому подобных вещах, которые нам кажутся такими необходимыми? Ты сам говорил, что люди почти незнакомы с туземцами, только с теми, что живут в приполярных районах. Давай хоть спросим старушку!

— Знаешь, Ос, думаю, что Мэтт говорит разумные вещи, — присоединился к нему Текс.

Оскар задумался.

— Понимаете, друзья, я и сам обратил внимание на то, что это племя заметно выше по своему развитию, чем туземцы приполярных областей, но никак не мог определить, в чем именно. Спросить ее величество действительно стоит. — Он повернулся к амфибии, сидящей у изголовья лейтенанта Турлова. — Эй, девушка! Ты не согласишься провести нас в дом твоей благородной матери?

Они скоро убедились, что это действительно настоящий кленовый сироп. Амфибия объяснила, что когда они увидели, что запасы подходят к концу, то просто изготовили новый запас, используя в качестве образца кленовый сироп, который земляне принесли с собой.

Оскар отправился на встречу со старой амфибией, прихватив с собой в качестве образца бутылку чистого этилового спирта, которую они нашли в аптечке «Астарты». Через пару часов он вернулся и выглядел совершенно ошеломленным.

— Что с тобой, Ос? — удивился Текс.

— По его лицу видно, что у него плохие новости, — заметил Мэтт.

— Нет, у меня не плохие новости, а новости, которые совершенно невероятны!

— Да не томи, Ос! Рассказывай!

— Тогда вот, ребята, они могут изготовить что угодно!

— Начни с самого начала; не верю, что им под силу изготовить гармонику. Это я знаю точно, потому что уже обращался к одной из них с такой просьбой.

— Так вот. Я начал с того, что передал ей бутылку спирта и сообщил, что у нас по-прежнему большие трудности и что нам нужно большое количество вещества, содержащегося в бутылке. Моя просьба показалась ей наивной — старушка просто понюхала спирт и сказала, что изготовить любое количество не составит труда. После этого я осмелел и задал вопрос насчет жидкого кислорода. И начал с объяснения, что воздух состоит из двух компонентов — инертного и активного. Я не знал, как сказать это по-венериански, и перевел эти термины как «живой» и «мертвый». Затем добавил, что «живой» компонент воздуха нам нужен в виде жидкости. Она прервала меня и послала за одной из своих советниц. Когда та пришла, они начали разговаривать и говорили несколько минут. Я понимал только каждое второе или третье слово и даже не уловил смысла беседы. Эта часть их языка является для меня совершенно незнакомой. После этого советница ушла.

Мы сидели и ждали. Старушка спросила, когда мы собираемся улететь. Я ответил, что скоро, если получим все, что нам требуется. И тут она попросила захватить с собой Берка. Нужно сказать, что ее величество говорила просящим тоном, но очень твердым. Я согласился.

Прошло много времени, и в комнату вошла ее советница, та самая, с которой она говорила о жидком кислороде. В руке она держала обыкновенный питьевой пузырь, лишь более темный, чем тот, что содержит питьевую воду. Ее величество вручила мне пузырь и поинтересовалась, хочу ли я именно это вещество. Я ответил, что очень ей благодарен, но у нас достаточно воды. Тогда она капнула содержимым пузыря мне на руку. Видите? Вот обожженные места.

— И это действительно был жидкий кислород?

— Или жидкий воздух. Я не мог определить на глаз, без соответствующего анализа. Но вот что самое главное — пузырь даже не был теплым на ощупь! Помощница старушка несла его небрежно, будто это был простой термос или грелка. — Оскар уставился в пространство невидящим взглядом. — Я ничего не понимаю, — сказал он еле слышно. — Единственное объяснение — химия катализа, в которой они достигли такого совершенства, что нам и не снилось, и к тому же безо всякого давления и температур.

— Если не понимаешь, то и не мучай себя, — посоветовал Текс. — Все равно не найдешь ответа. Лучше всего принять за аксиому, что они знают о химии гораздо больше, чем мы когда-либо узнаем, вот и все. А нам Маленький Народ даст топливо, чтобы мы улетели и оставили их в покое.

В течение двух суток «дочери» старой амфибии непрерывно двигались от берега озера до «Астарты», опорожняли полные пузыри в топливные баки и возвращались обратно с пустыми. Лейтенанта уже перенесли на борт корабля. Затем к трапу доставили Берка и передали Оскару. Берк взглянул на корабль — он впервые увидел «Астарту» — и тут же повернулся к Йенсену.

— Я не собираюсь отправляться в этом летающем гробу, — заявил он.

— Как тебе угодно.

— Ты что, хочешь принудить меня силой?

— Нет. Оставайся в джунглях или попытайся убедить «мать многих», чтобы она взяла тебя с собой.

Берк задумался.

— Пожалуй, я останусь с жабами. Все равно после прибытия тебе придется сообщить, что со мной случилось, и сюда прилетит настоящий корабль.

— Я передам, что с тобой все в порядке; разумеется, расскажу и обо всем остальном.

— Только не думай, что напугал меня. — Берк повернулся и ушел.

Не прошло и несколько минут, как он прибыл обратно.

— Я передумал и отправляюсь с вами.

— Значит, Маленький Народ отказался принять тебя.

— Ну... да.

— Тогда вот что, — объявил курсант Йенсен. — Поскольку местные власти не считают возможным применять к тебе свои законы, объявляю тебя арестованным на основании кодекса «Отношения с аборигенами», причем конкретные обвинения будут предъявлены в момент передачи суду и не ограничатся лишь вышеупомянутым кодексом. Предупреждаю тебя, что отныне все, сказанное тобой, может быть использовано в качестве доказательства обвинения.

— Ты не имеешь права!

— Мэтт! Текс! Пристегните его!

— С удовольствием! — Схватив Берка за руки, друзья усадили его на кушетку в камбузе, где, по их мнению, он не будет слишком уж им мешать, и пристегнули ремнями.

— Ты считаешь, Ос, — поинтересовался Мэтт, вернувшись в рубку управления, — что нам удастся убедить судью принять эти обвинения?

— Вряд ли, если только судья не согласится с тем, что заявления Берка, переданные из вторых уст, достаточно убедительны и могут рассматриваться в качестве доказательств. Разумеется, он виноват в совершении серьезных преступлений, но я полагаю, однако, можно рассчитывать лишь на то, что его лишат сертификата пилота и отнимут паспорт. Уж Патрульная-то Служба поверит нам, и этого достаточно.

Меньше чем через час амфибии покинули корабль, Оскар в цветистой прощальной речи поблагодарил «мать многих» и был вынужден дать согласие на ее приглашение снова приехать — на этот раз в качестве желанного гостя. Наконец наружный люк был задрасн, и Текс спросил Оскара, не скрывая беспокойства:

— Ты уверен, что они поняли, на каком расстоянии от корабля нужно находиться, чтобы их не задела волна раскаленных газов при взлете?

— Я очертил на траве линию и предупредил, что пересекать ее опасно. Перестань беспокоиться и отправляйся на свое место.

— Слушаюсь, сэр!

Мэтт и Оскар поднялись в рубку управления, а Текс прошел в двигательный отсек. Оскар сел в кресло

второго пилота, положил на колени бортовой журнал «Астарты», который он нес подмышкой, и достал огрызок карандаша. Тут он задумался и нерешительно посмотрел на Мэтта.

— Мне все-таки кажется, что нужно поставить вместо меня кого-то из вас, — заметил он.

— Перестань, Ос, — ответил Мэтт. — Если командор Аркрайт может командовать «Рэндольфом», потеряв зрение, то ты уж справишься с «Астартой» со сломанной рукой.

— Ну что же, если вы с Тексом не возражаете.

Он раскрыл журнал на чистой странице и начал писать:

«Новая команда космического корабля «Астарта»:

О. Йенсен — исполняющий обязанности капитана,

М. Додсон — пилот и астрогатор.

Т. Джермэн — старший механик.

Р. Турлов, лейтенант — пассажир (болен).

Ж. Берк — пассажир (под арестом, для доставки судебным властям)».

— Ты готов, Мэтт?

— Так точно, готов!

— Включить стартовые двигатели!

«Астарта» медленно оторвалась от поверхности и, набирая скорость, снова, через сто лет после посадки, устремилась в космос на столбе раскаленных газов.

В кабинете коммодора Аркрайта

Курсанты-выпускники Додсон и Джермэн, доставленные на станцию Терра патрульным крейсером «Пегас», вышли из шаттла и поднялись на борт учебного корабля «Рэндольф». С ними не было курсанта Йенсена; Оскар, по распоряжению Департамента и с согласия начальника Академии, получил шестимесячный отпуск, с тем чтобы мог сопровождать первого консула Земли, отправленного для установления дипломатических отношений в экваториальную зону Венеры.

Отрапортовав вахтенному офицеру, Мэтт и Текс направились в выделенную для них каюту — снова в Свинячьем закоулке.

— Вроде бы никуда и не улетали, — заметил Текс, распаковывая вещи.

— Как-то непривычно, что с нами нет Оскара и Пита. В этот момент загудел зуммер телефона. Текс снял трубку.

— Курсант Джермэн?

— Да.

— Коммодор поздравляет вас с возвращением и просит немедленно прибыть к нему вместе с курсантом Додсоном.

— Слушаюсь, сэр.

Текс положил трубку и недоуменно взглянул на Мэтта.

— Не успели прибыть — и тут же к начальству.

— Да, здесь времени не теряют.

— Мне кажется, я догадываюсь, зачем нас вызывают, — заметил Текс.

— Да, этот срочный вызов выглядит многообещающе. В самом деле, мы действительно неплохо потрудились. Отремонтировали «Астарту», опоздавшую с возвращением на сотню лет. Впрочем, пока я еще не буду обращаться к тебе «лейтенант», хотя и надеюсь, что нам присвоят офицерские звания.

— Постучи по дереву. Как я выгляжу?

— Не скажу, что ты красавец, но несравненно лучше, чем в момент прибытия на Южный Полюс. Пора отправляться.

Первым к начальнику Академии вызвали Текса.

Прошло немало времени, прежде чем Текс появился в приемной, где его нетерпеливо ожидал Мэтт.

— Ну как дела?

— Сейчас сам узнаешь, — ответил Текс, глядя на него как-то странно.

— Курсант Додсон!

Мэтт открыл дверь в кабинет commodora Аркрайта.

— Курсант Додсон прибыл по вашему приказанию, сэр!

Коммодор повернулся к нему, и Мэтту показалось, что слепой офицер видит его куда лучше, чем многие зрячие.

— Вольно, мистер Додсон. — Старый офицер протянул руку и взял со стола личное дело Мэтта. — Я познакомился с вашими документами, мистер Додсон. Вы наверстали упущенное в астрогации и даже приобрели определенный практический опыт. Капитан Енси в целом положительно вас оценивает, хотя и считает, что вы склонны увлекаться чем-то одним в ущерб остальному. Впрочем, я полагаю, это свойственно молодости.

— Благодарю вас, сэр.

— Это не комплимент, а всего лишь констатация факта. Как вы сами считаете, мистер Додсон, когда будете готовы к производству в офицеры?

— Трудно сказать, сэр. Думаю, через три или четыре года.

— Мне представляется, что одного года будет достаточно, если вы проявите настойчивость. Сейчас направляю вас в Хэйуорт Холл. На вечернем шаттле для вас забронировано место.

— Слушаюсь, сэр. Позвольте спросить, как здоровье лейтенанта Турлова?

— Он выздоровел и приступил к исполнению своих обязанностей. Вот еще что, мистер Додсон. Я предоставил вам отпуск, но после отпуска составьте справку относительно трудностей, с которыми вам пришлось столкнуться при ремонте «Астарты» и полете на ней. Ваши замечания будут включены в инструкцию по эксплуатации устаревшего снаряжения. Можете идти.

Мэтт вышел из кабинета коммодора с удивительным чувством восторга и душевного подъема. В каюте его ждал Текс.

— Ну куда тебя направили?

— В Хэйуорт Холл.

— Меня тоже. — Текс выглядел озадаченным. — Не понимаю, что произошло с нами. Я вошел в кабинет начальника Академии с полной уверенностью, что меня произведут в офицеры. Я ошибся, но чувствую себя, тем не менее, на седьмом небе. Почему?

— Ты думаешь, я знаю? Коммодор не сказал обо мне ни единого хвалебного слова, но я тоже испытываю удивительный подъем.

— А вот мне, Мэтт, кажется, что именно поэтому мы с тобой и считаем себя на седьмом небе. Коммодор просто дал понять, будто ничего другого от нас и не ожидал. Ведь мы — Патрульная Служба! Между прочим, тебе дали отпуск?

— Да.

— И мне тоже. Почему бы нам не отправиться на ранчо Джермэнов? Познакомлю тебя со своей семьей и с дядей Боди.

— С дядей Боди? Текс, это великолепно! Только одна просьба, Текс...

— Какая?

— Обещай, что на завтрак меня не будут кормить блинами.

— Обещаю!

Содержание

Марсианка Подкейн, роман, <i>перевод с английского С. Барсова и</i> <i>М. Муравьева</i>	7
Космический патруль, роман <i>перевод с английского И. Почиталина</i>	179

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга шестая

Составитель В. Быстров

Оператор компьютерной верстки О. Кинель

Главный редактор А. Захаренков

Редакторы С. Ибис, Е. Девис

Технический редактор К. Козаченко

Корректор Г. Бочарова

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление шмуцтитлов: А. Сергуниш

Цветные иллюстрации: А. Кириллов

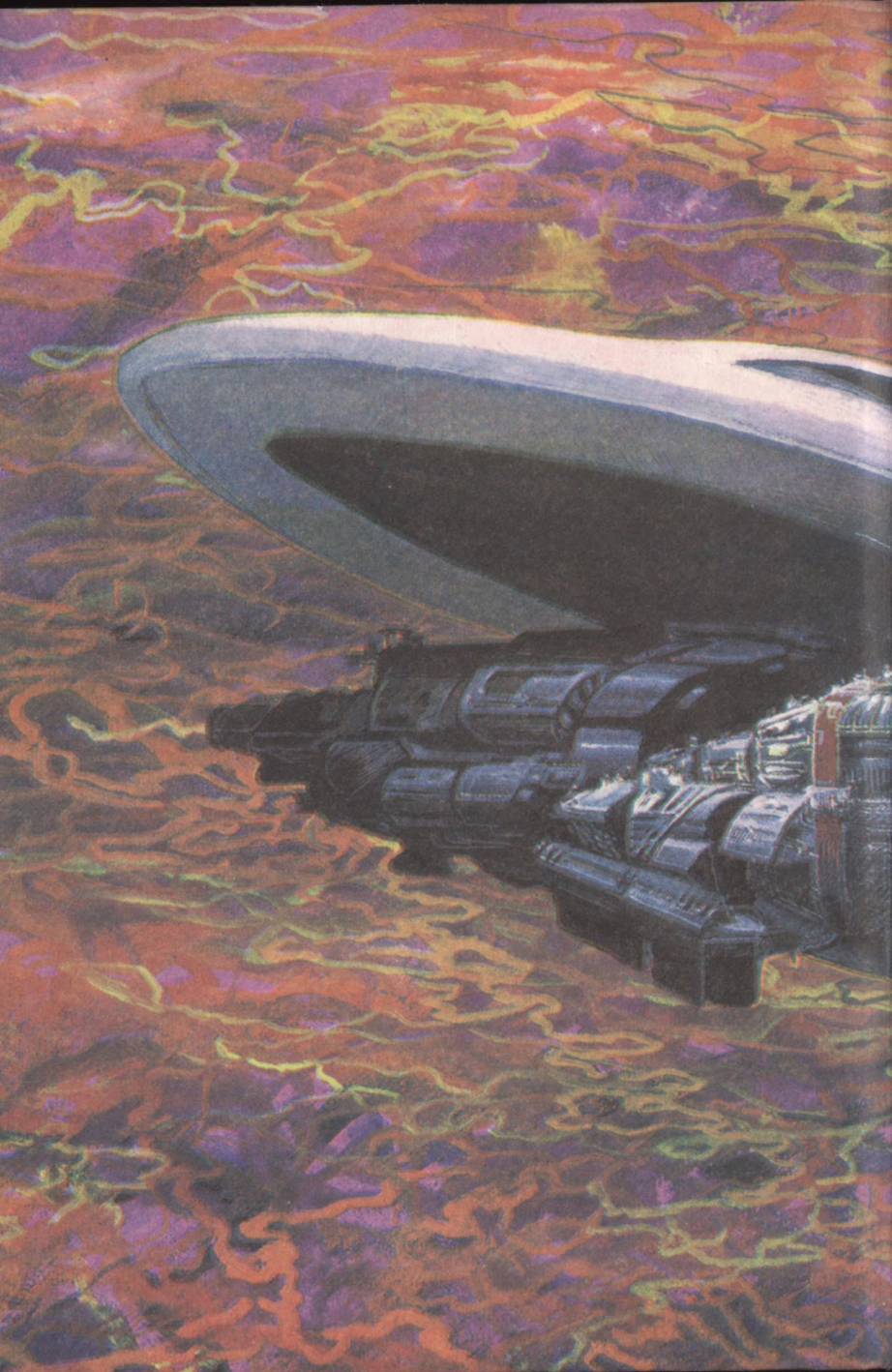
Подписано в печать 01.04.93. Лицензия № 2-0477. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. листов 23,09. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1104.

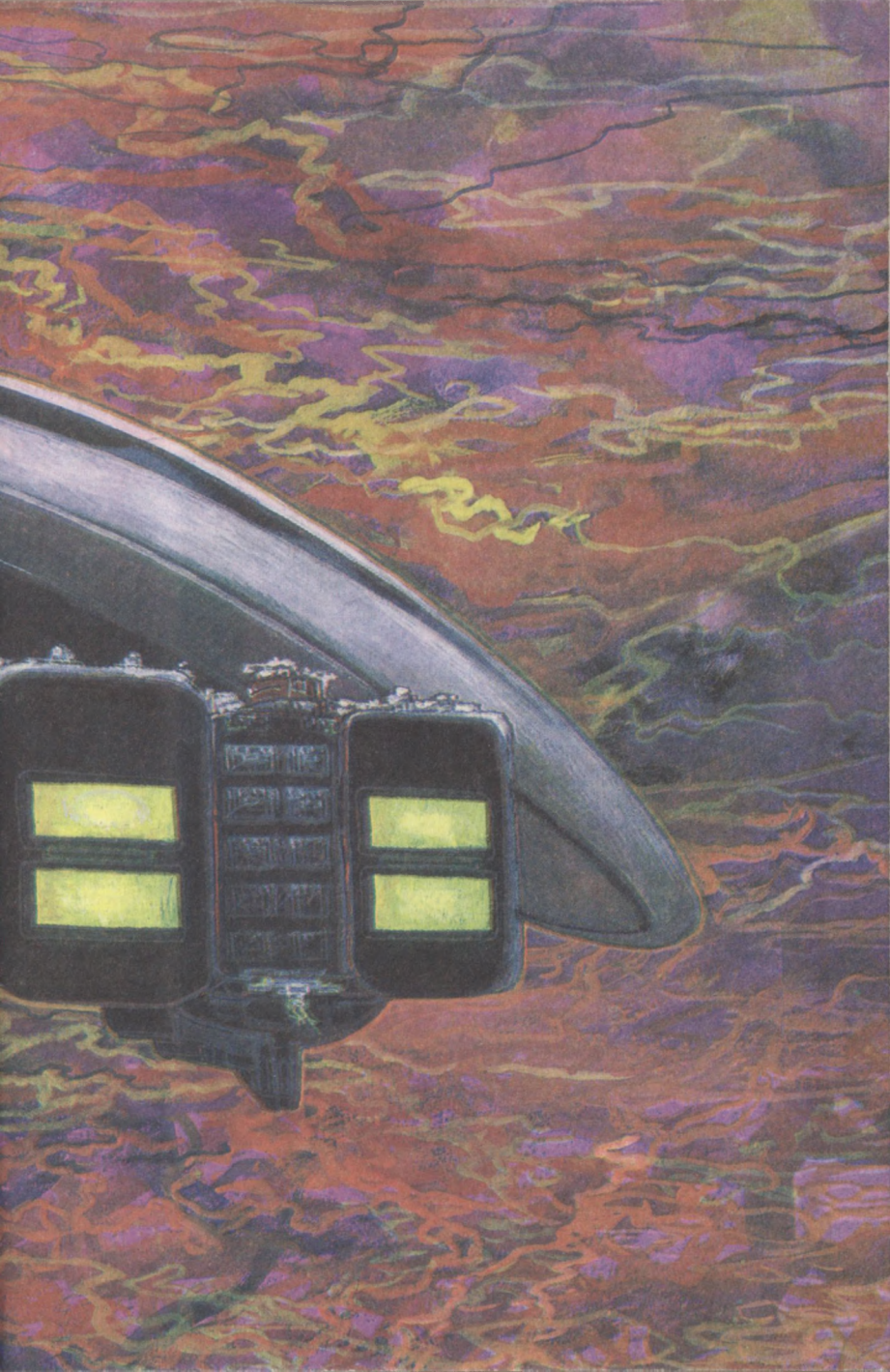
Издательская фирма «Полярис».
Латвийская Республика, LV—1039, Рига, а/я 22.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и информации России.
144003, Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

Миры Роберта Хайнлайна кн. 6/Пер. с англ.—Рига.:
Полярис, 1993. — 431 с.

ISBN 5-88132-027-1

**МАРСИАНКА
ПОДКЕЙН**

**КОСМИЧЕСКИЙ
ПАТРУЛЬ**